

ISSN 1813-7083

2025 – № 2

**СИБИРСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск

2025 – № 2

СИБИРСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2002 г. Выходит 4 раза в год

Сибирское отделение РАН
Институт филологии Сибирского отделения РАН
Алтайский государственный университет
Иркутский государственный университет
Кемеровский государственный университет
Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирский государственный университет
Томский государственный педагогический университет
Томский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, проф. И. В. Силантьев (ИФЛ СО РАН) – главный редактор; канд. филол. наук А. А. Озонова (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора; д-р филол. наук, доц. И. В. Тубалова (ТГУ) – зам. главного редактора; канд. филол. наук В. А. Горбунова (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Д-р филол. наук, проф. Т. А. Бакчиев (ГУ Национальная академия «Манас», Кыргызская Республика); канд. филол. наук, доц. Т. И. Белица (НГУ); д-р филол. наук, проф. Н. С. Болотнова (ТГПУ); д-р филол. наук, проф. Э. Вайда (Западно-Вашингтонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. И. Горбунова (ИГУ); д-р филол. наук, проф. В. З. Демьянков (ИЯ РАН); д-р филол. наук, доц. Д. В. Долгушин (ИИ СО РАН); д-р филол. наук, проф. М. Я. Дымарский (РГПУ им. А. И. Герцена); д-р филол. наук, доц. О. Д. Журавель (НГУ); д-р филол. наук, доц. И. Е. Ким (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Л. Г. Ким (КемГУ); д-р филол. наук В. Л. Кляус (ИМЛИ РАН); канд. филол. наук А. М. Лаврентьев (Лионский университет, Франция); д-р филол. наук, проф. Н. В. Налегач (КемГУ); д-р филол. наук, проф. Т. И. Печерская (НГПУ); д-р филол. наук, проф. Дж. Руй-Уиллоуби (Университет Кентукки, США); д-р филол. наук, проф. Е. К. Скрибник (Мюнхенский университет, Германия); канд. ист. наук, доц. С. Г. Суляк (Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Республика Молдова); канд. филол. наук, доц. М. Б. Ташлыкова (ИГУ); д-р филол. наук, проф. Т. А. Трипольская (НГПУ); д-р филол. наук, проф. Л. Ю. Фуксон (ТГПУ); д-р филол. наук, проф. Т. В. Чернышова (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. М. А. Черняк (РГПУ им. А. И. Герцена); канд. филол. наук, доц. О. Н. Юрченкова (ТГПУ)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д-р филол. наук, проф. Т. Е. Автухович (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Республика Беларусь); акад. РАН А. Е. Аникин (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Т. А. Демешкина (ТГУ); д-р филол. наук, проф. Л. И. Журова (ИИ СО РАН); чл.-корр. РАН, проф. Н. В. Корниенко (ИМЛИ РАН); д-р филол. наук, проф. Е. В. Лукашевич (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. Э. Малэк (Лодзинский университет, Польша); д-р филол. наук, проф. С. Ж. Тажибаева (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан); д-р философии по антропологии, проф. С. А. Ушакин (Принстонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. Харвилахти (Финское литературное общество, Финляндия)

Журнал индексируется в БД Scopus, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-77938 от 04.03.2020

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
sibphilology@mail.ru

Официальный сайт журнала: <http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

Фольклористика

- Ойноткинова Н. Р.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Жанровые особенности колыбельных песен алтайцев 9
- Миндибекова В. В.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
К вопросу о жанровой классификации обрядовых благопожеланий хакасов 23

Литературоведение

- Казанцева Т. Г.** (Новосибирск, ГПНТБ СО РАН; НГК им. М. И. Глинки)
Два канта Полтавского цикла в выголексинском рукописном сборнике из собрания академика М. Н. Тихомирова ГПНТБ СО РАН 35
- Павлович К. К.** (Томск, ТГУ)
Живописание интерьера в творчестве И. А. Гончарова 52
- Гевель О. Е.** (Красноярск, СФУ)
Образ рубашки в творчестве и житнетворчестве Л. Н. Толстого: постановка проблемы 64
- Жилякова Н. В.** (Томск, ТГУ)
«Было смешно, но не весело»: драматургические опыты дореволюционных томских литераторов 73
- Фуксон Л. Ю.** (Томск, ТГПУ)
Чтение стихотворения Пастернака «Всё снег да снег...» 86
- Папков С. А.** (Новосибирск, ИИ СО РАН)
На последнем рубеже. Трагический финал писателя Вивиана Итина 93
- Шатин Ю. В.** (Новосибирск, НГПУ, ИФЛ СО РАН)
Поэзия второй степени от Осипа Мандельштама до Тимура Кибирова. Феномен лирического алломотива 102
- Владимиров О. Н.** (Новокузнецк, КГПИ КемГУ)
Об одной из форм автокоммуникации в русской поэзии 114

Языкознание

- Добрынина А. А., Селютина И. Я., Шиндрова К. В., Каратаев А. В.**
(Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Позиционно-комбинаторные условия количественного варьирования гласных в тюркских языках Алтая 128
- Бакурова М. В.** (Новосибирск, НГПУ)
Семантическая адаптация заимствований на примере испанизмов в русском языке 145
- Шарина С. И.** (Якутск, ИГиЛ ПМНС СО РАН)
Видовые формы глагола в эвенском языке: к уточнению состава морфологических показателей 158
- Дьячков В. В.** (Москва, ИЯЗ РАН)
Функциональная структура прилагательных в осетинском языке и проблема редуцированных предикативных конструкций 174

Первунина С. И. (Новосибирск, НГПУ)	
Референциальные статусы субъекта и временная нелокализованность в русских пословицах: особенности взаимодействия	191
Кошкарева Н. Б. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)	
Соловар В. Н. (Ханты-Мансийск, ОУИПИиР)	
Адъективные эквативные сравнительные конструкции в хантыйском языке	205
Шпильная Н. Н. (Барнаул, АлтГПУ)	
Диалогическая концепция текстовой мотивации	220
Шапошникова И. В. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)	
Движение значений в актуальной диахронии: к методам работы с большими корпусами ассоциативно-вербальных данных	233
Бутакова Л. О. (Омск, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского)	
Диагностика современных тенденций речевой деятельности в ин-терьере региональных портретов русской языковой личности	247

Научная жизнь

Полева Е. А., Левченко М. Л., Сафонова Е. А. (Томск, ТГПУ)	
III Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Детская и подростковая литература: подходы к анализу, практики чтения, региональный контекст изучения», приуроченная к 225-летию со дня рождения А. С. Пушкина	260

2025 – No. 2

SIBERIAN
JOURNAL
OF PHILOLOGY

Barnaul – Irkutsk – Kemerovo – Novosibirsk – Tomsk

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOLOGY

Founded in 2002. Published quarterly.

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Altai State University
Irkutsk State University
Kemerovo State University
Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk State University
Tomsk State Pedagogical University
Tomsk State University

EDITORIAL BOARD

Igor V. Silantev, Corresponding member of the RAS, Doctor of Philology, Prof., Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Editor-in-Chief*; Aiiana A. Ozonova, Candidate of Philology, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Inna V. Tubalova, Doctor of Philology, Assistant Professor, Tomsk State University, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Viktoiriya A. Gorbunova, Candidate of Philology, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Executive Secretary*; Talantaaly A. Bakchiev, Doctor of Philology, Prof., Manas National Academy, Bishkek, Kyrgyz Republic; Tatyana I. Belitsa, Candidate of Philology, Assistant Professor, Novosibirsk State University, Russian Federation; Nina S. Bolotnova, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation; Edward J. Vajda, PhD in Slavic Linguistics, Prof., Western Washington University, USA; Ludmila I. Gorbunova, Doctor of Philology, Prof., Irkutsk State University, Russian Federation; Valeriy Z. Demyankov, Doctor of Philology, Prof., Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russian Federation; Dmitriy V. Dolgushin, Doctor of Philology, Assistant Professor, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Mikhail Ya. Dymarskiy, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation; Olga D. Zhuravel, Doctor of Philology, Novosibirsk State University, Russian Federation; Igor E. Kim, Doctor of Philology, Assistant Professor, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Lidiya G. Kim, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Vladimir L. Klyaus, Doctor of Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Aleksey M. Lavrentyev, Candidate of Philology, Lumiere University Lyon 2, France; Natalya V. Nalegach, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Tatyana I. Pecherskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Jeanmarie Rouhier-Willoughby, Doctor of Philology, Prof., University of Kentucky, USA; Elena K. Skribnik, Doctor of Philology, Prof., Ludwig Maximilian University of Munich, Germany; Sergey G. Sulyak, Candidate of History, Assistant Professor, Pridnestrovian State University, Moldova; Marina B. Tashlykova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Irkutsk State University, Russian Federation; Tatyana A. Tripolskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Leonid Yu. Fukson, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation; Tatyana V. Chernyshova, Doctor of Philology, Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Mariya A. Chernyak, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation; Oksana N. Yurchenkova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

Aleksandr E. Anikin, Academician of the RAS, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Tatyana E. Avtukhovich, Doctor of Philology, Prof., Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus; Tatyana A. Demeshkina, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State University, Russian Federation; Ludmila I. Zhurova, Doctor of Philology, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Natalya V. Kornienko, Doctor of Philology, Corresponding member of the RAS, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Elena V. Lukashevich, Doctor of Philology, Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Eliza Malek, Doctor of Philology, Prof., University of Lodz, Poland; Saule Zh. Tazhibayeva, Doctor of Philology, Prof., L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; Sergey A. Oushakine, PhD in Anthropology, Prof., Princeton University, USA; Lauri Harvilahti, Doctor of Philology, Prof., Finnish Literature Society, Finland

Institute of Philology SB RAS

Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
sibphilology@mail.ru

<http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

CONTENTS

Folklore

- Oynotkinova N. R.*
Genre features of Altai lullabies 9
- Mindibekova V. V.*
On the issue of the genre classification of the Khakass ritual benevolence 23

Literature

- Kazantseva T. G.*
Two canticles of the Poltava Cycle in the Vygoleksinsky manuscript miscellany from the collection of Academician M. N. Tikhomirov housed at the SPSTL SB RAS 35
- Pavlovich K. K.*
Interior depiction in the work of Ivan Goncharov 52
- Gevel O. E.*
The image of a shirt in the novels and life of Leo Tolstoy: formulation of the problem 64
- Zhilyakova N. V.*
“It was funny, but not fun”: dramatic experiments of pre-revolutionary Tomsk writers 73
- Fukson L. Yu.*
Reading the poem by Pasternak “Vse sneg da sneg...” 86
- Papkov S. A.*
At the last frontier. The tragic finale of the writer Vivian Itin 93
- Shatin Yu. V.*
Second degree poetry from Osip Mandelstam to Timur Kibirov: the phenomenon of lyrical allomotive 102
- Vladimirov O. N.*
On a form of auto-communication in Russian poetry 114

Linguistics

- Dobrynina A. A., Selyutina I. Ya., Shindrova K. V., Karataev A. V.*
Positional-combinatorial conditions of quantitative vowel variation in the Turkic languages of Altai 128
- Bakurova M. V.*
Semantic adaptation of borrowings: a case study of Spanish loanwords in the Russian language 145
- Sharina S. I.*
Aspectual forms of the Even language verb: further clarification regarding the composition of morphological indicators 158
- Dyachkov V. V.*
Functional structure of Ossetic adjectives and the problem of reduced predicative constructions 174

<i>Pervunina S. I.</i>	Referential statuses of a subject and temporal non-localization in Russian proverbs: peculiarities of interaction	191
<i>Koshkareva N. B., Solovar V. N.</i>	Adjectival equative comparative constructions in the Khanty language	205
<i>Shpilnaya N. N.</i>	Dialogic concept of textual motivation	220
<i>Shaposhnikova I. V.</i>	Movement of meanings in a current diachrony: towards the methods of working with large associative-verbal databases	233
<i>Butakova L. O.</i>	Diagnostics of modern trends of speech activity in the interior of regional portraits of Russian linguistic personality	247

Scientific life

<i>Poleva E. A., Levchenko M. L., Safonova E. A.</i>	III All-Russian scientific and practical conference with international participation “Children’s and Adolescent Literature: Approaches to Analysis, Reading Practices, Regional Context of Study,” dedicated to the 225th anniversary of the birth of Alexander Pushkin	260
---	---	-----

Научная статья

УДК 398.332 (=512.151)

DOI 10.17223/18137083/91/1

Жанровые особенности колыбельных песен алтайцев

Надежда Романовна Ойноткинова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
sibfolklore@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5767-7085>

Аннотация

Статья посвящена жанровым особенностям алтайских колыбельных песен. В работе применялись лингвостилистический метод и метод функционального анализа специфики фольклорных жанров. Песни строятся как поэтические тексты в форме синтаксического параллелизма. Основными функциями колыбельных песен являются функции усыпления, воспитания, защитная функция, а также эстетическая и коммуникативная функции. Для алтайских песен характерно использование особой лексики и специфичных грамматических конструкций: вокативов в уменьшительно-ласкательной форме, звуко-символических слов *баю-бай* с различными вариантами, глаголов-сказуемых в побудительном наклонении и форме широкого настоящего-будущего времени. Тематическое содержание колыбельных песен связано с выражением ценностных понятий, выражающихся с помощью эмотивно-оценочной лексики.

Ключевые слова

фольклор алтайцев, колыбельные песни, семантика, функции колыбельных песен, жанр, поэтика, семейные ценности алтайцев

Для цитирования

Ойноткинова Н. Р. Жанровые особенности колыбельных песен алтайцев // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 9–22. DOI 10.17223/18137083/91/1

Genre features of Altai lullabies

Nadezhda R. Oynotkinova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
sibfolklore@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5767-7085>

Abstract

This paper identifies the semantic and pragmatic features of Altai lullabies. Through linguostylistic and functional lenses, this work investigates folklore genres, connecting their linguistic features and content to their communicative roles and explaining these features

© Ойноткинова Н. Р., 2025

based on their intended function. Analysis of the linguistic style and function of Altai lullabies has revealed the following genre characteristics. The structure of lullabies employs poetic text in the form of syntactic parallelism, characterized by isosyllabism, equisyllabicity, and initial rhyme. Lullabies primarily serve educational and protective purposes, complemented by aesthetic and communicative functions. The stylistic features of Altai lullabies are distinguished by unique vocabulary and grammatical structures that convey specific meanings. Altai lullabies are characterized by the use of vocatives and affectionately diminutive nouns, along with sound-symbolic words like “bayu-bai” and its variants. The verb predicates appear in the imperative mood and an extended present-future tense. Value concepts, including the contrasting binaries of good and evil, and work and laziness, are conveyed in lullabies via emotive and evaluative language, which is expressed through various figures of speech: parallelisms, symbols, epithets, and metaphors. In crafting lullabies, singers may employ characteristic imagery and motifs from folklore, including fairy tales, myths, and songs, to express particular ideas.

Keywords

folklore of the Altai people, lullabies, semantics, functions of lullabies, genre, poetics, family values of the Altai people

For citation

Oynotkinova N. R. Genre features of Altai lullabies. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 2, pp. 9–22. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/1

Введение

Колыбельные песни как предмет научного изучения продолжают интересовать исследователей своей многогранностью, богатством языкового и этнографического материала, репрезентацией народной мудрости и музыки. Цель данной статьи – выявить жанровые прагматические и лингвостилистические особенности алтайских колыбельных песен.

Материалом исследования послужили опубликованные и неопубликованные, архивные и полевые тексты колыбельных песен алтайцев, записанные во второй половине XX и начале XXI в. разными собирателями и исследователями и подготовленные нами к публикации в томе «Обрядовый фольклор алтайцев» серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». К анализу представлены колыбельные песни, записанные у представителей алтай-кижи, теленгитов, кумандинцев, чалканцев, тубаларов и телеутов. В песнях сохранены их диалектные, фонетические и лексические особенности. В работе применяются лингвостилистический и функциональный подходы к изучению фольклорных жанров, что позволяет рассматривать языковую форму песен и их содержание в тесной связи с выполняемыми ими функциями.

История изучения. Фиксация колыбельных песен у разных этнодиалектных групп алтайцев велась этномузыкологами и фольклористами: Н. М. Кондратьевой, Г. Б. Сыченко, Ю. И. Шейкиным, К. Е. Укачиной, М. А. Демчиновой и др. Упоминания о разновидностях колыбели у разных этнических групп алтайцев встречаются в работах Е. М. Тошачковой [1978], В. П. Дьяконовой [1988], М. П. Чочкиной [2003] и др. Колыбель у алтайцев символизирует продолжение рода и семейное благополучие. В семьях, где дети не умирали в младенческом возрасте, колыбель называли *ырысту кабай* ‘счастливая колыбель’, в противном случае – *жок кабай* ‘бедная колыбель’. Когда люлька изнашивалась, раскалывалась, ее сжигали, но никогда не выбрасывали [Дьяконова, 1988, с. 176].

Жанр колыбельных песен у алтайцев достаточно хорошо изучен в музыкальном аспекте. Колыбельные и связанные с ними этнические термины были выделены музыковедами Н. М. Кондратьевой и Г. Б. Сыченко. Алтайцы, проживающие в южной части Горного Алтая (алтай-кижи, теленгиты), называют колыбельные песни *кабай кожон* ‘колыбельная песня’, ‘песня колыбели’, а алтайцы, проживающие в ее северной части (кумандинцы, чалканцы, тубалары, а также телеуты Кемеровской области), – *пежик сарын* ‘колыбельная песня’, ‘песня колыбели’ [Кондратьева, 1989; Кондратьева, Сыченко 1997, с. 239]. В алтайском и телеутском языках слово *межик / пежик* имеет также значение ‘гроб’ [АРС, 2018, с. 464; ТРС, 1995, с. 55].

Музыкально-интонационные особенности песен северных этносов (чалканцев, кумандинцев, тубаларов) отличаются от музыкально-интонационных особенностей песен южных (алтай-кижи, теленгитов). Н. М. Кондратьева пришла к выводу, что «колыбельные алтайцев не являются жанром с однотипной структурой» [Кондратьева, 1989, с. 47]. Изучив жанровые музыкально-интонационные особенности колыбельных песен теленгитов, она подразделила эти произведения на 4 типа. Первый тип связан с песенной традицией *кожон* ‘песня’ и в большинстве случаев обозначается термином *кабай кожон* ‘колыбельная песня’, ‘песня колыбели’, соответствующим рассмотренному выше обрядовому песенному жанру [Кондратьева, Сыченко, 1997, с. 239]. Колыбельные второго типа имеют черты «обрядово-магической традиции поющих скотоводческих заговоров, и их можно рассматривать как разновидность заговора, направленного на “охранение” и успокоение ребенка» [Там же]. В колыбельных теленгитов второго типа используются звуко-символические слова, среди них встречаются отдельные знаменательные слова и словосочетания [Там же]. Колыбельные третьего типа исполнялись *каем* (горловым пением. – Н. О.) в сопровождении *топиуура* – двухструнной щипковой лютни [Там же, с. 240]. И, наконец, «к четвертому типу относятся колыбельные, исполняющиеся на ассимилированные напевы, которые входят в периферийную часть культуры, адаптирующую чужеродные влияния» [Там же]. Последние «исполняются на частушечные напевы, перенятые у русских, и воспроизводят основные закономерности теленгитского лирического жанра *частушка*, возникшего под влиянием русской культуры» [Там же]. Таким образом, колыбельные обнаруживают связи с разными жанровыми традициями: песенно-поэтической, сказками, похоронным плачем, частушкой и другими ассимилятами [Там же, с. 247]. «Колыбельные, поющиеся ребёнку, с одной стороны, оказывают успокаивающее воздействие на его нервную систему, а с другой – вводят его в интонационный мир этнической культуры» [Там же, с. 237].

Интонационная структура поющего текста взаимодействует со структурой языка, на котором он исполняется. Языковая личность, исполняющая музыкальный текст, для выражения мысли использует определенные фольклорные образы (сказочные, мифологические) и песенные мотивы. В филологическом аспекте текст колыбельной песни как культурный знак имеет свои жанровые особенности и в плане выражения, и в плане содержания.

1. Композиционные особенности колыбельных песен алтайцев

Психологический параллелизм в колыбельных песнях алтайцев является основным средством создания поэтического текста. По А. Н. Веселовскому, парал-

лелизм является «видоизменяющейся композиционной формой», служащей основой возникновения ряда других изобразительно-выразительных средств (метафор, символов) [Веселовский, 1989, с. 138]. Психологический параллелизм ученый рассматривал как источник создания сравнений, символов и метафор. Параллелизм является не только особым художественным приемом, раскрывающим и углубляющим через сопоставление образов выражаемую в песне мысль, он считается также одним из основных средств ритмической организации стиха, т. е. одним из конструктивных элементов поэтической системы алтайцев [Каташев, 1979, с. 119].

Другими важнейшими ритмоорганизующими элементами алтайской народной песни являются равносложность (изосиллабизм) и начальная рифма. В основе данной системы лежит семисложный стих с четырехсложной доцезурной и трехсложной послецезурной частями – 4 + 3, хотя встречаются и отклонения от семисложника. Наиболее частое отклонение – восьмисложник структуры 5 + 3 [Каташев, 1971, с. 78].

Н. М. Кондратьева, отмечая строфическую организацию *кабай кожон*, также указывает, что «в основе музыкальной ритмики лежит семисложник (4 + 3) с кдансовой структурой во втором сегменте» [Кондратьева, 1989, с. 188]. Семисложный параллелизм в алтайском стихосложении – частое явление. Приведем в качестве примера распространенную среди южных алтайцев песню о колыбели (*кол кабай* букв.: ‘ручная колыбель’), которая существует во множестве своих вариантов, сохраняющихся благодаря устойчивому образному параллелизму и ключевым словам. В образно-синтаксическом параллелизме дитя в колыбели сравнивается с детенышем косули, спящим возле камня или скалы:

(1) алт.: *Ан паласын телчиткен / Алты кыпту таш кабай. / Албатыды жыргаткан / Ада-энедин кол кабай. / Элик паласын телчиткен / Эки кыпту таш кабай. / Элди-жонды жыргаткан / Эне-ададын кол кабай*¹. ‘Детеныша оленя взрастившая / Шестислойная каменная колыбель. / Народу позволившая праздновать / Отца-матери ручная колыбель. / Детеныша косули взрастившая / Двухслойная каменная колыбель. / Народу-люду позволившая праздновать / Отца-матери ручная колыбель’.

В тексте сохранены особенности теленгитского диалекта, в частности глухой согласный в интервокальной позиции (теленг. *паласын* ‘[его] детеныша’, ср. алт. *балазын* ‘[его] детеныша’), а также аффикс притяжательного падежа =*Дьн* после гласных (теленг. *эне=дин* ‘матери его’, ср. алт. *эне=нин*).

Существенными для понимания музыкальной стороны песен представляются закономерности, выявленные С. М. Каташевым, касающиеся общей тенденции к равносложности и различным приемам выравнивания отклоняющихся от семисложной нормы строк. Так, в строках с большим числом слогов используются редуцирование (выпадение) и элизия (стяжение) гласных, употребление долгого гласного как краткого, опущение причастных и деепричастных аффиксов. В строках с меньшим числом слогов встречаются наращение аффиксов к основе, двухсложная интерпретация слогов с долгими гласными, употребление парных слов,

¹ Песня о колыбели [Кабай керегинде кожон]. Зап. Ю. И. Шейкиным, Н. М. Кондратьевой, Г. Б. Сыченко 30.01.1985 в с. Кучерла Усть-Коксинского района от Чамчиевой Камылай 1914 г. р., урож. с. Кучерла из рода майман. АТМ НГК, колл. А0018, ед. хр. 12.026А-131-132. Расшифр. и пер. Н. Р. Ойноктиновой.

заполнение строки асемантическими слогами и словами [Каташев, 1971, с. 119–128]. Ритмическая структура стиха гармонично поддерживается ритмом движения раскачивающейся колыбели.

2. Лексико-грамматические особенности колыбельных песен алтайцев

Для стилистики колыбельных песен алтайцев характерно использование особых лексики и грамматических конструкций, с помощью которых выражаются определенные смыслы. Характерные для колыбельных песен звуко-символические слова *баю-бай*, варьирующие в разных текстах – *буй / буй, обой / бой / обон*, повторяющиеся и ритмически организующие структуру песни, исследователи связывают с их усыпляющей и успокаивающей функциями.

(2) теленг.: *Обай-обай, обай-обай, / Укта, балам, укта, балам, / Бай-бай-бай. / Уксан-уксан, эче балам. / Буй-уй, обай, бай-бай-бай, / Уй-уй, обан-обан-обан. / Укта, балам, обон-обон, / Обон-обон, уктай персен, / Обон-обон, койго барарым. / Обон-обон, кой жуурым. / Обон-обон, сарлык саарым. / Обон-обон, сарлыкка барарым...*² *Ёбай-ёбай, ёбай-ёбай, / Спи, дитя мое, спи, дитя мое. / Бай-бай-бай. / Слушай-слушай, малое дитя мое. / Буй-уй, ёбай, бай-бай-бай, / Уй-уй, ёбанг-ёбанг-ёбанг. / Спи, дитя мое, ёбонг-ёбонг. / Ёбонг-ёбонг, засыпай, / Ёбонг-ёбонг, за овцами пойду. / Ёбонг-ёбонг, овец соберу. / Ёбонг-ёбонг, яка подою. / Ёбонг-ёбонг, за яками пойду...*

Предполагаемые действия выражены в будущем времени на =*Ар*. Звуко-символизмы в данном тексте *обай-обай / обон-обон* возникли как варианты от *бай-бай*. Поскольку эти междометия отражают фонологическую специфику алтайских текстов, то в переводах они оставлены в том виде, в каком прозвучали. Звуко-символические слова в колыбельных песнях схожи со звуко-символическими словами в скотоводческих заговорах алтайцев и теленгитов по фонологии и повторяемости одних и тех же звуков.

Вокативные предложения выступают обязательным элементом синтаксиса колыбельных песен, в которых нарицательное имя существительное оформляется показателем принадлежности 1 л. ед. ч. (*бала=м* ‘мое дитя, мой ребенок’), а глагол – показателем повелительного наклонения (*укта= / уйукта=* ‘спи / засыпай’, *ыйла=ба* ‘не плачь’ и т. п.). Адресат, а также другие актанты-имена часто содержат аффикс с уменьшительно-ласкательным значением: алт. *балачагым*, кум. *балакам* ‘дитяtko, дитя мое’, *палащам* ‘дитя мое’, чалк., кум. *улащым* ‘сыночек мой’, *уйащам* ‘сыночек мой’.

(3) кум.: *Пай ползен, палащам, / Пайу ползен, улащым, / Кёзыщегын уназан, / Кёзыщегын уназан. / Пайу ползен, палащам, / Уйуктазан, палащам, / Морецек кельтът тьу / Морецек апарар. / Пайу ползен, уйащам, /*

² Колыбельная песня [Кабай кожон]. Зап. Н. М. Кондратьевой (аналоговая звукозапись), К. Е. Укачиной 25.06.1985 в с. Мухор-Тархата Кош-Агачского района Г-ААО от Челбаевой Дьашбалы Бостоевны, теленгитки, из рода Кыпчак, род. в феврале 1910 г. в с. Мухор-Тархата, работала в колхозе. АТМ НГК, А0025.1-12.51-269. Расшифр. текста и пер. Н. Р. Ойноткиновой.

*Уйуктазан, палащам*³. ‘Бай делай, мое дитя, / Бай делай, мой сыночек. / Закрывай свои глазки, / Закрывай свои глазки. / Бай делай, мое дитя, / Спи, мое дитя. / Волчонок идет же, / Волчонок утащит. / Бай делай, сыночек мой, / Спи, мое дитя’.

(4) чалк.: *Байу-байу, уйащам, / Байу-байу, уйащам, / Кара кӧстӱ уйащам, / Байу-байу, уйащам, / Байу-байу, уйащам, / Уйащам, уйтазан. / Эртеледе турала, / Атка мӱнӱп парарзын*⁴. ‘Баю-баю, мой сыночек, / Баю-баю, мой сыночек, / Черноглазый мой сыночек, / Баю-баю, мой сыночек, / Баю-баю, мой сыночек, / Спи мой сыночек. / Встав с самого утра, / Сев на коня, поедешь (ты)’.

Образный параллелизм или метафора позволяют выразить мысль при помощи ассоциативно-оценочных образов. Чаще всего ребенок, лежащий в колыбели, метафорически отождествляется с детенышами животных и птиц (*кучыйяк* ‘птичка’, *элик балазы* ‘детеныш козули’, *пачыртканын палазы* ‘птенец дрозда’, *Башпарактын жеенизи* ‘племянник Башпарака’), а также с побегами и корнями растений, деревьев. В первой части песни дитя называют «корнем-наростом» родовитых родителей и отождествляют с корнем березы, которая у алтайцев считается священным деревом:

(5) алт.: *Баай-баай, балам, / Урлу кайын тазылы эдин, / Укту-тӧстӱнин тазылы эдин. / Бала кайын тазылы эдин, / Барлу уктунын тазылы эдин...* ‘Баай-баай, мое дитя, / Ты корень березы с наростом. / Ты корень благородного рода. / Ты корень молодой березы, / Ты благородного рода корень...’ [ОТКА, 2019, с. 429].

Вегетативная метафора *тазыл* ‘корень’ в данном контексте связана с выражением идеи роста. Форма настоящее-будущего времени на =*Ар* в сказуемых передает семантику широкого настоящего. В следующем песенном параллелизме взросление ребенка в колыбели сравнивается с птичкой, вылупившейся из яйца:

(6) алт.: *Тӱнде чыккан жымыртка / Тӱлӱреп учар куш болор. / Тӱӱнчекте жаш бала / Тӱбинде барып эр болор. / Карангуйда чыккан жымыртка / Калырап учар куш болор. / Кабайдагы жаш бала / Качан тӱпте эр болор...* ‘Ночью снесённое яйцо / С шуршащим полётом птиццей станет. / В свертке лежащий ребёнок / Когда-нибудь мужчиной станет. / В темноте снесённое яйцо / С громяющим полётом птиццей станет. / В колыбели лежащий ребёнок / Когда-нибудь мужчиной станет’ [Там же, с. 430] (пер. уточн. – Н. О.).

Чалканские *пежик сарын* ‘колыбельные песни’ крайне немногочисленны и не образуют устойчивой группы в рамках песенной традиции. Они «исполняют-

³ Ребѣнка укачивают [Бала байлапчит]. Зап. Ф. А. Сатлаевым и Г. Б. Сыченко 02.03.1992 в г. Бийске. Исп. Пышылакова Елена Трофимовна, кумандинка, сеок Карга. Род. 25.10.1910 в с. Калар Таштагольского района. АТМ НГК, колл. 75, № 20. Расшифр. и пер. Н. Р. Ойноккиновой.

⁴ Ребенка усыпляю / убаюкиваю [Пала уйта жат / пайлап жат]. Зап. Н. М. Кондратьевой, Е. П. Кандараковой, А. М. Кандараковой (дев. Пустогачевой), К. Е. Укачиной 18.09.1989 в с. Турачак Турочакского района Г-ААО от Акпашевой (дев. Пустогачева) Ульяны Аныевны, чалканки из рода Кызыл-Кӧс, род. 02 августа 1928 г., учитель. АТМ НГК, А0072-12.144-025. Расшифр. текста и пер. Н. Н. Фединой.

ся на мелодию детской песни “Койонок” (“Зайчик”) либо на напевы колыбельных укачиваний» [Сыченко, 2016, с. 33]. Укачивания строятся на звукосимволических словах, повторяющихся в семисложной структуре песенного стиха. В песенной традиции алтайцев такие тексты являются частым явлением.

В чалканских колыбельных песнях часто используются сказочные образы животных – зайчика и лисы. Образ ребенка сравнивается с образом детенышей животных, за которыми кроются определенные психологические символы:

(7) чалк.: *Пайу-пайу, мен палам, / Пайу этсен мен палам, / Ман, ман, ман койонок. / От аралда ором пар, / Пайу-пайу, мен палам, / Конман ма конман койонок, / Тьар пажында тьадыным*⁵. ‘Пайу-пайу, мой ребенок, / Делай пайу, мое дитя, / Скок-скок-скок зайчонок. / В травянистом лесу у меня нора есть. / Пайу-пайу, мое дитя. / Не ночевал ли, не ночевал зайчонок, / На берегу (реки) у меня лежанка есть’.

Образ бегущей лисы может олицетворять процесс погружения ребенка в сон или солнце, зашедшее за горизонт, а ржущий конь – уставшее за день животное или вернувшихся с работы людей:

(8) чалк.: *Бай-бай-бай-бай-бай / Түнде, түнде түлгүзүк / Түнде кана парсын? / Сангыр өдем тапинқам, / Аны тыңдып партым. / Бай-лю-лю-лю-лю. / Атар кана кишептътыт / Кара колза кишеп тътыт / Атар тьу санеп кишептътыт / Су ла керек кишеп тътыт, / Бай-бай, уйтазың палам*⁶. ‘Бай-бай-бай-бай-бай / Ночью, ночью, лисенок, / Ночью куда идешь? / Одну обувь потерял [я], / Ее иду искать, / Бай-лю-лю-лю-лю. / Лошади куда ржут? / В сторону темной долины ржут. / Лошади что хотят и ржут? / Только воды надо, ржут, / Бай-бай, спи мой ребенок’.

В колыбельных песнях алтайцев, тубаларов и кумандинцев встречается образ мальчика ростом с большой палец – *Башпарака*. Это образ плута, озорника, перехитрившего семиголовое чудовище *Дьелбегена*. В АРС *башпарака*: 1) название большого пальца (*используется в считалке при обозначении названий пальцев*); ср. эргек; 2) *фольк*. Башпарака (*сказочный персонаж*) [АРС, 2018, с. 107]. Герой сказки *Башпарака* – пахарь, своей хитростью побеждающий чудовище *Дьелбегена*, которое его собиралось съесть. *Башпарака* сначала избавляется от семерых детей чудовища, а потом и от их матери [АНС, 2001, с. 162–171]. Образное выражение *Башпарактын / Желбегенниң балазы* ‘дитя Башпарака / Дьелбегена’ содержит в себе негативную оценку поведения ребенка:

⁵ Зайчонок [Койонок]. Зап. Н. М. Кондратьевой, Е. П. Кандараковой, А. М. Кандараковой (дев. Пустогачевой), К. Е. Укачиной 18.09.1989 в с. Турачак Турочакского района Г-ААО от Тропеевой Ульяны Арсентьевны, чалканки из рода Кузен, 07.07.1920 г. р., в с. Культиябы, работала в колхозе. АТМ НГК, А0072-12.144-035. Расшифр. текста и пер. Н. Н. Фединой.

⁶ Зайчонок [Койонок]. Зап. Н. М. Кондратьевой, Е. П. Кандараковой, А. М. Кандараковой (дев. Пустогачевой), К. Е. Укачиной 25.09.1989 в с. Тулой Турочакского района Г-ААО от Тагызовой Анастасии Макаровны, чалканки из рода Кара Тубень, 01.10.1930 г. р. в Курмач-Байголе, работала учителем. АТМ НГК, А0072-12.145-189. Расшифр. текста и пер. Н. Н. Фединой.

(9) туб.: *Бай-бай, Башпарактын балазы, / Бай-бай, баламай. / Уктазан, бай-бай-бай. / Желбегеннин балазы / Жети баштуу балазы, / Бай-бай-бай*⁷.
'Бай-бай, Дьелбегена дитя, / Бай-бай, дитя мое. / Спи, бай-бай-бай. / Дьелбегена дитя, / С семью головами его дитя. / Бай-бай-бай-бай'.

В следующей песне в выражении *алтын палам* 'золотой мой ребенок' присутствует положительная оценка, выражающая похвалу ребенку:

(10) туб.: *Бай-бай-баю, палам. / Пачыртканын палазы, / Башпарактын жеенизи, / Бай-бай, кеен алтын палам. / Палам ооложим, ооложим. / Оңин сайын улабай, / Күндүлү сөзүн айдып персан, / Ой, палам, ой, / Бай-бай-бай*⁸.
'Бай-бай-баю, дитя мое. / Птенец дрозда, / Племянник Башпарака, / Бай-бай, драгоценный золотой мой ребенок. / Дитя мое, мой сыночек, мой сыночек. / Сильно не плачь ты, / О желании своем скажи, / Ой, дитя мое, ой, / Бай-бай-бай'.

В некоторых колыбельных песнях, записанных в 80-е гг. XX в., отражены веяния эпохи социализма. В них отражена идеологическая лексика – *пионер, совет, комсомол, социализм*, несущая в себе ценностно-оценочный компонент.

(11) чалк.: *Кабайда чыккан јаш пала / Качан киши полорсын? / Кабайда чыккан оол пала / Качанда пионер полорсын?*⁹ 'В колыбели новорожденное дитя, / Когда человеком ты станешь? / В колыбели новорожденный мальчик, / Когда пионером ты станешь?'

Встречаются русизмы, например *крепко* 'крепко': *Пецикте, палам, бай, / Бай-бай-бай. / Крепко уйта, тынг уйта, капцей уйта...*¹⁰ 'В колыбели, мое дитя, бай, / Бай-бай-бай. / Крепко спи, крепко спи, быстро спи'.

⁷ Песня колыбели [Кавай кожоғ]. Зап. Н. М. Кондратьевой и М. А. Толбиной 31.03.1989 в с. Паспаул Чойского района Г-ААО от Темдековой Елизаветы Андреевны, туба, родилась 11 июля 1929 г. в с. Верх-Иша, работала в колхозе. АТМ НГК, А0071-12.144-015. Пер. текста Н. Р. Ойноткиновой.

⁸ Ребенка убаюкивают [Пала пайлап јат]. Зап. Н. М. Кондратьевой, Е. П. Кандараковой, А. М. Пустогачевым, К. Е. Укачиной 22.09.1989 в с. Тулой Турочакского района Г-ААО от Сарапкановой Таисии Кыянаковны, туба, сеок Комнош, род. 12 июля 1914 г. в Кара-суу, образования не имела, работала в колхозе, мать троих детей. АТМ НГК, А0072-12.145-142. Расшифр. и пер. текста Н. Р. Ойноткиновой.

⁹ Спи-спи, ребенок мой [Уйта-уйта, палащагым]. Зап. Н. М. Кондратьевой, Е. П. Кандараковой, А. М. Кандараковой (дев. Пустогачевой), К. Е. Укачиной 20.09.1989 в пос. Суранаш Турочакского района Г-ААО от Курускановой (дев. Санжанакоевой) Марии Каныковны, чалканки из рода Телвеш, род. 10 июня 1929 г. в с. Чугана, работала в колхозе. АТМ НГК, А0072-12.145-091. Расшифр. текста и пер. Н. Р. Ойноткиновой и Н. Н. Феединой.

¹⁰ Пала уйта јат [Ребенка усыпляют]. Колыбельная. Зап. Н. М. Кондратьевой, Е. П. Кандараковой, А. М. Кандараковой (дев. Пустогачевой), К. Е. Укачиной 21.09.1989 в с. Бийка Турочакского района Г-ААО от Курусканова Михаила Яковлевича, чалканца из рода Дьарты, род. 01 июля 1931 г., работал в колхозе, АТМ НГК, А0072-12.145-126. Расшифр. и пер. Н. Р. Ойноткиновой и Н. Н. Феединой.

3. Коммуникативные функции и тематическое содержание колыбельных песен алтайцев

Колыбельные песни – это один из способов усыпления и психоэмоционального успокоения ребенка. Л. Е. Ильина, классифицируя русские колыбельные песни на основе эволюции жанра, выделяет несколько их функций: функция усыпления, воспитательная, обучающая, эстетическая, защитная, оздоровительная, коммуникативная [Ильина, 2021, с. 315]. На наш взгляд, воспитательная и обучающая функции – синонимичные термины. Изучив функциональные особенности алтайских колыбельных песен, мы пришли к выводу о том, что основными являются пять из них: коммуникативная и эстетическая функции, характерные для всех песен, определяются контекстом, содержанием, системой образов, темами и мотивами песен; усыпительная, защитная и воспитательная функции обусловлены контекстом. Рассмотрим их подробно на материале алтайских колыбельных песен.

Функция усыпления. Главная функция колыбельных песен – функция усыпления, предназначенная для снятия возбуждения и подготовки младенца ко сну. Усыпительная функция влияет на интонацию колыбельных песен, в связи с этим напев звучит монотонно и плавно, без резких скачков и контрастов. Алтайские колыбельные песни исполняются в тоне просьбы или пожелания. Монотонность напева является результатом функции колыбельной – ребенок должен уснуть. Ребенок усыпляется путем покачивания его в колыбели или на руках, а вербально-музыкальное сопровождение, ритмически организованный текст, создает ритм качания. По содержанию колыбельные песни очень просты и связаны с ситуацией укачивания.

(12) теленг.: *Бай-бай, балам, / Буй-буй, балам, / Блө-блө-блө, / Буй-буй, балам. / Укта, балам, Марина. / Буй-буй-буй-буй. / Балам-балам, буй-буй. / Буй-буй, укта, балам тәжбгине, / Укта, балам. / Буй-буй, буу-буу. / Буй-буй, Марина-балам, укта. / Буй-буй*¹¹. ‘*Бай-бай, дитя мое, / Буй-буй, дитя мое, / Блө-блө-блө, / Буй-буй, дитя мое. / Засыпай, дитя мое, Марина. / Буй-буй-буй-буй. / Дитя-дитя мое, буй-буй. / Буй-буй, засыпай, дитя мое, в постели своей, / Засыпай, дитя мое, / Буй-буй, буу-буу. / Буй-буй, Марина – дитя мое, засыпай. / Буй-буй*’.

Защитная функция. При укладывании ребенка в колыбель исполнялись колыбельные песни, и совершался определенный обряд. Защитная функция просматривается в колыбельной песне кумандинцев, где *Май-эне* просят, чтобы она охраняла дитя:

(13) кум.: *Бай-бай, балакам, / Уктап ийзен, балакам. / Тарак пашту Май-эне, / Чочутпазан баламды. / Бай-бай, балакам, / Уктап алзан, балакам. / Энеге, бабый, үйде йок, / Сени уйдар киши йок. / Бай, палам, бай-бай, / Укта, палам, бай-бай. / Умчы келер, / Палам, бай-бай...*¹² ‘*Бай-бай,*

¹¹ Колыбельная песня [Кабай кожон]. Зап. Н. М. Кондратьевой и К. Е. Укачиной 28.06.1985 в с. Теленгит-Сортогой Кош-Агачского района Г-ААО от Дергалова Иосифа Ногоевича, теленгита из рода дыбак, род. 20 января 1933 г. в с. Теленгит-Сортогой, работал в колхозе. АТМ НГК, А0025.1-12.51-313. Расшифр. и пер. Н. Р. Ойноткиновой.

¹² Ребёнка укачивают. Бала байлапчит. Зап. Ф. А. Сатлаевым и Г. Б. Сыченко (фонозапись) 02.03.1992 в г. Бийске от Пышылаковой Елены Трофимовны, кумандинки, род.

ребёночек мой, / Засыпай, ребёночек мой. / Гребнеголовая *Май-эне*, / Не вспугни моего ребёнка. / *Бай-бай*, ребёночек мой, / Засыпай, ребёночек мой. / Матери твоей, дитя, дома нет, / Тебя укладывать некому. / *Бай*, ребёнок мой, *бай-бай*, / Спи, ребёнок мой, *бай-бай*. / Бутылочка с молоком придет. / Ребёнок мой, *бай-бай*'.

В прошлом алтайцы верили в охранительную функцию богини *Умай-эне* (*Май-эне* / *Маї-әнә*, букв.: Умай-мать), покровительницы новорожденных, устраивали ей специальные обряды. Горно-алтайские телеуты и алтайцы правобережья Катуня, когда ребенку исполнялось шесть месяцев, приглашали шамана для специального камлания *Умай-эне* с заклинанием молодого бычка. Во время камлания просили *Умай-эне* оберегать младенца и ухаживать за ним, а к колыбели подвешивали маленький лук со стрелой в качестве оберега, символизирующего оружие *Умай-эне*, которым она поражала злых духов. Обряд подготовки зыбки для новорожденного описывался следующим образом: «Перед тем как положить ребенка в зыбку, старшая в семье женщина окуривает ее вереском и вешает над зыбкой мальчика на нитке, называемой “золотой”, маленький деревянный лучок “*жә*” с деревянной же стрелой. К стреле прикрепляется белая тряпочка, называемая “*Маї-әнә*”. Над зыбкой девочки вешают лишь две бусинки и тряпочку “*Маї-әнә*”. Окуривая зыбку и вешая такую защиту, произносят заклинание, где сначала обращаются к Огню-Матери (*От-Әнә*), а затем – к *Маї-әнә*. Огонь-Мать просят спуститься и стать отцом и матерью для ребенка: *Алас, алас! / Одус башту От-әнә, / Кырык пашту Кыс-әнә / Чіиды болзо пыжырбан / Тоңды болзо арбыскан / Ада болуп айланып түш, / Әнә болуп ажл түш*. ‘Тридцатиголовая Огонь-Мать, / Сорокоголовая Дева-мать, / Варящая все сырое, / Оттаивающая все мерзлое, / Спустись, окружи и будь отцом. / Спустись, покрой и будь матерью’» [Каруновская, 1927, с. 27]. *Умай-эне* выступает защитницей ребенка до тех пор, пока он не вырастет, не окрепнет. При укладывании в колыбель дитя говорили благопожелания.

Воспитательная функция. Колыбельные песни выражают важные для растущей личности ценностные понятия, такие как добро / зло, богатство / бедность и др. Выражая эти понятия через язык с помощью определенных оценочных, ассоциативных образов, поющий прививает ребенку определенные нормы и правила поведения. Формирование положительных качеств у ребенка очень важно для семьи и общества.

Усыпляя ребенка, поющий объясняет бытовые обстоятельства, занятость его родных в данный момент. Если дитя уснет, то родители могли заняться домашними делами. Но при этом поющий психологически внушает ребенку тот факт, что он находится под их присмотром. Так, в следующей песне объясняется, почему родителей в данный момент нет рядом с ребенком:

(13) алт.: *Адар мылтык жүктенип, / Адан андады, бай, балам. / Баю, баю, бай, балам, / Уктап калсан, бай, балам. / Койон адып келеле, / Койу мўнин ичирер. / Байла, бай, бай, бай, бай, / Баю, баю, бай, балам. / Тооргы адып ол келсе, / Тату мўнин ичирер. / Байла, бай, бай, бай, бай, / Уктап*

в с. Калар Таштагольского района 25.10.1910. Расшифр. и пер. Н. Р. Ойроткиновой. АТМ НГК, колл. 75, № 20.

*калсан, бай, балам. / Баю, баю, бай, балам. / Уктап калсан, бай, балам*¹³.
'Стреляющее ружьё [на плечо] навьючив, / Отец твой на охоту ушёл, бай,
дитя моё, / Баю, баю, бай, дитя моё. / Усни, бай, дитя моё. / Зайца, застре-
лив, принесёт, / Наваристого бульона даст поест, / *Байла, бай, бай, бай,*
бай, / Баю, баю, бай, дитя моё. / Кабаргу, застрелив, он принесёт, / Вкусно-
го бульона даст поест, / Байла, бай, бай, бай, бай, / Усни, бай, дитя моё, /
Баю, баю, бай, дитя моё. / Усни, бай, дитя моё'.

Некоторые колыбельные песни, выражающие просьбу заснуть, окунают ребенка в мир его будущего: в них объясняется то, каким человеком он должен вырасти и какими качествами он должен обладать (быть трудолюбивым, богатым, добрым). С малолетнего возраста ребенку внушается мысль о том, что он должен вырасти полезным для общества человеком. Так, ребенку желают, чтобы он помог своим родителям пасти овец:

(14) теленг.: *Баю-баю, баю-бай, / Уйуктасан та сен, палам. / Баю ла баю, баю-бай, / Ыйлабасан сен, палам. / Баю-баю, баю-бай, / Бай-Терекке чык, палам. / Баю ла баю, бай, / Байдын кысын ал, палам. / Баю-баю, баю-бай, / Бараксан палам. / Уйуктасан. / Баю-баю, палам, бай, / Амырап уйукта сен, палам*¹⁴. 'Баю-баю, баю-бай, / Спи и ты, дитя моё. / Баю-баю, баю-бай, / Не плачь ты, дитя моё. / Баю-баю, баю-бай, / На священный тополь поднимись, дитя моё. / Баю-баю, бай, / На дочери богача женись, дитя моё. / Баю-баю, баю-бай, / Бедньёкое дитя моё, / Спи. / Баю-баю, дитя, бай, / Отдыхая, спи ты, дитя моё'.

Для продолжения рода родители хотят иметь сына, который будет заботиться о них, когда они состарятся. Ребенку желают, чтобы он вырос и стал богатым человеком. В песне *Бай-Терек* – это «мифическое дерево, находящееся в центре, пупе земли и соединяющее все три мира: Средний, Верхний и Нижний. Богатое дерево с золотыми ветвями и широкими листьями (*Алтын бүрлү бай терек*), вершины которого переходят в небесную область. Оно растет в центре горы, олицетворяющей пуп земли и неба (*Жер тенгери киндиги*)» [Ойноктинова, 2022, с. 249].

Заключение

Лингвостилистический и функциональный анализ колыбельных песен алтайцев позволил выделить следующие характерные особенности этого жанра. Колыбельные песни строятся как поэтические тексты в форме синтаксического параллелизма с характерными его признаками: изосиллабизмом и начальной рифмой. Основными функциями колыбельных песен являются коммуникативная и эстетическая функции, функции усыпления, воспитания и защитная функции обусловлены контекстом.

¹³ Колыбельная песня. Кабай кожон. Зап. Н. М. Кондратьевой (аналоговая звукозапись), К. Е. Укачиной 26.06.1985 в с. Кокоря Кош-Агачского района Г-ААО от Дилековой Ай (б. о.), теленгитки из рода Сары-Моол, род. в 1912 г. в с. Белтир, образование ликбез, работала в колхозе чабаном. АТМ НГК, А0025.1-12.51-298. Расшифр. и пер. Н. Р. Ойноктиновой.

¹⁴ Тадышева Магдалина Семёновна, сеок Тёлёс, теленгитка. Родилась в 1940 г. в д. Язула Улаганского района. Проживает в р. ц. Улаган.

Для стилистики колыбельных песен алтайцев характерно использование особых лексики и грамматических конструкций, с помощью которых выражаются определенные смыслы. В алтайских колыбельных песнях содержатся вокативы и именная лексика в уменьшительно-ласкательной форме, звукосимволические слова *баю-бай* с различными вариантами, глаголы-сказуемые в побудительном наклонении и в форме широкого настоящего-будущего времени. Тематическое содержание колыбельных песен связано с выражением ценностных понятий, передающихся с помощью эмотивно-оценочной лексики: образных параллелизмов, символов и метафор.

Список литературы

АНС – Алтайские народные сказки // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока / Сост. Т. М. Садалова. Новосибирск: Наука, 2002. 455 с., ил. и компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 21)

АРС – Алтайско-русский словарь / Отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.

Веселовский А. Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. С. 101–154.

Дьяконова В. П. Детство в традиционной культуре тувинцев и теленгитов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л.: Наука, 1988. 254 с.

Ильина Л. Е. Функции колыбельных песен с позиций аксиологии // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 5 (90). С. 315–317.

Каруновская Л. Э. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком: Сб. Музея антропологии и этнографии. Л., 1927. Т. 6. С. 19–36.

Каташев С. М. Рифма в алтайской поэзии // Учен. зап. Горно-Алт. НИИ истории, языка и литературы. Горно-Алтайск, 1971. Вып. 10. С. 80–104.

Каташев С. М. Основные ритмические определители алтайских народных песен // Улагашевские чтения. Горно-Алтайск, 1979. Вып. 1. С. 112–133.

Кондратьева Н. М. Колыбельные теленгитов // Музыкальная этнография Северной Азии. Новосибирск, 1989. С. 183–196.

Кондратьева Н. М., Сыченко Г. Б. Алтайцы: алтай-кижи, теленгиты, телёсы, телеуты, тубалары, чалканцы, кумандинцы // Музыкальная культура Сибири: В 3 т. / Гл. ред. Б. А. Шиндин. Новосибирск, 1997. Т. 1: Традиционная музыкальная культура народов Сибири. Кн. 1: Традиционная культура коренных народов Сибири. С. 209–283.

Ойноткинова Н. Р. Мифология алтайцев: Этнолингв. словарь: В 2 т. Новосибирск: НГУ, 2022. Т. 1. 512 с.

ОТКА – Обрядность в традиционной культуре алтайцев. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2019. 704 с.

Сыченко Г. Б. Песенная традиция чалканцев Турочакского района Республики Алтай (к проблеме сравнительно-типологического исследования) // Вопросы этномузыкознания. 2016. № 1 (14). С. 21–36.

ТРС – Телеутско-русский словарь / Сост. Л. Т. Рюмина-Сыркашева, Н. А. Кучигашева. Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1995. 119 с.

Тоцакова Е. М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1978. 160 с.

Чочкина М. П. Алтайский детский фольклор. Горно-Алтайск, 2003. 160 с.

References

Altayskie narodnye skazki [Altai folk tales]. Sadalova T. M. (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 2002, 455 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. Vol. 21).

Altaysko-russkii slovar' [Altai-Russian dictionary]. Chumakaev A. E. (Ed.) Gorno-Altaysk, 2018, 936 p.

Chochkina M. P. *Altayskiy detskiy fol'klor* [Altai children's folklore]. Gorno-Altaysk, 2003, 160 p.

D'yakonova V. P. Detstvo v traditsionnoy kul'ture tuvintsev i telengitov [Childhood in the traditional culture of Tuvans and Telengits]. In: *Traditsionnoe vospitanie detey u narodov Sibiri* [Traditional education of children among the peoples of Siberia]. Leningrad, Nauka, 1988, 254 p.

Il'ina L. E. *Funktsii kolybel'nykh pesen s pozitsiy aksiologii* [Functions of lullabies from the standpoint of axiology]. *The world of science, culture and education*. 2021, no. 5 (90), pp. 315–317.

Karunovskaya L. E. *Iz altayskikh verovaniy i obryadov, svyazannykh s rebenkom: Sb. Muzeya antropologii i etnografii* [From the Altai beliefs and rites associated with the child: Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad, 1927, vol. 6, pp. 19–36.

Katashev S. M. Osnovnye ritmicheskie opredeliteli altayskikh narodnykh pesen [Basic rhythmic determinants of Altai folk songs]. In: *Ulagashevskie chteniya* [Ulagashevskie readings]. Gorno-Altaysk, 1979, iss. 1, pp. 112–133.

Katashev S. M. *Rifma v altayskoy poezii* [Rhyme in Altai poetry]. *Uchen. zap. Gorno-Alt. NII istorii, yazyka i literary*. 1971, iss. 10, pp. 80–104.

Kondrat'eva N. M. Kolybel'nye telengitov [Telengits' lullabies]. In: *Muzykal'naya etnografiya Severnoy Azii* [Musical ethnography of Northern Asia]. Novosibirsk, 1989, pp. 183–196.

Kondrat'eva N. M., Sychenko G. B. Altaytsy: altay-kizhi, telengity, telesy, teleuty, tubalary, chalkantsy, kumandinty [Altaians: Altai-Kizhi, Telengits, Telyosy, Teleuts, Tubalars, Chalkantsy, Kumandins]. In: *Muzykal'naya kul'tura Sibiri: v 3 t.* [Musical culture of Siberia: In 3 vols.]. B. A. Shindin (Ed.). Novosibirsk, 1997, vol. 1: Traditsionnaya muzykal'naya kul'tura narodov Sibiri [Traditional musical culture of the peoples of Siberia], bk. 1: Traditsionnaya kul'tura korennykh narodov Sibiri [Traditional culture of the indigenous peoples of Siberia], pp. 209–283.

Obryadnost' v traditsionnoy kul'ture altaytsev [Ritualism in the traditional culture of the Altaians]. Gorno-Altaysk, S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics, 2019, 704 p.

Oynotkinova N. R. *Mifologiya altaytsev: etnolingv. slovar': v 2 t.* [Mythology of the Altaians: Ethnolinguistic dictionary: in 2 vols.]. Novosibirsk, NSU, 2022, vol. 1, 512 p.

Sychenko G. B. Pesennaya traditsiya chalkantsev Turochakskogo rayona Respubliki Altay (k probleme sravnitel'no-tipologicheskogo issledovaniya) [Song tradition of the Chalkans of the Turochak district of the Altai Republic (to the problem of comparative typological research)]. *Voprosy etnomuzykoznaneya*. 2016, no. 1 (14), pp. 21–36.

Teleutsko-russkiy slovar' [Teleut-Russian dictionary]. L. T. Ryumina-Syrkasheva, N. A. Kuchigasheva (Comps.). Kemerovo, Kem. kn. izd., 1995, 119 p.

Toshchakova E. M. *Traditsionnye cherty narodnoy kul'tury altaytsev (19 – nachalo 20 v.)* [Traditional features of the folk culture of the Altaians (19th – early 20th century)]. Novosibirsk, Nauka, 1978, 160 p.

Veselovskiy A. N. Psikhologicheskiy parallelizm i ego formy v otrazheniyakh poeticheskogo stilya [Psychological parallelism and its forms in reflections of poetic style]. In: *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow, Vyssh. shk., 1989, pp. 101–154.

Информация об авторе

Надежда Романовна Ойноткинова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
RSCI Author ID 607299

Information about the author

Nadezhda R. Oynotkinova, Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of the Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
RSCI Author ID 607299

*Статья поступила в редакцию 03.03.2025;
одобрена после рецензирования 07.04.2025; принята к публикации 07.04.2025
The article was submitted on 03.03.2025;
approved after reviewing on 07.04.2025; accepted for publication on 07.04.2025*

Научная статья

УДК 398 (=512.153)+398.5
DOI 10.17223/18137083/91/2

К вопросу о жанровой классификации обрядовых благопожеланий хакасов

Валентина Виссарионовна Миндибекова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

vmindibekova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1093-3106>

Аннотация

Целью статьи является систематизация хакасских благопожеланий и выявление особенностей их функционирования в системе культовой, календарной и семейной обрядности хакасов. Раскрыто смысловое содержание благопожеланий, исполнявшихся во время проведения обрядов. Проанализированы структура и языковые особенности хакасских благопожеланий, определено их место в системе жанров. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью благопожеланий, а также их ролью в традиционной культуре хакасов.

Ключевые слова

хакасский фольклор, обрядовая поэзия, обрядовые благопожелания, культовая обрядность, календарная обрядность, семейная обрядность

Для цитирования

Миндибекова В. В. К вопросу о жанровой классификации обрядовых благопожеланий хакасов // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 23–34. DOI 10.17223/18137083/91/2

On the issue of the genre classification of the Khakass ritual benevolence

Valentina V. Mindibekova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
vmindibekova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1093-3106>

Abstract

This paper examines the classification and systematization of the Khakass genre of good wishes and their functions in the system of traditional Khakass ritual practices. The under-

© Миндибекова В. В., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 23–34
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 23–34

researched nature of good wishes, notwithstanding their widespread prevalence and distinctive qualities, highlights the significance of the study. It was believed that good wishes could improve one's life and well-being, reflecting a faith in the power of language. Modern society is exhibiting a renewed interest in traditional culture, particularly the expression of good wishes, which are increasingly sought in diverse life contexts. Ritual poetry belongs to the insufficiently studied genres of Khakass folklore. The study aim is to systematize the good wishes of the Khakass people and identify the characteristics of their functioning in the system of cult, calendar, and family rituals. The structure and linguistic features of Khakass good wishes are analyzed to determine their place within the established genre framework. Consideration is given to the semantic content of good wishes performed during the ritual. While a significant amount of material was compiled between the late nineteenth and early twentieth centuries, the study of Khakass rituals remains an area of limited scholarly investigation within the framework of traditional Khakass cultural practices. This investigation centers on the ritual poetry samples found within the archives of N. F. Katanov. We suggest a novel approach to defining the genre features of good wishes and their subsequent thematic classification.

Keywords

Khakass folklore, ritual poetry, ritual benevolence, cult rituals, calendar rituals, family rituals

For citation

Mindibekova V. V. On the issue of the genre classification of the Khakass ritual benevolence // *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 2, pp. 23–34. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/2

Введение

Хакасский фольклор представлен многообразием жанров. Среди них особое место занимают обрядовые благопожелания, представляющие собой древнейший жанр устного народнопоэтического творчества, в котором отражены духовно-этические и нравственные ценности народа.

Целью работы является систематизация обрядовых благопожеланий хакасов и выявление особенностей их функционального назначения. В ходе анализа были поставлены и решены следующие задачи: рассмотреть жанровую специфику обрядовых благопожеланий в системе календарной и семейной обрядности хакасов, раскрыть смысловое содержание благопожеланий, исполнявшихся во время проведения обрядов. Материалом исследования послужили тексты, записанные Н. Ф. Катановым в конце XIX в., архивные материалы Рукописного фонда Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, а также благопожелания, зафиксированные в хакасском героическом эпосе. В исследовательском поле автора статьи имелось более 100 единиц благопожеланий. В работе нами использован описательный метод. Впервые в хакасской фольклористике дана жанровая классификация благопожеланий в системе традиционной обрядности хакасов.

Благопожелания сопровождают человека с самого рождения и вплоть до конца его дней. Произносящий благопожелания выполняет важную роль – устанавливает связь между человеком и божествами, могущественными духами-хозяевами природы. Еще во времена язычества люди произносили молитвы – заклинания к высшим силам, в которых содержалась просьба о благополучии, счастье, изобилии, удаче. Значимые события в жизни человека сопровождаются пожеланиями здоровья, счастья, успеха и т. д.

История изучения. Жанр благопожеланий известен почти у всех тюрко-монгольских народов (общетюркское название: у алтайцев – *алкыш*, шорцев и тувинцев – *алгыш*, якутов – *алгыс*). В алтайской фольклористике функциональным связям благопожеланий (*алкыш сос*) посвящены работы С. С. Каташа [1978]. К. Е. Укачиной и Е. Е. Ямаевой [1993] рассмотрены обряды в традиционной культуре алтайцев. Обрядность в традиционной культуре алтайцев представлена в коллективной монографии [2019]. В тувинской фольклористике жанр тувинских благопожеланий исследовал Ч. Ч. Куулар [1976]. Традиционные религиозные верования и обряды сибирских тюрков в сравнительно-историческом аспекте, в том числе и хакасов, изучены в трудах Н. А. Алексеева [1980; 1992]. Тексты обрядовой поэзии саха (якутов) и эвенков с полным научным описанием и комментариями изданы в двуязычной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [Обрядовая поэзия саха (якутов), 2003].

Теоретической базой данного исследования послужили этнографические труды Н. П. Дырнковой [1927; 1940], Н. Ф. Катанова [1893; 1996], С. Д. Майнагашева [1916], посвященные проблемам традиционной обрядности хакасов. Хакасские благопожелания (*алгысы*) содержатся в изданном В. В. Радловым IX томе «Образцов народной литературы тюркских племен» [1907а; 1907б], записях Н. Ф. Катанова, сделанных им во время длительной экспедиции по Сибири в 1889–1896 гг.

Отдельные аспекты обрядовой поэзии хакасов с историко-этнографических позиций (описание обрядов, исторических событий) освещены в работах В. Я. Бутанаева (см. [Бутанаев, 1994; 1999; 2006; Бутанаев, Бутанаева, 2001]), с фольклористической точки зрения (текстология) М. А. Унгвицкой и В. Е. Майногашевой [1972], В. В. Миндибековой [2023; 2024], как объект лингвистических исследований в работе М. Д. Чертыковой [2024]. Описания праздников и обрядов, составляющих культурно-историческую ценность хакасов, введены в научный оборот в 1999 г. коллективом авторов [Бутанаев и др., 1999]. Традиционные праздники хакасов весенне-летнего и осеннего периодов были рассмотрены А. А. Бурнаковым и Е. С. Тороковой [Хакас чонның үлүкүннөри, 2023].

Все исследования указанных авторов являются ценным материалом как для теоретической, так и для практической работы. Несмотря на богатый материал, собранный в конце XIX – начале XX в., традиционная обрядность хакасов остается малоизученным явлением культуры хакасов. Обрядовая поэзия хакасов стала объектом исследования лишь в начале XX в.

Тематическая классификация благопожеланий

Благопожелания – это устно-поэтические произведения стихотворной формы, в которых сформулированы пожелания разнообразных благ по какому-либо знаменательному событию в жизни человека. С глубокой древности благопожелания исполняются в контексте обрядов. В народной терминологии тексты обрядовой поэзии объединены общим понятием *алгыс* (от древнетюркского *alqa* – «благо-словлять, восхвалять, благожелать» (ДТС, 1969, с. 38)).

В сибирской фольклористике проблема классификации благопожеланий в системе традиционной обрядности достаточно хорошо разработана на материале алтайского, тувинского и якутского фольклора. В якутской фольклористике Л. С. Ефимова [2013] дала классификацию и общую жанровую характеристику *алгыса* саха (якутов). Ж. М. Юша [2009] рассматривала вопросы классификации

жанров обрядовой поэзии тувинцев. Н. Р. Ойноктинова [2022; 2024] представила тематическую классификацию обрядовых текстов алтайцев.

В обрядовом фольклоре хакасов можно выделить три группы благопожеланий:

- 1) благопожелания, связанные с культовой обрядностью;
- 2) благопожелания, связанные с календарной обрядностью;
- 3) благопожелания, связанные с семейной обрядностью.

Культовые (шаманские) благопожелания хакасов являются неотъемлемой частью обрядов и шаманских камланий. *Семейно-обрядовый фольклор* включает в себя произведения устного народного творчества, которые сопутствовали обрядам жизненного цикла (рождение, свадьба, похороны). *Календарно-обрядовый фольклор* был связан с годовым циклом хозяйственной деятельности человека, а именно с промыслом охотника, с трудом земледельца в течение года.

Благопожелания, связанные с культовой обрядностью

Н. Ф. Катанов и С. Д. Майнагашев оставили потомкам богатый фонд записей шаманского фольклора. Они записали образцы культовой поэзии, связанные с поклонением природным стихиям, с почитанием природы, божеств и духов-хозяев. Обрядовые действия, связанные с семейными и общественными ритуалами, сопровождалась традиционной формой устной поэтической речи.

Культовая поэзия – это самый древний пласт обрядовой поэзии хакасов. Она тесно связана с верованиями, древними культами, ритуалами, направленными на общение с высшими силами. Хакасы глубоко почитали природу, считая ее живой и одушевленной. Духи гор, рек, лесов, животных играли важную роль в их жизни.

Произведения культовой поэзии часто исполнялись во время религиозных праздников, жертвоприношений и других священных обрядов. Одним из главных и крупных религиозных праздников является *Тигір тайиш* ‘Праздник поклонения Небу’. Собравшиеся вместе люди обращались к божествам Худаю и Белым Чай-аанам (*Ах Чайаан*), Девяти Творцам (*Тогыс Чайаан*) с просьбой защитить от болезней и злых духов, оказать покровительство выпасаемым стадам. Поднимая руки к небу, они восхваляли высокого покровителя, приносили различные жертвы божествам, чтобы умиловить их. Моления проводились с целью прошения у неба дождя, высокой травы, богатого урожая, увеличения поголовья скота и удоев молока. Проведение обряда сопровождалось обращением к творцам: *Ах Чайаанам: Ёзилбес тамыр үчүн, / Ёребес чурт үчүн! / Улуглар пастаан кибірбинен / Пир пазыбысынан / Ікі иннібісінінен / Пазырынып-сүзүрүніп турбыс! Улуг Худайлар* (Образцы..., 1907а, с. 401). ‘Ради жизни не прекращающейся, / Ради жилища не разрушающегося! / Начатый предками обычай, / Голову склоняем, / Плечи наклоняем, / Поклонение совершаем! / До Худая всевышнего, / *Ах Чайаанга тооза читсін!* До Ах Чаянов пусть достигнет!’ (Образцы..., 1907б, с. 16–17). С. Д. Майнагашев писал: «Одним из наиболее интересных видов жертвоприношений у турецких племен Минусинского уезда Енисейской губернии носит название “Тигір тайыг”, что значит “жертвоприношение Небу”» [Майнагашев, 1916, с. 93].

В 1892 г. Н. Ф. Катанов записал благословение гор у качинских шаманов: «Жертвою горному духу служит пар, исходящий из морей и лесов. Горы этого духа покрыты таволожником и ягодами. Ездит он на бурых конях, гривы и хвосты которых обхватывают всю землю» [Письма Н. Ф. Катанова..., 1893, с. 91–92].

При проведении *суз тайши* 'обряда поклонения воде' хакасы выражали свое почтение духу-хозяину воды. В благопожеланиях они восхваляют его воды и просят сделать броды хорошими. Обряд жертвоприношения духу-хозяину воды описывается в героическом эпосе «Хара Хусхун» (1977), записанном от П. В. Тоданова. Согласно сюжету этого героического сказания, многие богатыри мечтали жениться на девушке Алтын-Арыг, старшей сестре Хара Хусхуна. Однажды у подножия горы встретились девять братьев Кизер, которые вышли из темноты земли, и сразились с богатырем Сарыг-Тайджи, который вышел с другой стороны:

– *Сөгейм, сөөк!*
Ах талайның палыгын
Тудып, піс чеебіс,
Ах талайга
Пус тутпаабыс.
Сөгейм, сөөк!
Ах тасхылның аңын
Аңнап, чеебіс,
Ах тасхылга
Пус тутпаабыс, – тін,
Чалгыс полган Сарыг Тайчыны
Чара тартыбызып,
Тогыс харындас чарымдых чанын
Ах тасхылзар сурхадылар,
Чарымдых чанын
Ах талайга кире тастадылар.

– Восторг мой, жертва [тебе]!
Рыбу великой белой реки
Мы ловили и ели,
[Но] великой белой реке
Пар [-дух] не держали.
Восторг мой, жертва [тебе]!
На зверя белого тасхыла
Охотились мы, ели,
[Но] белому тасхылу
«[Мы дух-] пар не держали», – сказав,
Бывшего одиноким Сарыг-Тайджи
На куски разорвав,
Девять братьев половину [тела] его
На белый тасхыл бросили,
Другую половину [тела] его
В великую белую реку сбросили.

(Хара Хусхун, 1977, с. 23–27)

Фрагмент ценен своей первозданной древностью, когда далекие предки хакасов жили в тревоге перед силами природы, поклоняясь их духам, в знак почитания приносили им жертвы, видимо, даже человеческие, как описано в этом примере.

Культовая поэзия была сакральной и передавалась из поколения в поколение. Она служила для поддержания связи с природой, миром духов и давала надежду на благополучие. В ней обращались к духам предков, духам-хозяевам гор, тайги, рек, озер, огня.

Благопожелания календарной обрядности

Календарная обрядовая поэзия привязана к годовому циклу и трудовой обрядности, она сопровождала праздники, связанные с земледелием, сменой времен года и почитанием сил природы, а также со всеми трудовыми занятиями людей. В соответствии с народным календарем обряды подразделяются на циклы: весенний, летний, осенний и зимний. Во время проведения хакасских праздников исполняются обрядовые благопожелания о благополучии рода, достатке, плодородии земель, урожае.

Календарный год начинался со дня весеннего равноденствия. Наступление Нового года *Чыл пазы* (букв. 'Голова года') отмечается 22 марта. Считается, что в этот день оживают духи-хозяева (*ээзи*) гор, воды, земли, пробуждается природа. В рамках празднования проводился обряд *Пай-Хазын*, при котором повязывают

разноцветные ленты *чалама* на священную березу с просьбой о даровании успешного года. Также проводится обряд кормления огня *От-Ине*.

Весной, когда земля уже была вспахана и семена посеяны, отмечался праздник *Урен хурты* (букв. 'Праздник зародыша зерна'). В этот день люди старались защитить будущий урожай от засухи и обеспечить хорошие условия для прорастания зерна.

С наступлением летнего сезона отмечается праздник *Тун пайрам* в честь первого *айрана* – кисломолочного напитка, приготовленного из коровьего молока. Это один из самых значимых летних скотоводческих праздников, приходящийся на день летнего солнцестояния (конец мая – начало июня), когда скотоводы завершают переход с зимних пастбищ на летние. В этот день они заводят первый *айран* и желают, чтобы в их семье всегда были достаток и изобилие в виде скота и молочных продуктов.

В день осеннего равноденствия отмечается *Уртун тойы* – праздник урожая (букв. 'Праздник гумна'). Он символизирует завершение сельскохозяйственного года. В этот день стада возвращаются с летних пастбищ на зимние, начинается подготовка к зиме, а молодые люди играют свадьбы. Во время праздника проводили обряд благодарения *Чир Ине* (букв. 'Земля-Мать') за собранный урожай и проводили кормление священного огня пищей нового урожая. На краю поля обязательно оставляли долю духа-хозяина пашни *хыра үлүзі* в виде пучка несрезанных колосков.

Трудовая обрядность хакасов связана с охотничьими, скотоводческими и земледельческими обрядами. Эти промыслы были основой существования народа. Благопожелания связаны с ритуалами, направленными на успешную охоту, и выражают благодарность духу-хозяину за обретенную добычу. Промысловый культ был связан с духами-хозяевами тайги. Нахождение охотников в таежной местности и сам процесс охоты были сакрализованы, связаны с духом-хозяином тайги. При добыче медведя устраивали медвежий праздник: духу-хозяину тайги играли на *хамысе*, чтобы попросить его об изобилии зверей в будущем и при этом не разгневать духа-хозяина. Н. А. Алексеев писал: «Медвежий культ у хакасов вплоть до деталей совпадал с культом медведя у якутов и алтайцев» [Алексеев, 1980, с. 119–120].

Согласно сюжету героического сказания, шесть охотников отправились в тайгу. Переночевав, наутро, умыв лицо и руки, варили суп *угре*. Перед завтраком Огонь окропляли этим супом *угре*. Старший из охотников Талай обращался к Матери-Огню, произнося следующие слова:

Отыс тилліг От Инем!

Хырых тістіг Хыс Инем!

Синнең улуғ ниге чоһ!

Ўлгеннең үзүктігсан!

С тридцатью языками, моя Мать-Огонь!

С сорока зубами, моя Дева-Мать!

Выше тебя [в мире] нет ничего!

Ты есть часть Ульгена!

«Алып Хустай и Килескі хан» (Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ, л. 123)

Поэтические произведения сопровождали ритуал кормления охотником Огня-Матери (*Аңчының От Инені азырааны*). Интерес представляет сюжет героического сказания «Алып Хустай паза Килескі хан» 'Алып Хустай и Килески-хан'. Богатырь *Алып Хустай* отправился на охоту и вернулся домой с добычей – белчьим мясом. Он сварил мясо, отрезал три куска, бросил их в Огонь и еще тремя каплями бульона с ложки окропил его. Совершая обряд, произносил обращение

к От Ине: «Отыс тілліг От Инем! / Хырых тістіг Хыс Инем! / Позубус чібеебіс, позубус іспеебіс! Сегее нурун пирчебіс! С тридцатью языками, моя Огонь-Мать, / Сороказубая, моя Дева-Мать! / Сами мы не ели, сами мы не пили! / Сначала даем тебе!» (Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ, № 717, л. 123. Пер. В. Е. Майногашевой).

«Позубус чібеебіс, позубус іспеебіс! ‘Сами мы не ели, сами мы не пили’ – речь идет о том, что мясо дичи чистое, никем не оскверненное, что его первые порции подаются Огню-Матери как подтверждение искреннего почитания ее.

Човал чөрүп, ах тайгадаң ағылган

Аң идін чіп, илемаңны иртіріп тур!

Чаламың часып тур!

Чеең тамагың істіңе сиңмен ползын!

Ахсы-тіліңні эмненіп тур!

Ахсы-пурнуңны чағланып тур!

В усталости добытого в священной тайге

мяса дичи поев, свой голод ты утоли!

Свои [священные] ленты расстели,

Съеденная тобою еда да будет сытной!

Свой язык и рот ты излечи!

Твой рот и нос да насытятся жиром!

(Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ, № 717, л. 123. Пер. В. Е. Майногашевой)

Ах тайгадаң (букв. ‘из белой тайги’), слово *ах* имеет значение ‘священная’. Тайга, дающая пропитание человеку, почиталась охотниками: ...*голод ты утоли* – букв. ...*свои муки утоли*.

Широкое распространение получили благопожелания, посвященные разведению скота. Они были призваны содействовать благополучию стада, его защите от болезней и хищников. Во всех случаях совершались подношения Матери-Огню.

Как видим, огонь занимает важное место и в проведении календарных обрядов. Древнейшая промыслово-обрядовая поэзия в народе не сохранилась, к настоящему времени она утрачена.

Благопожелания, связанные с семейной обрядностью

Семейно-бытовая поэзия была тесно связана с традициями и обычаями семьи, передавалась от старших к младшим и служила для укрепления семейных уз и сохранения памяти о предках. Одними из главных ценностей в жизни являются большая крепкая семья, долголетие. Благопожелания, связанные с семейной обрядностью, дошедшие из древности до наших дней, сопровождают важнейшие события в жизни человека в контексте семьи. В семейно-бытовой поэзии выделяются следующие разновидности:

- 1) благопожелания, связанные со свадебной обрядностью;
- 2) благопожелания, связанные с рождением, наречением ребенка и первым годом жизни ребенка.

Свадебным благопожеланиям придавалось особое значение. Н. Ф. Катанов записал благопожелания, произносимые на одном из важных этапов свадебной церемонии волос *Сас тойы* (букв. ‘Свадьба волос’), знаменующих переход девушки из своего рода в род мужа. Во время этого сакрального ритуала в адрес невесты произносились наставления старших. *Той* ‘свадьба’ всегда сопровождается исполнением благопожеланий. У высших сил просили о благополучии, счастье, изобилии, удаче для новой семьи. *Той алгыстары* ‘свадебные благословения’ произносились близкими родственниками: отцом, матерью, старшим братом или старшей сестрой, а если не было родителей, то другими старшими родственниками. Молодой семье желают благополучия. Возведение юрты для молодоженов

является главной задачей стороны жениха: *Айга тутхан ебиң-тураң / Алтыннан хурчал турзун, / Кўнге тутхан ебиң-тураң / Кўмўснең хурчал турзун!* (Образцы..., 1907а, с. 369) 'Под луной возведенные твои юрта и дом / Пусть золотом опояшутся! / Под солнцем возведенные твои юрта и дом / Пусть серебром опояшутся!' (Образцы..., 1907б, с. 235). Юрта выступает символом семьи, мира и гармонии.

Важным событием в семье было появление на свет ребенка. Многовековые традиции и обряды были направлены на обеспечение благополучной жизни рода. Распространены благопожелания, связанные с рождением ребенка, наречением, укладыванием в люльку и с первым годом его жизни. Благопожелания произносятся с целью воспитания в ребенке духовности в соответствии с традиционными этическими принципами [Миндибекова, 2024]. В этом случае благопожелания выступают в функции духовно-нравственных ориентиров личности и призваны помочь ребенку следовать в жизни верным путем.

Заключение

Тематическая классификация обрядовых благопожеланий представлена следующими разновидностями:

- 1) благопожелания, связанные с культовой обрядностью;
- 2) благопожелания, связанные с календарной обрядностью;
- 3) благопожелания, связанные с семейной обрядностью.

Культовая обрядность была сакральной и передавалась из поколения в поколение. В благопожеланиях обращались к духам предков, духам-хозяевам гор, тайги, рек, озер, огня, поддерживая связь с природой, миром духов. *Календарная обрядность* была связана с годовым циклом, а также с промыслом охотника, трудом земледельца в течение хозяйственного года. В *трудоу обрядности* хакасов выделены скотоводческие, охотничьи и земледельческие обряды. Благопожелания были направлены на защиту человека и домашнего скота от злых духов и болезней. *Семейная обрядность* представлена благопожеланиями, связанными со свадебной обрядностью, с рождением и наречением ребенка. Они сопровождают важнейшие события в жизни человека и семьи с древнейших времен. В благопожеланиях содержатся призывы и просьбы о помощи, содействии, напутствия.

Традиционная система ценностей служит нравственным ориентиром для современных людей. Она помогает поддерживать и реализовывать определенные нормы поведения, касающиеся взаимодействия с окружающими людьми и средой. На вершине жизненных ценностей находятся семья и дом.

Благопожелания являются одним из бытующих и активно функционирующих жанров обрядовой поэзии хакасов. Все они занимают важное место в системе жанров хакасского фольклора и представляют собой полифункциональное явление, исполняющееся в календарной и семейной обрядности. Благопожелания и в наши дни употребляются повсеместно, что обусловлено глубоко укоренившейся в культуре верой в магическую силу слова.

Список литературы

Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 318 с.

Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1992. 233 с.

- Бутанаев В. Я.* Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан, 1994. 93 с.
- Бутанаев В. Я.* Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан: Изд-во Хакас. гос. унта, 2006. 254 с.
- Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И.* Хакасский исторический фольклор. Абакан: Изд-во Хакас. гос. унта, 2001. 148 с.
- Бутанаев В. Я., Верник А. А., Ултургашев А. А.* Народные праздники Хакасии: Учеб. пособие / Хакас. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова. Абакан, 1999. 58 с.
- Дыренкова Н. П.* Культ огня у алтайцев и телеут // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1927. Т. 6. С. 63–78.
- Дыренкова Н. П.* Шорский фольклор. М.; Л.: АН СССР, 1940. 448 с.
- Ефимова Л. С.* Алгыс саха (якутов) в свете фольклорных традиций тюрко-монгольских народов Сибири: классификация, общая характеристика. Новосибирск: Наука, 2013. 178 с.
- Катанов Н. Ф.* Шаманские песнопения сибирских тюрков: записи 1878–1892 годов / Поэтический пер. А. Преловского; вступ. ст., науч. ред. хакасских текстов, коммент. В. Я. Бутанаева. М.: ЛитЭкспресс, 1996. 192 с.
- Каташ С. С.* Мифы и легенды Горного Алтая. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1978. 111 с.
- Майнагашев С. Д.* Жертвоприношение Небу у бельтиров // Сборник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого при Императорской академии наук. Пг., 1916. Т. 3. С. 93–102.
- Миндибекова В. В.* Мифологическая основа обрядовых благопожеланий хакасов // Эпосоведение. 2023. № 2 (30). С. 67–75.
- Миндибекова В. В.* Жанр благопожеланий *алгыс* в контексте семейной обрядности хакасов // Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 112–124. DOI 10.17223/1813 7083/88/7
- Обрядность в традиционной культуре алтайцев. Коллективная монография. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2019. 704 с.
- Ойноткинова Н. Р.* Календарные обряды и праздники алтайцев и телеутов: классификация и общая характеристика // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 153–165. DOI 10.17223/18137083/80/13
- Ойноткинова Н. Р.* Жанровые особенности песен и благопожеланий в свадебной обрядности алтайцев // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 151–163. DOI 10.17223/18137083/87/13
- Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. СПб., 1893. 114 с.
- Унгвицкая М. А., Майногашева В. Е.* Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан: Краснояр. кн. изд-во, 1972. 311 с.
- Чертыкова М. Д.* Благопожелания как языковое отражение традиционных ценностей хакасов: методология исследований // Эпосоведение. 2024. № 3 (35). С. 15–29.
- Юша Ж. М.* Обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика. Новосибирск: Апельсин, 2009. 165 с.
- Куулар Ч. Ч.* Алгыш-йөрээлдер // Тыва улустун аас чогаалы / Сост. З. К. Калзан. Кызыл: ТывНУЧ, 1976. С. 132–141.
- Укачина К. Е., Ямаева Е. Е.* Алтай алкыштар. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. 144 с.
- Хакас чоннын үлүкүннері = «Автохтонные праздники хакасов» по научному проекту «Годовой цикл хакасского календаря» / Авт.-сост.: А. А. Бурнаков, Е. С. Торокова. Абакан: Хак. кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2023. 32 с.

Список источников и словарей

Алып Хустай паза Килескі хан (Алып Хустай и Килескі хан) Рукоп. фонд РГНИУ «ХакНИИЯЛИ», инв. № 717, л. 123 – см.: I. Сказки, записанные Н. С. Тенешевым, л. 91.

Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Хакасия, 1999. 240 с.

ДТС – Древнетюркский словарь / [Ред. В. М. Надежев и др.]; АН СССР. Ин-т языкознания. Л.: Наука, 1969. XXXVIII, 676 с.

Образцы народной литературы тюркских племён, изданные В. Радловым. СПб.: Изд-во АН СССР, 1907а. Т. 9: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым: Тексты. 668 с.

Образцы народной литературы тюркских племён, изданные В. Радловым. СПб.: Изд-во АН СССР, 1907б. Т. 9: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым: Переводы. 658 с.

Обрядовая поэзия саха (якутов) / Сост. Н. А. Алексеев, П. Е. Ефремов, В. В. Илларионов. Новосибирск: Наука, 2003. 512 с.; ил. + компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 24)

Хара Хухун (Богатырское сказание). Абакан: ХО Краснояр. кн. изд-во, 1977. (на хак. яз.)

References

Alekseev N. A. *Rannie formy religii tyurkoyazychnykh narodov Sibiri* [Early forms of religion of the Turkic speaking peoples of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1980, 318 p.

Alekseev N. A. *Traditsionnye religioznye verovaniya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri* [Traditional religious beliefs of the Turkic-speaking peoples of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1992, 233 p.

Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I. *Khakasskiy istoricheskiy fol'klor* [Khakass historical folklore]. Abakan, KhSU, 2001, 148 p.

Butanaev V. Ya. *Proiskhozhdenie khakasskikh rodov i family* [The origin of Khakass families and surnames]. Abakan, 1994, 93 p.

Butanaev V. Ya. *Traditsionnyy shamanizm Khongoraya* [Traditional shamanism of Hongorai]. Abakan, KhSU, 2006, 254 p.

Butanaev V. Ya., Vernik A. A., Ulturgashev A. A. *Narodnye prazdniki Khakasii: Ucheb. posobie* [Folk festivals of Khakassia: Textbook]. Abakan, 1999, 58 p.

Chertykova M. D. Blagopozhelaniya kak yazykovoe otrazhenie traditsionnykh tsenostey khakasov: metodologiya issledovaniy [Benevolence as a linguistic reflection of traditional Khakas values: research methodology]. *Epic Studies*. 2024, no. 3 (35), pp. 15–29.

Dyrenkova N. P. Kul't ognya u altaytsev i teleut [The cult of fire among the Altaians and Teleuts]. In: *Sbornik muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad, 1927, vol. 6, pp. 63–78.

Dyrenkova N. P. *Shorskiy fol'klor* [Shor folklore]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1940, 448 p.

Efimova L. S. *Algys sakha (yakutov) v svete fol'klornykh traditsiy tyurko-mongol'skikh narodov Sibiri: klassifikatsiya, obshchaya kharakteristika* [The benevolence of the

Sakha (Yakuts) in the light of folklore traditions of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia: classification, general characteristics]. Novosibirsk, Nauka, 2013, 178 p.

Katanov N. F. *Shamanskije pesnopeniya sibirskikh tyurkov: zapisi 1878-1892 godov* [Shamanic chants of the Siberian Turks: records of 1878–1892]. A. Prelovsky (Poetic transl.), V. Ya. Butanaev (Introd. art., Sci. ed. of texts, Comm.). Moscow, LitExpress, 1996, 192 p.

Katash S. S. *Mify i legendy Gornogo Altaya* [Benevolence – as an ancient genre of Altai folklore]. Gorno-Altaysk, Alt. kn. izd., 1978, 112 p.

Khakas chonnyn ulukunneri po nauchnomu proektu “Godovoy tsikl khakasskogo kalendarya” [Autochthonous holidays of the Khakass people according to the scientific project “Annual cycle of the Khakass calendar”]. A. A. Burnakov, E. S. Torokova (Comps.). Abakan, Khak. kn. izd. im. V. M. Torosov, 2023, 32 p.

Kuular Ch. Ch. *Algysh-yoreelder* [Best wishes]. In: *Tyva ulustuj aas chogaaly* [Oral folklore of the Tuvan people]. Kyzyl, TyvNYCh, 1976, pp. 132–141.

Maynagashev S. D. *Zhertvoprinoshenie Nebu u bel'tirov* [Sacrifice to the Sky at the Beltir]. In: *Sbornik muzeya antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo pri Imperatorskoy akademii nauk* [Collection of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography at the Imperial Academy of Sciences]. Petrograd, 1916, vol. 3, pp. 93–102.

Mindibekova V. V. *Mifologicheskaya osnova obryadovykh blagopozhelaniy khakasov* [The mythological basis of the ritual benevolence of the Khakas]. *Epic Studies*. 2023, no. 2, pp. 67–75.

Mindibekova V. V. *Zhanr blagopozhelaniy algys v kontekste semeynoy obryadnosti khakasov* [Genre of the *algys* good wishes in the context of Khakass family rituals]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2024, no. 3 (30), pp. 112–124. DOI 10.17223/1813 7083/88/7

Obryadnost' v traditsionnoi kul'ture altaitsev: Kollektivnaya monografiya [Ritual in the traditional culture of the Altaians. Collective monograph]. Gorno-Altaysk, NII altaistiki im. S. S. Surazakova, 2019, 704 p.

Oynotkinova N. R. *Kalendarnye obryady i prazdniki altaitsev i teleutov: klassifikatsiya i obshchaya kharakteristika* [Calendar rites and holidays of the Altaians and Teleuts: classification and general characteristics]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2022, no. 3, pp. 153–165. DOI 10.17223/1813 7083/87/13

Oynotkinova N. R. *Zhanrovye osobennosti pesen i blagopozhelaniy v svadebnoy obryadnosti altaitsev* [Poetics of songs and good wishes in the wedding ceremony of the Altai people]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2024, no 2. pp. 151–163. DOI 10.17223/18137083/87/13

Ukachina K. E., Yamaev E. E. *Altay alkyshtar* [Altai benevolence]. Gorno-Altaysk, Ak-Chechek, 1993, 144 p.

Yusha Zh. M. *Obryadovaya poeziya tuvintsev: Struktura i semantika* [Ritual poetry of Tuvan: structure and semantics]. Novosibirsk, Apel'sin, 2009, 160 p.

List of sources and dictionaries

Alyp Khustay paza Kileski khan (Alyp Khustay i Kileski khan) Rukop. Fond [Alyp Hustai paza Kileski Khan (Alyp Hustai and Kileski Khan) Manuscript collection]. RGNIU “Khakniiyali”, inv. no. 717, l. 123, see: I. Skazki, zapisannye N. S. Teneshvym [Fairy tales written by N. S. Teneshev], l. 91.

Butanaev V. Ya. *Khakassko-russkiy istoriko-etnograficheskiy slovar'* [Khakas-Russian historical and ethnographical dictionary]. Abakan, Khakasiya, 1999, 240 p.

Drevnetyurkskiy slovar' [Ancient Turkic dictionary]. V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev et al. (Eds.). Leningrad, Nauka, 1969, XXXVIII, 676 p.

Khara Khushkun (Bogatyrscoe skazanie) [Khara Khushun (Heroic Legend)]. Abakan, KhO Krasnoyar. kn. izd., 1977.

Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. Radlovym [Samples of folk literature of Turkic tribes, published by V. Radlov]. St. Petersburg, AN SSSR, 1907a, vol. 9: Narechiya uryankhaytsev (soyotov), abakanskikh tatar i karagasov. Teksty, sobrannye i perevedennye N. F. Katanovym: Teksty [Dialects of Uryankhaians (Soyots), Abakan Tatars and Karagasses. Texts collected and translated by N. F. Katanov: Texts], 668 p.

Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. Radlovym [Samples of folk literature of Turkic tribes, published by V. Radlov]. St. Petersburg, AN SSSR, 1907b, vol. 9: Narechiya uryankhaytsev (soyotov), abakanskikh tatar i karagasov. Teksty, sobrannye i perevedennye N. F. Katanovym: Perevody [Dialects of Uryankhaians (Soyots), Abakan Tatars and Karagasses. Texts collected and translated by N. F. Katanov: Translations], 659 p.

Obryadovaya poeziya sakha (yakutov) [Ritual poetry of the Sakha (Yakuts)]. N. A. Alekseev, P. E. Efremov, V. V. Illarionov (Comps.). Novosibirsk, Nauka, 2003, 512 p.; ill. + CD. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East], vol. 24)

Информация об авторе

Валентина Виссарионовна Миндибекова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Scopus Author ID 57211577965

WoS Researcher ID L-4139-2018

Information about the author

Valentina V. Mindibekova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of the Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 57211577965

WoS Researcher ID L-4139-2018

Статья поступила в редакцию 11.04.2025;

одобрена после рецензирования 17.04.2025; принята к публикации 17.04.2025

The article was submitted on 11.04.2025;

approved after reviewing on 17.04.2025; accepted for publication on 17.04.2025

Научная статья

УДК 78.083.6:821.16:930.272

DOI 10.17223/18137083/91/3

Два канта Полтавского цикла в выголексинском рукописном сборнике из собрания академика М. Н. Тихомирова ГПНТБ СО РАН

Татьяна Генриховна Казанцева

Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки
Новосибирск, Россия

kerzak2002@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8316-5668>

Аннотация

Рассматриваются музыкально-поэтические тексты двух панегирических кантов эпохи Петра I в контексте старообрядческого крюкового сборника духовных стихов. Затрагиваются источниковедческий и текстологический аспекты. Основное внимание уделяется вопросам адаптации музыкальных произведений Нового времени к условиям более архаичной монодийной системы. Делается вывод о серьезной трансформации музыкальной формы кантов и в значительной мере условной фиксации ритмической составляющей их мелодий знаменной нотацией.

Ключевые слова

панегирические канты-виваты, собрание рукописей М. Н. Тихомирова, выголексинская книгописная школа, старообрядческие духовные стихи, знаменная нотация

Благодарности

Статья подготовлена по плану НИР ГПНТБ СО РАН, проект «Депозитарий книжных памятников Сибири и Дальнего Востока: выявление, система цифрового хранения и организации доступа для исследования», № 122040600049-8

Для цитирования

Казанцева Т. Г. Два канта Полтавского цикла в выголексинском рукописном сборнике из собрания академика М. Н. Тихомирова ГПНТБ СО РАН // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 35–51. DOI 10.17223/18137083/91/3

© Казанцева Т. Г., 2025

Two canticles of the Poltava Cycle in the Vygoleksinsky manuscript miscellany from the collection of Academician M. N. Tikhomirov housed at the SPSTL SB RAS

Tatyana G. Kazantseva

State Public Scientific Technical Library
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State Conservatory named after M. I. Glinka
Novosibirsk, Russian Federation

kerzak2002@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8316-5668>

Abstract

A considerable body of philological and musicological literature exists concerning the thematic elements of panegyric canticles composed during the Petrine era. The reason for this paper to address the subject concerned is the discovery of two samples of this genre in an Old Believer miscellany of spiritual poems from the collection of Academician Tikhomirov (GPNTB SB RAS) written in znamennaya notation. The study aims to establish the methods for adapting the musical form of the genre of Russian New Age music to terms of a more archaic monodic musical system. The study revealed that the manuscript of spiritual poems belongs to the Vygoleksinskaya School of book writing. The composition of the miscellany is similar to the typical one, featuring three canticles dedicated to the Russian-Swedish Wars, with two being part of a series celebrating the Poltava victory. Textual analysis indicates a significant degree of consistency within the poetic text, which adheres to syllabic versification and integrates elements of modern lexicon, Church Slavonic, and Latin. Analysis of the musical text necessitated a reconstruction of the rhythmic implications of the znamennaya notation. Comparative analysis of the reconstructed and original musical texts revealed substantial alterations to the melodic, rhythmic, and compositional structures of the canticles. It is hypothesized that this transformation stemmed from the inscription of melodies that had undergone prolonged oral transmission.

Keywords

panegyric vivat-canticles, collection of manuscripts of M. N. Tikhomirov, Vygoleksinskaya manuscript school, Old Believer spiritual poems, znamennaya notation

Acknowledgments

The paper was prepared as part of the SPSTL SB RAS, project no. 122040600049-8 “The Depository of Book Monuments of Siberia and the Far East: Identification, Digital Storage System, and Organization of Access for Research”

For citation

Kazantseva T. G. Two canticles of the Poltava Cycle in the Vygoleksinsky manuscript miscellany from the collection of Academician M. N. Tikhomirov housed at the SPSTL SB RAS. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 2, pp. 35–51. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/3

Виватные канты, возникшие и получившие широкое распространение в эпоху Петра Великого, ранее неоднократно привлекали внимание исследователей. Впервые «Петровские канты» в составе рукописи РНБ Q.XIV, 141, а также условия их возникновения и исполнения были описаны Н. Ф. Финдейзенем [1927;

1928, с. 348–351, XLVII–LVI] ¹. В исследованиях Т. Н. Ливановой [1938, с. 222–227; 1952, с. 453–525] подробно проанализирована, в том числе с точки зрения музыкально-поэтических форм, большая группа русских кантов по списку ГИМ № 2473, включающая и образцы Полтавского цикла. Позднее к изучению данного жанра по списку РГБ 310, № 898 обращался Ю. В. Келдыш [1965, с. 19–31]. Наиболее полная публикация цикла кантов Полтавскому торжеству по той же рукописи была осуществлена В. В. Протопоповым [Музыка..., 1973].

Причиной очередного обращения к теме стало обнаружение двух музыкально-поэтических текстов, связанных с событиями Северной войны и прославляющих победы Петра I над Карлом XII, – «Радуйся, российский орле» и «Днесь орле российский» – в старообрядческой поморской рукописи выголексинского письма ², хранящейся в собрании академика М. Н. Тихомирова ГПНТБ СО РАН (далее – Тих. № 448 ³). Сразу следует сделать оговорку, что в сборнике три панегирических канта, но только два названных непосредственно относятся к Полтавскому циклу. Третий кант «Восплещи, воспой Россия» написан на приезд в Новгород великого князя Павла Петровича и, очевидно, отражает события другой русско-шведской войны – 1788–1790 гг. Как отмечает М. Ю. Люстров, «в некоторых русско-шведских текстах XVIII в. все русско-шведские войны изображались как единая победоносная компания» [Люстров, 2008, с. 104]. Любопытно, что с заглавием «Псалма по победе швецкой» данный текст фигурирует не только в сборнике Тих. № 448, но и в ряде других поморских рукописей. Показательно также, что в старообрядческом журнале «Щит веры» за 1913 г. опубликована именно эта триада кантов.

Включение в старообрядческий сборник духовных стихов образцов чуждого панегирического жанра, посвященных императору, отношение к которому в поморской среде было отнюдь не однозначным, порождает ряд вопросов, лежащих в разных плоскостях. Один из наиболее интересных для исследователя обусловлен переходом музыкально-поэтических форм кантов, сформированных культурой Нового времени, из аутентичной стилистической сферы (трехголосная фактура, пятилинейная нотация) в более архаичную (моноподийный склад, невменная запись) и сводится к определению степени сохранности в результате такого перехода их исходных поэтической, мелодико-ритмической и композиционной характеристик ⁴. Однако, прежде чем обратиться к освещению данного вопроса, следует дать представление о самом сборнике, т. е. о контексте, в который оказались включенными интересующие нас тексты.

¹ В статье не рассматривается история изучения данного жанра филологами, см. об этом: [Перетц, 1900; Позднеев, 1996; Бейли, 2004] и др.

² Музыкально-палеографическая характеристика певческих рукописей выголексинского письма дана в трудах Ф. В. Панченко [Певческие книги..., 2001; Панченко, 2002; 2017]. Ею же в научный оборот введены сборники духовных стихов, проанализированы образцы выговского творчества [Панченко, 2002, с. 151–178]; некоторые стихи по списку ИРЛИ собр. Перетца, № 513 в переводе на пятилинейную нотацию опубликованы в: [Писания выговцев..., 2004, с. 281–349].

³ Полное музыкально-палеографическое описание рукописи Тих. № 448 см.: [Казанцева, 2019, с. 265–270]. Рукопись также была объектом исследования в статье Б. А. Шиндина [2015].

⁴ Проблема адаптации музыкально-поэтических форм русских кантов к условиям старообрядческой духовной лирики до настоящего времени является фактически неизученной областью, один из редких музыковедческих опытов представлен в статье Т. И. Калужниковой [2020].

Согласно исследованиям Ф. В. Панченко, состав выголексинских сборников духовных стихов не является стабильным, однако в них представлен определенный круг текстов, а также обнаруживается тенденция к объединению стихов по тематическому принципу. Исследователь выделяет следующие группы стихов, входящих в «типовые сборники»: «стихи о пустыни, стихи о выговских отцах, покаянные стихи на 8 гласов» [Панченко, 2002, с. 152].

Сборник Тих. № 448 содержит 45 стихов, которые делятся на несколько компактных групп: молитвы, плачи и притчи; стихи и псалмы на двенадцатые праздники; стихи о пустыни; стихи и плачи о выговских отцах; стихи условно исторические и назидательные; стихи «умиленные». Этот состав близок к типовому: его особенностями следует назвать отсутствие блока гласовых покаянных стихов и, напротив, наличие большой группы псалм на двенадцатые праздники. Разделы стихов о пустыни и о выговских киновиархах сохраняются как некая содержательная константа, стабильное ядро поморских рукописных сборников духовной лирики. Канты петровского цикла расположены ближе к концу сборника, за ними следуют только два стиха, посвященные выговским киновиархам, видимо, случайно пропущенные в соответствующем разделе.

Изучение состава рукописных выголексинских нотированных и ненотированных Стиховников показывает, что канты Полтавского цикла являются довольно редкими в их репертуаре. Из 21-й описанной Ф. В. Панченко рукописи этого вида они встречаются только в трех (близких по времени к сборнику Тих. № 448)⁵ и преимущественно представлены одним, реже двумя стихами из названной триады [Певческие книги..., 2001, с. 395, 399, 401]⁶. Других образцов петровских кантов в известных крюковых поморских рукописях не обнаружено.

Поэтика и языковая стилистика вербальных текстов

Стихи, размещенные в сборнике, обладают всеми признаками кантовой поэзии (см. об этом: [Позднеев, 1996, с. 147–159]). Они носят преимущественно панегирический характер и написаны по классическим законам риторики. В канте «Днесь орле российский» присутствует элемент условного повествования, обрисовывающего ситуацию неоправдавшихся надежд Карла XII на завоевание России. Оба текста в той или иной мере включают фрагменты прямой речи противника: *Рече бо зверь лютый: «поицху Россию»; Понеже лев швецкий: «увы мне», – рыдает* (см. тексты в табл. 1 и 2).

В текстах кантов широко используются *τόπος κοινός* – общие эпитеты, метафоры, словесные формулы. Основными «персонажами» являются *двоглавый / российский орел* и *швецкий лев* – геральдические символы Петра I и Карла XII. В поэтическом языке стихов особым образом соединяются славянизмы, латинизмы, слова русского языка XVIII в., иностранные заимствования.

Традиции православной гимнографии проявляются в обилии слов церковнославянского языка и аллюзиях на псалмы (*Зубы и челюсти его сокрушивый* – Пс. 57:7; *Наляцы успевай и царствуй на веки* – Пс. 44:5; *Господь ей помощник, тебе не боится* – Пс. 117:6); использовании прилагательных в превосходной сте-

⁵ БАН Друж. № 901 (956) (1820-е гг.); Друж. № 295 (341); Калик. № 20 (вторая четверть XIX в.).

⁶ Кант «Восплещи, воспой Россия» зафиксирован в рукописях БАН Друж. № 42 (63) (конец XVIII – начало XIX в.); Лукьян. № 189 (первая половина XIX в.) и Калик. № 20, наряду с кантом «Радуйся, российский орле» [Певческие книги..., 2001, с. 390, 402, 401].

пени (*воины преславни*); двусловных слов (*двоеглавный*), звательного падежа (*орле, наши монархо*), славянских грамматических конструкций (*Убо ныне зрите яже ся хваляху*) и т. п.

Часто церковнославянизмы смело сочетаются со словами нововременного русского языка, создавая особый полистилистический эффект: *Оны ся хваляху грады разорити / но мы их заставим, чтоб их укрепити*. Подобная диглоссия, применяемая неоднократно, является устойчивым художественным приемом.

Этот же полиязычный прием используется в славильных формулах, «играющих» славянским *радуйся* (по сути, греческим хайретизмом), латинскими *виват, вивуум*, русским троекратным *здравствуй*.

Оба стиха являются образцами силлабической поэзии, написаны 12-сложником с постоянной цезурой после шестого слога: 6 + 6. Единственное исключение – 12-я строка канта «Радуйся, российский орле», являющаяся 11-сложником (6 + 5). В стихе «Радуйся, российский орле» 16 строк, в стихе «Днесь орле российский» – 32; рифмовка соединяет смежные строки. С учетом этих показателей строфа может быть трактована и как двустушие (aa), и как четырехстишие (aabb). Далее при анализе поэтического текста удобнее рассматривать тип строфы как двустушие.

Установление степени точности воспроизведения в рукописи Тих. № 448 исходных текстов кантов требует отдельной текстологической работы с привлечением большого числа списков. Такая работа не входит в задачи нашего исследования, поэтому ограничимся сравнением поэтических текстов из сборника Тих. № 448 с доступными опубликованными их версиями, а также списками, на основе которых сделаны публикации. Напомним, что текст «Днесь орле российский» издан во втором томе Памятников русского музыкального искусства [Музыка..., 1973, с. 42–43] по рукописи РГБ 310, № 898 (л. 42 об. – 43), где он зафиксирован киевской квадратной нотой; кант «Радуйся, российский орле» в этом сборнике отсутствует, но его первая строфа (в переводе на современную круглую ноту) приведена в примечаниях к изданию [Там же, с. 205] по списку того же собрания (РГБ 310, № 899, л. 55 об. – 56), а его полный поэтический текст обнаруживается в статье американского стиховеда Дж. Бейли [2004, с. 76].

Приведем опубликованные тексты кантов и их версии в рукописи Тих. № 448 в виде текстологических таблиц (см. табл. 1 и 2, разночтения выделены курсивом). При сравнении двух текстов следует иметь в виду, что нотолинейный вариант нет оснований называть протографом для поморского крюкового сборника, но, учитывая тот факт, что время создания нотолинейной рукописи РГБ 310, № 898 фактически совпадает со временем сочинения записанных в ней кантов (период от 1702 до 1730-х гг. [Музыка..., 1973, с. 7]), зафиксированную в ней версию всё же можно назвать условно исходной.

Согласно табл. 1, в поэтическом тексте канта «Днесь орле российский» разночтения незначительны. Преимущественно они касаются словоформ: нововременной вариант заменен на более архаичный (*иже бо кровь свою / иже крови своя; иже бо есть / иже есте*) и наоборот (*не дармо / не даром*), изменены число (*во граде / во градех*), тип прилагательного (*твоя / своя*), часть речи (*преславно / преславной; вопиет / вопия*). Более существенным выглядит разночтение в 14-й строфе: *лва люта / лва швецка*.

Сравнительная таблица вариантов вербальных текстов
канта «Днесь орле российский»

Table 1

A comparison of the verbal text variations
of the canticle “Dnes’ orle rossiyskiy”

РГБ, 310 № 898, л. 42 об. – 43	Тих. 448, л. 295 – 299 об.
¹ Днесь, орле российский, прости своя криле, Восприими воинов мужественных в силе,	¹ Днесь орле российский прости своя криле, Восприими воинов мужественных в силе
² Иже бо кровь свою за тя излияша, Служащих лву швецку всех смерти предаша.	² Иже крови своя за тя излияша, Служащих лву швецку тех смерти предаша.
³ Грома твоего ныне во вселенней Устраши лва горда, что есть всем явление.	³ Глас грома твоего ныне во вселенней Устраши лва горда, что есть всем явление.
⁴ Громогласным шумом орла двоеглавна Шведская сотресея <i>армея</i> преславна.	⁴ Громогласным шумом орла двоеглавна Шведская сотресея <i>армия</i> преславна.
⁵ Рече бо зверь лютыи похищу Россию, Рукою моею аз разорю сию.	⁵ Рече бо зверь лютыи похищу Россию, Рукою моею аз разорю сию.
⁶ И во граде ея аз господствовати Яко же восхотех буду обладати.	⁶ И во градех ея аз господствовати Якоже восхотех буду обладати.
⁷ Но всеу прегорде такося хвалиши, России <i>преславно</i> зла не сотвориши.	⁷ Но всеу прегорде тако ся хвалиши, России <i>преславной</i> зла не сотвориши.
⁸ Господь ей помощник, тебе не боится, Что ей обещаешь тебе пригодится.	⁸ Господь ей помощник, тебе не боится, Что ей обещаешь себе пригодится.
⁹ Убо ныне зрите <i>такося</i> хваляху, <i>Ибо внутрь</i> России зимовать хотяху.	⁹ Убо ныне зрите <i>яже ся</i> хваляху, <i>И во внутрь</i> России зимовать хотяху.
¹⁰ Се ныне придоша хотя зимовати, Везде на <i>болбарках</i> будут работати.	¹⁰ Се ныне придоша хотя зимовати, Везде на <i>бугорках</i> будут работати.
¹¹ Зде бо их <i>не дармо</i> на Руси кормити, Во градех им наших тебе погостити.	¹¹ Зде бо их <i>недаром</i> на Руси кормити, Во градех им наших тебе погостити.
¹² Оны ся хваляху грады разорити, Но мы их заставим, <i>что</i> их укрепити.	¹² Оны ся хваляху грады разорити, Но мы их заставим, <i>чтоб</i> их укрепити.
¹³ Вы же россиястии воины преславни, Иже <i>бо есть</i> ныне всему миру явны.	¹³ Вы же россиястии воины преславни, Иже <i>есте</i> ныне всему миру явны.
¹⁴ Слава ваша ныне везде распростресея, Вами бо <i>лва люта</i> гордыня сотресея.	¹⁴ Слава ваша ныне везде распростресея, Вами бо <i>лва швецка</i> гордыня сотресея.
¹⁵ Мы днесь торжествуем, той <i>стене</i> рыдая. «Люте мне», <i>вопиет</i> , смерти си желая.	¹⁵ Мы днесь торжествуем, той <i>стонет</i> рыдая. «Люте мне» <i>вопия</i> , смерти си желая.
¹⁶ Рцем вси велегласно, вопием соглас- но: Наш <i>монарха</i> , <i>виват</i> , <i>виват</i> , <i>виват</i> , <i>виват!</i>	¹⁶ Рцем вси велегласно, вопием соглас- но: Наш <i>монархо</i> , <i>здравствуй!</i> <i>Здравствуй</i> , <i>здравствуй, здравствуй!</i>

Сравнительная таблица вариантов вербальных текстов
канта «Радуйся, российский орле»

Table 2

A comparison of the verbal text variations
of the canticle “Raduysya, rossiyskiy orle”

РГБ, 310 № 899, л. 55 об. – 5б	Тих. 448, л. 293–295
¹ Радуйся, российский орле двоеглав- ный, Ты бо еси ныне во всем мире славный.	¹ Радуйся, российский орле двоеглав- ный, Ты бо еси ныне во всем мире славный.
² Слава твоя ныне <i>во всем</i> процветает, Понеже лев швецкий «увы мне» рыда- ет.	² Слава твоя ныне <i>везде</i> процветает, Понеже лев швецкий «увы мне» рыда- ет.
³ Ярящаяся <i>на нас</i> славно победивый, Зубы и челюсти его сокрушивый.	³ Ярящаяся <i>ныне</i> славно победивый, Зубы и челюсти его сокрушивый.
⁴ Покоривый сего под <i>царски</i> си нозе, <i>И будещи иных</i> побеждать о бозе.	⁴ Покоривый сего под <i>царский</i> си нозе, <i>Будещи инья</i> побеждать о бозе.
⁵ Радуйтесь ныне, вси ту <i>предстоящи</i> , «Виват, наш монархо!», весело <i>глася-</i> <i>ще</i> .	
⁶ Мы <i>тебе</i> за сие «радуйся» приносим, <i>А благоденствия</i> у Бога просим.	
⁷ Наляцы успевай и царствуй на веки, Прославляй свой скипетр между чело- веки.	⁵ Наляцы успевай и царствуй на веки, Прославляй свой скипетр между чело- веки.
	⁶ Мы <i>же ти</i> за сие «радуйся» приносим, <i>А долгоденствия</i> у Бога просим.
	⁷ Радуйтесь ныне вси ту <i>предстоящий</i> , «Виват, наш монархо», весело <i>глася-</i> <i>щий</i> .
⁸ Вышни воевода <i>от горнего света</i> : <i>Рцем вои, да подаст тебе</i> * <i>Господь</i> <i>много лета!</i>	⁸ <i>Виват, виват, виват, ал бене виват,</i> <i>Вивиум, вивиум, ал бене вивиум.</i>

* В РГБ, 310 № 899 *ти*.

Особо отметим стремление переписчика прояснить смысл той или иной строки, например, фраза *той стене рыдая* в строфе 15 заменена на соответствующую по смыслу *той стонет, рыдая*. Более интересная замена произошла во второй строке строфы 10: *везде на болбарках будут работати / везде на бугорках будут работати*. Под «болбарками», видимо, подразумевались болверки (от голландского *bolwerk*) – крепостные укрепления, бастионы. В текстах XVIII в. этот иностранный термин имел неустойчивое написание: болверк, болварк, болворк, болворок, болверок⁷. Логично предположить, что у переписчиков данного текста возникали трудности с пониманием этого слова, и в определенный момент один

⁷ Словарь русского языка XVIII в. Л., 1985. Вып. 2. С. 96.

из них заменил непонятное название фортификационного сооружения понятными ему «бугорками».

Замена произошла и в последней 16-й строфе: вместо латинского *виват* использовано приветствие на русском языке – *здравствуй*. Интересно, что при такой замене в старообрядческом списке восстанавливается отсутствующая в основной версии текста (хотя и неточная) концевая рифма, а также формируется дополнительная внутренняя.

Кант «Радуйся, российский орле» (см. табл. 2) более «архаичен» по тексту, здесь в обоих вариантах преобладают церковнославянизмы, разночтения за редким исключением касаются только их словоформ. Из более существенных можно отметить замену местоимений: определительного – указательным (*во всем / везде*) и личного – наречием (*на нас / ныне*). Во второй строке 6-й строфы вместо слова *благоденствия* в списке Тих. № 448 встречается слово *долгоденствия*⁸. Запись латинских возгласов, переданных в Тих. № 448 как *ал bene виват*, вероятно, являются результатом ошибочной транслитерации, в которой латинская *t* была принята за *l*.

Наиболее значительные разночтения наблюдаются в композиционной структуре канта. В рукописи РГБ 310, № 899 строфы, начинающиеся словами *Радуйте-ся ныне, Мы тебе за сие* и *Наляцы усевый*, занимают пятую, шестую и седьмую позиции; в Сборнике Тих. № 488 они идут в обратном порядке. Наконец, 8-я заключительная строфа содержит в двух версиях полностью различный текст.

Полагаем, что именно последний факт повлек за собой перестановку строф. В первом случае к заключительному многолетию логично подводит содержание второго славильного раздела канта, начало которого обозначено хайретизмом в строфе 5. Далее в каждой последующей строфе так или иначе обозначена идея прославления Петра прежде всего как монарха и военачальника (*царствуй, скипетр, воевода*). В варианте рукописи Тих. № 448 собственно славильный раздел составляют только последние две строфы, содержащие виватные формулы и представляющие собой прямую речь, непосредственно адресованную Петру I.

В результате текст канта в двух редакциях облекается в совершенно разные формы. В опубликованной версии выделяются две одинаковых макрострофы, каждая из которых начинается хайретизмом и сочетает славильные формулы и элементы нарратива. Форму варианта, представленного в списке Тих. № 448, можно определить как трехчастную, в которой первый и заключительный разделы, состоящие из двух малых строф и открывающиеся хайретизмом, концентрируют панегирическую лексику, тогда как в четырехстрофном среднем разделе славильная фразеология дополняется повествовательным элементом. Таким образом, в поморской рукописи зафиксирована редакция исходного текста, представляющая собой индивидуальное решение панегирической темы.

Размер стихов и рифмы полностью сохранены. Исключением является предпоследняя строка канта «Радуйся, российский орле», в версии рукописи Тих. № 448 она стала также 11-сложной, как и 12-я в условно исходном тексте.

⁸ Обращение к списку РГБ 310, № 899 выявило ошибку публикаторов А. В. Позднеева и Дж. Бейли (в рукописи – *долгоденствия*).

Трансформация музыкального текста

Сравнительный анализ вербального текста кантов из Сборника Тих. № 448 с условными «исходными» версиями в целом показал достаточно высокую степень их соответствия. Музыкальный текст, помимо того что канты утратили свой трехголосный склад, претерпел гораздо более существенные изменения. Но прежде, чем давать характеристику этим трансформациям, следует решить вопрос о ритмических значениях знамен, которыми записаны мелодии кантов.

Для записи напева в рукописи Тих. № 448 используется ограниченный набор знаков. Это преимущественно единогласостепенные знаки – *крюк, запятая, стопица с отсечками и крюки с оттяжками*; в канте «Радуйся, российский орле» последними фиксируются концы мелострок (см., например, рис. 1, слоги *(россий)-ский, (двоегла)-вный, (сла)-вный*). Любопытно, что после четвертой мелострофы вместо *крюков с оттяжкой* стоят *статья* и *крыж*, а затем *крыж* появляется в конце произведения. Тем самым подчеркивается двухчастность формы – наличие двух макростроф, – имеющаяся в опубликованном варианте вербального текста, но противоречащая нашим наблюдениям относительно структуры поэтического текста в версии Сборника Тих. № 448.

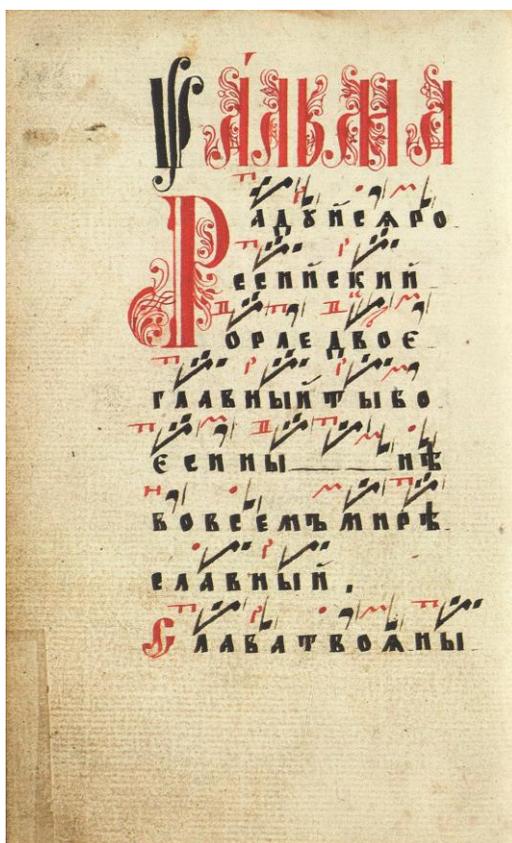

Рис. 1. Кант «Радуйся, российский орле» (л. 292 об.)

Fig. 1. Canticle “Raduysya, rossiyskiy orle”

В канте «Днесь орле российский» в функции конечных знаков выступают *стрелы простые* и *статьи*, а для записи долгих звуков внутри мелострок использована *статья с запятой*. Помимо единогласостепенных знамен для записи небольших слогораспевов используются знаки *подчасия* (кант «Днесь орле российский») и *два в челну* («Радуйся, российский орле»). При этом последний имеет не вполне традиционное начертание: помимо *отсечки* в некоторых мелострофах под ним подписана еще и *борзая помета* (см. рис. 1, слог *дво-(е)главный*)).

В результате перевода крюков на пятилинейную нотацию с сохранением их ритмического значения возникают варианты напевов, приведенные в нотных примерах на рис. 2 и 3.

Рис. 2. Познаковая расшифровка первой строфы канта «Радуйся, российский орле»

Fig. 2. A sign-by-sign decoding of the first stanza of canticle “Raduysya, rossiyskiy orle”

Рис. 3. Познаковая расшифровка первой строфы канта «Днесь орле российский»

Fig. 3. A sign-by-sign decoding of the first stanza of canticle “Dnes’ orle rossiyskiy”

Данные примеры демонстрируют некорректность приема прямого «азбучного» прочтения ритмических характеристик крюковой записи. Во-первых, в такой расшифровке присутствуют только четвертные (краткие) и целые (свехдолгие) дли-

тельности и полностью отсутствуют половинные, которые являются основной времяизмерительной единицей в образцах, записанных знаменной нотацией. Сам по себе ритмический рисунок, построенный исключительно на резком противопоставлении длительностей, находящихся в соотношении 1 : 4, не свойственен кантовой стилистике (да и музыке того времени в целом).

Во-вторых, при подсчете временных единиц (при счетной единице, равной четверти) фразы в мелострофах не совпадают по объему, а в некоторых случаях выражены нечетным числом. Так, временная организация строф канта «Радуйся, российский орле» выглядит как 12 + 14 / 11 + 12; канта «Днесь орле российский» – 12 + 12 / 14 + 12 / 12 + 13 / 12 + 13.

Обращает на себя внимание противоречащее логике музыкальной композиции несовпадение на две счетные единицы временного объема двух во всем остальном абсолютно одинаковых фраз первой и второй мелострок канта «Днесь орле российский»: две четверти (обусловленные дроблением слога *-ский*) в конце первой приравниваются целой длительности (на слог *-нов*) – во второй. Это заставляет предполагать, что либо *стрелами, статьями и крюками с оттяжкой* обозначены половинные длительности, либо знамена с *отсечками* сохраняет свое значение половинных. Однако после приведения долгих и кратких к соотношению 1 : 2 временное неравенство фраз не преодолевается, как и не исчезают строки с нечетным числом временных единиц: 10 + 8 / 10 + 8 / 8 + 9 / 8 + 9.

В-третьих, в первой, третьей, шестой и восьмой фразах мелострофы того же канта возникают ритмические фигуры, сходные с явлением внутренней синкопы, что также не характерно для музыкальной стилистики кантов: 2 + 1 + 2 + 2 + 1 + 2 (фразы 1 и 3); 2 + 1 + 1 + 1 + 2 + 2 (фразы 6 и 8).

Таким образом, запись ритмических структур напева канта дает указания только на относительно более краткие или более долгие длительности, но не отражает их конкретного временного объема; один и тот же знак может означать две длительности, различающиеся вдвое; невменная запись также оказалась неспособной зафиксировать более сложные ритмические рисунки, чем чередования кратких и долгих.

Уточнение ритмического значения знаков знаменной нотации в Сборнике Тих. № 488 может быть осуществлено при их сравнении с трехголосными нотолейными версиями кантов (рис. 4 и 5)⁹.

Осуществление такого сравнения затрудняется тем, что версии напева в трехголосной и монодийной фактуре существенно различаются. Тем не менее сохранение границ композиционных структур и сходство принципа чередования долгих и кратких длительностей позволяет нам на основе исходных слогоритмических формул каждого мелодического сегмента реконструировать реальные ритмоформулы, которые кроются за их невменной записью (рис. 6 и 7). В результате произведенных уточнений исчезло временное неравенство сегментов, в формулах проявился регулярный двудольный метр (условно 4/2), исчезли «синкопы», ритмический рисунок приобрел характеристики, типичные для кантовой стилистики.

Уточнение слогоритмической организации напевов позволяет перейти к сравнению исходных и производных вариантов на уровнях музыкальной композиции и собственно мелодики.

⁹ Трехголосные варианты анализируемых кантов приводятся по: [Музыка..., 1973, с. 42–43, 205].

Оба канта в оригинале имеют индивидуальное композиционное решение. Строфа канта «Днесь орле российский» построена довольно просто: $ab/ab//cd/cd$ (см. рис. 5). Организация строфы канта «Радуйся, российский орле» более изыскана: $ab/bc//dd'/ef$ (см. рис. 4).

Степень сложности композиционной организации строф, в свою очередь, влияет на сохранность их структур при переходе к монодийному варианту. В первом случае композиционная структура полностью сохраняется (см. рис. 7), во втором – значительно переосмысливается: до четырех сокращается число составляющих ее оригинальных мелодических формул; их последовательность образует сквозную композицию: ab/cd (см. рис. 6).

В результате строфа из четырехстрочной превращается в двустрочную. Далее, вследствие мелодического сходства между сегментами первой мелодистроки и размывания цезуры между концом первого и началом второго сегментов второй строки (за счет ритмической однородности и мелодического движения в виде обращенной волны) формируется композиция, напоминающая бар-форму: aa'/B .

The image shows a musical score for a canticle. It is arranged for four voices: Soprano (S), Alto (A), Tenor (T), and Bass (B). The score is divided into six systems, each with a vocal line and a piano accompaniment line. The systems are labeled with letters: a, b, c, d, d', e, and f. The lyrics are written below the vocal lines. The music is in a major key and 4/4 time. The lyrics are: 'Ра- дуй- ся рос- сий- ский ор- ле дво- е гла- в- ный, и- бо е- си ны- не во всем ми- ре сла- в- ный, сла- ва тво- я ны- не вез- де про- цве- та- ет, по- не- же лев шве- цкий "у- вы мне" ры- да- ет.'

Рис. 4. Кант «Радуйся, российский орле» в оригинальной фактуре
Fig. 4. The canticle “Raduysya, rossiyskiy orle” in the original texture

а б

С
А
Днесь орле российский простри своя криле,

а б

восприйми воинов муже ственных в силе.

с д

Иже бо кровь свою за тя излияша,

с д

служащих лву швецку смерти всех предаша.

Рис. 5. Кант «Днесь орле российский» в оригинальной фактуре
 Fig. 5. The canticle “Dnes’ orle rossiyskiy” in the original texture

а (сегмент 1) б (сегмент 2)

Радуйся, российский, орле двоеглавный,

с (сегмент 3) д (сегмент 4)

Ты бо еси ныне во всем мире славный.

Рис. 6. Реконструкция ритмической структуры напева канта «Радуйся, российский орле»
 Fig. 6. A reconstruction of the rhythmic structure of the tune canticle “Raduysya, rossiyskiy orle”

а б
 Днесь о_рле ро_ссий_ский про_стри сво_я кри_ле,
 а б
 Во_спри_ми во_и_нов му_же_стве_нных в си_ле.
 с д
 И_же кро_ви сво_я за_тя и_зли_я_ша,
 с д
 Слу_жа_щих лву шве_цку тех_сме_рти при_да_ша.

Рис. 7. Реконструкция ритмической структуры напева канта «Днесь орле российский»
 Fig. 7. A reconstruction of the rhythmic structure of the tune canticle “Dnes’ orle rossiyskiy”

Как следствие, значительно меняются и ладомелодические характеристики этого канта (ср.: рис. 4 и 6). Так, сегмент 1 в монодийной версии фактически совпадает с верхним голосом формулы *a* в трехголосной фактуре, но далее появляется довольно самостоятельная мелодическая версия, производная от многоголосной: сегмент 2 представляет собой вариант формулы *b* трехголосного оригинала, окончание сегмента 3 воспроизводит контуры формулы *c*, а заключительный сегмент 4 повторяет восходящее движение баса в формулах *c*, *d*¹ и связке между формулами *e* и *f*.

Ладовые отношения становятся полностью монодийными: V и III ступени условного C-dur, к которому относится трехголосный образец, становятся опорными ступенями двух обиходных ладов – *g* малого и *e* укосненного.

Контуры мелодики канта «Днесь орле российский» сохранились в большей мере, однако их ладовая основа оказалась не вполне определенной. Так, в исходной трехголосной версии кант записан в тональности C-dur, эта ладотональная основа четко выражена в гармоническом плане фактуры (см. рис. 5). В одноголосном варианте представлен верхний голос оригинала, но отдельные его формулы транспонированы вверх на разные интервалы: формула *a* на м.2, остальные – на б.3 (ср. рис. 5 и 7). С учетом того, что в крюковой записи отсутствует возможность выставления ключевых знаков и предполагается структура обиходного звукоряда с верхним си-бемолом, модальный план данной версии выгладит как чередование опорных тонов: *e-g-e-g-f-g-f-g*. За ними угадываются мерцания переменного *d-F* и натурального *g*. Адекватно ли записан напев – сказать трудно, но эта мелодическая версия звучит вполне органично.

Выводы

Подводя итоги, следует сказать, что при заимствовании старообрядческой исполнительской и рукописной традицией произведений, порожденных культурой

Нового времени, их музыкально-поэтические формы оказались переосмысленными. При этом поэтическая и музыкальная составляющая трансформировались в разной степени. Если в поэтическом тексте наблюдаются единичные перестановки строк и редкие лексические замены, то в музыкальном тексте изменился не только склад, но ладомелодические, ритмические, композиционные параметры, сформировались вполне оригинальные мелодические версии, в которых исходный образец обнаруживается только в результате применения к нему определенных аналитических процедур. Это заставляет предположить, что вербальные тексты переписывались с протографа, возможно, непосредственно с нотолинейной рукописи. Напротив, музыкальный текст воспроизводился на слух, по памяти. Возникшая в результате внутреннего «диктанта» запись напева оказалась в значительной степени условной, не отражающей всех деталей напева, который, видимо, в действительности продолжал передаваться изустно.

Список литературы

Бейли Дж. Стихосложение русского «канта» с конца XVII в. до середины XVIII в. // Бейли Дж. Избранные статьи по русскому литературному стиху. М.: ЯСК, 2004. С. 53–103.

Казанцева Т. Г. Описание певческих рукописей из собрания академика М. Н. Тихомирова. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2019. 443 с.

Калужникова Т. И. Кантовый след в духовных стихах уральских старообрядцев // Вопросы этномузыкознания. 2020. № 1 (16). С. 139–149.

Келдыш Ю. В. Русская музыка XVIII в. М.: Наука, 1965. 464 с.

Ливанова Т. Н. Очерки и материалы по истории русской музыкальной культуры. М.: Искусство, 1938. Вып. 1. 360 с.

Ливанова Т. Н. Русская музыкальная культура XVIII в. в ее связях с литературой, театром и бытом. Исследования и материалы. М.: Музгиз, 1952. Т. 1. 536 с.

Люстров М. Ю. Русско-шведские литературные связи в XVII–XVIII вв. // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Знак, 2008. Сб. 13. С. 13–272.

Музыка на Полтавскую победу: Для пения (соло, хор) без сопровожд. / Сост., публ., исслед., коммент. и предисл. Вл. Протопопова. М.: Музыка, 1973. 254 с. (Памятники русского музыкального искусства. Вып. 2)

Панченко Ф. В. Рукописное наследие выговских мастерпевцев: история, традиция, творчество: Дис. ... канд. искусствоведения / Санкт-Петерб. гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова. СПб., 2002. 310 с. (На правах рукописи)

Панченко Ф. В. Певческие книги старообрядческой поморской традиции (XVIII–XX вв.): Учеб. пособие. СПб.: Скифия-принт, 2017. 195 с.

Певческие книги выголексинского письма. XVIII – первая половина XIX в. / Сост. Ф. В. Панченко. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 496 с. (Описание РО Библиотеки РАН. Т. 9, вып. 1)

Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы: В 3 т. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1900. Т. 1: Из истории русской песни. 426 с.

Писания выговцев: сочинения поморских старообрядцев в Древлехрамнице Пушкинского Дома. Каталог-инципитарий / Сост. Г. В. Маркелов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 420 с.

Позднеев А. В. Рукописные песенники XVII–XVIII вв. (Из истории песенной силлабической поэзии). М.: Наука, 1996. 448 с.

Финдейзен Н. Ф. Петровские канты // Изв. АН СССР. 1927. Т. 21, № 7–8. С. 667–690.

Финдейзен Н. Ф. Очерки по истории музыки в России. М.; Л.: Музсектор, 1928. Вып. 3: С древнейших времен до конца XVIII в. 364, LVI с.

Шиндин Б. А. Разные стихи и псалмы. Рукопись собрания М. Н. Тихомирова Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской Академии наук // Проблемы музыкальной науки: Российский научный специализированный журнал. Уфа, 2015. № 1 (18). С. 74–79.

Список сокращений

БАН – Библиотека Российской академии наук
ГИМ – Государственный исторический музей
ГПНТБ СО РАН – Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук
РГБ – Российская государственная библиотека

References

Bailey J. Stikhoslozhenie russkogo “kanta” s kontsa 17 v. do serediny 18 v. [Versification of the Russian “canticle” since the end of the 17th century until the middle of the 18th century]. In: Bailey J. *Izbrannye stat'i po russkomu literaturnomu stikhu* [Selected articles on Russian literary verse]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, pp. 53–103.

Findeyzen N. F. *Ocherki po istorii muzyki v Rossii* [Essays on the history of music in Russia]. Moscow, Leningrad, Muзсектор, 1928, iss. 3: S drevneyshikh vremen do kontsa 18 v. [From ancient times to the end of the 18 century], 364, LVI p.

Findeyzen N. F. Petrovskie kanty [Peter’s time canticles]. *Izv. AN SSSR*. 1927, vol. 21, no. 7–8, pp. 667–690.

Kaluzhnikova T. I. Kantovyy sled v dukhovnykh stikhakh ural'skikh staroobryad-tsev [Canticles’ vestige in the spiritual verses of the Ural Old Believers]. *Voprosy etnomuzykoznaneya*. 2020, no. 1 (16), pp. 139–149.

Kazantseva T. G. *Opisanie pevcheskikh rukopisey iz sobraniya akademika M. N. Tikhomirova* [Description of singing manuscripts from the collection of Academician M. N. Tikhomirov]. Novosibirsk, SPSTL SB RAS, 2019, 443 p.

Keldysh Yu. V. *Russkaya muzyka 18 v.* [Russian music of the 18th century]. Moscow, Nauka, 1965, 464 p.

Livanova T. N. *Ocherki i materialy po istorii russkoy muzykal'noy kul'tury* [Essays and materials on the history of Russian musical culture]. Moscow, Iskusstvo, 1938, iss. 1, 360 p.

Livanova T. N. *Russkaya muzykal'naya kul'tura 18 v. v ee svyazyakh s literaturoy, teatrom i bytom. Issledovaniya i materialy* [Russian musical culture of the XVIII century in its connections with literature, theater and everyday life. Research and materials]. Moscow, Muzgiz, 1952, vol. 1, 536 p.

Lyustrov M. Yu. Russko-shvedskie literaturnye svyazi v 17–18 vv. [Russian-Swedish Literary Relations in the 17th–18th centuries]. In: *Germenevtika drevnerusskoy literatury* [Hermeneutics of ancient Russian literature]. Moscow, Znak, 2008, coll. 13, pp. 13–272.

Muzyka na Poltavskuyu pobedu: Dlya peniya (solo, khor) bez soprovozhdeniya [Music for the Poltava victory: For singing (solo, choir) without accompaniment]. Protopopov VI. (Comp., publ., research, comm. and foreword) Moscow, Muzyka, 1973, 254 p. (Pamyatniki russkogo muzykal'nogo iskusstva [Monuments of Russian musical art]. Iss. 2).

Panchenko F. V. *Pevcheskie knigi staroobryadcheskoy pomorskoj traditsii (18–20 vv.): Ucheb. posobie* [Singing books of the Old Believer Pomeranian tradition (18th–20th centuries): textbook]. St. Petersburg, Skifiya-print, 2017, 195 p.

Panchenko F. V. *Rukopisnoe nasledie vygovskikh masteropevtsev: istoriya, traditsiya, tvorchestvo* [Manuscript heritage of the Vyg master singers: history, tradition, creativity]. Cand. of Art. sci. diss. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskaya gos. konservatoriya im. N. A. Rimskogo-Korsakova, 2002, 310 p. (As manuscript).

Peretz V. N. *Istoriko-literaturnye issledovaniya i materialy: V 3-kh t.* [Historical and literary research and materials: In 3 vols.]. St. Petersburg, Tip. F. Vaysberga i P. Ger-shunina, 1900, vol. 1: Iz istorii russkoy pesni [From the history of Russian song], 426 p.

Pevcheskie knigi vygoleskinskogo pis'ma. 18 – pervaya polovina 19 v. [Singing books of vygoleskinskoe writing. The 18th – the first half of the 19th century]. Panchenko F. V. (Comp.). St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2001, 496 p. (Opisaniya RO Biblioteki RAN [Descriptions of the RO of the Library of the RAS]. Vol. 9, iss. 1).

Pisaniya vygovtsev: Sochineniya pomorskikh staroobryadtsev v Drevlekhranilishche Pushkinskogo Doma. Katalog-incipitariy [Writings of the Vygovtsy: Writings of the Pomeranian Old Believers in the Ancient Storage of the Pushkin House. Catalog-incipitary]. Markelov G. V. (Comp.) St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2004, 420 p.

Pozdneev A. V. *Rukopisnye pesenniki 17–18 vv. (Iz istorii pesennoy sillabicheskoy poezii)* [Handwritten songbooks of the 17th–18th centuries. (From the history of song syllabic poetry)]. Moscow, Nauka, 1996, 448 p.

Shindin B. A. Raznyya stikhi i psal'my. Rukopis' sobraniya M. N. Tikhomirova Gosudarstvennoy publichnoy nauchno-tehnicheskoy biblioteki Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy Akademii nauk [Miscellaneous verses and psalms. Manuscript of the M. N. Tikhomirov collection of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. *Problemy musical'noy nauki / Music Scholarship*. 2015, no. 1 (18), pp. 74–79.

Информация об авторе

Татьяна Генриховна Казанцева, кандидат искусствоведения, доцент, старший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук; профессор, Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки (Новосибирск, Россия)

WoS Researcher ID ABA-4084-2020

Information about the author

Tatyana G. Kazantseva, Candidate of Art History, Associate Professor, Senior Researcher, State Public Scientific Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Professor, Novosibirsk State Conservatory named after M. I. Glinka (Novosibirsk, Russian Federation)

WoS Researcher ID ABA-4084-2020

*Статья поступила в редакцию 13.06.2023;
одобрена после рецензирования 27.09.2023; принята к публикации 27.09.2023
The article was submitted on 13.06.2023;
approved after reviewing on 27.09.2023; accepted for publication on 27.09.2023*

Научная статья

УДК 821

DOI 10.17223/18137083/91/4

Живописание интерьера в творчестве И. А. Гончарова

Кристина Константиновна Павлович

Томский государственный университет
Томск, Россия

pavlovitch.cristina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4364-9120>

Аннотация

Предлагается опыт изучения живописания интерьера во всём творческом наследии И. А. Гончарова. Интерьер как один из междисциплинарных жанров становится у писателя важной повествовательной деталью, связанной с чертами фламандского изобразительного искусства. Указывается, что интерьер в структуре художественных текстов Гончарова призван выполнять различные функции. Доказывается, что интерьер важен для портретного жанра. Значимым становится анализ сближения поэтики некоторых гоголевских интерьеров и описаний внутренних убранств в «Обломове». Во «Фрегате “Паллада”» обращение к «дому» вырастает до сверхзамысла: показать национальные образы как единство в системе цивилизационного прогресса, подчеркнуть индивидуальность каждого народа, его истории и культуры сквозь призму интерьерной художественной детали.

Ключевые слова

И. Гончаров, литературный интерьер, живописание, поэтика, синестезия, диалог искусств, экфрасис

Для цитирования

Павлович К. К. Живописание интерьера в творчестве И. А. Гончарова // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 52–63. DOI 10.17223/18137083/91/4

Interior depiction in the work of Ivan Goncharov

Kristina K. Pavlovich

Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

pavlovitch.cristina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4364-9120>

Abstract

The paper presents the first attempt to study the system of interior depiction in the entire creative heritage of Ivan Goncharov. Depiction represents a philosophical and aesthetic system founded on synthesis as the primary artistic strategy, characterized by the incorporation of artistic traditions from verbal and visual arts, culminating in the theory of epicization as pro-

© Павлович К. К., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 52–63

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 52–63

posed by Goncharov. The interior, categorized as an interdisciplinary genre, constitutes a key narrative element for the writer, showcasing traits of Flemish artistic traditions. The interiors depicted in Goncharov's works are found to play a variety of roles, including chronotopic, plot-forming, characterological, decorative, and compositional functions. This study analyzes texts from both early works and the "Frigate Pallada" travelogue trilogy, focusing on descriptions of interiors. The interior is proved to be significant for the portrait genre. It becomes crucial to examine the interplay between the poetic treatment of interiors in Gogol's work and the depictions of interior spaces in *Oblomov*. Within "Frigate Pallada," the concept of "home" evolves into a super-concept: to portray a unified national identity within the context of civilizational advancement, emphasizing the individuality of each nation's history and culture through detailed artistic depictions. The descriptions of interiors are demonstrated to be meaningfully connected to the inner lives of the characters inhabiting the chronotopes. This article examines the distinctive characteristics of Goncharov's artistic representation, focusing on the multifaceted functions of interior spaces in his works.

Keywords

I. Goncharov, literary interior, depiction, poetics, synesthesia, dialogue of arts, ekphrasis

For citation

Pavlovich K. K. Interior depiction in the work of Ivan Goncharov. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 2, pp. 52–63. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/4

Литературный интерьер является междисциплинарным жанром, он связан с изображением реальной действительности («Интерьер как жанр живописи тесно связан с жизненными процессами» [Грехова, 2011, с. 132]). И. С. Судосева определяет литературный интерьер как «семиотическую систему вербально репрезентированных артефактов, упорядоченных в некотором жилом пространстве мира героев» [Судосева, 2013, с. 24]. В художественной системе живописания Гончарова интерьер становится важной повествовательной деталью, дополняющей основные миромоделирующие принципы Гончарова.

Литературный интерьер в современном отечественном литературоведении – явление недостаточно изученное, что подтверждается немногочисленными исследованиями [Малетина, 2006, с. 103; Шамсутдинова, 2010].

Знаковой работой в проблеме определения значения интерьерных описаний в художественном тексте явилась кандидатская диссертация И. С. Судосевой «Поэтика интерьера в художественной прозе» [2016], в которой впервые было предпринято целостное осмысление феномена интерьера в литературе. По мнению автора, интерьер как полифункциональная единица обладает тремя функциями: декоративной, характерологической и хронотопической. Особо стоит отметить современные работы, посвященные проблеме синтеза искусств. Например, в монографии «Imagoinfabula. Интрадиегетический образ в литературе и кино» «...исследуется повествовательность, а стало быть, текстуальность художественных произведений, каждое из которых вписано в сеть интертекстуальных переключек и реминисценций, связывающих его с другими фактами культуры – вербальной и визуальной» [Зенкин, 2023, с. 33]. В западных исследованиях русистики знаменательна работа Молли Брансон «Русские реализмы. Литература и живопись, 1840–1890», в которой американский исследователь проводит параллели между русской реалистической живописью и литературой, указывая на особую роль «...голландской жанровой живописи XVII века, реалистической традиции, которая прежде всего была нацелена на изображение повседневной жизни» [Брансон, 2022, с. 66].

Развитие интерьера как жанра живописи расцвело в эпоху фламандского изобразительного искусства. Важной эстетической доминантой голландских художников явилось подробное воссоздание быта, окружающих вещей.

Синестезия искусств заняла значительное место в творчестве И. А. Гончарова. «Фламандство» писателя, очевидно, имело пушкинскую традицию («фламандской школы пестрый сор» (Пушкин, 1937, с. 201)). Понятие «фламандская школа» в середине XIX в. становится, по мысли Е. И. Вожик, «ёмкой формулой», содержащей отношение писателей к разным способам воспроизведения действительности, «описательной стратегией» [Вожик, 2024, с. 71] при воссоздании «высокого» и «настоящего».

Во всех романах, очерках и зрелых публицистических работах И. А. Гончаров сближал разные формы искусства в пределах одного художественного текста. Например, в романе «Обрыв» (1869), который, по признанию самого Гончарова, имел первоначальное название «Художник», встречается множество аллюзий на живописные, музыкальные темы. Главный герой Райский пробует себя в литературном деле (пишет роман) и занимается скульптурой. Живописание как основополагающий эстетический прием базируется у Гончарова на взаимодействии разных жанров изобразительного искусства (пейзаж, марина, портрет, натюрморт и интерьер). Интерьер в произведениях автора выполняет несколько функций: хронотопическую, сюжетообразующую, характерологическую, декоративную, композиционную.

Примечательно, что первое интерьерное описание в творчестве Гончарова оказывается связанным с трансляцией живописного кода. Внимание героя повести «Счастливая ошибка» (1839) привлекла картинная галерея, представленная лучшими образцами итальянской живописи:

«Вот и картинная галерея!» – И, направляя лорнет на картины, он ахнул: тут были произведения итальянской кисти всех школ, почти всех знаменитых художников, в оригиналах (Гончаров, 1997, т. 1. с. 92) ¹, –

декоративная функция, сочетающаяся с характерологической, так как дает представление об эстетическом чувстве и вкусе героя. Эта незначительная на первый взгляд деталь указывает на предпочтения Гончарова в изобразительном искусстве, что составляет одну из эстетических основ живописания писателя.

Первую (хронотопическую) функцию можно обнаружить в очерке «Иван Савич Поджабрин» (1848), где повествователь представляет типичный для того времени интерьер:

Квартира Анны Павловны была убрана, как убирают почти все квартиры о двух комнатах, с передней и кухней. Диван красного дерева, обитый полинялой шерстяной материей с пятнами, другой клеенчатый диван, полдюжины стульев под красное дерево, старый комод, а на нем туалет, который, в случае нужды, легко можно переносить с места на место. На окнах несколько горшков гераниума и две клетки с канарейками (т. 1, с. 191).

Декоративная функция гончаровского интерьера связана с описанием барского дома в этой же повести:

¹ Далее произведения И. А. Гончарова цитируются по его Полному собранию сочинений и писем в 20 томах с указанием номера тома и страницы в круглых скобках.

Зала была обита белыми обоями с светло-дикими арабесками. Ничего лишнего. По стенам дюжины две легких, грациозной формы стульев белого дерева. Два огромных зеркала, у окон – те прекрасные корзины на тумбах, о которых говорила Маша, да великолепные драпри, которые он сам видел с улицы. В гостиной было всё богаче, роскошнее. Темная резная мебель. На столе бронза, часы на мраморном пьедестале, несколько картин, два или три бюста, вазы (т. 1, с. 140).

В романной трилогии Гончарова в основном задействованы характерологическая и сюжетообразующая, композиционная функции. В «Обыкновенной истории» (1847) (романе, содержащем наименьшее количество интерьеров), в фантазиях Александра Адуева интерьерное описание оказывается связано с особым экстерьером: «...где в изящно убранной зале благоухают цветы, раздаются звуки фортепиано, в клетке прыгает попугай, а в саду качают ветвями березы и кусты сирени» (т. 1, с. 251), что указывает на романтическую экзальтированность молодого барина, стремящегося в своих мыслях на малую родину.

В книге путевых очерков «Фрегат “Паллада”» (1858) Гончаров создает «портреты пространства», выявляя в них каждый раз национальные черты. Внимание Гончарова к интерьеру было обусловлено важной художественно-эстетической задачей – показать национальную доминанту образов через детали.

В 1853 г. Гончаров вместе с членами экспедиции посещает первую голландскую колонию в Южной Африке. Глава «Капская колония» демонстрирует пристальный интерес путешественника к истории, этнографии и быту поселенцев. При знакомстве с интерьером одного из домов на Капе повествователь прямо соотносит увиденное с сюжетом художников Фландрии:

Мы вошли в пустые, прохладные комнаты, убранные просто, почти бедно. Мы отворили дверь из залы и остановились на пороге перед оригинальной картиной фламандской школы (т. 2, с. 183).

Примечательно, что объектом интерьерного живописания становятся именно «дедовские» дома, навевающие патриархальную атмосферу (близкую к описаниям в трилогии провинциальных усадеб: Грачи – Обломовка – Малиновка). Автор-повествователь посредством описания объектов (дверь, пол, потолок и т. д.) и их деталей («совершенно почерневшими от времени шкапами», «диван, отчасти с провалившимся сиденьем») воссоздает реальную картину пространства. Художественные «мелочи» в интерьере Гончарова призваны подчеркнуть простоту, «почти бедность» увиденного помещения, его близость к провинциальному русскому дому:

Комната была высокая, с деревянным полом, заставлена ветхими деревянными, совершенно почерневшими от времени шкапами и разной домашней утварью. У стены стоял диван, отчасти с провалившимся сиденьем; перед ним круглый стол, покрытый грубой скатертью; кругом стен простые скамьи и табуреты (т. 2, с. 183).

Следующий визит к голландскому дому вновь оказывается связанным с портретом:

На пороге стоял высокий, с проседью, старик, с нависшими бровями, в длинной суконной куртке, закрывавшей всю поясницу, почти в таком же

длинном жилете, в широких нанковых, падавших складками около ног панталонах (т. 2, с. 190).

Автор прямо соотносит увиденное с фламандской атмосферой, упоминая имена знаменитых художников этой школы:

От дома и от него так и повеяло Поль Поттером, Миерисом, Теньером (т. 2, с. 190).

По замечанию повествователя, хозяин «смотрел так кротко и ласково», что Гончаров вспомнил о своих юношеских мечтах:

Наконец мы у голландского фермера в гостях, на Капе, в Африке! Сколько описаний читал я о фермерах, о их житье-бытье; как жадно следил за приключениями, за битвами их с дикими, со зверями, не думая, что когда-нибудь... (т. 2, с. 190).

Интерьер как неотъемлемая часть фламандской бытовой живописи в данном фрагменте является дополнением к образу портретной характеристики.

Как истинный художник Гончаров уделяет особое внимание световым акцентам. В гостиной, куда он входит, «царствовал полумрак». Повествователь, «оглядывая» всё помещение, детально изображает разные объекты:

По углам гнездились тяжелые, но красивые старинные диваны и кресла; посредине комнаты группировались крытые штофом козетки; не было уже шкапов и посуды. У окон и дверей висели плотные шелковые драпри из материй, каких не делают нынче; чистота была невероятная: жаль было ступать ногами по этим лакированным полам (т. 2, с. 190).

Неяркая роскошь быта в интерьерах Гончарова соседствует с достоинством деталей, прямо навевающих внимательному читателю аллюзии на фламандцев.

Путешествуя в экипаже, Гончаров издалека замечает «большой двухэтажный, очень красивый дом с высоким крыльцом и закрытыми жалюзи» (т. 2, с. 218). Третий по счету голландский дом путешественник сознательно не описывает, только замечает, что «...негр открыл жалюзи и ввел нас в чистую большую гостиную, убранную по-старинному, в голландском вкусе, так же как на мызе Эльзенборг» (т. 2, с. 218). Таким образом, под «голландским стилем» [Павлова, 2009, с. 285] Гончаровым понимается особая патриархальная обстановка дома, элементы интерьера: двери, камин, окна, лестницы, декоративная отделка потолка, полов и национальная специфика, проявившаяся в выборе декорирования стен картинами бытовых сцен. Исторически сложившаяся традиция в голландском изобразительном искусстве «украшать» помещение выражается в том, что на стенах любого дома висят картины («По стенам висели картинки с видами мыса Доброй Надежды. Всё не только чисто, прилично прибрано, но со вкусом и комфортом» (т. 2, с. 134); «Яичница, ветчина и картинка в деревянных рамках опять напомнили мне наше станции» (т. 2, с. 175); «На картинах охота: слон давит ногой тигра, собаки преследуют барса» (т. 2, с. 379)).

Интерьеры в книге очерков важны для представления «портрета» наций, знакомства автора-повествователя с бытом людей. Повествователь очерков с большим вниманием относится к пространственным характеристикам, в цвете и деталях живописует интерьеры разных домов, что связано как с характерологической функцией, так и с хронотопической.

Центральный с точки зрения значения интерьера роман «Обломов» (1859) буквально с первых страниц представляет читателю внутреннее убранство квартиры на Гороховой улице, где «лежал утром в постели <...> Илья Ильич Обломов» (т. 4, с. 5).

Петербургская квартира Обломова, его кабинет эмблематичны и созвучны внутреннему миру героя, его характеру. Знаменитое интерьерное описание связано, с одной стороны, с характерологией, с другой – с композицией романа, его художественной идеей – от сна к пробуждению и засыпанию вновь. Поэтика визуальности пронизывает весь фрагмент, в котором в мельчайших подробностях («Там стояло бюро красного дерева, два дивана, обитые шелковою материею, красивые ширмы с вышитыми небывалыми в природе птицами и плодами. Были там шелковые занавесы, ковры, несколько картин, бронза, фарфор и множество красивых мелочей» (т. 4, с. 6)) в духе канонического к тому времени гоголевского описания дорожной шкатулки Чичикова, в мельчайших деталях воссоздается «портрет» героя.

Гончаров замечает, что комната Обломова «с первого взгляда казалась прекрасною убранною» (т. 4, с. 6). Для ее хозяина было важно «соблности decorum» (т. 4, с. 6), однако «видящий глаз» [Бахтин, 1979, с. 207] автора замечает «господствующую <...> запущенность и небрежность» (т. 4, с. 6), например:

Задок у одного дивана оселся вниз, наклеенное дерево местами отстало <...> (т. 4, с. 6).

Предметы интерьера, призванные украшать жилое пространство, такие как картины, зеркала, ковры, мягкая мебель, в гончаровском описании нарочито снижены, «не прибраны»:

По стенам, около картин, лепилась в виде фестонов *паутина*, *напитанная пылью*; зеркала, вместо того чтоб отражать предметы, могли бы служить скорее *скрижалями для записывания на них, по пыли, каких-нибудь заметок на память*. Ковры были в *пятнах*. На диване лежало *забытое полотно*; на столе редкое утро не стояла *не убранная от вчерашнего ужина тарелка с солонкой и с обглоданной косточкой да не валялись хлебные крошки* (здесь и далее курсив наш. – К. П.) (т. 4, с. 7).

Далее во фламандской манере происходит соединение «высокого» (книги, чернильница, перья) и «низкого» («книги покрылись пылью и пожелтели <...> а из чернильницы, если обмакнуть в нее перо, вырвалась бы разве только с жужжаньем испуганная муха» (т. 4, с. 7)). Гоголевский образ-символ мухи входит в гончаровский текст как явление пошлости, скуки, обыденности. Здесь есть прямая аллюзия на текст поэмы «Мёртвые души», когда Чичиков, оказавшись в доме Плюшкина, обозревая беспорядок, замечает «чернильницу с какою-то заплесневшею жидкостью и множеством мух на дне» (Гоголь, 1956, с. 420). По справедливому замечанию П. Н. Толстогузова, «...муха как натуралистическая деталь соответствует той эстетической концепции раннего, синтетического реализма первой половины XIX века, которую определяли как фламандщину» [Толстогузов, 2017, с. 122]. Атмосфера сна, остановившейся жизни в обломовской квартире вновь оказывается сообразной гоголевским интерьерам помещичьего дома Манилова, описаниям вещей: «В его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на четырнадцатой странице, которую он постоянно читал уже два года» (Гоголь, 1956, с. 25). Находим у Гончарова:

На этажерках, правда, лежали две-три развернутые книги, валялась газета, на бюро стояла и чернильница с перьями; *но страницы, на которых развернуты были книги, покрылись пылью и пожелтели; видно, что их бросили давно; нумер газеты был прошлогодний* (т. 4, с. 7).

Интерьеры Обломова полностью подчеркивают состояние «сна» – «так всё запылилось, полиняло и вообще лишено было живых следов человеческого присутствия» (т. 4, с. 7).

Именно на примере живописания предметного мира Гончаров раскрывает особенности пробуждения-преображения героя, когда, испытывая чувства к Ольге, «он велел вынести вон несколько дрянных картин, которые навязал ему какой-то покровитель бедных артистов; сам поправил штору, которая давно не поднималась, позвал Анисью и велел протереть окна, смахнул паутину» (т. 4, с. 191).

В художественной логике писателя домовитая Пшеницына уподобляется обломовским женщинам, проводящим время на кухне («Но главною заботою была кухня и обед» (т. 4, с. 110)). Описание Гончаровым «кухни <...> истинного палладиума деятельности великой хозяйки» (т. 4, с. 470) имеет экфрастическую модель, аллюзивно напоминая знаменитый щит Ахилла. И. В. Пырков справедливо отмечает, что «...когда читаешь “Сон Обломова”, сопоставляешь его со щитом гомеровской выковки» [Пырков, 2003, с. 67]. Во «Сне...» ученый обнаруживает черты гомеровского слога, который проявляется во «вникании во все мельчайшие подробности, с намечающейся трехмерностью изображения» [Там же]. Однако элементы экфрастического описания, гомеровскую поэтику можно обнаружить и при описании кухни жены Обломова. Как и на щите, где изображен быт, а именно сцена, в которой женщины просеивают муку, чтобы накормить мужчин («В жертву заклавши вола, вокруг него суетятся; а жены / Белую сеют муку для сладостной вечери жнущим» (Гомер, 1960, с. 302)), в интерьерном описании Гончарова живописуется хозяйственная утварь:

Кухня, чуланы, буфет – всё было установлено поставцами с посудой, большими и меньшими, круглыми и овальными блюдами, соусниками, чашками, горами тарелок, горшками, чугунами, медными и глиняными (т. 4, с. 469).

В одном из писем Гончарова содержится оценка манеры древнего экфрасиса, из которой становится очевидным внимание писателя к реалистическому изображению повседневного труда: «Какая правда в живописи деталей: в пирах, в битвах, в описаниях ран, до мелочных описаний домашней жизни...» (т. 4, с. 480). Таким образом, интерьер в центральном романе Гончарова демонстрирует характерологическую и сюжетобразующую (композиционную) функции. Поэтика описаний вещей в помещениях оказывается родственной гоголевской манере, его символическим лейтмотивам.

В «Обрыве» (1869) согласно движению авторской мысли, проходящей сквозь все романы, которые «последовательно связаны между собою, как связаны отразившиеся в них, как в капле воды, периоды русской жизни» (Гончаров, 1955, с. 69), особое значение имеет топос дома (усадьбы) [Глазкова, 2008].

Одним из первых в романе появляется интерьер роскошного дома Пахотиных, который посещает Райский с целью «пробудить жизнь» в дочери хозяина дома Софье Беловодовой. Имение, состоящее из «бесконечных анфилад» с «тёмными, тяжелыми резными шкафами со старым фарфором и серебром», напоминает герою «саркофаг» (т. 7, с. 17). В данном случае пространство, в котором живут Па-

хотины, раскрывает особенности их характеров, чинных и благородных натур, живущих в роскоши и, по мнению героя, далеких от реальной жизни, которая проходит за стенами богатых интерьеров. Первый интерьер в «Обрыве» своим содержанием задает дальнейшую логику в использовании описаний пространств, а именно характеристику тех, кто в них живет. Комната женщины-статуи Беловодовой украшена цветами, но автор с помощью художественной детали отмечает, что и они (цветы) «стояли в тяжелых, старинных вазах, точно надгробных урнах» (т. 7, с. 18). С долей иронии, в свойственной ему манере, Гончаров, создавая портреты двух старых сестер Пахотиных, отмечает их педантичность, чрезмерную аккуратность, присущую людям «старого века». Автор пишет:

Да и тетки не могли видеть беспорядка: чуть цветы раскинутся в вазе прихотливо, входила Анна Васильевна, звонила девушку в чепце и приказывала собрать их в симметрию (т. 7, с. 18).

Сестры, как и их племянница Беловодова, закрывались от жизни в темных богатых комнатах. Метафорически Гончаров передает это при обращении к интерьеру:

...если западал слишком вольный луч солнца и играл на хрустале, на зеркале, на серебре, – Анна Васильевна находила, что глазам больно, молча указывала человеку пальцем на портьеру, и тяжелая, негнущаяся шелковая завеса мерно падала с петли и закрывала свет (т. 7, с. 18).

Описания жилого помещения самого Пахотина, которого Гончаров называет «Пальмерстоном», придавая важность его фигуре, с одной стороны, оказываются под стать владельцу имения («Подле тяжелого буля стояла откидная кушетка от Гамбса, высокий, готический камин...») (т. 7, с. 18)), с другой – интерьер хозяина дома дополняется рядом деталей, которые указывают на его «жизненность». Так, камин «прикрывался ширмами с картинами фоблазовских нравов» (т. 7, с. 18), что подчеркивает донжуанство героя, кроме этого «...на столах часто утро заставало остатки ужина, на диване можно было найти иногда женскую перчатку, ботинку» (т. 7, с. 18), что выдает в герое обломовские черты.

Столичный дом Пахотиных противопоставлен имению в Малиновке. Первые описания «Эдема» сразу же связываются с домом Бережковой. В отличие от больших и мрачных комнат Пахотиных, в родовом имении Райского «комнатки маленькие, но уютные» (т. 7, с. 60), образ пенат главного героя складывается из постоянных отсылок к его роду, вещам, которые принадлежали семье («со старинной, взятой из большого дома мебелью дедов, дядей <...> печи обложены пестрыми, старинными, тоже взятыми из большого дома изразцами») (т. 7, с. 60)). Как и при описании убранства дома Пшеницыной, в убранстве малиновского дома Гончаров использует перечисление разнородных предметов («На виду красовались старинные саксонские чашки, пастушки, маркизы, китайские уродцы, бочкообразные чайники, сахарницы, тяжелые ложки. Кругленькие стулья, с медными ободочками и с деревянной мозаикой столы, столики жались по уютным уголкам») (т. 7, с. 60)), создающих атмосферу домашнего очага, которого Райскому не хватало в Петербурге. Хранительница многовековых устоев Бережкова рисуется автором в кабинете, где стояло старое бюро с зеркалом. Гончаров с легким юмористическим оттенком отмечает ироничность бабушки, которая завешивала это зеркало, говоря: «Мешает писать, когда видишь свою рожу напротив» (т. 7, с. 60).

Совершенно иными предстают интерьеры старого дома, в котором Вера живет одна, именно он является бывшим имением родителей Райского. Бабушка и Марфенька проживают в новом доме, построенном Бережковой после. Примечательно, что «улыбающиеся портреты» родителей главного героя были перенесены в новый дом, а в старом «...по стенам портреты: от них не уйдешь никуда – они провожают всюду глазами» (т. 7, с. 76). Они кажутся читателю пустыми и обезличенными, так как про них автор упоминает в контексте представления интерьера старого дома с «мрачными, закоптевшими гостиными» (т. 7, с. 76).

Райский, пытаясь разгадать Веру, приходит в заброшенный дом, в котором видит «закутанные в чехлы две статуи, как два привидения...», соотносящиеся с героиней («Вера – статуя!») (т. 7, с. 621)), которая до определенного момента была загадочна и холодна. Ее молодость проходит в доме, который Райский застаёт в запустении. Мебель кажется герою удручающей: «...громодная кровать в спальне стояла, как пышный гроб, покрытый газетом. Райский с трудом представлял себе, как спали на этих катафалках: казалось ему, не уснуть живому человеку тут <...> Весь дом пропитан пылью и пустотой» (т. 7, с. 76). Эти описания явно противопоставлены дому, в котором живет бабушка.

Пространство комнаты Марфеньки олицетворяет ее саму, ту непринужденную легкость, чистоту, которую сразу замечает в ней главный герой, противопоставляя ее светлую натуру таинственному внутреннему миру Веры:

В ее комнате было всё уютно, миниатюрно и весело. Цветы на окнах, птицы, маленький киот над постелью, множество разных коробочек, ларчиков, где напаяно было всякого добра, лоскутков, ниток, шелков, вышиванья: она славно шила шелком и шерстью по канве (т. 7, с. 232).

Героиня занимается рукоделием, поэтому в ее комнате автор тщательно прорисовывает миниатюрные вещи, указывающие на особенности внутреннего мира, «портрета» героини. По подробности внутреннего убранства становится очевидна тонкость натуры младшей внучки Бережковой – она близка к миру природы и окружает им себя в быту.

Таким образом, интерьер в пространстве художественных текстов И. А. Гончарова связан с базовыми функциями литературных описаний внутренних пространств: сюжетообразующая, композиционная, декоративная, характерологическая, хронотопическая. От самых ранних повестей до последнего романа, относящегося к шестидесятым годам XIX в., Гончаров окружает своих героев вещами, которые отражают особенности их внутреннего мира. Интерьеры – своеобразные зеркала, художественно преломляющие характеры героев, идеи автора. В начале творческого пути интерьер у Гончарова был связан с декоративной и хронотопической функциями. Уже в романной трилогии интерьер как часть хронотопа выполняет сюжетообразующую, а в случае с «Обломовым» и «Обрывом» и композиционную роль. В книге путевых очерков «Фрегат “Паллада”» характерологическая функция интерьера (не только домов и квартир) вырастает до символической, представляет «портрет» разных национальных культур.

Список литературы

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. 423 с.

Брансон М. Русские реализмы. Литература и живопись, 1840–1890 / Пер. с англ. Е. Гавриловой. Бостон; СПб.: Academic Studies Press; Библиороссика, 2022. 399 с.

Вожик Е. И. «Вечные фламандцы»: язык описания фламандской живописи в 1830–1850-х гг. // Словесность и история. 2024. № 1. С. 54–80.

Глазкова М. В. «Усадебный текст» в русской литературе второй половины XIX века: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. А. Фет: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 17 с.

Грехова М. С. Изображение интерьеров в русском изобразительном искусстве первой половины XIX века // Ценности и смыслы. 2011. № 6 (15). С. 132–140.

Зенкин С. Imago infabula: Интрадигетический образ в литературе и кино. М.: НЛО, 2023. 624 с.

Малетина О. А. Пейзаж и интерьер как разновидности жанра «описание» в художественном дискурсе // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2006. Вып. 5. С. 103–110.

Павлова Ю. Б. Национальное своеобразие интерьера голландского бюргерского дома XVII столетия: Дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2009. 285 с.

Пырков И. В. «Сон Обломова» и «Щит Ахилла» (Гомеровские мотивы в поэтике И. А. Гончарова) // Гончаров И. А.: Материалы Междунар. конф., посвящ. 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. С. 66–72.

Судосева И. С. Функции литературного интерьера // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. № 20 (121). С. 24.

Судосева И. С. Поэтика интерьера в художественной прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 24 с.

Толстогузов П. Н. Муха в гоголевском тексте // Вестник ПГУ им. Шолом-Алейхема. 2017. № 1 (26). С. 121–125.

Шамсутдинова М. Ф. «Портрет дома» в характерологии автобиографической трилогии Л. Н. Толстого // Вестник Башкир. ун-та. 2010. Т. 15, № 3. С. 705–709.

Список источников

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). Т. 6: Мертвые души. [Ч.] 1 / [Ред. Н. Ф. Бельчиков и др.]. СПб., 1951. 924 с.

Гомер. Илиада и Одиссея / Пер. Н. И. Гнедича. М.: ГИХЛ, 1960. 438 с.

Гончаров И. А. Лучше поздно, чем никогда (Критические заметки) // Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 8: Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. С. 64–113.

Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: Обыкновенная история; Стихотворения; Повести и очерки; Публицистика, 1832–1848. 829 с.

Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 2: Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия: В 2 т. 745 с.

Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 1998. Т. 4: Обломов: Роман в четырех частях / Текст подгот. Т. И. Орнатская; ред. тома В. А. Туниманов (гл. ред.). 496 с.

Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 2004. Т. 7: Обрыв: Роман в пяти частях / Подгот. текста Т. И. Орнатская (при участии А. Ю. Балакина); ред. тома Т. А. Лапицкая, В. А. Туниманов (гл. ред.). 776 с.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 6. 700 с.

References

- Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1979, 423 p.
- Branson M. *Russkie realizmy. Literatura i zhivopis', 1840–1890* [Russian realisms. Literature and painting, 1840–1890]. E. Gavrilova (Transl. from English). Boston, St. Petersburg, Academic Studies Press., Bibliorossika, 2022, 399 p.
- Glazkova M. V. “Usadebnyy tekst” v russkoy literature vtoroy poloviny 19 veka: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, A. A. Fet [“Estate text” in Russian literature of the second half of the 19th century: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, A. A. Fet]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2008, 17 p.
- Grekhova M. S. Izobrazhenie inter'erov v russkom izobrazitel'nom iskusstve pervoy poloviny XIX veka [Depiction of interiors in Russian fine art of the first half of the 19th century]. *Values and meanings*. 2011, no. 6 (15), pp. 132–140.
- Maletina O. A. Peizazh i inter'er kak raznovidnosti zhanra “opisanie” v khudozhestvennom diskurse [Landscape and interior as varieties of the “description” genre in artistic discourse]. *Science Journal of Volgograd State University. Young Scientists' Research*. 2006, iss. 5, pp. 103–110.
- Pavlova Yu. B. *Natsional'noe svoeobrazie inter'era gollandskogo biurgerskogo doma 17 stoletiya* [National originality of the interior of a Dutch burgher house of the 17th century]. Cand. arts sci. diss. St. Petersburg, 2009, 285 p.
- Pyrkov I. V. “Son Oblomova” i “Shchit Akhilla”: (Gomerovskie motivy v poetike I. A. Goncharova) [“Oblomov's Dream” and “Achilles' Shield”: (Homeric motifs in the poetics of I. A. Goncharov)]. In: *Materialy Mezhdunar. konf., posvyashch. 190-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Goncharova* [Proceedings of the International Conference dedicated to the 190th anniversary of the birth of I. A. Goncharov], Ulyanovsk, Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya, 2003, pp. 66–72.
- Shamsutdinova M. F. “Portret doma” v kharakterologii i avtobiograficheskoy trilogii L. N. Tolstogo [“Portrait of a House” in the characterology of the autobiographical trilogy by L. N. Tolstoy]. *Bulletin of Bashkir University*. 2010, vol. 15, no. 3, pp. 705–709.
- Sudoseva I. S. Funktsii literaturnogo inter'era [Functions of a literary interior]. *RSUH Bulletin. Series: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*. 2013, no. 20 (121), 24 p.
- Sudoseva I. S. *Poetika inter'era v khudozhestvennoy proze* [Poetics of the interior in fiction]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2016, 24 p.
- Tolstoguzov P. N. Mukha v gogolevskom tekste [The fly in Gogol's text]. *Vestnik PGU im. Sholom-Aleykhema*. 2017, no. 1 (26), pp. 121–125.
- Vozhik E. I. “Vechnye flamandtsy”: yazyk opisaniya flamandskoy zhivopisi v 1830–1850-kh gg [“Eternal Flemings”: the language of description of Flemish painting in the 1830s–1850s]. *“Texts and History” (Slovesnost' i istoriya)*. 2024, no. 1, pp. 54–80.
- Zenkin S. *Imago in fabula: Intradiegeticheskiy obraz v literature I kino* [Imago in fabula: Intradiegetic image in literature and cinema]. Moscow, NLO, 2023, 624 p.

List of sources

- Gogol' N. V. *Poln. sobr. soch.* [Complete collected works]. USSR Academy of Sciences. Institute of Russian Literature (Pushkin House). N. F. Bel'chikov et al. (Ed.), 1951, vol. 6: Mertvye dushi [Dead Souls]. Pt. 1. 924 p.
- Goncharov I. A. Luchshe pozdno, chem nikogda: (Kriticheskie zametki) [Better late than never: (Critical notes)]. In: Goncharov I. A. *Sobr. soch.: V 8 t.* [Collected works: In

8 vols.] Moscow, GIKhL, 1955, vol. 8: Stat'i, zametki, retsenzii, avtobiografii, izbrannye pis'ma [Articles, notes, reviews, autobiographies, selected letters], 1955, pp. 64–113.

Goncharov I. A. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols.]. St. Petersburg, Nauka, 1997, vol. 1: Obyknoennaya istoriya; Stikhotvoreniya; Povesti i ocherki; Publitsistika [Ordinary history; Poems; Stories and essays; Journalism], 1832–1848, 829 p.

Goncharov I. A. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols.]. St. Petersburg, Nauka, 1997, vol. 2: Fregat "Pallada": Ocherki puteshestviya: V 2 t. [Frigate "Pallada": Sketches of the journey: in 2 vols.]. 745 p.

Goncharov I. A. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols.]. St. Petersburg, Nauka, 1998, vol. 4: Oblomov: Roman v chetyrekh chastyakh [Oblomov: A novel in four parts]. T. I. Ornatskaya (Prep. of the text); V. A. Tunimanov (Ed.). 496 p.

Goncharov I. A. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols.]. St. Petersburg, Nauka, 2004, vol. 7: Obryv: Roman v pyati chastyakh [The Precipice: A novel in five parts]. T. I. Ornatskaya and A. Yu. Balakin (Prep. of the text); T. A. Lapitskaya, V. A. Tunimanov (Eds.). 776 p.

Homer. *Iliada i Odisseya* [Iliad and Odyssey]. N. I. Gnedich (Transl.). Moscow, GIKhL, 1960, 438 s.

Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch.: V 16 t.* [Complete works in 16 vols.]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1937, vol. 6, 700 p.

Информация об авторе

Кристина Константиновна Павлович, доцент кафедры русского языка как иностранного Томского государственного университета (Томск, Россия)

Information about the author

Kristina K. Pavlovich, Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 27.09.2024;
одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 28.11.2024
The article was submitted on 27.09.2024;
approved after reviewing on 28.11.2024; accepted for publication on 28.11.2024*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/91/5

**Образ рубашки
в творчестве и житнетворчестве Л. Н. Толстого:
постановка проблемы**

Ольга Евгеньевна Гевель

Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

olyagevel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2356-7654>

Аннотация

Исследование сосредоточено на образе рубашки у Л. Н. Толстого. Рубашка в толстовском тексте может быть лишь портретной характеристикой, но может становиться и маркером переломных моментов: изменение социального статуса (разжалование, приобретение или потеря богатства, свадьба) или статуса биологического (рождение, болезнь, смерть). Отмечается контекстная взаимосвязь образов рубашки и кафтана, сопряженных с идеей «непротивления злу насилием» и знаменитой «толстовкой» писателя. Материал художественных произведений подтверждает, что переодевание в рубашку как символический акт уже был осмыслен Л. Н. Толстым на примере автобиографических образов.

Ключевые слова:

Л. Н. Толстой, «Война и мир», «Анна Каренина», образ рубашки, кафтан, гардероб персонажа, портретная характеристика персонажа

Для цитирования

Гевель О. Е. Образ рубашки в творчестве и житнетворчестве Л. Н. Толстого: постановка проблемы // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 64–72. DOI 10.17223/18137083/91/5

**The image of a shirt in the novels and life of Leo Tolstoy:
formulation of the problem**

Olga E. Gevel

Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

olyagevel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2356-7654>

Abstract

The paper focuses on the image of *rubashka* (a shirt) recurring in different contexts in the creative and epistolary works of Leo Tolstoy including his letters, diaries, and notes. The author

© Гевель О. Е., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 64–72

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 64–72

addresses the methodologies utilized in current research concerning the poetics of the wardrobe of literary characters. The analysis corroborates the significance of the image, thereby underscoring the emphasis on these descriptive elements through the entire corpus. This study investigates the multiple roles and cultural settings of the *rubashka* image throughout history, with future research planned to provide further detailed analysis. The image in question proves to serve a dual purpose: as a character portrait and as a symbolic plot device, indicating significant transitions in social status (advancement, financial shifts, marriage) or biological status (birth, illness, or death). Also noted is the relationship between the imagery of *rubashka* and *kaftan* in the context of Tolstoy's philosophy of "non-resistance to evil by violence" (a concept rooted in biblical teachings and frequently appearing in his literary and personal writings). It is of significance that *rubashka* becomes central to the visual representation of the writer. Many portraits, photographs, and videos feature Leo Tolstoy in his well-known *tolstovka*, a simple shirt that came to symbolize his philosophical perspective. The material of artistic works, including the novels "War and Peace" and "Anna Karenina," confirms the conceptualization of using a shirt as a symbolic act by Leo Tolstoy, as demonstrated by his autobiographical images and their projections.

Keywords

Leo Tolstoy, "War and peace", "Anna Karenina", image of a shirt, caftan, wardrobe of a literary character, portrait characteristic of a character

For citation

Gevel O. E. The image of a shirt in the novels and life of Leo Tolstoy: formulation of the problem. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 2, pp. 64–72. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/5

Гардероб персонажей художественных произведений лишь недавно стал темой пристального исследовательского внимания [Абиева, 2018; Дудукалова, Сысоева, 2019; Кирсанова, 1995; 2006; Козубовская, 2013; Лазареску, 2013; Манкевич, 2013; Попова, 2016; Терехова, 2016; Greenleaf, 1994]. Однако при ближайшем рассмотрении отдельные детали костюма в литературном тексте могут не просто характеризовать персонажа, но и стягивать к себе гораздо более сложные мифопоэтические и культурные контексты (очевидными примерами могут быть гоголевская шинель или треугольная шляпа в повести Педро Антонио Аларкона).

В творчестве Л. Н. Толстого, всегда очень точного в выборе мельчайших деталей, гардероб героя во многих случаях является важной мотивной и сюжетной иллюстрацией, но иногда имеет и отчетливое символическое значение.

Так, например, обращают на себя внимание образы рубашек (и еще одной вариации этого слова – «рубаха»), часто появляющихся в текстах Л. Н. Толстого и связанных также с некоторыми значимыми моментами его жития. Безусловно, Л. Н. Толстой – писатель-реалист, подробно описывающий разнообразные аспекты и предметы действительности, и рубашка как константа любого гардероба неизбежно будет появляться в любом реалистическом тексте. Но анализ корпуса толстовских текстов выявляет, что упоминание этого предмета одежды одно из самых частотных у Толстого: совокупное использование словоформ «рубашка» и «рубаха» в текстах 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого 765¹ раз (ср. со словоформами «брюки» – 10, «штаны» – 112, «сюртук» – 200 раз).

Функции и контексты образа рубашки в творчестве Л. Н. Толстого разнообразны, и объем статьи позволяет раскрыть лишь некоторые из них. Однако стоит отметить, что образ встречается на протяжении всей творческой работы писателя,

¹ Согласно данным цифрового путеводителя «Слово Толстого» (<https://slovotolstogo.ru>), слово «рубашка» используется 345 раз, слово «рубаха» – 420 раз.

уже в первых произведениях Толстой в описаниях подчеркнуто внимателен к рубашкам персонажей (простым ситцевым или накрахмаленным голландским), например, в «Отрочестве» и «Юности»: «Ежели бы, когда Володе в первый раз сделали голландские рубашки со складками, я сказал прямо, что мне весьма досадно не иметь таких, я уверен, что мне стало бы легче и не казалось бы всякий раз, как он оправлял воротнички, что он делает это для того только, чтобы оскорбить меня» (т. 2, с. 17)², «Мы все безмолвно смотрели на суповую чашу и белую рубашку дерптского студента» (т. 2, с. 200), «Многие сняли сюртуки (особенно те, у которых были тонкие и совершенно свежие рубашки)» (т. 2, с. 200), «Все были в грязных ситцевых рубашках» (т. 2, с. 215), «Но главною причиною невозможности сближения были мое двадцатирублевое сукно на сюртуке, дрожки и голландская рубашка» (т. 2, с. 217).

В романе «Война и мир» зачастую акцентируется внимание на том, что герои остаются в одной рубашке: так, в сцене распития Долоховым бутылки рома на подоконнике мы видим и Анатоля, и самого Долохова одетыми именно так: «...хозяин, высокий красавец, стоявший посреди толпы в одной тонкой рубашке, раскрытой на середине груди» (т. 9, с. 38), «спина Долохова в белой рубашке и курчавая голова его были освещены с обеих сторон» (т. 9, с. 41). Долохов далее часто появляется в одной белой рубашке, например, в эпизоде карточного проигрыша Николая Ростова она упоминается трижды (и может ассоциативно также отсылать к рубашке карт).

Пьер Безухов в плену из всей своей одежды сохраняет только рубашку: «одеяние Пьера теперь состояло из грязной продранной рубашки, единственном остатке его прежнего платья» (т. 12, с. 92). Есть и упоминания полного отсутствия рубашки, например: «под мундиром на французе не было рубахи, а на голое, желтое, худое тело был надет длинный, засаленный, шелковый с цветочками жилет» (т. 12, с. 95) – солдат приходит к Пьеру и Платону Каратаеву за рубашками, которые пленные шьют французам.

Образ рубашки также символически сопряжен с наполеоновским текстом – от прямых описательных упоминаний до почти мифопоэтических образов: «...Бонапарте в рубашке родился»³ (т. 9, с. 126), – говорит об успехах армии Наполеона старый князь Болконский, сам появляющийся перед Наташей Ростовой в рубашке (ночной), демонстрируя ей неуместность ее визита (и ее включения в семью Болконских).

Интересным образом символика рубашки проявлена в предсмертных словах князя Андрея, который в бреду не может понять, что видит: его белую рубашку или Сфинкса, или Наташу Ростову – тоже в белой рубашке: «Но кроме этого было еще одно важное. Это было белое у двери, это была статуя сфинкса, которая тоже давила его. “Но, может быть, это моя рубашка на столе”, – думал князь Андрей <...> И внимание его вдруг перенеслось в другой мир действительности и бреда, в котором что-то происходило особенное. Все так же в этом мире воздвигалось, не разрушаясь, здание, все так же тянулось что-то, так же с красным кругом горела свечка, та же рубашка-сфинкс лежала у двери; но кроме всего этого, что-то скрипнуло, пахло свежим ветром, и новый белый сфинкс, стоячий, явился пред

² Здесь и далее произведения Л. Н. Толстого цитируются по (Толстой, 1928–1958) с указанием номера тома и страниц в круглых скобках.

³ Как отмечает Карло Гинзбург в статье «Фрейд, человек-волк и оборотни», «в славянском фольклоре людям, родившимся в рубашке, приписываются сверхъестественные способности, и в первую очередь способность становится оборотнем» [Гинзбург, 2005, с. 276].

дверью. И в голове этого сфинкса было бледное лицо и блестящие глаза той самой Наташи, о которой он сейчас думал» (т. 11, с. 386–387).

В романе «Анна Каренина» в потоке сознания Анны, предшествовавшем самоубийству героини, также появляется образ рубашки: «Зачем эти церкви, этот звон и эта ложь? Только для того, чтобы скрыть, как мы все ненавидим друг друга, как эти извозчики, которые так злобно бранятся. Яшвин говорит: он хочет меня оставить без рубашки, а я его. Вот это правда!» (т. 19, с. 340–341). Это отсроченная реакция Анны на давний разговор с другом Вронского Яшвиным (во многом наследующим образу Долохова), который, комментируя свои принципы карточной игры, замечает: «Ведь кто со мной садится (играть в карты. – *О. Г.*) – тоже хочет оставить меня без рубашки, а я его. Ну, и мы боремся, и в этом-то удовольствии» (т. 19, с. 329).

Характерно, что Алексей Каренин, размышляя о разводе, также акцентирует внимание на образе рубашки: «“И ударившему в правую щеку подставь левую, и снявшему кафтан отдай рубашку”, – подумал Алексей Александрович» (т. 18, с. 454). Та же мысль варьируется в тексте еще несколько раз, например в мыслях Кити: «Какое же может быть излишество в следовании учению, в котором велено подставить другую щеку, когда ударят по одной, и отдать рубашку, когда снимают кафтан» (т. 18, с. 237).

Спряжение образов кафтана и рубашки в этом контексте характерно и для писем, и для других текстов писателя, посвященных его доктрине непротivления злу насилieм.

Мысль эта варьируется более 30 раз, в том числе в «Учении Христа, изложенном для детей»: «...и кто захочет взять у тебя рубашку, то лучше отдать и кафтан, чем враждовать и драться с братом. Не надо злом противиться злу. В этом четвертая заповедь» (т. 37, с. 103).

Иногда высказывания встречаются в усеченном виде, присутствует только кафтан, например в письме Э. Кросби: «“Вам сказано зуб за зуб”, – а я говорю вам: “не противься злу”, и если тебя ударят, и если возьмут кафтан и все примеры насилия, на кот[орые] не надо отвечать насилieм» (т. 69, с. 142). И в другом письме – В. И. Алексееву: «Мы теоретически отрицаем собственность, а практически признаем. Я отрицаю собственность земли, а признаю собственность кафтана. А то и другое одинаково» (т. 63, с. 196).

Очевидно, образы рубашки (рубахи) и кафтана становятся для Толстого одним из материальных воплощений концепции непротivления злу насилieм, формировавшейся долгие годы. Созвучные идеи отдать кафтан снявшему рубашку, варьирующиеся в творчестве и эпистолярной писателя, и эпиграф к роману «Анна Каренина»: «Мне отмщение, и Аз воздам» – явным образом протivопоставлены намерению самостоятельно мстить, протivиться насилieм посредством насилия, оставлять другого без рубашки или кафтана.

Значимые для сюжета упоминания о кафтане есть и в романе «Война и мир»: в него Пьер переодевается во время осады Москвы, кафтан (вместе с рубашкой) хранит княжна Марья, замыслив уйти в странницы, «под предлогом подарка странницам, княжна Марья припасла себе полное одеяние странницы: рубашку, лапти, кафтан и черный платок» (т. 10, с. 237). Позже аналогичный набор готовит Отец Сергей из одноименной повести: «Он приготовил себе мужицкую рубаху, портки, кафтан и шапку. Он объяснил, что это нужно ему для того, чтобы давать просящим» (т. 31, с. 29). Обращает на себя внимание фактически полная

эквивалентность двух последних примеров, несмотря на то что разница во времени между текстами более 30 лет.

Очевидно, «остаться в одной рубашке» для героев Толстого – важный символический жест, позволяющий «скинуть с себя все лишнее», «бремя внешнего человека», и этот вопрос беспокоил Толстого и его героев на разных этапах жизни. Так, раздумывая об ополченцах в белых рубашках перед Бородино и вновь разжалованном Долохове среди них, Пьер приходит к мысли: «“Солдатом быть, просто солдатом!” – думал Пьер, засыпая. – “Войти в эту общую жизнь всем существом, проникнуться тем, что делает их такими. Но как скинуть с себя все это лишнее, дьявольское, все бремя этого внешнего человека?”» (т. 1, с. 293).

Такая символика рубашки сопрягает не только разные художественные тексты Л. Н. Толстого, но в некотором смысле и житетекст писателя⁴: сам образ его уже неотрывно связан с образом белой, черной, голубой рубашки (толстовки), в которой Толстой изображен на портретах И. Е. Репина, И. Н. Крамского, на фотографии С. М. Прокудина-Горского и др.

С рубашками сопряжены и некоторые семейные толстовские легенды. Так, в дневниках жены писателя С. А. Толстой зафиксирована история о пропавшей в день их свадьбы рубашке, из-за которой венчание могло и не состояться: «Приготовив все для свадьбы и отъезда, забыли оставить чистую рубашку⁵. Посылали купить, но было воскресенье, и все магазины были закрыты. Пока ее свезли, пока оделся и приехал в церковь жених, прошло еще много времени. Явился наконец и шафер жениха, объявив, что жених в церкви. Началось прощание, слезы, рыдания, и меня совсем расстроили» (Толстой Л. Н. в воспоминаниях современников, 2017, т. 1, с. 157). Потом Л. Н. Толстой включит историю с потерянной рубашкой в свадебный эпизод романа «Анна Каренина».

В контексте гардероба Л. Н. Толстого именно написание романа «Анна Каренина» является в каком-то смысле переломным: по воспоминаниям современников, он все еще появляется в обществе в сюртуке, но дома все чаще начинает носить рубашки и простые домотканые штаны; связывают этот выбор костюма с толстовской философией «опрощения», стремлением стать ближе к народу. Стоит отметить, что его автобиографические персонажи Пьер Безухов и Константин Левин в рубашки (в простых мужиков) переоделись задолго до самого Толстого. Примерно в то же время в «Четвертой русской книге для чтения» (1875) выходит сказка «Царь и рубашка», также варьирующая символическое значение этого образа.

⁴ Любопытное совпадение состоит в том, что московский дом Л. Н. Толстого находился в Хамовниках, название этого района этимологически также может быть связано голландским словом, обозначающим рубашку, на что указывает В. Булгаков: «Наиболее вероятным является происхождение слова “хамовник” от голландского слова “ham” – рубашка, белье; известно, что акты XVII века указывают на особую голландскую улицу в Москве. Свео-готское слово “ham” – белье, рубашка – могло передаваться от пленных шведов и литовцев, тоже поставлявших царскому двору “белую казну”. Известно также, что в “Хамовой слободе”, около “церкви Николы”, на особом “дворе” – Тяглые Хамовники – ткачи готовили полотна под руководством иноземных мастеров, среди которых могли быть и шведы (ham – рубашка), и финны (hame – белье, рубашка), и иностранцы латинского происхождения (chama – одеяло)» [Булгаков, 1948, с. 523–524].

⁵ Характерно, что можно было бы идти и в грязной, но это было бы нарушением традиции, и такой вариант даже не рассматривался.

В дальнейшем в одном из писем к жене во время своих башкирских путешествий⁶ Толстой соотнесет отсутствие рубашки с дикостью, см. письмо от 12 июня 1883: «Я дичаю все больше и больше; – не только не пишу, но не читаю, – чулок не надеваю, ни рубашки» (т. 83, с. 389).

На основании приведенных фрагментов творчества и эпистолярия писателя можно заключить, что образ рубашки зачастую появляется в текстах Толстого в переломные и пограничные моменты и также связан с рождением, смертью⁷ (или и тем, и другим, как в эпизоде приезда Андрея Болконского в Лысье горы, когда его жена умирает в родах⁸), нахождением в пограничных ситуациях (инициация⁹, свадьба¹⁰) и пространствах, например на кладбище¹¹ или на окраине деревни¹². Таким образом, рубашка может выполнять функцию границы – как внешней (между миром и человеком, между образом «внешнего человека» и человека настоящего), так и внутренней, мифопоэтической.

Подобная символика достаточно традиционна: в некоторых славянских (и не только) обрядах рубашка также связана с пограничными процессами (рождение, инициация, свадьба, смерть) и может замещать реального человека, ее носящего. Так, Г. С. Маслова отмечает запрет отдавать и продавать свою рубашку, что символически приравнивалось к потере счастья [Маслова, 1984, с. 41].

Характерно, что такая семантика рубашки использована Л. Н. Толстым в одной из его сказок: царь ищет рубашку счастливого человека, чтобы надеть ее

⁶ Подробнее о башкирской теме в жизни и творчестве Толстого см. в статье К. В. Анисимова [2017].

⁷ «Ополченцы – те прямо надели чистые, белые рубахи, чтобы приготовиться к смерти. Какое геройство, граф!» (т. 11, с. 20) – говорит Борис Друбецкой Пьеру перед Бородинским сражением и сразу же еще раз повторяет эти слова не расслышавшему их Кутузову. В планах и заметках к этой части романа Л. Н. Толстой записывает: «рубаха к телу близка, а смерть ближе» (т. 13, с. 45).

⁸ «Доктор с засученными рукавами рубашки, без сюртука, бледный и с трясущеюся челюстью, вышел из комнаты» (т. 10, с. 41).

⁹ В каком-то смысле инициацией можно назвать «военный поход» Пьера, переодетого в мужицкую одежду, закончившийся его освобождением из плена и духовным очищением.

¹⁰ Как в известном автобиографическом эпизоде с поиском Левиным рубашки прямо перед свадьбой.

¹¹ Очень яркая иллюстрация – текст из произведений, написанных для «Азбуки» и не включенных в нее, о том, как возвращавшийся с охоты с ружьем человек (возможно, сам Толстой) увидел на кладбище рубашку, накинутую на крест, принял ее за привидение и начал стрелять в нее, а рубашку туда повесил мужик, копавший рядом могилу.

¹² В рассказе-притче «Хозяин и работник» о блуждании замерзших путников в метель присутствует такое описание: «У крайнего двора на веревке отчаянно трепалось от ветра замерзшее белье: *рубахи, одна красная, другая белая, портки, онучи и юбка. Белая рубаха особенно отчаянно рвалась, махая своими рукавами*» (т. 29, с. 14). Через какое-то время образ белой рубахи становится еще драматичнее: «*белая рубаха уже сорвалась и висела на одном мерзлом рукаве*» (т. 29, с. 14). Веревка с замерзшим бельем попадает на путникам и еще раз, сигнализируя о том, что они точно заплутали. В деревне им открывают дверь и предлагают остаться местные жители, одетые в те же предметы гардероба: «придерживая дверь от ветра, высунулся высокий старый с белой бородой мужик в накинутом полушубке *сверх белой праздничной рубахи* и за ним малый в красной рубахе...» (т. 29, с. 18). Путники не остаются ночевать и попадают в еще большую метель, и холод ночи описывается следующим образом: «И в саях он чувствовал, что не согреется, потому что ему было нечем покрыться, его же кафтан и шуба теперь совсем не грели его. Ему было так холодно, как будто он был в одной рубахе» (т. 29, с. 37).

и исцелиться, но, когда находят единственного счастливого человека, выясняется, что у него вообще нет рубашки – так он беден («Царь и рубашка», 1975).

Очевидно, символика рубашки в текстах Л. Н. Толстого в первую очередь связана с ее традиционными обрядовыми смыслами (рождение – свадьба – смерть), но может стягивать к себе и совершенно неожиданные смысловые сцепления, в том числе мифопоэтические (упоминание о рождении в рубашке Наполеона, образ рубашки-сфинкса) и жизнестроительные (переодевание в рубашку, чтобы изменить свой социальный статус, снятие рубашки как символ свободы, «одичания» или счастья). Очень значим образ рубашки в толстовских описаниях христианства («учение о щеке и рубашке» (т. 20, с. 238)) и формировании доктрины толстовства. Повторяемость и вариативность образов рубашки на протяжении всего творчества Л. Н. Толстого подтверждают их значимость и неслучайность и требуют дальнейшего исследования, внимательного рассмотрения контекстов их использования.

Список литературы

Абиева Н. М. Поэтика костюма в прозе А. П. Чехова: Монография. Барнаул: АлтГПУ, 2018. 230 с.

Анисимов К. В. «В разорванной кибитке, посреди кур и добрых башкирцев». Л. Н. Толстой инвертирует европейский ориентализм (творчество и житетворчество в башкирской степи) // Имагология и компаративистика. 2017. № 7. С. 142–165.

Булгаков В. История Дома Льва Толстого в Москве. // Л. Н. Толстой: К 120-летию со дня рождения. (1828–1948) / Коммент. и ред. Н. Н. Гусева. М.: Гос. лит. музей, 1948. Т. 2. С. 523–601. (Летописи Государственного литературного музея; Кн. 12)

Дудукалова М. В., Сысоева О. А. Атрибуты гардероба главной героини в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Новый филологический вестник. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/atributy-garderoba-glavnoy-geroini-v-romane-l-n-tolstogo-anna-karenina> (дата обращения 10.01.2023).

Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной литературе XVIII – первой половины XX в. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. 383 с.

Кирсанова Р. М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX века. 2-е изд. М.; СПб.: Родина, 2006. 175 с.

Козубовская Г. П. Костюм в прозе И. С. Тургенева: роман «Дым» // Мир науки, культуры, образования: экология, культурология, филология, искусствоведение, педагогика, психология. Международный научный журнал. 2013. № 5 (42). С. 281–284.

Лазареску О. Г. Предметный мотив одежды в русской литературе и фольклоре // Преподаватель. XXI век. 2013. № 3, ч. 2. С. 356–368.

Манкевич И. А. «Литературные одежды» как текст: мотив, сюжет, функция // Сюжетология и сюжетография. 2013. № 2. С. 12–17.

Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М.: Наука, 1984. 216 с.

Попова Ю. С. Мотивная функция костюма в рассказе И. Бунина «Чистый понедельник» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1 (20). С. 86–89.

Терехова М. В. Костюм как текст и язык культуры // Вестник С.-Петербург. ун-та культуры и искусства. 2016. № 2 (27). С. 62–64.

Greenleaf M. *Pushkin and Romantic Fashion: Fragment, Elegy, Orient, Irony*. Stanford: Stanford Uni. Press, 1994. 412 p.

Список источников

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., ГИХЛ, 1928–1958.

Толстой Л. Н. в воспоминаниях современников: В 2 т. СПб.: Пальмира, 2017.

References

Abieva N. M. *Poetika kostyuma v proze A. P. Chekhova: monografiya* [Poetics of clothing in the prose of A. P. Chekhov: monography]. Barnaul, AltSPU, 2018, 230 p.

Anisimov K. V. “V razornovoy kibitke, posredi kur i dobrykh bashkirtsev” L. N. Tolstoy invertiruet evropeyskiy orientalizm (tvorchestvo i zhiznetvorchestvo v bashkirskoy stepi) [“In a shabby little wagon, surrounded by chickens and good bashkirians”. L. N. Tolstoy inverts European orientalism (creation of fiction and life in the Bashkir steppe)]. *Imagology and Comparative Studies*. 2017, no. 7, pp. 142–165.

Bulgakov V. *Istoriya Doma L’va Tolstogo v Moskve* [History of the Leo Tolstoy House in Moscow]. In: *L. N. Tolstoy: K 120-letiyu so dnya rozhdeniya (1828–1948)* [L. N. Tolstoy: On the 120th anniversary of his birth. (1828–1948)]. N. N. Guseva (Comm. and Ed.). Moscow, Gos. lit. muzey, 1948, vol. 2, pp. 523–601. (Letopisi Gosudarstvennogo literaturnogo muzeya [Chronicles of the State Literary Museum], Bk. 12).

Dudukalova M. V., Sysoeva O. A. Atributy garderoba glavnoy geroini v romane L. N. Tolstogo “Anna Karenina” [Attributes of the protagonist’s wardrobe in Leo Tolstoy’s novel “Anna Karenina”]. *The New Philological Bulletin*. 2019, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/atributy-garderoba-glavnoy-geroini-v-romane-l-n-tolstogo-anna-karenina> (accessed 10.01.2024).

Greenleaf M. *Pushkin and Romantic Fashion: Fragment, Elegy, Orient, Irony*. Stanford, Stanford Univ. Press, 1994, 412 p.

Kirsanova R. M. *Kostyum v russkoy khudozhestvennoy literature 18 – pervoy poloviny 20 vv.* [Clothing in Russian fiction of the 18th – first half of the 20th century]. Moscow, Bol’shaya Rossiyskaya entsikl., 1995, 383p.

Kirsanova R. M. *Rozovaya ksandreyka i dradedamovyy platok. Kostyum – veshch’ i obraz v russkoy literature 19 veka* [Pink xandreika and dradedam shawl. Clothing – thing and image in Russian literature of the 19th century]. 2nd ed. Moscow, St. Petersburg, Rodina, 2006, 175 p.

Kozubovskaya G. P. Kostyum v proze I. S. Turgeneva: roman “Dym” [Clothing in the prose of I.S. Turgenev: the novel “Dym”]. *The world of science, culture and education: Ecology, Cultural Studies, Philology, Art History, Pedagogy, Psychology*. 2013, no. 5 (42), pp. 281–284.

Lazaresku O. G. Predmetnyy motiv odezhdy v russkoy literature i fo’klore [Subject motif of clothing in Russian literature and folklore]. *Prepodavatel XXI vek*. 2013, no. 3, pt. 2, pp. 356–368.

Mankiewicz I. A. “Literary clothing” as text: motif, plot, function [“Literary clothing” as a text: motive, plot, function]. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya*. 2013, no. 2, pp. 12–17.

Maslova G. S. *Narodnaya odezhda v vostochnoslavjanskikh traditsionnykh obyachakh i obryadakh 19 – nachala 20 v.* [Folk clothing in East Slavic traditional customs and rituals of the 19th – early 20th centuries]. Moscow, 1984, 216 p.

Popova Yu. S. Motivnaya funktsiya kostyuma v rasskaze I. Bunina “Chisty ponedel’nik” [Motive function of clothing in the short story “Chisty ponedel’nik” by I. Bunin]. *Actual Issues of Modern Philology and Journalism. Linguistics and Intercultural communication*. 2016, no. 1 (20), pp. 86–89.

Terekhova M. V. Kostyum kak tekst i yazyk kul’tury [Clothing as a text and language of culture]. *Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture*. 2016, no. 2 (27), pp. 62–64.

List of sources

Tolstoy L. N. *Poln. sobr. soch.: v 90 t.* [Complete works: In 90 vols.] Moscow, GIKhL, 1928–1958.

Tolstoy L. N. v vospominaniyakh sovremennikov: sbornik. V 2 t. [Leo Tolstoy in the memoirs of his contemporaries: In 2 vols.]. St. Petersburg, Pal’mira, 2017.

Информация об авторе

Ольга Евгеньевна Гевель, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и литературоведения Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)

Information about the author

Olga E. Gevel, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Journalism and Literature Criticism, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 07.12.2023;
одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 19.02.2024
The article was submitted on 07.12.2023;
approved after reviewing on 19.02.2024; accepted for publication on 19.02.2024*

Научная статья

УДК 070:93/94 (571.1)

DOI 10.17223/18137083/91/6

«Было смешно, но не весело»: драматургические опыты дореволюционных томских литераторов

Наталья Вениаминовна Жияякова

Томский государственный университет
Томск, Россия

Retama@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9406-2664>

Аннотация

Рассматриваются драматургические произведения, созданные томскими авторами в конце XIX – начале XX в. и дошедшие до настоящего времени в нескольких вариантах: во-первых, изданные в томских типографиях отдельными книгами; во-вторых, опубликованные на страницах периодических изданий; в-третьих, являющиеся частью сборников, а также перепечатанные из местных изданий в виде брошюр. Кроме этого, анализируется информация о пьесах томских авторов, поставленных на местной сцене, но не обнаруженных в архивах и библиотечных фондах. Собранный корпус текстов позволяет сделать вывод о том, что местные литераторы довольно редко обращались к драматургическим жанрам, хотя пьесы их периодически ставились на томской сцене, что говорит о востребованности драмы в дореволюционном сибирском обществе.

Ключевые слова

драматургия, Томск, В. Курицын, Г. Вяткин, сибирская литература, сибирская журналистика, «Томские трущобы», театр

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

Для цитирования

Жияякова Н. В. «Было смешно, но не весело»: драматургические опыты дореволюционных томских литераторов // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 73–85. DOI 10.17223/18137083/91/6

“It was funny, but not fun”: dramatic experiments of pre-revolutionary Tomsk writers

Natalia V. Zhilyakova

Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

Retama@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9406-2664>

Abstract

The paper examines various extant versions of dramatic works created by Tomsk writers during the late 19th and early 20th centuries. These include individual books printed in Tomsk,

© Жияякова Н. В., 2025

works featured in periodicals, inclusions within larger collections, and those reprinted from local publications as brochures. The focus is on the plays written by Tomsk authors, performed locally, yet absent from archived and library collections. Analysis of the source materials, namely the dramatic works of pre-revolutionary Tomsk authors, reveals the significant challenges encountered in the regional development of this literary genre. Dramatic literature was not a common pursuit for local writers, though their plays did receive occasional staging in Tomsk. The literary history of Tomsk includes the unique adaptation of a play to the adventurous novel, "Tomsk Slums". This adaptation facilitated a partial reconstruction of the unsaved text of the pre-revolutionary play, which captivated the Tomsk pre-revolutionary audience. A prominent feature of Tomsk theater criticism involved the strong condemnation of local dramatic innovations, probably accounting for the hesitancy of certain authors to submit their plays for review. Although no major original plays of high artistic merit were found, the discovered material indicates a developing mastery of new dramatic and literary forms in pre-revolutionary Tomsk literature.

Keywords

drama, Tomsk, V. Kuritsyn, G. Vyatkin, Siberian literature, Siberian journalism, "Tomsk slums", theater

Acknowledgements

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation no. 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

For citation

Zhilyakova N. V. "It was funny, but not fun": dramatic experiments of pre-revolutionary Tomsk writers. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 2, pp. 73–85. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/6

Введение

Изучая процессы формирования дореволюционной словесной культуры в российских регионах, исследователи достаточно редко обращаются к сфере местной драматургии: буквально единичные работы посвящены творчеству региональных литераторов, создающих пьесы для театра (см., например: [Чумаченко, 2001]). Это связано прежде всего с тем, что талантливых драматургов в провинции, и в дореволюционной Сибири, практически не было: об этом свидетельствует, в частности, фундаментальный труд «Очерки русской литературы Сибири» [1982], в котором отсутствуют разделы о сибирской дореволюционной драматургии. Нет подобной информации и в современной коллективной монографии «Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах (XIX – начало XX в.)» [2019]. И хотя в Томской губернии в конце XIX – начале XX в. работали довольно крупные талантливые литераторы, часть которых приобрела всероссийскую известность (поэт, писатель и публицист Г. А. Вяткин, писатель и критик Г. Д. Гребенщиков, писатель Н. И. Наумов, публицист и идеолог сибирского областничества Г. Н. Потанин и др.), о томских драматургических произведениях можно найти буквально единичные упоминания. Так, изредка в томской периодической печати встречались сведения о пьесах томских авторов, поставленных на томской сцене; несколько драматургических произведений, напечатанных в томских типографиях, сохранилось в фондах столичных библиотек. Собранные буквально «по крупицам» сведения о драматургических произведениях томских авторов в результате обозначают новую, ранее не изученную исследовательскую область региональной словесности, впервые вовлекаемую в круг научной рефлексии.

Целью настоящего исследования стало выявление корпуса драматургических произведений местных авторов конца XIX – начала XX в. и их первичная систематизация. Основные методы исследования – фронтальный анализ содержания ведущих томских газет («Сибирская газета», «Сибирский вестник», «Сибирская жизнь»), поисковые методы, жанровый анализ.

Необходимо отметить, что существует довольно много исследований, посвященных истории томского театра, его репертуару, а также специфике провинциального русского театра в целом. До революции о возникновении и развитии томского театра писали В. А. Долгоруков [1899] и Г. А. Вяткин [1912]; эти публикации, как и тексты томских дореволюционных газет и журналов, стали эмпирической базой для современных научных, научно-популярных и краеведческих работ (см., например: [Родченко, 2013а; Суздальский, 2016; Иванов, 2003]). Целый ряд исследований посвящен репертуарной политике томского дореволюционного театра, однако внимание уделялось в основном постановкам российских и зарубежных классиков – В. Гюго, А. Островского, А. Чехова и др. (см., например: [Родченко, 2013б; 2014; Серягина, 2017; Олицкая, 2014]). О пьесах же, принадлежащих местным авторам, эпизодически упоминается в работах, посвященных творчеству В. Курицына [Могилатова, 2020], П. П. Аршаулова [Петр Петрович Аршаулов..., 2012], Г. А. Вяткина (см., например: [Яранцев, 2013; Зубарев, 2019]) и т. д. Обнаруженный в библиотечных фондах материал позволяет говорить о том, что в конце XIX – начале XX в. в Томске были и другие авторы, пробовавшие свои силы в драматургии.

**Источниковая база:
томские драматургические произведения
конца XIX – начала XX в.**

Дошедшие до нас источники могут быть разделены на несколько видов.

1. *Драматургические произведения местных авторов, изданные в томских типографиях отдельными книгами:*

- Аршаулов П. П. Фатима: драма в 3 д. Из кавказской жизни 50-х годов. Томск: Типолиитография Михайлова и Макушина, 1890. 31 с.;
- Кузнецов И. П. Утро Обломова: сцены в 1-м д. Переделал из романа И. А. Гончарова Ин. Кузнецов-Красноярский, чл. Об-ва рус. драм. писателей. Томск: Типолиитография Михайлова и Макушина, 1892. 41 с.;
- Муров Г. Т. Из огня да в полымя: Драма в 5 актах и карт. Томск: Паровая типолиитография П. И. Макушина, 1896. 77 с. (в электронном каталоге РНБ имеется пометка: «перед загл.: Г. Т. Муров, установлено по аналогии с другими его произведениями»);
- Лаушевич И. Мрак и свет: Драма в 5-ти д. Томск: Паровая типолиитография П. И. Макушина, 1905. 64 с.;
- Попов В. М. Все хорошо, что хорошо кончается. Водевиль в 1 д. Томск, 1906;
- Д. К-н. Горе-богатырь. Символ. пьеса в 1-м д. Томск: Типография Дома трудолюбия, 1914. 7 с. (Пьеса, перепечатанная из «Томских епархиальных ведомостей» (1914. № 10), издана в виде брошюры).

К этому же блоку примыкают пьесы, являющиеся частью сборника: Самович Н. Досуг школы. Сб. дет. пьес, сенок и рассказов. Томск: Типолиитография Сибирского товарищества печатного дела, 1912. 128 с.:

- Колесо помогло. Сценка в 3-х д. С. 1–23;
- Обманутая бабушка, или Емелька-проказник. Комедия в 3-х д. С. 24–52;
- Маланьюшкина география. Сценка из народного быта в 2-х д. С. 53–66;
- Поступление в школу. Сценка из народного быта в 2-х д. С. 67–80;
- Попалась. Сценка в 2-х д. из народного быта. С. 81–97;
- Бравый воин. Сценка из народного быта в 1-м д. С. 98–105.

В ряду этих произведений необходимо упомянуть также пьесу Г. А. Вяткина «Порванные струны» (1908), опубликованную в составе полного собрания сочинений, в дополнительном томе [Вяткин, 2012, с. 202–224].

Обращает на себя внимание разнородность обнаруженного материала: это и три полноценные драмы («Фатима», «Из огня да в полымя», «Мрак и свет»), и переделка в «сцены» знаменитого тургеневского романа, и небольшой водевиль, и агитационная пьеса, написанная в рамках борьбы за трезвость («Горе-богатырь»), и т. д. Сюжеты сохранившихся пьес не связаны с местной жизнью: в них задействованы абстрактные «студенты» («Мрак и свет»), «чиновники» («Все хорошо, что хорошо кончается»), «черкесы» («Фатима»), «Трезвость» и «Алкоголь» («Горе-Богатырь»), а место действия обрисовано максимально нейтрально либо с привязкой к конкретному, не сибирскому, региону (Кавказ). Только в драме Мурова действие происходит в «одной из губерний Сибири», но оно отнесено к концу 1870-х гг.

Выход пьес практически не освещался в периодике: только водевиль Попова был прорецензирован в «Сибирской жизни». Рецензент, выступивший под псевдонимом «М. – К-ий», писал: «Автор в своем письме в редакцию делает сам оценку своего произведения. “Конечно, водевиль мой – вещь пустенькая. Но если можете, прошу сказать о нем что-либо доброе”» (СЖ. 1906. № 211). Однако добрых слов у рецензента не нашлось: он сообщил, что представленный водевиль – вещь «и глупенькая, и пошленькая». Сюжет был пересказан следующим образом: «С одним из двух повес канцеляристов случилось несчастье: он предложил руку расхожей девице-хористке и не знал, как от нее отделаться. Другой повеса выручает его, устраивая сцену притворства. По сподручности обманывает и пришедшего за получением долга армянина. Это прошлое притворство и обман ведут к благополучению повес. Такова мораль пьесы». Завершался же отзыв отсылкой к авторитету классика: «Дм. Ив. Писарев о такого рода литературе так выразился: “Ванька! Это твоя литература”» (СЖ. 1906. № 211).

Анализ драматургических произведений позволяет говорить об «ученическом этапе», который проходили местные литераторы на рубеже веков, поскольку в пьесах отсутствуют оригинальные сюжеты, яркие персонажи или драматургические находки. Авторы использовали уже имеющиеся драматургические каноны и сюжетные ходы: так, например, аршауловская «Фатима» является по сути вариацией на тему лермонтовского «кавказского пленника», не говоря уже о переделке «Обломова» в короткие «сцены».

В исследовательской литературе также делается предположение о том, что пьеса «Порванные струны» – это ранний вариант еще одной пьесы Вяткина, «Жертва утренняя», поскольку у них общая коллизия: «благословление умирающей революционеркой ее молодой сестры на “личную жизнь”» [Яранцев, 2013].

2. *Фельетоны в форме драматургических произведений, опубликованные на страницах томских газет.*

Сибирская газета (1881–1888)

- Бубновый туз и совесть (драматическая фантазия) (Сибирский поэт) – 1886. № 25, 26.
- Избранники, или Сама себя раба бьет, коль не чисто жнет. Трагикомедия во многих действиях и еще многочисленных бездействиях – 1886. № 46.
- Накануне (1886–1887) (фантастическая сцена) (Сибирский поэт) – 1887. № 1.
- Сон в зимнюю ночь (драматическая фантазия) (Сибирский поэт) – 1888. № 1–3, 5, 7, 13, 15.

Сибирский вестник (1885–1905)

- Накануне конгресса патриотов. Драматический разговор. 1886. № 46.
- Она ли виновата? Драматический этюд в 1-м д. (Леонид Ленин) – 1889. № 98.
- В наши дни. Драматический диалог (Михаил Цейнер) – 1891. № 122.
- Из-за записки. Шутка в 1-м д. (Ив. Северный) – 1896. № 61.
- Клоуны. Оперетта в 3-х д. (Старый драматург) – 1897. № 94.
- Аудиенция № 1001. Лето (Фита 2-й) – 1901. № 147.
- Модест Балалай. Драматический этюд (Дедушка Фаддей) – 1901. № 211.
- Маленькое обозрение (Фланер) – 1902. № 23.
- Томский Фауст. Драматич. отрывок, соч. НеГете (Дядя Артем) – 1902. № 134.
- Монополия. Драматический эскиз (Дядя Артем) – 1902. № 136.
- Кум-пожарный, или Женщина в огне. Трагедия-фарс в 1-м д. (И. Ольгин) – 1903. № 87.
- Ба! Знакомые все лица... (Фантастический драматический этюд) (Игла) – 1904. № 260.

Сибирская жизнь (1897–1916)

- Ба! Знакомые все лица! Сценки из-за стенки не в нашем городе (Сибиряк) – 1898. № 104.
- Осень. Совершенно новый вид литературы – трагикомический водевиль (В. Ф.) – 1900. № 208; далее появилось обозначение жанра как «аудиенция», всего было опубликовано 43 текста в этом жанре, последний – в 1901 г., в № 212.
- 1902 год (В. Ф.) – 1902. № 17.
- Три кита земли русской (В. Ф.) – 1902. № 249.
- Новый год в роли визитера (В. Ф.) – 1903. № 13–15, 23, 27, 31, 33.
- Геростратики, или Вальпургиева ночь днем (В. Ф.) – 1903. № 61.
- «Разговоры» – 1903. № 94.
- Пред погодой (Горацио) – 1903. № 151.
- Матушка Дума (Кадет) – 1906. № 5.
- В одном действии. Страничка из «Женитьбы» Гоголя (М. С. Кларин) – 1906. № 29.
- Черная гостья. Картинка в 2-х действиях (А-чь) – 1907. № 118.
- Женитьба Гучкова. Совершенно невероятное событие в 2-х действиях. Пародия на Н. В. Гоголя (Эфиоп) – 1908. № 110.

- У холерной больной. Современная драма в 1-м действии (Domino) – 1908. № 218.
- В «России». Современная трагикомедия (Эль Бэ) – 1909. № 211.
- Демон и Тамара. Предвыборная фантазия в одном действии (М. Голодников) – 1909. № 219.
- Жаживо погребенный. Сказка-драма в 2-х действиях (Щеце) – 1911. № 64.
- Подарок. Сена (А. Росташеев) – 1912. № 7.
- Демон. Предвыборная пародия в трех частях (М. Эмгэ) – 1912. № 239.
- Достойнейший. Драма в одном действии (Шиликун) – 1913. № 109.
- Ищущие мира (Эхо) – 1914. № 243.

Кроме этого, на страницах «Сибирской жизни» также появлялись перепечатки фельетонов-пьес из столичных изданий (см.: СЖ. 1907. № 84, 167, 187; 1914, № 16).

Анализ газетного материала позволяет увидеть устойчивый интерес ведущих томских изданий к фельетонам, написанным в форме драматургических произведений. Они появились на страницах «Сибирской газеты» и «Сибирского вестника» почти одновременно, в 1886 г., и с того времени регулярно публиковались на страницах газет. Интерес к этой жанровой разновидности фельетона несколько снизился только к 1910-м гг.: ни одного фельетона-пьесы не было обнаружено в 1910, 1915 и 1916 гг.

Сюжеты выявленных фельетонов-пьес соответствовали актуальной общественно-политической повестке. Так, в 1880-х гг. они прежде всего служили способом обхода цензуры, позволяя давать оценку негативным явлениям сибирской действительности, вести полемику по вопросам областничества и т. д. Своеобразным расцветом жанра стал период 1900–1901 гг., когда драматические «аудиенции» регулярно появлялись на страницах как «Сибирской жизни», так и «Сибирского вестника». В период Первой русской революции 1905–1907 гг., в связи с активизацией политической жизни, усилилась сатирическая и пародийная составляющая фельетонов-пьес, многие из них являлись откликом на события российской политики.

Несмотря на то что фельетоны-пьесы нельзя рассматривать как полноценные драматические произведения, тем не менее они являлись своеобразной «творческой лабораторией» местных авторов, которые пробовали свои силы в этом роде литературы.

3. Информация о постановках спектаклей по пьесам местных авторов (анонсы, заметки):

- анонс о постановке пьесы «Путешествие на Луну томского купца Ивана Ивановича Бирюлькина» (СВ. 1886. № 107);
- информация о разрешении к постановке пьесы Риналя (В. А. Ларина) «К новой жизни» (СЖ. 1905. № 33);
- анонсы и объявления о подготовке к постановке оперетты в 4-х д. «Шерлок Холмс в Томске» (СЖ. 1907. № 38–62);
- анонс фарса с пением в 3-х д. С. Сабурова «Томская гетера» (СЖ. 1907. № 44, 58, 59);
- анонс «злбодневногo обозрени» «Томск ночью» – оперы в 3-х д., музыка Валентинова (СЖ. 1911. № 33);
- информация о выходе из цензуры пьесы Вяткина «Жертва утренняя» (Memento vivete) (СЖ. 1912. № 27).

Необходимо подчеркнуть, что текст ни одной из упомянутых пьес не дошел до настоящего времени, при этом газеты ничего не писали и о том, были ли в итоге поставлены эти пьесы на томской сцене. Тем не менее по анонсам можно сделать вывод о том, что большая часть пьес была основана на местном материале: авторы подчеркивали именно томскую составляющую своих произведений, в ряде случаев «адаптируя» к местным реалиям уже апробированные сюжеты. Так, в 1886 г. была издана книга о путешествии на Луну крутоярского купца Ивана Ивановича Бирюлькина [Путешествие на Луну..., 1886], в этом же году на Луну «отправили» и томского купца. Пытались «вписать» в томский контекст и историю знаменитого сыщика Шерлока Холмса, хотя об успешности этой попытки сведений не сохранилось.

Отметив, что новая пьеса Вяткина «Жертва утренняя» (Memento vivere!) только что вышла из цензуры и еще ни разу не была сыграна на сцене, автор, выступивший под псевдонимом «М. Г.», кратко описал ее основное содержание:

Канвой для пьесы послужила жизнь интеллигентной молодежи. На фоне серой будничной жизни губернского города разворачивается тихая, но тяжелая драма молодой девушки Наташи, только что возвратившейся из ссылки... Туберкулез медленно и неуклонно ведет свою разрушительную работу... Кругом кипит жизнь... Окружающая Наташу молодежь спешит срывать пышные цветы удовольствия, а чувствующая на себе дыхание смерти Наташа смирилась с неизбежностью близкой смерти (СЖ. 1912. № 27).

В тексте не было указаний на место действия пьесы, но для читателей и зрителей университетского Томска тема о страданиях «интеллигентной молодежи» была понятна и близка.

4. *Рецензии на изданные пьесы и поставленные спектакли, тексты которых до настоящего времени не обнаружены в архивах и библиотечных фондах:*

- рецензия о постановке оперетки в 3-х д. «Безумная ночь, музыка Гольди (с заглавиями «На набережной реки Ушайки», «В цирке Боровского», «Бал-маскарад в залах общественного собрания») (СВ. 1898. № 3);
- рецензия о постановке фарса г. Ленского (г. Ленни) «Невероятный случай в 4-х улицах Томска» (СВ. 1900. № 186); постановка этой же пьесы анонсировалась в 1909 г. (СЖ. 1909. № 129);
- рецензия на спектакль по пьесе Г. А. Вяткина «Бескрылые» (СВ. 1904. № 15);
- обсуждение постановки Г. В-на «Томские трущобы» (СВ. 1905. № 57, 58).

Рецензии позволяют частично представить себе, о чем шла речь в постановках, несмотря на то, что большую часть их составляла критика и отзыв об игре актеров.

Описывая постановку оперетки «Безумная ночь», рецензент указывал, что автор ее остался неизвестным, «скрывшим себя под тремя звездочками» (СВ. 1898. № 3). Успех спектакля, по мнению рецензента, был обусловлен ловким ходом организаторов, которые ввели в заблуждение зрителей «томским контекстом»:

Театр был переполнен публикой, которая была привлечена не столько бенефисом, сколько сенсационными заглавиями действий в оперетке. Эти заглавия носили местный характер. 1-е действие – «На набережной реки Ушайки», 2-е действие – «В цирке Боровского» и 3-е – «Бал-маскарад в за-

лах общественного собрания». Почему-то многие думали, что содержание оперетки взято из томской жизни и что среди действующих лиц они увидят знакомые типы. Ничего подобного, конечно, не оказалось, и сама оперетка, если не ошибаюсь, составляет (я говорю про слова) искаженную и худо шитую переделку с немецкого (СВ. 1898. № 3).

Впечатление от содержания спектакля рецензент описывал следующим образом:

...собственно в «Безумной ночи» его вовсе нет, но есть не лишённые комизма, впрочем, самого дешевого свойства и карикатуры картинки, две-три живые сцены. В общем это – белиберда, хотя, повторяю, местами и забавная, вызывающая смех (СВ. 1898. № 3).

Из рецензии также было понятно, что декорации «изображали дом, где помещается у нас гостиница Европа» и другие узнаваемые томские здания; исполнялись роли цирковых атлетов, «содержателя цирка Боровского», балетмейстера цирка, «ишюта Жоржа Сердечкина», а среди номеров был представлен «русский танец».

Раскритикован в газете и фарс местного автора, который был представлен на томской сцене в 1900 г.:

Что касается «невероятного случая в 4-х улицах Томска», описанного г. Ленским, как гласит программа, или г. Лени, как гласит афиша, то прежде всего следует согласиться, что случай этот действительно «невероятный», но к Томску, разумеется, никакого отношения не имеющий. Впрочем, надо было быть слишком наивным, чтобы думать, что дело в самом деле касается Томска, но все равно – где бы это ни происходило, в общем выходила такая галиматья, что ни публика, ни, вероятно, сами артисты не поняли хорошенько, в чем дело. Впрочем, смеху было достаточно. От фарса многого требовать, конечно, нельзя, но и удовлетворяться тем, что дал этот спектакль, также немислимо... Было смешно, но не весело (СВ. 1900. № 186).

Обращает на себя внимание несоответствие оценок рецензентов (довольно строгих) и вполне благожелательной реакции зрителей на постановки местных авторов. Судя по рецензиям, произведения носили юмористический и сатирический характер, и хотя не блистали особыми художественными достоинствами, но вызывали смех у публики.

Следующая попытка поставить на сцене пьесу томского автора также подверглась критике рецензента – и вновь «театр был полон» (СВ. 1904. № 15). На этот раз свои силы в драматургии попробовал Г. А. Вяткин, как писала газета – «местный автор, имя которого неизвестно читающей публике, так как г. Вяткин выступает на страницах местной печати со стихами и прозой». Рецензент подчеркивал:

В качестве драматурга г. Вяткин выступил с «Бескрылыми» впервые, и будем надеяться, что в этом именно лежит причина некоторого неуспеха дебюта молодого автора (СВ. 1904. № 15).

Произведение Вяткина называлось «Бескрылые. Картины будничной жизни в 3-х актах». Рецензент «Сибирского вестника» оценила пьесу как «слабую»:

Это не картины, как их называет автор, а скорее спешные, небрежные наброски карандашом, связанные между собой лишь единством места действия (комната в доме чиновника Неярова). Действующие лица говорят и мыслят какими-то обрывками, книжными фразами, деланными, но, к сожалению, не доделанными; автор показывает зрителю целую группу чем-то недовольных людей, живущих в бедности и «грязи», мечтающих вырваться из этой обстановки, но куда, чем и для чего – это является секретом автора (СВ. 1904. № 15).

Текста пьесы не сохранилось, но рецензия довольно полно передает ее содержание. Рецензент описал сюжет каждой из «картин», охарактеризовал главных действующих лиц («выпивающего чиновника» Неярова, его «чахоточного сына» Владимира, студента Рущенко) и пришел к выводу о том, что основной недостаток пьесы – отсутствие «героев»:

...в числе «бескрылых» г. Вяткина нет ни одного лица, которому можно было пожелать найти крылья... и без этого снаряда они обойдутся... (СВ. 1904. № 1915).

Несмотря на критический отзыв, местная публика «записала в драматургии» Вяткина, и в 1905 г. ему пришлось на страницах газеты отказываться от авторства еще одной нашедшей пьесы, которая называлась «Томские трущобы». Вяткин писал:

В городе циркулируют слухи, что пьеса эта принадлежит мне (слухи эти вызваны, я думаю, тем, что в прошлом году я выступал в Томске как местный драматург, да и под своими статьями и заметками я нередко подписываюсь «Г. В-ъ»). Во избежание могущих возникнуть недоразумений считаю нужным заявить печатно, что *я отнюдь не являюсь автором «Томских трущоб»* (курсив Г. А. Вяткина) (СВ. 1905. № 57).

Как постоянный театральный рецензент «Сибирского вестника», Вяткин сходил на постановку «трущоб» и опубликовал отзыв об этой пьесе в одном из номеров газеты (СВ. 1905. № 58). Содержание передавалось следующим образом:

В пьесе выводится целая галерея темных личностей, главным образом шулеров, весьма чистеньких снаружи и весьма грязеньких внутри <...> С литературной стороны пьеса слаба, хотя местами написана бойко, и видна в ней не рука художника, а рука довольно опытного «драматических дел мастера», литературного ремесленника-закройщика, откровенно торгующего своим умением бойко и развязно говорить о чем угодно (СВ. 1905. № 58).

Вяткин считал, что «темные личности», выведенные в пьесе, «свойственны любому русскому городу, пожалуй даже и типичны для русского города, и вместо слова “Томские” смело можно поставить “Казанские”, “Владимирские”, “Иркутские” и др. трущобы». Тем не менее он отметил «введение местного элемента в пьесу», выражавшееся в том, что со сцены слышались «сибирская ругань» и названия местных улиц и гостиниц.

Текст пьесы «Томские трущобы» не сохранился, но роман Курицына с тем же названием носит следы бытования этого материала как драматургического произведения. Описание места действия в первой главе романа, диалоги, с которых на-

чинается произведение, – всё это тяготеет к первоначальной форме пьесы, что позволяет считать ее предшественником прозаических «Томских трущоб».

Выводы

Проведенная работа по выявлению источниковой базы – драматургических произведений, принадлежащих перу томских дореволюционных писателей, – позволяет увидеть, насколько непростым было освоение этого рода литературы в регионе. Свои силы в драматургии пробовали самые разные авторы, в том числе довольно известные в Томске: «негласный редактор» «Сибирской газеты» Ф. В. Волховский (псевдоним «Сибирский поэт»), ведущий фельетонист «Сибирской жизни» Василий Федоров, выступавший под псевдонимом «В. Ф.», поэт и публицист Г. А. Вяткин, будущий автор авантюрных романов В. Курицын и другие. Но в основном драматургические произведения, опубликованные в виде отдельных книжных изданий либо на страницах периодической печати как фельетоны-пьесы, принадлежали малоизвестным или неизвестным томичам, которые решались представить на суд читателей или зрителей свои пьесы. Не было авторов, «специализировавшихся» на драматургии. Отдельные же попытки, по-видимому, убеждали литераторов в том, что драматургия – это совершенно особый вид литературы, требующий таланта и умения работать в драматических жанрах.

Сюжеты сохранившихся произведений чаще всего не были «географически привязаны» к Томску. Осмысление местных событий в драматургической форме происходило в большинстве случаев на газетных полосах, хотя и здесь фельетоны-пьесы нередко служили для отражения общероссийской политической или социальной жизни. Однако, учитывая информацию о пьесах, которые были поставлены на томской сцене (но не сохранились в виде текстов), можно говорить о том, что местный материал был вполне востребован в театре, причем в форме легких водевилей или сатирических «обозрений» томской жизни.

Характерной чертой томской театральной критики было резкое осуждение местных драматургических опытов: возможно, это также сыграло роль в том, что далеко не все авторы решались представить на суд критиков свои пьесы. Опубликованные в форме книжных изданий пьесы были далеки от образцов русской театральной классики: они достаточно слабы, вторичны, подражательны. Что же касается фельетонов-пьес, то здесь, напротив, можно говорить о высоком качестве текстов, об их новизне и оригинальности подачи материала.

Необычным сюжетом в литературной жизни Томска стала трансформация пьесы «Томские трущобы» в авантюрный роман «Томские трущобы». Это позволяет частично реконструировать несохранившийся текст дореволюционной пьесы, вызвавший большой интерес у томской дореволюционной публики.

Несмотря на отсутствие значимых результатов – оригинальных пьес высокого художественного уровня, выявленный материал позволяет говорить о существовавшем процессе освоения новых – драматургических – литературных форм в томской дореволюционной словесности. Дальнейшее обращение к выявленным материалам и их анализ даст возможность увидеть рецепцию художественных находок русских драматургов в томской драме, выявить особенности работы провинциальных авторов с новыми форматами, сопоставить процессы развития русской драматургии с сибирской.

Список литературы

Вяткин Г. А. Собр. соч.: В 5 т. Омск: Ом. кн. изд-во, 2012. Т. 5 (доп.): Поэзия. Проза. Пьесы. Публицистика и критика. Письма. Статьи о творчестве Г. А. Вяткина. 544 с.

Вяткин Г. Театр в Томске // Город Томск. Томск, 1912. С. 324–330.

Долгоруков В. Театры в Томске // Дорожник по Сибири и Азиатской России. 1899. Кн. 2. С. 93–101.

Зубарев А. Носите родину в сердце. Георгий Вяткин, недосказанное... // Семь искусств. 2019. № 6–7. URL: <https://litbook.ru/article/13253/?ysclid=m1q13eawqt140743513> (дата обращения 20.10.2024).

Иванов А. Первый театр в Томске // Сибирская старина: краеведческий альманах. 2003. № 20. С. 31–35.

Могилатова М. В. Вокруг «томских трущоб»: рождение темы и жизнь легенды // Коммуникативная культура: история и современность: Материалы X Международ. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2020. С. 228–234.

Олицкая Д. А. Драматургия А. П. Чехова на томской сцене конца XIX – начала XX века // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 152–160.

Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. Новосибирск, 1982.

Петр Петрович Аршаулов: Сб. материалов. Томск, 2012. 204 с.

Путешествие на Луну крутоярского купца Ивана Иванович Брюлькина. Необыкновенное происшествие в 5 д. Соч. Д. А. Беркутова (псевд.) и С. Иванова (псевд.). М.: Театр. б-ка С. И. Напойкина, 1886. 56 с.

Родченко Ю. И. История первого томского театра (1850–1882 гг.) (на материале «Томских губернских ведомостей» и «Сибирской газеты») // Вестник Том. гос. ун-та. 2013а. № 366. С. 78–81.

Родченко Ю. И. Романтическая драма В. Гюго в театральных рецензиях «Сибирского вестника» конца XIX века // Казанская наука. 2013б. № 1. С. 116–121.

Родченко Ю. И. «Хорошо сделанная пьеса» на сцене томского театра конца XIX – начала XX в. // Казанская наука. 2014. № 9. С. 139–144.

Серягина Ю. С. Немецкая драматургия в сибирской периодике конца XIX – начала XX в.: М. Дрейер, Л. Фульда, О. Эрнст // Вопросы филологии. 2017. № 4 (60). С. 91–99.

Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах (XIX – начало XX в.). Томск, 2019. 492 с.

Суздальский В. И. Театр уж полон...: из истории Томского драматического. 2-е изд. Томск, 2016. 112 с.

Чумаченко В. К. Забытый казачий драматург. [Г. В. Доброскок] // Третьи кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2001. С. 275–284.

Яранцев В. Хорошее дополнение. Рец. на кн.: Вяткин Г. А. Собрание сочинений: В 5 т. Омск, 2012. Т. 5 (доп.) Поэзия. Проза. Пьесы. Публицистика и критика. Письма. Статьи о творчестве Г. А. Вяткина // Сибирские огни. 2013. № 11. URL: <https://xn--90aefkbacm4aisie.xn--p1ai/content/vyatkin-g-sobranie-sochineniy-v-5-t-omsk-2012-t-5-dop-poeziya-proza-pesy-publicistika-i?ysclid=m1q0j3gyymm899913225> (дата обращения 20.10.2024).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- СГ – Сибирская газета. Томск, 1881–1888.
СВ – Сибирский вестник. Газета. Томск, 1885–1905.
СЖ – Сибирская жизнь. Газета. Томск, 1897–1916.

References

- Chumachenko V. K. Zabytyy kazachiy dramaturg. G. V. Dobroskok [Forgotten Cossack playwright. G. V. Dobroskok]. In: *Tret'i kubanskie literaturno-istoricheskie chteniya* [Third Kuban literary and historical readings]. Krasnodar, 2001, pp. 275–284.
- Dolgorukov V. Teatry v Tomske [Theaters in Tomsk]. In: *Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoy Rossii* [Itineraries in Siberia and Asiatic Russia]. 1899, bk. 2, pp. 93–101.
- Ivanov A. Pervyy teatr v Tomske [The first theater in Tomsk]. *Sibirskaya starina: kraevedcheskiy al'manakh*. 2003, no. 20, pp. 31–35.
- Mogilatova M. V. Vokrug “tomskikh trushchob”: rozhdenie temy i zhizn' legendy [Around the “Tomsk slums”: the birth of a theme and the life of a legend]. In: *Kommunikativnaya kul'tura: istoriya i sovremennost': Materialy 10 Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf.* [Communicative culture: history and modernity: Proceedings of the 10th International. Sci. and pract. conf.]. Novosibirsk, 2020, pp. 228–234.
- Olitskaya D. A. Dramaturgiya A. P. Chekhova na tomskoy stsene kontsa 19 – nachala 20 veka [Dramaturgy of A. P. Chekhov on the Tomsk stage of the late 19th – early 20th centuries]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2014, no. 4, pp. 152–160.
- Ocherki russkoy literatury Sibiri: v 2 t.* [Essays on Russian literature of Siberia: in 2 vols.]. Novosibirsk, 1982.
- Petr Petrovich Arshaulov: sb. materialov* [Petr Petrovich Arshaulov: collection of materials]. Tomsk, 2012, 204 p.
- Puteshestvie na Lunu krutoyarskogo kuptsa Ivana Ivanovich Bryul'kina. Neobyknovennoe proisshestvie v 5 d. Soch. D. A. Berkutova (psevd.) i S. Ivanova (psevd.)* [Journey to the Moon of the Krutoyarsk merchant Ivan Ivanovich Bryulkin. An extraordinary incident in 5 acts. Works by D. A. Berkutov (pseud.) and S. Ivanov (pseud.)]. Moscow, Teatr. biblioteka S. I. Napoykina, 1886, 56 p.
- Rodchenko Yu. I. Istoriya pervogo tomskogo teatra (1850–1882 gg.) (na materiale “Tomskikh gubernskikh vedomostey” i “Sibirskoy gazety”) [History of the first Tomsk theater (1850–1882) (based on the Tomsk Provincial Gazette and the Siberian Newspaper)]. *Tomsk State University Journal*. 2013, no. 366, pp. 78–81.
- Rodchenko Yu. I. “Khorosho sdelannaya p'esa” na stsene tomskogo teatra kontsa 19 – nachala 20 v. [“A well-made play” on the stage of the Tomsk theater of the late 19th – early 20th century]. *Kazan Science*. 2014, no. 9, pp. 139–144.
- Rodchenko Yu. I. Romanticheskaya drama V. Gyugo v teatral'nykh retsenziyakh “Sibirskogo vestnika” kontsa 19 veka [The romantic drama of V. Hugo in the theatrical reviews of the Siberian Bulletin of the late 19th century]. *Kazan Science*. 2013, no 1, pp. 116–121.
- Seryagina Yu. S. Nemetskaya dramaturgiya v sibirskoy periodike kontsa 19 – nachala 20 v.: M. Dreyer, L. Ful'da, O. Ernst [German drama in Siberian periodicals of the late 19th – early 20th century: M. Dreyer, L. Fulda, O. Ernst]. *Voprosy filologii*. 2017, no. 4 (60), pp. 91–99.

Slovesnaya kul'tura Sibiri v obshcherossiyskom i evropeyskom kontekstakh (19 – nachalo 20 v.) [Verbal culture of Siberia in the all-Russian and European contexts (19th – early 20th century)]. Tomsk, 2019. 492 p.

Suzdal'skiy V. I. *Teatr uzh polon...: iz istorii Tomskogo dramaticheskogo* [The theater is already full...: from the history of Tomsk Drama]. 2nd ed. Tomsk, 2016, 112 p.

Vyatkin G. A. *Sobr. soch.: V 5 t.* [Collected works: In 5 vols.]. Omsk, Omskoe knizhnoe izd., 2012. vol. 5 (add.): Poeziya. Proza. P'esy. Publitsistika i kritika. Pis'ma. Stat'i o tvorchestve G. A. Vyatkina [Poetry. Prose. Plays. Journalism and criticism. Letters. Articles about the work of G. A. Vyatkin]. 544 p.

Vyatkin G. *Teatr v Tomske* [Theater in Tomsk]. In: *Gorod Tomsk* [The city of Tomsk]. Tomsk, 1912, pp. 324–330.

Yarantsev V. *Khoroshee dopolnenie* [A good addition]. Book review: Vyatkin G. A. *Sobranie sochineniy: V 5 t.* [Collected works: In 5 vols.]. Omsk, 2012, vol. 5 (enl.): Poeziya. Proza. P'esy. Publitsistika i kritika. Pis'ma. Stat'i o tvorchestve G. A. Vyatkina [Poetry. Prose. Plays. Journalism and criticism. Letters. Articles about the work of G. A. Vyatkin]. *Sibirskie ogni*. 2013, no. 11. URL: <https://xn—90aefkbacm4aisie.xn—p1ai/content/vyatkin-g-sobranie-sochineniy-v-5-t-omsk-2012-t-5-dop-poeziya-proza-pesy-publicistika-i?ysclid=m1q0j3gyymm899913225> (accessed 20.10 2024)

Zubarev A. *Nosite rodinu v serdtse. Georgiy Vyatkin, nedoskazanoe...* [Carry the motherland in your heart. Georgy Vyatkin, the unsaid...]. *Seven Arts*. 2019, no. 6–7. URL: <https://litbook.ru/article/13253/?ysclid=m1q13eawqt140743513> (accessed 20.10. 2024)

List of sources

Sibirskaya gazeta. Newspaper. Tomsk. 1881–1888.

Sibirskiy vestnik. Newspaper. Tomsk. 1885–1905.

Sibirskaya zhizn'. Newspaper. Tomsk. 1900–1916.

Информация об авторе

Наталья Вениаминовна Жилиякова, доктор филологических наук, зав. кафедрой теории и практики журналистики факультета журналистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Scopus Author ID 57192176805

WoS Researcher ID X-4467-2019

Information about the authors

Natalia V. Zhilyakova, Doctor of Philology, Head of the Department of Theory and Practice of Journalism, Faculty of Journalism, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

Scopus Author ID 57192176805

WoS Researcher ID X-4467-2019

Статья поступила в редакцию 31.08.2024;

одобрена после рецензирования 26.11.2024; принята к публикации 26.11.2024

The article was submitted on 31.08.2024;

approved after reviewing on 26.11.2024; accepted for publication on 26.11.2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 2

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2

Научная статья

УДК 801.73

DOI 10.17223/18137083/91/7

Чтение стихотворения Пастернака «Всё снег да снег...»

Леонид Юделевич Фуксон

Томский государственный педагогический университет
Томск, Россия

12fukson@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-9895-1327>

Аннотация

Рассматривается стихотворение Пастернака «Всё снег да снег...». Его интерпретация строится на выявлении ценностного напряжения противоположных состояний изображенной жизни. Эти полярные, предшествующее и последующее, состояния рассматриваются как символически многослойные, открывающиеся в нескольких измерениях. Основное внимание автором уделяется апеллятивной структуре художественного текста. Ее особенность, в частности, состоит во всеохватной неопределенности художественного адресата: поэтическое слово окликает любого, кто его слышит, затрагивая *eo ipso* универсальные (общечеловеческие) стороны изображаемой жизни. «Захватывающий» характер художественного слова определяется тем, что отклик адресата всецело зависит от художественной обращенности (апеллятивности) самого высказывания.

Ключевые слова

Пастернак, текст, читатель, апеллятивная структура, ценностное напряжение, символ

Для цитирования

Фуксон Л. Ю. Чтение стихотворения Пастернака «Всё снег да снег...» // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 86–92. DOI 10.17223/18137083/91/7

Reading the poem by Pasternak “Vse sneg da sneg...”

Leonid Yu. Fukson

Tomsk State Pedagogical University
Tomsk, Russian Federation

12fukson@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-9895-1327>

Abstract

This paper examines the appellative structure of the fictional work, focusing on the pervasive indeterminacy of its artistic audience: the poetic language addresses all hearers, thereby encompassing universal elements of the depicted reality. The compelling nature of artistic language is defined by its reliance on aesthetic appeal to elicit a response from the audience. The interplay of inner and outer perspectives in the artwork necessitates a corresponding duality in the reader's engagement. The reader comprehends the hero by adopting his perspective, thus

© Фуксон Л. Ю., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 86–92

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 86–92

entering the poetic realm. An external perspective of the hero provides a wider aesthetic horizon. This paper analyzes the poem by Boris Pasternak “Vse sneg da sneg...” (“It is snowing and snowing...”). The interpretation rests upon the manifest conflict between contrary states in the depicted life. These polar states, the preceding and the following, are seen as symbolically multilayered, unfolding in several dimensions. The poem is set in the subjunctive mood, with the reader experiencing, in the modus operandi of “as if”, the annoyance at the prolonged winter and imagining the character and his girlfriend from the outside. A distinctive double-lighting system serves to highlight the characteristics of this artistic event. The poem synthesizes disparate elements of the world, encompassing natural and cultural realms, external and internal experiences, and contrasts in scale, elevation, style, and volume. The plot is the event of the opening: of a window, of a bottle, of impressions of the outside world. It is the story of the “inner spring” arrival, a sentimental rebirth.

Keywords

Pasternak, text, reader, appellative structure, value tension, symbol

For citation

Fukson L. Yu. Reading the poem by Pasternak “Vse sneg da sneg...”. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 86–92. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/7

Коль скоро своеобразие художественного высказывания выражается, помимо всего прочего, во всеохватной неопределенности его адресата, благодаря которой поэтическое слово вовлекает в изображаемую реальность, окликает *любого*, кто его слышит, то тем самым оно *генерализует* представленную жизненную ситуацию, придает ей универсальный – затрагивающий каждого – характер. Рецептивный интерес, собственно, держится именно тем, что книга обращается ко мне (как к любому «я») и говорит о том, что лично меня касается. Каков характер этого «касания», как «трогает» читателя художественный текст? Ведь текст нехудожественный тоже предполагает какое-то воздействие, может оказаться в той или иной степени интересным, значимым для читателя: будь то sms-сообщение, некая политическая новость или рекламное объявление. Однако любая такого рода значимость может носить сугубо *частичный* характер в том смысле, что на нехудожественный текст читатель не может откликнуться всем своим существом. Подобные варианты узкой *практической* заинтересованности отключаются, «демобилизуются» перед лицом художественного произведения. Слушатель (читатель, зритель), знакомый с правилами художественной игры, берет на себя добровольное обязательство принять то условие, согласно которому допускается виртуальное существование описываемого *целого* мира (в модусе *als ob* – как будто, как если бы, по слову Э. Гуссерля). Причем это идеальное существование одновременно открывает свою сущность, т. е. несет в себе истину. Поэтому художественное восприятие всегда носит характер интерпретации.

Такая интерпретация основана на том, что эстетически вовлеченный в происходящее слушатель (зритель) примеряет – в сопереживании – чужую судьбу как вероятную свою, но при этом судьба героя оказывается судом бытия, сбывшимся смыслом, воображаемым неслучайным превращением некой возможности в действительность. Подобный «объективный» суд выдает лишь косвенное участие автора, «облечённого в молчание» (Бахтин) и выражающего свои оценки («суждения») опосредованно.

Принимая в расчет высказанные соображения, попробуем прочесть стихотворение из книги Бориса Пастернака «Второе рождение» (1931):

Всё снег да снег, – терпи и точка.
Скорей уж, право б, дождь прошёл
И горькой тополевой почкой
Подруги сдобрил скромный стол!

Зубровкой сумрак бы закапал,
Укропу к супу б накрошил,
Бокалы, – грохотом вокабул,
Латынью ливня оглушил.

Тупицу б двинул по затылку, –
Мы в ту пору б оглохли, но
Откупорили б, как бутылку,
Заплесневелое окно,

И гам ворвался б: «Ливень заслан
К чертям, куда Макар телят
Не ганивал...» И солнце маслом
Асфальта б залило салат.

А вскачь за тряскою четвёркой
За безрессоркою Ильи, –
Мои телячьи бы восторги,
Телячьи б нежности твои.

Признаемся сразу, что нам близка позиция В. Н. Альфонсова, который писал о том, что стихи Пастернака «не ребус, чтение их никак не может быть сведено к разгадыванию» [Альфонсов, 1990, с. 7].

Помимо общей, «по умолчанию» обязательной адресованности слова, имплицитной обращенности его к реципиенту, грамматическая форма второго лица в начале стихотворения, где герой в сердцах обращается к самому себе («...терпи и точка»), провоцирует читателя сразу присоединиться к его позиции нетерпеливого ожидания конца зимы. Здесь обнаруживается еле заметная аллюзия на пушкинскую характеристику зимы в «Осени»: «...Но надо знать и честь; полгода *снег да снег* (...)» (III). Справедливости ради следует добавить, что, близкие по восприятию зимнего сезона, эти стихотворения в оценке весны радикальным образом расходятся.

Досада персонажа Пастернака в начале произведения вызвана монотонной повторяемостью, долготой и скукой надоевшего времени года. Привычная и непроизвольная установка читателя *понять* героя означает попытку ощутить себя в ситуации другого человека, мысленно поставив себя на его место. Такое эмпатическое идеальное перемещение читателя на «внутреннюю» точку зрения – ракурс видения окружающего персонажем стихотворения – в данном случае заставляет разделить его нетерпеливое ожидание перемены.

Параллельно отмеченному сопереживанию герою читатель представляет *внешние* очертания воображаемого мира на границе зимы и весны. Появление «тополевой почки» – репрезентация весеннего возрождения, предвестие распускания молодых листьев, чему соответствует любовная тема, намечающаяся образом «подруги».

Итак, начиная чтение стихотворения, можно заметить, как поэтическая реальность развертывается сразу в двух направлениях: читатель становится причастным – в модусе «как будто» – переживанию досады на продолжающуюся зиму

и – одновременно – со стороны представляет изображаемого героя и его «подругу», хотя и набросанных всего несколькими «штрихами», как это традиционно характерно для минимализма большинства лирических произведений. Иначе говоря, читатель обнаруживает себя и внутри, и вне воображенной реальности – в качестве сочувствующего герою и в роли эстетического созерцателя. Так разворачивается художественное событие в его специфической двойной освещенности.

В первой строфе произведения внезапно, благодаря образу дождя, *соединяются* исходно разделенные «горькая тополевая почка» и «скромный стол»: деталь внешнего мира и часть дома, натуральное и культурное. Дождь, таким образом, оказывается вестником для домашних обитателей того, что происходит в окружающем большом мире, – весенних событий. В этом объединении, продолжающемся в следующих четверостишиях, происходит распаивание домашнего малого, ограниченного пространства большому, «мировому». Поэтому читатель стихотворения может сразу почувствовать своего рода противоборство *закрытости* и *открытия* жизненного горизонта. Причем это относится как к внешнему («физическому») плану бытия, так и к внутреннему – психологическому. Жалоба на непрекращающийся снег в первом стихе отсылает к семантике покрова, в то время как ценностно полярный образ «тополевой почки» указывает на раскрытие. Характерна в этом плане рифма «точка – почки», построенная по принципу семантического контраста: *закрытое – распускающееся, абстрактное – конкретное, идеальное – реальное, мёртвое – живое, окончательное – начинающееся* и т. д.

Во второй строфе читатель встречает слова, указывающие на *школьную*, искусственную, исходно отгороженную от «живой» жизни сферу («вокабулы», «латынь»). В мире стихотворения такая перегородка разрушается, и эти «культурные» термины сближаются с вторгающейся весной «натуральностью» жизни. Указанная победа природной стихии выражается в победе разговорного стиля над книжным: «терпи и точка», «сдобрил», «тупицу б двинул по затылку», «не ганивал». Макар – простонародное, крестьянское имя из поговорки. Колесница Ильи Пророка названа попросту «безрессоркою». Таким образом, отгороженность высокого и низкого (неба и земли) – это тоже преодолеваемое состояние, как и граница искусственного (например, зубрежка латыни) и природного (ливень), литературного языка поэзии и «простого» языка жизни. Кроме такого сопряжения искусственной и природной сфер в выражении «латынь ливня» схватывается особая весенняя *риторика*. Ливень не просто звучит – это «витийствующее», красноречивое высказывание весны.

Итак, мир в читаемом стихотворении предстает в переходном состоянии разрушения границ, перегородок любого вида. Исходная отчужденность человека от природы выражается в буквальной, пространственной отгороженности домашнего участка изображаемой реальности от уличного. А. К. Жолковский очень верно подметил особенность пастернаковской лирики: «...Пастернак любит изображать различные ситуации контакта улицы и комнаты (= внешнего мира и домашнего обихода), среди которых одной из самых выигрышных является картина света и воздуха, шума жизни, вещей и сущностей, врывающихся в комнату через окно» [Жолковский, 2011, с. 27].

Сравнение окна с бутылкой усиливает впечатление такой отгороженности – закупоренности. Открывание окна изображено как *освежающее* действие, что подчеркивается определением закрытого окна как «заплесневелого». Кроме того,

для интерпретации стихотворения важно (по ассоциации с образом откупориваемой бутылки) не пропустить в таком распаховании окна семантику *опьянения*, органичного для захватывающего ощущения весенней головокружительной свежести.

Можно вообще, наверное, утверждать, что сюжет произведения Пастернака – событие *открытия*: окна, бутылки, впечатлений внешнего мира, а также история прихода «внутренней весны» – сентиментальное возрождение. С этим неразрывно связана тема *молодости* – «телячьих» восторгов и нежности. Если в первом четверостишии фигурирует «подруга», то в конце появляются «я» и «ты». Переход от третьего лица ко второму означает переключение поэтического высказывания на интонацию сближения, доверчивую, фамильярную открытость другому человеку.

В космосе стихотворения Пастернака главным элементом ожидаемого состояния мира закономерно оказывается вода, жидкое «состояние вещества»: «дождь», «зубровкой... закапал», «ливень», «залило». Вода – подвижная, обновляющая и очищающая – весенняя – субстанция.

Соответственно упомянутому ранее противоборству открытости и закрытости простирающейся реальности в читаемом стихотворении следует заметить подспудный спор двух сознаний: одно – застрявшее в настоящем, остановившееся на том, что есть («терпи и точка»), а другое – мечтательное, порывистое, устремленное в будущее, готовое к переменам, открытое. Для второго первый – «тупица». Подразумевается, по-видимому, тот, кто как раз не чувствует намечающейся метаморфозы мира, оказывается невосприимчивым к ней и потому заслуживает подзатыльника – выражения нетерпеливой досады. Просторечное «двинул» здесь ближайшим образом означает «ударил», но содержит и буквальную семантику движения, органично связанную с весной, когда всё приходит в движение. Отсюда из логики стихотворения следует то, что тупость – синоним инертности, душевного ступора, заторможенности.

Образы звука открывают еще одну грань ценностно-смыслового спора в мире стихотворения – *бесцумно* мертвой снежной зимы и *оглушающей* «латыню ливня» весны с ее врывающимся в «откупориваемое» окно «гамом». Это предполагаемые, хотя и «свернутые» в обобщенном «гаме», звуки оживающей весенней природы: падающие сосульки, журчащие ручьи, поющие птицы и т. п. Но также и людской словесный *гам* – тех, кому надоела зима и кто радуется весенним новостям. В том же семантическом ряду находится колесница Ильи-пророка, которая бесцеремонно названа «безрессоркою». Она потому и «тряская», производящая звук грома. Звуковая кульминация, связанная с ливнем, описываемым во втором четверостишии, поддержана громогласным звучанием самого поэтического слова, в котором повторяется раскатистое «р»: зубРовкой – сумРак – укРопу – накРошил – гРохотом. Б. М. Гаспаров не случайно сравнил весеннюю грозу Пастернака с *громокипящим кубком* «ветреной Гебы» Тютчева: «В сознании субъекта стихотворения зрелище весенней грозы неотделимо от канонического стихотворения Тютчева. Встраивающийся в картину за окном ее поэтический прототип привносит и классические ассоциации, и идею пира богов...» [Гаспаров, 2013, с. 146].

Отмеченная звуковая коллизия имеет прямое отношение к ожидаемой событийности на фоне длительного беззвучного состояния («всё снег да снег...»), которое означает, что ничего не происходит. Единственный в читаемом стихотворении глагол несовершенного вида («терпи») выражает в первом стихе томи-

тельную *бессобытийность* исходного (зимнего) состояния жизни. Начиная со второго стиха в произведении используются исключительно глаголы совершенного вида. Хотя предполагаемая естественная смена времен года указывает на натуральный обычный миропорядок, в переживании лирического героя эта с нетерпением ожидаемая перемена предстает как нечто экстраординарное, нарушающее *будничную* монотонность и скуку предшествующего зимнего состояния, как *праздник*, объясняющий целый ряд пиршественных образов еды и питья («стол», «зубровка», «укроп», «суп», «бокалы», «откупориваемая бутылка», «масло», «салат»).

Следует специально заметить, что время после первой строки в продолжение всего стихотворения переживается в сослагательном наклонении. При этом, как хорошо известно, поэзия и вообще-то осуществляет себя именно в модальности возможности, а не действительности, о чем говорил еще Аристотель, сравнивающий с такой точки зрения поэзию и историю. Развернутые предполагаемые события, таким образом, теряют характер чего-то случайного (того, что случилось, хотя якобы могло не случиться) и представляют собой универсальную, всеобщую ситуацию страстного ожидания обязательного весеннего возрождения. Герой произведения Пастернака мысленно забегает вперед. Не удивительно поэтому, что такое ожидаемое и предполагаемое время – в противовес переживаемому герою в реальности *томительному* времени – несется «вскачь».

Завершая наблюдения, сформулируем своего рода герменевтическое резюме. Читатель стихотворения сразу, как бы уже «на входе» в художественную реальность, замечает, что второй стих вступает в спор с первым. Этот спор открывает описанное нами столкновение надоевшей зимы и ожидаемой весны. Обнаруживаемое в чтении напряжение носит символический – многослойный – характер: это спор снега и ливня; постоянства и переменчивости, событийности; терпения и нетерпеливости, досады; закрытости и открытости; будничности и праздничности; скуки и воодушевления; беззвучности и «гама» и т. д. Отмеченная ценностно-символическая структура, развертывающаяся в читаемом произведении, как мы видим, связывает внутреннее переживание изображенного человека и мир, простирающийся вокруг него. Схватывание этой структуры и является наброском понимания произведения Пастернака. Важно при этом отметить, что «понимание» художественного события подразумевает не «холодное» принятие к сведению – как *информацию* нехудожественного текста, а обязательную душевную вовлеченность, «захватывающее» *переживание*, делающее читателя внутренне причастным изображаемой жизни – жизни на подъеме, в ее ожидаемой творческой метаморфозе, что в конечном счете отсылает к названию всего поэтического сборника, в который входит читаемый текст, – *Второе рождение*.

Благодаря механизму читательского сочувствия, а также эстетическому взгляду «со стороны» герой художественного произведения оказывается репрезентацией не просто любого человека, а в какой-то степени и самого читателя в том числе. Но не как *части* открытой в неопределенное будущее прозаической, «практической» реальности, а как разыгранное эстетическое *целостное* переживание: смех юмора или сатиры, романтическое чувство тайны или героический пафос, «ужас и сострадание» трагедии и, наконец, слёзы сентиментального умиления, как в прочитанном нами стихотворении, и т. д. Аппеллятивность, т. е. адресованность художественного слова-оклика является его способностью мобилизовать эстетический отклик читателя, причем в совершенно определенном направлении поэтического задания.

Список литературы

- Альфонсов В. Н.* Поэзия Бориса Пастернака. Л.: Сов. писатель, 1990. 368 с.
Гаспаров Б. М. Борис Пастернак: по ту сторону поэтики. М.: НЛО, 2013. 272 с.
Жолковский А. К. Поэтика Пастернака: инварианты, структуры, интертексты. М.: НЛО, 2011. 608 с.

References

- Al'fonsov V. N. *Poeziya Borisa Pasternaka* [The poetry of Boris Pasternak]. Leningrad, 1990.
Gasparov B. M. *Boris Pasternak: po tu storonu poetiki* [Boris Pasternak: Beyond the poetics]. Moscow, 2013.
Zholkovskiy A. K. *Poetika Pasternaka* [The poetics of Pasternak]. Moscow, 2011.

Информация об авторе

Леонид Юделевич Фуксон, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия)

Information about the author

Leonid Yu. Fukson, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Literature, Tomsk Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 21.10.2024;
одобрена после рецензирования 30.10.2024; принята к публикации 30.10.2024
The article was submitted on 21.10.2024;
approved after reviewing on 30.10.2024; accepted for publication on 30.10.2024*

Научная статья

УДК 346.232(571)+343.294

DOI 10.17223/18137083/91/8

На последнем рубеже. Трагический финал писателя Вивиана Итина

Сергей Андреевич Папков

Институт истории
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

spapkov@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2541-4520>

Аннотация

Дается анализ заключительного этапа жизни и творчества писателя и поэта Вивиана Итина, вынужденного вести борьбу за свою реабилитацию в период массового террора. Отмечаются основные вехи творческой деятельности писателя. Особое внимание уделено событиям 1937–1938 гг., итогом которых стало исключение Итина из партии и лишение его руководящего поста в Союзе писателей. В оборот вводятся новые документы, раскрывающие остроту борьбы писателя против выдвинутых обвинений в компрометирующих и антисоветских поступках. Показано, что политические репрессии нередко являлись следствием внутренних конфликтов в писательской среде. Приводятся примеры использования доносов и откровенных фальсификаций в ходе проведения партийных проверок и расследований в отношении Итина. Публикуемые материалы позволяют реконструировать картину сложных взаимоотношений сталинского режима с литературным сообществом, представители которого не вполне соответствовали принципам большевистской идеологии и морали.

Ключевые слова

В. А. Итин, Союз писателей, «Сибирские огни», ВКП(б), литература, НКВД

Для цитирования

Папков С. А. На последнем рубеже. Трагический финал писателя Вивиана Итина // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 93–101. DOI 10.17223/18137083/91/8

At the last frontier. The tragic finale of the writer Vivian Itin

Sergey A. Papkov

Institute of History
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

spapkov@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2541-4520>

Abstract

This paper examines the concluding period of the life and career of Vivian Itin, Chairman of the Siberian branch of the Union of Soviet Writers and Editor-in-Chief of “Sibirskie Ognii” magazine, focusing on his struggle for exoneration amidst widespread state-sponsored repres-

© Папков С. А., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 93–101
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 93–101

sion. Consideration is given to the reasons behind the intolerant attitude toward the writer and his systematic persecution by the party bureaucracy during the early Soviet era. Emphasis is placed on the key milestones in the creative career of the writer, with particular attention on the events of 1937–1938 that lead to the expulsion of Itin from the Party and the loss of his leading role in the Union of Soviet Writers. Newly discovered documents are being introduced, illuminating the intensity and pressure the writer faced when accused of collaboration and anti-Soviet activities. The study illustrates how internal discord within the writer’s social context resulted in political oppression. The paper analyzes the false accusations and outright lies used in party inspections and investigations targeting Itin, resulting in a succession of humiliating testimonies and unsuccessful appeals based on his previous position. Notwithstanding attempts to demonstrate his allegiance through his literary and political activities, he suffered wrongful imprisonment and faced the threat of imminent execution. The analysis of the documents concerned allows for a reconstruction of the multifaceted relationship between the Stalinist regime and a literary community not entirely under Bolshevik ideology and morality.

Keywords

V. A. Itin, Union of Writers, “Sibirskie ogni”, All-Union Communist Party of Bolsheviks, literature, NKVD

For citation

Papkov S. A. At the last frontier. The tragic finale of the writer Vivian Itin. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 2, pp. 93–101. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/8

В современной литературе довольно подробно описана творческая и общественная деятельность бывшего руководителя Сибирского отделения Союза советских писателей (ССП), главного редактора журнала «Сибирские огни», писателя и поэта Вивиана Итина. Глубоко исследованы основные этапы его личной жизни, всесторонне оценен вклад в развитие отечественной литературы¹. Между тем, несмотря на публикацию целого ряда книг и статей, ряд важных аспектов биографии писателя открывается только сейчас в результате появления новых источников, которые в течение десятилетий оставались малодоступными и фактически были неизвестны.

В настоящей публикации представлены материалы о наиболее трагическом периоде жизни Вивиана Итина, связанном с отчаянной борьбой за сохранение своего места в литературном мире и самой жизни в условиях политического террора 1937–1938 гг.

Происхождение, образование и образ жизни Итина оказали огромное влияние на его судьбу. Как выходцу из «буржуазной среды» и по причине «компрометирующих фактов» в биографии ему пришлось пройти за 15 лет литературной деятельности серию унижительных проверок и чисток, чтобы в итоге получить смертный приговор судебной тройки НКВД.

Решающее значение в его судьбе сыграло случайное участие в событиях Гражданской войны в качестве переводчика в американской благотворительной миссии Христианского Союза молодежи и Красного Креста в 1918–1919 гг., в период колчаковского правления на Урале и в Сибири. Как и для многих других людей, пришедших на службу в советские учреждения в начале 1920-х, подобные факты не играли особой роли, поэтому начинающий писатель и поэт Итин, сотрудник

¹ См., например: [Коптелов, 1983; Якимова Л. П. и др., 1994; Прашкевич, 2007; Яранцев, 2018; Тепляков, 2015; Папков, 2022].

Енисейского губернского исполкома, в 1920 г. был принят в большевистскую партию. Однако по мере укрепления советского режима подобные примеры службы при власти белогвардейцев приобрели иной смысл. Они превратились в «сотрудничество с колчаковщиной».

В 1925 г. Вивиан Азаревич впервые был исключен из рядов ВКП(б) за «службу в американской миссии» и «отрыв от массы трудящихся». С этого времени в жизни писателя начались крутые перемены: литературные успехи чередовались систематическими нападками партийной бюрократии, отравлявшими творческую жизнь. В постоянной борьбе с партаппаратом Итин вместе с тем пользовался поддержкой крупных партийных чиновников (сначала С. И. Сырцова, затем Р. И. Эйхе) и благодаря этому продолжал писательскую карьеру. После исключения в 1925 г. он был восстановлен в рядах ВКП(б). Но в 1929-м вновь подвергся унижительной «чистке», получив строгий выговор и массу обвинений, использованных против него в последующий период².

Наконец, 1937 год изменил всё. Политическая и моральная атмосфера в стране достигла невероятного накала и уже не оставляла шансов избежать репрессий тем, кто ранее числился в списках «подозрительных» и «скомпрометированных элементов». Итин был в их числе. Партийные и общие собрания литераторов в этот период проходили в обстановке постоянных разоблачений и выявления «политического лица» каждого, независимо от общественного признания и творческих заслуг. Выяснялись детали прошлых лет жизни, раскрывались «сомнительные» знакомства, связи с родственниками и друзьями... Взаимное недоверие, доносительство и ужас разоблачения стали нормой жизни любого коллектива.

С каждой неделей, с каждым арестом кого-либо из писательской среды угроза для Итина становилась всё ближе. Надвигающаяся трагедия ускорялась доносами, поступающими от некоторых коллег. Автором одного из них был сотрудник «Сибирских огней» Н. Кудрявцев³. Сначала в устной форме, а затем в письменном виде этот литератор сообщил в Кагановичский (с 1957 – Железнодорожный) райком ВКП(б) некоторые «припомнившиеся факты». Как наиболее важные из них он указал на танцевальные встречи, организуемые супругой Итина Ольгой Шереметинской. Он писал:

Мне довелось побывать на танцевальных вечерах на квартире Итина всего два раза, изучение фокстрота у меня не пошло, да и обстановка не понравилась. Вот состав участников: А. Панкрушин с женой (через несколько месяцев изобличенный как враг народа – троцкист, арестованный и осужденный), В. Зверев (также троцкист, арестованный и осужденный), В. Мрачковский с женой – и знакомые Шереметинской художники. Обучал танцам какой-то молодой человек... В. А. Итин в танцах участия не принимал, но и не препятствовал им. Если для него это могло быть проявлением либерализма и уступкой увлечениям жены, то замаскировавшийся троцкист Панкрушин, который в писательских кругах был известен за человека сухого, книжного, не способного к подобным увлечениям, конечно, использовал фокстрот как средство сколачивания «кадров», внедрения в семью Итина и подлаживания к нему. С той же, вероятно, целью незадолго

² Подробнее об этом см.: [Тепляков, 2015; Папков, 2022].

³ Кудрявцев Николай Александрович – писатель-прозаик; редактор сибирской краевой газеты «Сельская Правда»; заместитель редактора журнала «Сибирские огни». Участник Великой Отечественной войны; в январе 1944 погиб на фронте.

до ареста на творческом вечере Итина он выступил с хвалебной речью об одном ошибочном произведении Итина – «Страна Гонгури». [...] После ареста Панкрушина и Зверева жена последнего, В. Касьянчук, продолжает дружбу с женой Итина...⁴.

Кудрявцев припомнил также еще один факт, «который должен быть оценен парторганизацией»: проявление гостеприимства (предоставление ночлега) работнику коммунального отдела из города Сталинска, «исключенного из партии за связь с троцкистами или за то, что сам был троцкистом».

Когда объем «компрометирующих фактов» достиг определенной величины, Кагановичский райком ВКП(б) 11 ноября 1937 г. вынес вердикт: Вивиана Азарьевича Итина из партии исключить «как человека, не заслуживающего политического доверия». В обосновании этого решения говорилось, что Итин в 1918 г. три месяца добровольцем служил в русско-чешском батальоне, а затем стал переводчиком в американской миссии Христианского Союза молодежи в Челябинске и Омске; что в начале 1930-х трижды бывал на приемах у германского консула В. Гросскопфа и беседовал с ним; что во время Северной экспедиции сходил с парохода на территорию Японии; что кроме того имел тесную связь с разоблаченными врагами народа – бывшим эсером Кравковым и врагами Панкрушиным и Зверевым⁵.

После решения об исключении жизнь писателя вступила в заключительную фазу, смыслом которой стала напряженная борьба за реабилитацию. Началась неравная схватка с невидимой могущественной силой, именуемой «партия», с ее многочисленными агентами и всесильным аппаратом. Итин был настроен решительно, так как удаление из партии в этот момент означало лишь одно: исключенного ждет потеря всяких прав и скорый арест. Чтобы избежать окончательной расправы, он стал обращаться в те инстанции, где должна была решаться его судьба. В каждом заявлении он вновь и вновь воспроизводит выдвинутые против него обвинения и дает подробные разъяснения их абсурдного или лживого характера. Раз за разом он подробно описывает свою биографию, рассказывает о семье, службе в советских учреждениях, о своем писательском труде и том окружении, в котором работал все эти годы.

В обстановке тотальной подозрительности, всеобщего недоверия и доносительства он вынужден использовать официальный советский язык, говорить в свою защиту принятыми штампами и одновременно дистанцироваться от тех писателей, что уже сидят в подвалах НКВД, давая показания под пытками. Признавать их своими друзьями или единомышленниками было невозможно, как невозможно было и высказываться в их защиту.

Решение об исключении между тем переходило на всё более высокий партийный уровень, и Итин также следует по этому пути: от заявлений в райком – к письмам в горком, а затем – в обком.

Обращаясь в Новосибирский горком партии, он пишет:

⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 35. Д. 7308. Л. 41 – 41 об. Здесь и далее особенности орфографии и пунктуации источника сохранены. О «деле» литераторов А. Н. Панкрушина, В. А. Зверева, М. А. Кравкова и других см. в работе: [Папков, 2011].

⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 35. Д. 7308. Л. 55. Кравков Максимилиан Алексеевич – писатель, геолог, краевед; бывший член партии эсеров (ПСР); подвергался аресту в 1920, 1922 и 1931 гг.. Вновь арестован в мае 1937 г.; расстрелян 12.10.1937.

Два дня назад арестованы писатели Вяткин и Ошаров. Вяткин исключен из Союза сов. писателей летом текущего года Зап. Сиб. правлением сов. писателей, возглавившимся мной, за контр-революционный очерк, напечатанный Вяткиным в Локтевской районной газете, что при том Вяткин пытался скрыть от ССП. В то же время были вскрыты новые факты его прежней контр-революционной деятельности. Вяткин был принят в ССП по рекомендации Зап. Сиб. Оргкомитета СПП (1934 г.), возгл[авляемого] т. Высоцким. На заседании приемочной комиссии в Москве кандидатура Вяткина получила неожиданно для меня поддержку члена комиссии, писателя Гладкова и поэтому Вяткин был принят без должного разбора вопроса. Я всегда считал Вяткина чуждым и безнадежно бездарным и поэтому избегал всякого общения с ним. Его последний плохой роман, напечатанный в «Сиб. огнях» под ред[акцией] т. Высоцкого, я считал приспособленческим и вредным, о чем писал и говорил с писателями.

М. Ошаров принят в ССП одновременно с Вяткиным. В Новосибирск приехал в 1934 или 1935 г. В литературе известен как собиратель северного фольклора и автор романа «Большой аргиш». Роман был одобрен руководителями в Москве. Литературно-общественная деятельность Ошарова в Новосибирске не давала материала для отрицательного отношения к нему.

В отношении Ошарова так же, как в отношении Кравкова, должен заявить: я с ними знаком и интересовался только как писателями, будучи редактором и руководителем. Сожалею, что не был знаком с этими людьми ближе (и не стремился к этому), так как тогда, может быть, мне удалось бы помочь НКВД быстрее обнаружить притаившихся врагов⁶.

Заявление подобного содержания и стиля было не единственным. Аналогичные мотивы звучали и в других его обращениях к представителям власти. Оказавшись в ловушке карательной политики, Итин отчаянно пытается найти общий язык с партийными обвинителями, всеми силами стремится подчеркнуть лояльность режиму, выразить свою, намеренно преувеличенную, роль идейного борца и сторонника большевизма. Но весь его лексикон, все эти фразы о «линии партии в литературе», о «врагах народа» и «разоблачениях» убеждают лишь в том, что он попал в безвыходное положение и поэтому принужден использовать привычные лишь в партийной среде, но далеко не литературные средства языка. Такова была эпоха, диктующая особую логику и особые нормы поведения людей.

Характерным документом служит одно из заявлений Итина в октябре 1937 г., когда ряд его бывших коллег уже давал показания в застенках НКВД. Он пишет:

В литературе, в том числе в Сибири орудовало немало врагов народа – Вегман, Басов, Зазубрин и др. Я всегда старался бороться за требования линии партии в литературе. Никогда не состоял в организациях («Настоящее», РАПП)⁷, возглавившихся врагами. В конце 1926 г. выступил в печати против Троцкого (в очерке, напечатанном в «Сов. Сибири» и в «Извес-

⁶ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 35. Д. 7308. Л. 58. Вяткин Георгий Андреевич – писатель-прозаик, поэт, драматург; сотрудник редакции журнала «Сибирские огни» и «Сибирской Советской энциклопедии». 16.12.1937 арестован, подвергнут пыткам; 08.01.1938 расстрелян. Ошаров Михаил Иванович – писатель-прозаик; 16.12.1937 арестован; 24.12.1937 расстрелян.

⁷ РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей – литературное объединение левацкого толка, существовавшее в СССР в 1925–1930 гг. Было ликвидировано в связи с обвинениями в троцкизме. В Сибири его отделением являлась СибАПП.

тиях», – по поводу плаката в Енисейске, сопоставлявшего имя предателя с именем Ленина). О гнусной роли Троцкого в заграничной печати писал в 1929–30 гг. в книге «Выход к морю». В конце 1927 г. написал статью «Оппозиционная отрыжка» по поводу троцкистских писаний критика С. Родова, друга А. Курса⁸. Статья должна была пойти редакционной в «Сиб. огнях», но была залитована Вегманом и Басовым и напечатана под другим названием. Я выступал против печатания Зазубрина, с ведома Сырцова, контр-революционных призывов. В 1928 г. крайком назначил меня отв[етственным] секр[етарем] «Сиб. огней», т. е. вместо Зазубрина. Отв[етственным] редактором в то время был Оленич-Гнененко, член СибАПП, проводивший линию соглашательства с троцкистской группой «Настоящее». Несколько моих статей против «Настоящего» были им забракованы. Все же я печатал небольшие статьи, разоблачающие «Настоящее», под разными псевдонимами. В 1930 г., благодаря союзу «настоящинцев» и «сибрапповцев», для меня сложилась такая обстановка, что я фактически ушел из литературы, стал работать в Комсеверпути. В это время орудовала вредительская организация, т[ак] н[азываемая] «комиссия содействия сооружению Великого северного пути». В ряде статей (первая из них была напечатана в «Экономической жизни») я активно содействовал разоблачению вредителей. С той же целью я участвовал во 2-ом научно-исследовательском съезде в Иркутске (1931 г.)

Возвратившись после 9-ти месячного пребывания в Арктике, после постановления ЦК ВКП(б) о ликвидации РАПП, я выступил со статьей «Две встречи с М. Горьким», характеризующей контр-революционную сущность группы «Настоящее».

В литературной борьбе я допускал ошибки, заключающиеся в защите, в полемике с «настоящинцами», таких писателей, которых следовало не защищать, а разоблачать (Зазубрин, Анов). С Зазубриным я никогда не был в близких отношениях, но поддерживал с ним знакомство. Этому способствовало то, что однажды А. М. Горький, обманутый Зазубриным, мне лично сказал, что считает наше подозрительное отношение к Зазубрину неправильным, что дело его разобрали в «комиссии т. Шкирятова»⁹...

Эти аргументы и признания Итина, однако, уже ничего не могли изменить. Решение о его исключении из партии достигло наконец последней местной инстанции. 17 января 1938 г. оно было утверждено партколлегией Новосибирского обкома ВКП(б) в том же виде, каком его приняли райком и горком. До ареста оставался всего один шаг.

Положение ухудшалось еще и тем, что покровительствовать писателю было уже некому: секретарь Западносибирского крайкома Эйхе, оказывавший хоть какое-то содействие литераторам, покинул Сибирь, получив должность наркома земледелия СССР в Москве. Новым хозяином в Новосибирске стал секретарь об-

⁸ Родов Семен Абрамович – литературный критик и поэт. В 1920-е гг. – один из руководителей журналов «На посту» и «Октябрь». В официальной печати подвергался обвинению в троцкизме. Курс Александр Львович – журналист, драматург, киносценарист. В конце 1920-х – редактор краевой газеты «Советская Сибирь» и журнала «Настоящее». В 1930 г. арестован по подозрению в причастности к «право-левацкому блоку». Вновь арестован 01.07.1937. Расстрелян в Москве.

⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 35. Д.7308. Л. 29 – 29 об.

кома ВКП(б) И. И. Алексеев. С апелляцией к нему и обратился Вивиан Азарьевич. К письму он приложил заявление, ранее поданное им в горком, где в последнем пункте с негодованием отрицал обвинение в связях с врагами народа:

Уважаемый т. Алексеев! ...Я писатель, член Всесоюзного правления ССП. Максим Горький дважды говорил на писательских собраниях в Москве, что одну из моих книг (положительно оценив ее) он лично передал т. Сталину. Я 17 лет в партии и всегда честно боролся за дело Ленина-Сталина, как мог. В том, что партия правильно решит вопрос обо мне, я не сомневаюсь. Пользуюсь случаем только обратить Ваши внимание на последний нагло-клеветнический пункт обвинения, который нельзя объяснить никакой ошибкой. А где клевета, там обычно скрывается враг ¹⁰.

Но к Алексееву в этот период потоком шли уже сотни подобных писем от бывших руководителей, общественных деятелей, рядовых коммунистов и членов их семей. Поэтому очередное заявление без рассмотрения было направлено «наверх», в Комитет партийного контроля при ЦК ВКП(б). Дело, таким образом, затягивалось на неопределенный срок.

Исчерпав возможности для защиты в Новосибирске, Итин решил прибегнуть к помощи московских коллег. В начале апреля 1938-го он направил пакет документов с выдвинутыми против него обвинениями Генеральному секретарю Союза писателей СССР, главному редактору журнала «Новый мир» В. П. Ставскому:

Дорогой т. Ставский. Я собирался Вам написать подробно, но не смог. Слишком мне еще противно. Посылаю копию апелляции, в которой изложил сущность диверсии. Были еще два обвинения, которые отпали: 1) что я «был» в Японии (я был шесть часов, во время похода «Анадыря» в Хакодаде, в качестве корреспондента «Правды» и др. газет), 2) что я был на банкетах германского консула – «связь с консулом» (это было 12 лет назад, с ведома партии).

Как это ни мерзко, это было, и дискредитирует не меня, а партийных чиновников, которые поэтому изо всех сил стараются обвинить меня в чем-нибудь. Не могу, к сожалению, рассказать, кому я больше обязан травлей: чиновникам или явным врагам. Это, впрочем, одного поля ягоды ¹¹.

Ставский, положение которого в этот период также было довольно шатким, переправил материалы об апелляции Итина в Комитет партийного контроля при ЦК ВКП(б) с припиской: «Прошу ускорить рассмотрение его дела». На этом помощь Ставского и Союза писателей завершилась.

Но рассмотрение апелляции так и не состоялось. Оно было назначено на 21 июня в Новосибирске, тогда как Итин уже около двух месяцев находился в тюрьме НКВД. Его арестовали 30 апреля 1938 г. и выдвинули обвинение в шпионаже в пользу Японии ¹². Следствие продолжалось до лета, а 17 октября 1938 г. тройка УНКВД Новосибирской области вынесла приговор: Итина Вивиана Азарьевича расстрелять. 22 октября приговор был приведен в исполнение.

Трагическое завершение труда и жизни сибирского писателя – выразительный и вполне характерный пример судьбы многих творческих деятелей в советской

¹⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 35. Д.7308. Л. 84.

¹¹ Там же. Л. 104.

¹² См.: [Тепляков, 2015, с. 202–207].

России 1930-х гг. В литературном сообществе подобный итог был особенно впечатляющим и глубоким по своим последствиям. Сотни писателей, поэтов, журналистов, редакторов и издателей стали жертвой партийно-политической системы и господствовавших нравов, оттого что власть в стране оказалась в руках идеологических доктринеров и экстремистов.

История Вивиана Итина отчетливо показывает, каким образом складывались отношения между властью и творческими людьми, жизненные позиции которых не во всем совпадали с официальной идеологией. Частью этой истории стал также глубокий внутренний раскол в творческой среде и вынужденные унижительные компромиссы. Создавая атмосферу всеобщей подозрительности и разжигая конфликты между людьми, власть превращала литературную жизнь в поле битвы, где шансы на выживание зависели не только от выражения каких-либо взглядов, но и от совершенно случайных факторов.

Список литературы

Коптелов А. Л. Вивиан Итин // Минувшее и близкое: Воспоминания, статьи, очерки. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. С. 62–82.

Папков С. Организация писателей Сибири и НКВД: погром 1936 года // Сибирские огни. 2011. № 2. С. 180–188.

Папков С. А. Вивиан Итин на партийной чистке 1929 года: очередной шаг к гибели // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 89–97.

Прашкевич Г. Вивиан Азарьевич Итин // Полдень. XXI век. 2007. Май. С. 131–145.

Тепляков А. Г. «Я не чиновник и не трус»: судьба Вивиана Итина // Власть и общество в Сибири в XX веке: Сб. науч. ст. Новосибирск, 2015. Вып. 6. С. 181–208.

Якимова Л. П., Соболевская Н. Н., Бальбуров Э. А., Юдалевич Б. М. Литературная критика журнала «Сибирские огни». 20–80-е годы. Новосибирск: Наука, 1994. 288 с.

Яранцев В. Вивиан Итин: Гражданин Страны Гонгури. Петербургское повествование. Новосибирск: РИЦ НПО Союза писателей России, 2018. 420 с.

Список источников

Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 35. Д. 7308.

References

Koptelov A. L. Vivian Itin. In: *Minuvshye i blizkoye: Vospominaniya, stat'i, ocherki* [Past and Close: Memories, articles, essays]. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd., 1983, pp. 62–82.

Papkov S. A. Vivian Itin na partiynoy chistke 1929 goda: ocherednoy shag k gibeli [Vivian Itin at the party purge of 1929: another step to death]. *Istoricheskiy kur'er*. 2022, no. 1 (21), pp. 89–97.

Papkov Sergey. Organizatsiya pisateley Sibiri i NKVD: pogrom 1936 goda [Organization of Siberian writers and the NKVD: pogrom of 1936]. *Sibirskiyе ogni*. 2011, no. 2, pp. 180–188.

Prashkevich G. Vivian Azar'yevich Itin. *Polden', 21 vek*. 2007, May, pp. 131–145.

Teplyakov A. G. “Ya ne chinovnik i ne trus”: sud'ba Viviana Itina [“I am not an official and not a coward”: the fate of Vivian Itin]. In: *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v 20 veke. Sb. nauch. st.* [Authorities and society in Siberia in the twentieth century: Coll. of sci. art.]. Novosibirsk, 2015, iss. 6, pp. 181–208.

Yakimova L. P., Sobolevskaya N. N., Bal'burov E. A., Yudalevich B. M. *Literaturnaya kritika zhurnala “Sibirskiyе ogni”. 20–80-e gody* [Literary criticism of the journal “Sibirskiyе ogni”. 20–80s]. Novosibirsk. Nauka, 1994, 288 p.

Yarantsev V. *Vivian Itin: Grazhdanin Strany Gonguri. Peterburgskoye povestvovaniye* [Vivian Itin: Citizen of the Country of Gonguri. St. Petersburg narrative]. Novosibirsk, RITS NPO Soyuzya pisateley Rossii, 2018, 420 p.

List of sources

Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti [State Archive of the Novosibirsk Region]. F. P-4. Op. 35. D. 7308.

Информация об авторе

Сергей Андреевич Папков, доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск, Россия)
WoS Researcher ID ABA-5865-2021
RSCI Author ID 76586

Information about the author

Sergey A. Papkov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID ABA-5865-2021
RSCI Author ID 76586

*Статья поступила в редакцию 10.03.2024;
одобрена после рецензирования 11.04.2024; принята к публикации 11.04.2024
The article was submitted on 10.03.2024;
approved after reviewing on 11.04.2024; accepted for publication on 11.04.2024*

Научная статья

УДК 82. 161.1

DOI 10.17223/18137083/91/9

**Поэзия второй степени
от Осипа Мандельштама до Тимура Кибирова.
Феномен лирического алломотива**

Юрий Васильевич Шатин

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

shatin08@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2725-2836>

Аннотация

Рассматривается явление поэзии второй степени, которая, в отличие от поэзии первой степени, ориентируется не только на непосредственные наблюдения автора, но и на предшествующие тексты, без учета которых смысл текста остается непонятным для читателя. Автор статьи полагает, что в процессе развития русской литературы XX в. происходит существенная трансформация лирического мотива в поэзии второй степени, касающаяся изменения статуса алломотива. Если в начале прошлого столетия алломотив сохраняет непосредственную связь с породившей его мотивемой, обуславливая тем самым интертекстуальность, то в конце века алломотив существует автономно, отсылая не к мотивеме, но к художественному концепту, являющемуся ядром текста. Поэзия О. Мандельштама и Т. Кибирова может рассматриваться как примеры подобной поляризации.

Ключевые слова

поэзия второй степени, мотивема, алломотив, концепт, О. Мандельштам, Т. Кибиров

Для цитирования

Шатин Ю. В. Поэзия второй степени от Осипа Мандельштама до Тимура Кибирова. Феномен лирического алломотива // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 102–113. DOI 10.17223/18137083/91/9

© Шатин Ю. В., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 102–113

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 102–113

Second degree poetry from Osip Mandelstam to Timur Kibirov: the phenomenon of lyrical allomotive

Yuri V. Shatin

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

shatin08@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2725-2836>

Abstract

This paper explores the distinction between first degree and second degree poetry, indicating that the latter engages inter-textually with preexisting texts. Without this engagement with cultural antecedents, the meaning of the poetic text may remain inaccessible to the reader. Whereas first degree poetry seeks to articulate the world through original language, second-degree poetry weaves its fabric from traces of prior texts, manifesting itself as a longing for world culture. The study contends that twentieth-century Russian literature underwent a transformative shift in the lyrical motif within second degree poetry. Early-century works retained direct ties to their generative *motifemes*, while late-century works employed *allomotives* autonomously, referencing broader artistic concepts rather than specific inter-texts. Building on Askoldov's theory of concepts as mental formations that condense analogous objects, the analysis contrasts the poetic systems of Osip Mandelstam and Timur Kibirov. The acmeist approach of Mandelstam constructs a unified metaplot through cultural signs, whereas Kibirov's conceptualist practice isolates signs as autonomous units. The inherent objectivity of the *fabula* contrasts sharply with the deobjectified signifying elements of the plot, resulting in a unique, profoundly logical rupture that dismantles the pathos of the lyrical statement. In conclusion, the poetry of Mandelstam and Kibirov may be categorized as representative examples of the contrasting systems of Acmeism and Conceptualism. By tracing this evolution, the paper reveals a broader movement within twentieth-century aesthetics, signaling a transition from a reliance on inherited cultural capital to a self-reflexive engagement with the linguistic and conceptual structures of poetry itself.

Keywords

poetry of second degree, motifeme, allomotive, concept, O. Mandelstam, T. Kibirov

For citation

Shatin Yu. V. Second degree poetry from Osip Mandelstam to Timur Kibirov: the phenomenon of lyrical allomotive. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 2, pp. 102–113. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/9

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 2
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2

Там, где у счастливых поколений говорит эпос гекзаметрами и хроникой, там у меня стоит знак зияния, и между мной и веком – провал, ров, наполненный шумящим временем.

Осип Мандельштам. Шум времени

Истоки, связанные с проблемой поэзии второй степени, восходят к пониманию мимесиса, одной из центральных категорий «Поэтики» Аристотеля. Определив мимесис как подражание природе, греческий философ изначально заложил двусмысленность в толкование этого термина. В зависимости от того, на какое из двух слов мы поставим логическое ударение, получим два противоположных понимания указанного феномена. Еще в начале прошлого века в статье «Две стихии в современном символизме» (1908) Вяч. Иванов писал: «...подражание (мимезис), по нашему мнению, есть непрменный ингредиент художественного творчества, основное влечение, которым человек пользуется, поскольку становится художником для удовлетворения двух различных по своему существу нужд и запросов: в целях ознаменования вещей, их простого выявления в форме и звуке, или эмморфозы, – с одной стороны; в целях преобразовательного их изменения, или метаморфозы, – с другой [Иванов, 1994, с. 145].

В случае эмморфозы акцент делается на воспроизведение действительности в разнообразных ее проявлениях, в случае метаморфозы мы имеем дело с бесчисленными вариантами преображенной действительности – как бы мы сейчас сказали, с набором виртуальных миров, проявляющих себя в противопоставлении обыденным представлениям. Выявление подобных различий ведет к далеко идущим последствиям, сказавшимся прежде всего на одном из родов литературы – лирике с ее выраженным анарративным началом. Именно лирика наиболее полно реализовала противоположность двух начал, о которых писал Ж. Женетт в книге “Palimpsests. La littérature au second degré” (1982).

В поэзии первой степени автор изначально ориентирован на иллюзию истинности и незыблемости ценностей мира, первооткрывателем которого он является. Оказавшись в окружении вещей, такой поэт напоминает первородного Адама, которому необходимо было найти слова для только что созданного мира, а затем построить из этих слов первоначальный текст. При этом факт иллюзионизма не меняет сути, поскольку читатель волшебным образом вовлекается в игру и поддается соблазну поверить, что ничего подобного до этого лирического сюжета не существовало. «Зимний вечер» Пушкина или «Белая берёза под моим окном...» Есенина с разной мерой сложности художественного языка демонстрируют этот процесс.

Противоположным образом устроена поэзия второй степени. Отказавшись от иллюзии первослова и первотекста, она исходит из того, что таких первооснов не существует, но всякий текст буквально прошит следами других текстов. Миней, говоря словами поэмы Вяч. Иванова «Младенчество», становится палимпсестом, где обнаруживаются художественные коды предшествующих текстов. Целостность действительности, даже если бы такая существовала, прежде чем превратиться в художественную целостность, должна была быть раздробленной на части, каждая из которых настойчиво бы взывала к конструктивному обращению к чужим словам и чужим текстам. Поэзия первой степени обременена тоской по называнию мира своими словами. Поэзия второй степени оказывается тоской по мировой культуре.

Легко предположить, что важным различием поэзии первой и второй степени оказывается качественное различие сукцессивности и вытекающий из нее противоположный статус алломотива как основной единицы построения текста. В первом случае сукцессивность реализует непосредственный переход от мотивемы к алломотивам, которые «имеют такое же отношение к мотивеме, как аллофоны к фонеме или алломорфы к морфеме. Термин “мотив” мог бы использоваться, но только как этическая единица, подобная фону или морфу» [Дандес, 2003, с. 24]. В такой трехчленной схеме (мотифема – мотив – алломотив), на которой держатся все нарративные жанры, применительно к лирике мы наблюдаем парадоксальное явление, при котором из сравнительно небольшого числа мотивем-матриц (таких, как жизнь – смерть, любовь – измена, встреча – разлука, потеря – приобретение, память – забвение) выстраивается бесчисленное множество алломотивов, которые в лучших образцах достигают уникальности и эксклюзивности.

Совершенно иной оказывается сукцессивность в поэзии второй степени (и соответственно характер алломотива). Здесь она связана с постоянным нарушением, ломкостью семиотических границ текста. Благодаря палимпсесту в движении лирического сюжета можно обнаружить алломотив, который требует выхода за границы текста в комментарий, без которого постижение смысла становится невозможным. Так, в стихотворении Мандельштама «После полуночи сердце ворует...» только финальный стих «Взяв на прикус серебристую мышшь» раскрывает суть восьмистишия. Но для понимания опять-таки надо знать, что эта серебристая мышшь прямым образом «приехала» из статьи Максимилиана Волошина «Аполлон и мышшь». В противном случае весь текст предстает набором субъективных бессмысленных ассоциаций.

Стоит заметить, что принципиальное различие двух степеней поэзии не зависит прямым образом от меры сложности художественного языка, поскольку природа такой сложности в обоих случаях оказывается различной. В одном случае она определяется сложностью поэтической мысли, в другом – сложностью опознания чужих слов и чужих текстов. Именно во втором случае алломотив отрывается от породившей его в предшествующем тексте мотивемы-матрицы и начинает самостоятельное движение. Воспользовавшись терминологией А. Дандеса можно утверждать, что здесь возникает иной баланс этической и эмической сущности текста. Как замечает исследователь, «с одного языка на другой может быть переведен текст, но не его фактура. Сюжет фольклорной сказки теоретически может быть рассказан на любом языке мира, и, наоборот, такие фактурные характеристики, как ассонанс, аллитерация или оноματοпеея, как правило, не подлежат переводу... это означает, что фактурные структурные модели будут культурно обусловленными (или “лингвистически обусловленными”) с большей вероятностью, чем текстуальные структурные модели» [Там же, с. 45]. Таким образом, делается понятной основная функция алломотива в поэзии второй степени. Как раз благодаря ей происходит дифференциация двух моделей – культурно обусловленной и текстуально обусловленной, которые мирно сосуществуют в поэзии первой степени, но образуют разрыв, зияние во второй.

Интересным примером, когда само зияние оказывается алломотивом стихотворения, может служить «Есть иволги в лесах...»:

Есть иволги в лесах, и гласных долгота
В тонических стихах единственная мера.
Но только раз в году бывает разлита
В природе длительность, как в метрике Гомера.

Как бы цезурою зияет этот день:
Уже с утра покой и трудные длинноты;
Волы на пастбище, и золотая лень
Из тростника извлечь богатство целой ноты
(Мандельштам, 1995, с. 118).

Структурно текст построен на двух параллельных рядах. Один из них связан с изображением природы в день летнего солнцестояния: иволги в лесах, покой, волы на пастбищах, тростник. Другая демонстрирует технику создания стихотворения: долгота гласных, тонический стих, цезура, длинноты. Формально оба ряда связываются алломотивом зияния: «Как бы цезурою зияет этот день». Происходит как бы скрещивание двух языков: обыденного и филологического. Для понимания первого не требуется специального знания, второй неизбежно требует филологического комментария с целью обнаружить версификационный код. Однако и при обнаружении версификационного кода механизм мандельштамовского текста остается непроявленным. Что, кроме алломотива, обеспечивает единство двух разнородных рядов? Таким механизмом при ближайшем рассмотрении оказывается способ соединения слов посредством ритма. Именно здесь художественная логика стихотворения выходит на новый уровень, связанный с переводом гомеровского гекзаметра на мелодику александрийского стиха с явно нетрадиционным расположением пиррихий и усиливающимся зиянием цезуры.

Тяжеловесный гекзаметр Гомера («Бессонница, Гомер. Тугие паруса / Я сплюсок кораблей прочёл до середины») начинает здесь звучать более привычным шестистопным ямбом. При этом Мандельштам решает задачу создания новой ритмической модели русского аналога александрийского стиха. Поэт начинает с традиционных ритмических вариаций, известных со времен Ломоносова и Сумарокова, с обязательной мужской клаузулой в конце третьего икта и не менее обязательного удара на четвертом. Вместе с тем в восьмистишии появляются достаточно редкие формы с дактилической цезурой на третьей стопе («В природе длительность, как в метрике Гомера») или с безударной третьей и четвертой стопами («Волы на пастбище и золотая лень»). Нельзя не заметить, что эту зияющую пустоту пиррихий доведет до совершенства М. Цветаева в переводе «Плаванья» Бодлера (1940) («Чудесные пловцы. Что за повествованья / Встают из ваших глаз – бездонностью морей»). Мандельштаму же в полной мере в стихотворении удалось воссоздать ров, наполненный шумящим временем.

В этой связи представляется уместным рассмотреть судьбу алломотива спустя полвека, в период расцвета концептуализма, где художественный образ вступает в сложные отношения с поэтическим концептом, который оттесняет или, в предельном случае, вовсе поглощает его. Как известно, понятие концепта как категории теоретического литературоведения было введено С. А. Аскольдовым в конце 1920-х гг. Согласно исследователю, «концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов, 1928, с. 31]. В этом качестве «концепты – это почки сложнейших соцветий мысленных конкретностей. В привычной мысли мы ограничиваемся выбрасыванием этих почек для психологического наблюдения совершенно бесформенных, однако заключающих в себе сложнейшую структуру возможностей» [Там же, с. 34]. Таким образом, «в художественном концепте одна только динамическая направленность к не данному и только потенциальному уже имеет самодовлеющую ценность» [Там же, с. 38].

В свете сказанного феномен алломотива оказывается более сложным образованием в сравнении с первой половиной века. Если в более ранний период поэзия второй степени при использовании алломотивов сохраняла основные признаки лирического высказывания, прежде всего суггестивность, то концептуализм наложил жесткий запрет на изображение каких-либо чувств, кроме иронии на стихотворный дискурс. Лирика поглощается тотальной иронией, которая часто позиционирует себя как черный юмор, выступающий одним из признаков постмодерна.

В таком контексте фигура Тимура Кибирова представляет особый интерес, поскольку в отличие от самого радикального представителя концептуализма Дмитрия Александровича Пригова, Кибиров осознаётся многими критиками и исследователями в этом круге поэтов, как чужой среди своих. Так, Р. А. Нурмухамедова, разбирая поэму «Общие места», утверждает: «...неправомерно однозначно трактовать лирику Кибирова как постмодернистскую. Поскольку в ней мы имеем дело с ярко выраженным лирическим субъектом. Наличие такового “центрирует” лирическую эмоцию, что в сущности “непозволительно” в постмодернистском искусстве» [Нурмухамедова, 2008, с. 74]. Пытаясь оторвать поэзию Кибирова от концептуализма и постмодернизма, автор указывает на особый статус лирического субъекта в его поэзии, который «формируется на грани двух литературных парадигм, частично определяющих лирическое сознание Кибирова. Возникает семантическое напряжение, которое воплощается в акте пародирования символистской концепции жизнотворчества» [Там же, с. 73].

При известной справедливости наблюдений исследовательницы, в целом ее позиция представляется излишне категоричной. Более осторожно подходит к проблеме места Т. Кибирова в парадигме концептуализма А. А. Карабет: «Неофициальную поэзию, к которой относится творчество поэтов – концептуалистов, “иронистов”, конкретистов и др. и в русле которой мы рассматриваем поэтику Кибирова, в целом характеризует новый, отличный от официального взгляд на язык... В поэзии “новой волны” описывается действительность во всей её “неэстетичности”, подробное, конкретное отображение реальности происходит при полном от неё отчуждённости внутреннего мира самого автора» [Карабет, 2009, с. 120]. Солидаризируясь с позицией М. Эпштейна и М. Липовецкого, определивших пограничный характер художественного метода Т. Кибирова, автор точно вскрывает языковой механизм такой полярности: «Можно сказать, что в поэтике концептуализма происходит “сплавнение” конкретистской регистрации реальности “как она есть” с регистрацией актов сознания. Совмещение двух подходов порождает конфликт: сознание, “зашоренное” идеологией, мифологической подачей советской реальности, вступает в столкновение с видением реальности “как она есть”, и это столкновение вызывает демифологизирующий эффект» [Там же, с. 121–122].

Иными словами, у Тимура Кибирова, как и у других концептуалистов, наблюдается максимально возможный в пределах одного текста разрыв эмморфозы и метаморфозы, который во многом и определяет феномен алломотива, отличный от того, что мы могли наблюдать в поэзии первой половины XX в. В статье «Диалог с литературной классикой в современной поэзии» Н. В. Барковская на конкретном тексте «История села Перхурова» показала, что «кибировский диалог с традицией можно назвать, диалогом-созерцанием, он точно и бережно воссоздает не только типажи и сюжетные коллизии, но и лексико-синтаксические и ритмические особенности поэзии второй степени» [Барковская, 2004, с. 209]. В свою

очередь, мы хотели бы обратиться к другой стороне алломотивики Кибирова, демонстрирующей максимальный разрыв с предшествующей традицией, ее поэтическую демифологизацию.

Одним из следствий такой демифологизации становится сознательное включение наррации в лирические жанры. Кибиров – поэт отчетливо жанровый. Он никогда не смешивает жанры, но всякий раз изнутри взрывает их пафос. Как справедливо замечает исследовательница, «Кибиров пытается выжать из симулякров, клишированных словесных форм остатки психологической реальности, их породившей» [Нурмухамедова, 2008, с. 73]. Особенно отчетлива эта тенденция в крупных жанрах, прежде всего в поэме. Летом 1991 г. Кибиров написал поэму «Сортиры»¹, где попытался совместить, казалось бы, несовместимое – эморфозу биографии лирического субъекта (и / или автора) с метаморфозой, вскрывающей механизм создания текста.

«Сортиры» позиционируется поэтом как перформанс.

Сестра таланта, где же ты, сестрица?
Уж три строфы я миновал –
а описал покамест лишь крупницу
из тех богатств, что смутно прозревал
я сквозь кристалл магический. Вертится
нетерпеливый Рубинштейн. Бокал
влечёт Серёжу. Надо бы прерваться.
Итак, антракт и смена декораций.

Комментируя текст «Сортиров», Г. Л. Гуменная замечает, что «в поэме автор делает намёк на дружеское застолье в мужской компании поэтов-концептуалистов и рассказывает анекдоты, составляющие фабулу произведения» [Гуменная, 2009, с. 47]. Более значимым в данной ситуации является, однако, не столько присутствие друзей-концептуалистов, сколько сам факт разыгрывания действия, установка на голосовое исполнение, и здесь Кибиров максимально сближается с Дмитрием Александровичем Приговым, для которого момент произнесения оказывается не менее важным, чем его письменная ипостась.

Центральным элементом фабулы является основной мотив, вынесенный в заглавие текста, – сортиры и их роль на разных этапах биографии героя. Указанной фабуле, как уже говорилось, активно противостоит сюжетогенный мотив – текстопорождение самой поэмы. Благодаря разрыву между минеей фабулы, стремящейся к подробному описанию главного предмета, и палимпсесту – сюжету, представляющему набор интертекстуальных отсылок, мы получаем текст, мотивом матрицы которого оказывается поэма Пушкина «Домик в Коломне», а алломотивами – изолированные образования, обнаруживающие метатекстовую основу (огарки ахматовских свечей, обрывки цветаевской верёвки, пыльца набокских бабочек, пейзажи Моне и т. д.).

В отличие от Мандельштама поэт не стремится к созданию единого метасюжета посредством компоновки культурных знаков, но, напротив, всякий раз подчеркивает их автономный характер. Максимальная предметность фабулы соседствует с распредмеченными знаками сюжета, в результате чего появляется зияние совершенно иного типа, предельно рационального, уничтожающего пафос лирического высказывания.

¹ URL: <https://facetia.ru/node/6703/>.

Не менее важным в сравнении со стихами Мандельштама оказывается рефлексия над стихотворным размером. Если у поэта первой половины XX в. все отсылки к элементам версификации подчинены одной цели – замене тяжеловесного гекзаметра легким александрийским стихом, то у поэта-концептуалиста телеология подменяется игровым началом, которое усиливает установку на перформанс как основной механизм работы с текстом. Такую же игру мы наблюдаем и при обращении к алломотиву выбора стихотворного размера. Подобно Пушкину, Кибиров пренебрежительно относится к четырехстопному ямбу («пора оставить мальчикам в забаву»), но предлагает заменить его еще более традиционным хорем («Любимый мой хорей / тут подходил бы более, в Эдеме / как водится, был змей в моей поэме»). Вдобавок к пушкинскому «Ведь рифмы запросто со мной живут / Две придут сами, третью приведут» поэт демонстративно разыгрывает перед читателем «муки слова» из-за невозможности придумать третью рифму:

Пока что
никак не уживаются со мной
злодейки-рифмы – две ещё приходят,
но – хоть ты тресни – третью не приводят.

Гораздо отчетливее феномен алломотива проявляется в тех случаях, когда жанр оказывается изначально анарративным, как это можно наблюдать в стихотворении «Солнечное утро».

Данное стихотворение, послужившее заглавием сборника 2020 г., построено как анафористическая конструкция, серия повторяющихся риторических вопросов со словом «неужели». «Неужели это / тоже было зря»; «Неужели так же, / как и вообще»; «Неужель бесцельно / ельник освещён»; «Неужели тополь / тоже просто так». Внешне такая конструкция удивительно напоминает «Цветок» Пушкина (1828), также построенный как серия вопросов. Однако здесь же можно обнаружить существенное различие поэтов разных эпох. Созданный с явной ориентацией на диалог с одноименным текстом В. А. Жуковского, пушкинский «Цветок» активно использует градацию, усиливающую семантическое напряжение по мере движения к финалу, содержащему интертекстуальную отсылку к стихам предшественника. «Увы! Кто скажет: жизнь иль цвет / Быстрее в мире исчезает?» и «И жив ли тот, и та жива ли, и нынче где их уголок? / Или они уже увяли, как сей неведомый цветок?»

У Кибирова место мотивемы «жизнь – смерть», завершающей у поэтов позапрошлого века развитие серии алломотивов, заменяется рациональным алломотивом цели vs бесцельности, повторяясь как ряд параллельных вариаций. «Шестидесятипятилетний автор (лирический герой) осознаёт бессмысленность оглушительной тишины, небесной синевы, шороха листьев и – главное – бесцельности существования не только окружающего природного мира, но и себя» [Жилене, 2024, с. 1225]. Отсюда пафос смирения перед тайной человеческого существования сменяется раздражением на существующий мир.

Зачем же ветреная Геба,
Кормя Киприды голубей,
Крупую белой сыплет с неба
На раздражительных людей
(Кибиров, 2020, с. 35).

В основе рационалистической конструкции многих стихотворений Кибирова лежит провокативность. Здесь особенно интересны случаи, когда, создавая свои палимпсесты, он использует случаи провокативности, уже проявившиеся в предшествующем тексте. Провокативность текста В. Я. Брюсова «Юному поэту» (1896) многократно усиливается благодаря наложению на уже имеющийся парадокс жесткой иронии (в частности, и набору соседствующих имен, где парадигма оказывается, с одной стороны, слишком широкой, но лишенной какой-либо логики, с другой), которая и преобразует образ поэта в завершенный концепт:

Юноша бледный, в печать выходящий!
Дать я хочу тебе два-три совета:
Первое дело – живи настоящим,
Ты не пророк, заруби себе это!
И поклоняться искусству не надо.
Это и вовсе последнее дело.
Экзюпери и Батая с де Садам
Перечитай, можешь выбросить смело ².

Наконец, одним из самых интересных случаев существования алломотива в системе поэзии второй степени является его полное замыкание внутри отдельно взятого текста, как бы разрывающего образную систему (а вместе с ней и лирический сюжет) цикла. В такой ситуации алломотив стремится заместить собою целое, добавив к интертекстуальным отсылкам метатекстовое основание. В «Двадцати сонетах к Саше Заповоевой» (1995) развитие лирического действия, построенное на последовательном взрослении дочери поэта, внезапно прерывается в шестом сонете, имманентным алломотивом, воссоздающим технику создания строфической формы:

Чтоб как-то структурировать любовь,
избрал я форму строгого сонета.
Катрена два и следом два терцета,
abba. Поэтому морковь

Задается резкий семантический сдвиг. Мотив в его эстетической и образной функции аннигилируется, благодаря чему на первый план выходит эмическая составляющая. «Любовь» и «морковь» оказываются рядом, только благодаря созвучию и тянут за собой шлейф похожих созвучий как ответ на требование сонетной формы:

я тру тебе опять. Не прекословь! –
как Брюсов бы сказал. Морковка эта
полезнее котлеты и конфеты.
abba. И вот уже свекровь

Алломотив поглощает смысл бытовой ситуации: приход свекрови из факта повседневности становится текстовым фактором и организует продолжение словесной игры:

² URL: <https://znamja.tu/publication/php?id=756/>.

какая-то (твоя, наверно) прётся
в злосчастный стих, ссdc. Борются
нет сил уж боле. Зря суровый Дант

Усиливается «техническая» составляющая алломотива, когда свекровь «прётся в злосчастный стих», соседствуя с пушкинским Данте, который

не презирал сонета. Остаётся
dd, Сашура. Фант? Сервант? Сержант?
А может, бант? Нет, лучше бриллиант
(Кибиров, 1998, с. 233).

К сказанному нужно добавить, что Кибиров вопреки традиции устраняет строгую линейность сонетного стиха, насыщая или даже перенасыщая каждый стих блистательными enjambement's. Благодаря метатекстовому сюжету шестого сонета особую роль приобретает игра интертекстами, в одних случаях легко опознаваемыми (Пушкин, Брюсов), в других требующими специального филологического знания. Таким примером может служить имплицитная отсылка к «Переутомлению» Саши Чёрного, где поэт терпит поражение в борьбе с рифмами

Рифму, рифму! Иссякаю –
К рифме тему сам найду.
Ногти в бешенстве кусаю
И в бессильном трансе жду.
.....
Нет, не сдамся. Папа – мама.
Дратва – жатва, кровь – любовь.
Драма – рама – панорама,
Бровь, свекровь, морковь... носки!
(Чёрный, 1996, с. 121).

В отличие от несчастного поэта у Саши Чёрного, московский концептуалист Тимур Кибиров отлично справляется с «морковью, свекровью и любовью», расширяя границы поэзии второй степени в сравнении с образцами поэзии первой половины XX столетия.

Список литературы

- Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. Л., 1928. Вып. 2. С. 28–44.
- Барковская Н. В. Диалог с литературной классикой в современной поэзии // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2004. Вып. 7. С. 204–217.
- Гуменная Г. Л. Пушкинская традиция в поэзии Тимура Кибирова (поэма «Сортиры») // Вестник Нижегород. гос. ун-та. 2009. № 6 (2). С. 44–51.
- Дандес А. Фольклор: семиотика и / или психоанализ. М., 2003. 284 с.
- Жилене Е. С. Преодоление поэтического концептуализма // Грамота. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 4. С. 1223–1229.
- Иванов Вяч. И. Родное и вселенское. М., 1994. 428 с.
- Карабет А. А. Компаративный анализ поэтики Кибирова // Наукови записки Харьковського ун-та. 2009. № 6 (2). С. 44–51.

Нурмухамедова Р. А. Лирический субъект Тимура Кибирова и дискурс постмодернистской поэзии // Вестник Вят. гос. ун-та. 2008. № 3 (1). С. 72–75.

Список источников

- Кибиров Т. Солнечное утро. М., 2020. 64 с.
Кибиров Т. Сортиры. URL: <https://facetia.ru/node/6703>
Кибиров Т. Юноша бледный... URL: <https://znamja.tu/publication/php?id=756>
Кибиров Т. Памяти Державина. СПб., 1998. 248 с.
Мандельштам О. Полное собрание стихотворений. СПб., 1995. 720 с.
Чёрный С. Стихотворения. СПб., 1996. 654с.

References

Askol'dov S. A. Kontsept i slovo [Concept and word]. *Russkaya rech'. Novaya seriya*. Leningrad, 1928, iss. 2, pp. 28–44.

Barkovskaya N. V. Dialog s literaturnoy klassikoy v sovremennoy poezii [Dialogue with literary classics in modern poetry]. *Ural Journal of Philology. Series "Russian literature of the XX–XXI centuries: directions and trends."* 2004, iss. 7, pp. 204–217.

Dandes A. *Fol'klor: semiotika i/ili psychoanaliz* [Folklore: semiotics and/or psychoanalysis]. Moscow, 2003, 284 p.

Gumennaya G. L. Pushkinskaya traditsiya v poezii Timura Kibirova (poem "Toilets") [Pushkin tradition in poetry of Timur Kibirov]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2009, no. 6 (2), pp. 44–51.

Ivanov V. I. *Rodnoye i vselenskoye* [Native and universal]. Moscow, 1994, 428 p.

Karabet A. A. Komparativnyy analiz poetiki Kibirova [Comparative analysis in modern Russian Poetry]. *Naukovi zapiski HNPU imeni G. S. Skovorodi*. 2009, no. 6 (20), pp. 44–51.

Nurmukhamedova P. A. Liricheskiy sub'ekt Timura Kibirova i diskurs postmodernistskoy poezii [Timur Kibirov's lyrical subject and discourse of postmodern poetry]. *Herald of Vyatka State University*. 2003, no. 3 (10), pp. 72–75.

Zhilene E. S. Preodolenie poeticheskogo kontseptualizma [Overcoming of poetic conceptualism]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2024, vol. 17, pp. 1223–1229.

List of sources

- Chorny S. *Stikhotvorenia* [Poems]. St. Petersburg, 1996, 654 p.
Kibirov T. *Pamyati Derzhavina* [In memory of Derzhavin]. St. Petersburg, 1998, 248 p.
Kibirov T. *Solnechnoe utro* [Sunny morning]. Moscow, 2020, 64 p.
Kibirov T. *Sortiry* [Toilets]. URL: <https://facetia.ru/node/6703>
Kibirov T. *Yunoshka blednyy...* [The pale young man]. URL: <https://znamjatu/publication/php?id=756>
Mandel'shtam O. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete collection of poems]. St. Petersburg, 1995, 720 p.

Информация об авторе

Юрий Васильевич Шатин, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия); главный научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Yuri V. Shatin, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methods of Teaching Literature, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation); Principal Researcher, Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 06.03.2025;
одобрена после рецензирования 13.03.2025; принята к публикации 13.03.2025
The article was submitted on 06.03.2025;
approved after reviewing on 13.03.2025; accepted for publication on 13.03.2025*

Научная статья

УДК 82.0

DOI 10.17223/18137083/91/10

Об одной из форм автокоммуникации в русской поэзии

Олег Николаевич Владимиров

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт

Кемеровского государственного университета

Новокузнецк, Россия

vladi-oleg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9785-9513>

Аннотация

Статья посвящена стихотворениям русских поэтов о своих цитируемых или называемых стихах как одной из форм субъектной организации в лирике. Обобщаются и анализируются случаи переосмысления, уточнения или подтверждения авторами их жизненных и творческих позиций, выраженных в репрезентативных стихах. Сравнение с разными видами самоцитирования и самоповторения позволяет утверждать, что известные стихи поэта, воспроизведенные им в новом стихотворении, являются сюжетообразующими, а не автореминисценциями. Выявляется многовариантность этого вида лирического высказывания, которая свидетельствует об обогащении субъектной и временной организации стихотворения, а также о расширении и усложнении диалогических возможностей двуединства «я нынешний – я прежний» (новый текст – текст-прототип).

Ключевые слова

русская поэзия, автокоммуникация, субъектная организация, диалог, автореминисценция, автопародия

Для цитирования

Владимиров О. Н. Об одной из форм автокоммуникации в русской поэзии // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 114–127. DOI 10.17223/18137083/91/10

On a form of auto-communication in Russian poetry

Oleg N. Vladimirov

Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute

of Kemerovo State University

Novokuznetsk, Russian Federation

vladi-oleg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9785-9513>

Abstract

This study analyzes the self-referential nature of Russian lyric poetry, focusing on instances where poets explicitly address their own works. The inherent representativeness of the initial

© Владимиров О. Н., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 114–127

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 114–127

works within each pair ultimately prompt their authors to reconsider, refine, or validate the biographical and artistic perspectives conveyed therein. The analysis encompasses notable works such as “Zhdi menya” (“Wait for me”) by K. Simonov, “Loshadi v okeane” (“Horses in the ocean”) and “Fiziki i liriki” (“Physicists and lyricists”) by B. Slutsky, “Kogda my byli molodye...” (“When we were young...”) by Yu. Moritz, “Okhota na volkov” (“Hunting for wolves”) by V. Vysotsky, and others. The celebrated poems, reintroduced within the new composition, function as integral plot devices, exceeding simple auto-reminiscence. The study also examines the transitional cases between repeated elements (variants, “doublets,” and motifs) and the actual poems of poets about their verses. The study reveals the versatility of poems about one’s own poems, including self-parody, reference to the former poems by the poet’s representative, reference to a third participant in the subject situation, and others. These forms indicate the increasing poetic possibilities in the ratio of the subjective and temporal organization of a lyrical poem, the expansion and complication of the dialogical possibilities of the duality “I am the present – I am the former” (a new text – a prototype text). It is stated that in parallel with other forms of discourse, the use of self-quotation in poetry enriches the semantic field and contributes to the expression of different value relations to the world.

Keywords

Russian poetry, auto-communication, subjective organization, dialogue, auto-reminiscence, self-parody

For citation

Vladimirov O. N. On a form of auto-communication in Russian poetry. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 2, pp. 114–127. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/10

Расширение и усложнение нарративной сферы в поэзии XX–XXI вв. не ограничены такими формами, как «неосинкретический субъект» (С. Н. Бройтман), или «лирическая полисубъектность» (В. Е. Хализев), ролевая лирика с разными ее видами, инфинитивное письмо, сфрагида и др. Особую форму высказывания представляют стихотворения поэта (лирического субъекта) о его прежде написанных и часто авторепрезентативных стихах, здесь же цитируемых или называемых.

Ранние стихи (отдельные строки, заглавия) могут входить в основной текст (начинать его) или являться эпиграфом к нему, в любом случае произведение построено на диалоге лирического «я» с собой как «другим» (со своим прежним отношением к миру и самому себе, к собственному творчеству и т. п.).

Как и в случаях с другими формами высказывания, возникают вопросы о причинах распространения этого явления, о его отношении к другим литературоведческим понятиям (вторичной условности, пародии, особенно к автореминисценции), его типологии. Обогащение субъектной сферы в русской лирике этого времени объяснимо «игрой на границе между вымыслом и реальностью» [Руднев, 1997, с. 238], напряженными поисками границ между текстом и реальностью как «фундаментальной культурной коллизией XX века» [Там же, с. 6]. Другим, параллельным, процессом является интенсификация в литературе рубежа XIX–XX и XXI в. перехода от эйдетической («классической») поэтики к поэтике художественной модальности («неклассической»), проявившейся и в лирике, в ее субъектной организации (см.: [Бройтман, 2004, с. 253–258]).

Взгляд из настоящего в прошлое в этих произведениях не только способствует сопряжению времен, как это свойственно, например, элегии. Соотношение теперешнего сознания героя с прежней его позицией стирает границу между «я»-поэтом и лирическим «я», как и границу между художественным и реальным временем. «Я» в таких произведениях, оказываясь транспозицией настоящего автора, более открыто, чем лирическое «я» или лирический герой, стоит между читателем

и изображенным миром. Границы между автором и его представителем, между реальностью и вымыслом размываются; поэт оказывается одновременно внутри и вне творимого им мира. В подобных случаях наблюдается двойной парадокс нераздельности-неслиянности, как в сфрагиде, – не только автора и героя (см: [Владимиров, 2009, с. 66–67]), но и времени эмпирического и поэтического. С точки зрения художественной условности статус второго произведения в таких стихотворных связках – обнажение приема как форма вторичной условности. В терминологии Ж. Женетта проницаемость субъектных и временных границ во втором стихотворении этой пары может быть обозначена как нарративный металеписис [Женетт, 1998, с. 245]. Диалог двух стихотворений является формой автокоммуникации, если говорить об упомянутых, но не рассмотренных Ю. М. Лотманом ситуациях: «Когда мы говорим о передаче сообщения по системе “Я – Я”, мы имеем в виду в первую очередь не те случаи, когда текст выполняет мнемоническую функцию. Здесь воспринимающее второе “Я” функционально приравнивается к третьему лицу. Различие сводится лишь к тому, что в системе “Я – ОН” информация перемещается в пространстве, а в системе “Я – Я” – во времени. Ученого же «прежде всего <...> интересует случай, когда передача информации от “Я” к “Я” не сопровождается разрывом во времени и выполняет не мнемоническую, а <...> иную культурную функцию: «обращение человека к самому себе», например чтение «своего стихотворения напечатанным», своих «дневниковых записей» [Лотман, 1992, с. 76–77].

В ряду этих условных микроциклов как наиболее известные, благодаря первым в них произведениям, можно назвать стихотворения «Если я заболею...» (1940) и «Я на всю честную Русь...» (1945) Я. Смелякова, «Жди меня, и я вернусь» (1941) и «Товарищу То Хыу, который перевёл “Жди меня”» (из цикла «Вьетнам, зима семидесятого») (1971) К. Симонова, «Лошади в океане» (1950) и «Про меня вспоминают и сразу же – про лошадей...» (1972) Б. Слуцкого, его же «Физики и лирики» (1959) и «Лирики и физики» (1978), «Фонарики» («Когда качаются фонарики ночные...») (1953) и «Ода смерти» Г. Горбовского (2011), «Добро должно быть с кулаками...» (1959) и «Постой. Неужто? Правда ли должно?» (1965) С. Куняева, «Облака» (1962) и «После вечеринки» (1970) А. Галича, «Когда мы были молодые...» (1965) и «Послание» (2004) Ю. Мориц, «Союз друзей (Старинная студенческая песня)» (1967) и «Взяться за руки не я ли призывал вас, господа?» (1988) Б. Окуджавы. К своему известному произведению поэт может обращаться не однажды – как, например, М. Исаковский к «Катюше» (1938) в стихотворениях «Песня про “Катюшу”» (1944) и «И. Н. Розанову, собравшему около 100 вариантов (переделок) песни “Катюша”» (1945) или В. Высоцкий к «Охоте на волков» (1968) в стихотворениях «Прошла пора вступлений и прелюдий» (1972) и «Охота с вертолетов (Конец охоты на волков)» (1978).

Первые стихотворения в этих связках получили или общественный отклик, или известность благодаря их музыкальным воплощениям, в отдельных случаях стали восприниматься как фольклорные. Широкое распространение афористически звучащих строк из этих стихотворений нашло подтверждение в книге «Крылатые слова» Н. С. Ашукина и М. Г. Ашукиной [1988, с. 361–362, 419, 433, 459], в «Словаре современных цитат» К. В. Душенко [1997, с. 97, 185, 263, 324, 328, 329], в электронных изданиях, например в «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений» В. В. Серова [2005]. Подобное восприятие со временем вызвало у их авторов необходимость переосмыслить, уточнить или подтвердить выраженные в этих стихах жизненные и творческие позиции. «Собственное по-

этическое творчество объективируется и становится литературным фактом, столь же пригодным материалом для использования и переключек, как и чужой текст», – отмечает А. Кушнер, имея в виду не случаи, рассматриваемые здесь, а «самоцитирование и самоповторение» вообще [Кушнер, 1991, с. 90–91]. Так появились вторые стихотворения, своеобразные поэтические постскрипты к первым.

Хронологически первыми из найденных пар таких стихотворений (и редких в поэзии до XX в.) являются притчи А. Сумарокова «Коршун в павлиньих перьях» (<1760>) и «Коршун» (<октябрь – ноябрь 1760>). Вторая из них посвящена защите слова «жеребо» и рифмы «жеребо – небо», примененных в первой притче в описании внешности Коршуна («И туловище всё, всё гордостью жеребо...») и вызвавших критику. Кроме уже отмеченных общих особенностей, присущих подобным произведениям, здесь интересно раздвижение жанровых границ «Коршуна». Авторская рефлексия в нем позволяет считать его не столько «притчей» («<...> но к притче приступлю») (Сумароков, 1957, с. 210)), являющейся эпическим произведением, сколько лирическим стихотворением. От преобладающей повествовательности первой притчи автор переходит к высказыванию от лица лирического «я».

Близкими к этой форме высказывания являются распространенные в поэзии XIX–XX вв. случаи возвращения поэта к известным своим образам, автореминисценции. Заметно, что часто знаковыми, автореминисцентными являются образы вещей: на них спроецированы авторские размышления о верности жизненным и творческим идеалам. Таковы стихи Д. Веневитинова «Завещание» (<1826>) и «К моему перстню» (<1827>) с созвучными строками «Внимайте: чтоб сего кольца / С руки холодной не снимали: / Пусть с ним умрут мои печали / И будут с ним схоронены» (Веневитинов, 1956, с. 60) и «Когда же я в час смерти буду / Прощаться с тем, что здесь люблю, / Тебя в прощанье не забуду: / Тогда я друга умолю, / Чтоб он с моей руки холодной / Тебя, мой перстень, не снимал, / Чтоб нас и гроб не разлучал» (Веневитинов, 1956, с. 63).

«Пора стихами заговореться...» (1867 – ?) и «Жизнь наша в старости – изношенный халат...» (между 1875 и 1877) П. Вяземского напоминают о знаменитом «Прощании с халатом» (1817). Стихи «Мне не нравится мой силуэт...» (1989) Б. Окуджавы заставляют вспомнить несколько его «песенок», в первую очередь – «Старый пиджак» (1960), а «Заезжий музыкант» («Вариация на тему “Чудесного вальса”») (1972) – «Чудесный вальс» («Лесной вальс») (1961). Эти музыкальные образы, вероятно, повлияли на стихи В. Долиной «Я выбрал самый звонкий барабан...» (1975) и «Барабан мой, ты мое прошлое...» (1978).

Стихотворения П. Вяземского «Ещё дорожная дума» («Колокольчик, заматайся...») (1832) и «Ещё дорожная дума» («Опять я на большой дороге...») (1841) своими заглавиями отсылают к «Дорожной думе», начинающейся строкой «Колокольчик однозвучный...» (<1831>). Наречие «ещё» в названиях, как правило, означает другое стихотворение того же поэта на тему первого его стихотворения (ср. эти заглавия с омонимичными: Вяземский, как известно, сочинил «Ещё тройку» (1832 или 1834) под влиянием стихов Ф. Глинки «Тройка» («Вот мчится тройка удалая...») и А. Пушкина «Бесы»; «Ещё майская ночь» <1857> А. Фета написана раньше его же «Майской ночи» <1870>, здесь, вероятно, имеется в виду продолжение майских ночей, «ещё» употреблено в значении «до сих пор, пока»).

В этом ряду – «дублеты» Ф. Тютчева (термин Л. В. Пумпянского, так назвавшего многочисленные тютчевские повторения [Пумпянский, 1928, с. 9]). Нельзя

не назвать здесь и распространенные у Мандельштама «двойчатки», «тройчатки», «гнезда» (см. об этом: [Гаспаров, 2001]).

То же следует сказать о сенилиях И. Тургенева «Дрозд I» и «Дрозд II», о стихах В. Соловьёва «Белые колокольчики» (1899) и «Вновь белые колокольчики» (1900), о цикле из трех стихотворений «Лилии» в сборнике «Тихие песни» И. Анненского и стихотворении «Ещё лилии», не вошедшем в его книги, его же «Первом фортепьянном сонете» и «Втором фортепьянном сонете»; начальное стихотворение в «Лилиях» – «Второй мучительный сонет», как и «Третий мучительный сонет» (оба – в «Тихих песнях»), – напоминает о «Мучительном сонете» в «Трилистнике призрачном» (в сборнике «Кипарисовый ларец»); о «Тревожном отступлении» (1970) и «Втором тревожном отступлении» (1970) Ю. Левитанского, о «Чарде 1» (1985) и «Чарде 2» (1987) Д. Сухарева, о «Венецианских строфах (1)» (1982) и «Венецианских строфах (2)» (1982) И. Бродского, о его же «Кентаврах» (I, II, III, IV) (1988), об «Улёте 1» (1997) и «Улёте 2» (1997) А. Вознесенского и др.

В приведенных примерах на связь двух стихотворений поэта с отсылкой к первому из них указывают повторяющиеся заглавия с уточнениями «ещё», «вновь», «вариация на тему», «возвращение» или с их аналогами – порядковыми числительными (номерами). Это переходный случай между различными повторами (автореминисценциями, вариантами, «дублетами») и собственно стихами поэта о своих стихах. На рефлексию о ранее написанном указывают заглавия произведений, а не «основные» их тексты. Порядковая нумерация в таких произведениях является не привычным обозначением их членения на главы, части и т. п., а указанием на связь самостоятельных произведений: предыдущего с последующим или наоборот.

К таким же переходным явлениям можно отнести «Песню о Каховке» (1935) и «Каховку» (1943) М. Светлова. Во втором стихотворении автор прямо цитирует себя: в обеих «Каховках» – едва ли не полное ритмическое единообразие, напоминает о первой двойное обращение к Каховке и внутренняя рифма: «Каховка, Каховка! Ты вновь перед нами – / Родная, святая земля!» (Светлов, 1982, с. 284) – «Каховка, Каховка – родная винтовка...» (Светлов, 1982, с. 242). Сближает обе песни и субъектная организация. «Мы» в первой – и эпическое «мы», красноармейцы, прошедшие «этапы большого пути», и среди них «мы» – «оба» бойца; теперь «мы» (в двух значениях) – участники социалистического строительства, «мирные люди». Скрытого в обращении к «товарищу» лирического представителя автора и его адресата объединяет общее чувство к «девушке нашей»: «Тогда нам обоим сквозь дым улыбались / Ее голубые глаза...». Оба значения этих «мы» в первом стихотворении равноправны, во втором преобладает эпическое «мы», относящееся к участникам боёв за освобождение Украины в Великой Отечественной войне; о втором «мы» напоминает убитая «наша» девушка: «...в сердце любимой / Немецкая пуля вошла». Субъектная структура стихотворений усложнена обращениями (к «горячей пуле», «товарищу» – в первом, к Каховке, Украине, «нашей ярости», «бронепоезду», «товарищам» – во втором). При всём сходстве двух «Каховок» каждая из них вполне самостоятельна, во второй нет размышления о первой и ее оценки, поэтому вторую из них можно лишь условно отнести к стихам поэта о своих стихах. Вместе с тем субъектная многомерность этих и других стихов Светлова (ролевая лирика («В разведке»), сфрагида («Товарищам»), неосинкретический субъект в «Песенке» («Чтоб ты не страдала от пыли

дорожной...») (1932) и др.) – свидетельство открывающихся возможностей диалогической природы сознания в литературе начала – первой половины XX в.

Кроме заглавия, значительна роль других рамочных компонентов (эпиграфа, иногда вместе с датой написания произведения-источника и именем автора; посвящения; даты написания читаемых стихов) в субъектной и временной организации лирического произведения. Эпиграф-автоцитата в таких случаях близок к начальным строкам, воспроизводящим известные стихи поэта и позволяет отнести подобные произведения к вариантам названной субъектной формы. К этому приёму, заслуживающему отдельного рассмотрения, обращались, в частности, К. Бальмонт, В. Брюсов, З. Гиппиус, А. Ахматова, Г. Иванов, И. Одоевцева, Н. Тихонов, П. Васильев, Л. Мартынов, А. Тарковский.

Прежние стихи могут не цитироваться, а называться в авторской – в скобках – отсылке, входящей в основной текст. Этот вариант рассматриваемой субъектной формы представлен стихотворением Э. Багрицкого «Вмешательство поэта» (1929). В нем упоминаются «Папиросный коробок» (1927) и «Весна» (1927): «(Смотри мой “Папиросный коробок”», «(Смотри стихотворение “Весна”» (Багрицкий, 1964, с. 122). Паратекстуальные элементы объясняются здесь жанром стихотворения, обозначенным в подзаголовке и эпиграфе к первоначальной его публикации: «Ответ критику», «Багрицкий – романтик, начавший линиять. Из журнальной статьи» (см. об этом: (Багрицкий, 1964, с. 522)).

Еще один вариант этой субъектной формы – автопародия. Мандельштам на вопрос своего лирического «я» «Дано мне тело – что мне делать с ним, / Таким единым и таким моим?» (начало программных стихов, открывающих первое издание «Камня», 1909) откликнулся строками «Мне дан желудок, что мне делать с ним, / Таким голодным и таким моим? // О радости турецкий кофе пить, / Кого, скажите, мне просить?» (комедия «Кофейня разбитых сердец, или Савонарола в Тавриде» (1917) В. Жирмунского, К. Мочульского, С. Радлова и Мандельштама; под псевдонимом Тиж Д'Аманд в этой комедии выведен автор «Камня») (цит. по: [Тименчик, 2008]). Неслучайна краткость этих стихов: пародируются лишь самые известные начальные строки, а не всё стихотворение. Предельным случаем этого варианта самоцитирования является «Автопародия на несуществующие стихи» («Мы убили комара. Не в бою, не на охоте...») (1982) Б. Окуджавы: самодостаточность произведения отмечена в его заглавии: «...на несуществующие стихи».

Стихи о своих стихах, здесь же цитируемых и осмысляемых, структурно близки к пародии. В них те же три плана, что и в (авто)пародии: читаемый текст, прямо отсылающий к предыдущему произведению с возможным его обыгрыванием, пародия же имитирует узнаваемые черты того или иного авторского стиля; там и здесь третий план, приводящий к смыслу произведения, представляет собой соотношение двух первых. Отмеченная особенность относится и к другим вариантам этой формы высказывания.

Похожие примеры, но не автопародии с их выраженным комическим эффектом, – «Вот мною не написанный рассказ...» (1959) Ю. Левитанского, «Плач по двум нерождённым поэмам» (1965) А. Вознесенского. В «педагогической поэме» «Возвращение из Шилькова в Коньково» Т. Кибирова неопределённая ссылка рассказчика на какие-то стихи из неизвестной книги поэта также не относится к автореминисценции, а тем более – к особой форме высказывания: «Очень много жизни всё ж / мне досталось (см. об этом / в книге “Праздник”» (Кибиров, 2001, с. 327).

В стихотворении «О себе самом», входящем в сборник «Девятая камена» (1917), В. Брюсов обозревает и оценивает свой творческий путь, обозначая его вехи – девять предшествующих книг – и называя этот сборник. Похожий случай – стихотворение Д. Кедрина «Любезный читатель! Вы мрак, вы загадка» (1932), имеющее характер предисловия автора к своему поэтическому сборнику: в нем кратко рассказано о стихах и их героях, с которыми предстоит познакомиться читателю.

К известной притче «Мельник, мальчик и осёл» (1948) С. Маршак возвращается в стихотворении «Я и не думал, что заране...» (1964) благодаря заметке М. Поляновского (в ней журналист рассказал о похожем случае):

Я и не думал, что заране
В своих стихах предугадал
Вот эту сцену, что в Иране
Макс Поляновский наблюдал
(Маршак, 1970, с. 567).

К своим стихам может обращаться не поэт вместе с лирическим представителем, а только последний, и только художественной реальности в этом случае принадлежат его строки. Таким является стихотворение И. Бунина ««Опять холодные седые небеса...»» (1923):

«Опять холодные седые небеса,
Пустынные поля, набитые дороги.
На рыжие ковры похожие леса,
И тройка у крыльца, и слуги на пороге...»

– Ах, старая наивная тетрадь!
Как смел я в те года гневить печалью бога?
Уж больше не писать мне этого «опять»
Перед счастливою осеннею дорогой!
(Бунин, 1967, т. 8, с. 22).

Здесь герой, цитируя свои ранние стихи, сетует на себя молодого, в очередной раз предающегося «печали», и сожалеет об утраченной возможности писать о цикличности времени. Но можно предположить, что первое четверостишие – подлинные строки поэта из неизвестной читателю рукописи («старой наивной тетради»), учитывая их сходство с опубликованными стихами начинающего поэта (ср.: «Пустыня, грусть в степных просторах. / Синеют тучи. Скоро снег. / Леса на дальних косогорах / Как желто-красный лисий мех» (Бунин, 1965, т. 1, с. 65); «И вот опять уж по зарям / В выси, пустынной и привольной...» (Бунин, 1965, т. 1, с. 112), – приводятся начальные строки стихотворений). К этому же приему Бунин прибегнет в «Жизни Арсеньева»: он припишет молодому поэту Алёше Арсеньеву стихи «И вновь, и вновь над вашей головой...» (Бунин, 1966, т. 6, с. 145). Но в этом случае автор и его представитель более далеки друг от друга, чем в стихотворении ««Опять холодные седые небеса <...>»». К тому же неметафорический поэтический стиль молодого Бунина не совпадает с подчеркнута экспрессивным образным строем стихотворения юного Арсеньева.

Похоже построено стихотворение Т. Кибирова «Для того, чтоб узнать...» (1982–1999). Судя по его второй части, оно начинается автоцитатой, извлеченной из черновиков:

«Для того, чтоб узнать,
что там есть,
за полночным окном,
надо свет потушить.
Потому-то, быть может,
и не видим мы Бога,
а только свое отраженье.
Надо всё потушить.
Только стоит ли Он
погруженья во тьму?»

Вот такие вот пошлости
я писал лет семнадцать назад
(Кибиров, 2001, с. 382).

Нераспространенность второй части стихотворения заставляет усомниться в справедливости отношения к первой – строкам «семнадцатилетней» давности, непривычно искренним для зрелого Кибирова. Заключительное двестишесте – скорее корректирующее самоиронией остранение закавыченных строк.

В «Послании» Ю. Мориц, как и в бунинском стихотворении, диалог разновозрастных сознаний лирических субъектов – это соотношение разных представлений о времени:

«Когда мы были молодые
И чушь прекрасную несли,
Фонтаны били голубые,
И розы красные росли», –

Я сочинила эту прелесть,
Я вам напела этот бред,
Когда ряды ещё не спелись,
И двадцать семь мне было лет.

Да, в двадцать семь дела крутые
Язык способны развязать, –
Когда мы б ы л и молодые
В прошедшем времени сказать!..
<...>

(Мориц, 2006, с. 76).

Эти стихи 2004 г. в книге «Не бывает напрасным прекрасное» (2006) следуют сразу за стихотворениями «Когда мы были молодые...» (1965) и «Хорошо – быть молодым!» (1975). В таком их расположении заметна авторская ориентация на знакомую читателю (стихотворение названо «Послание» и адресовано «друзьям») песню С. Никитина, представляющую собой контаминацию двух ранних стихотворений. Причем второе вошло в песню полностью, а первое – только начальной (она же рефренная) строфой. В самом «Послании» есть намек на эту песню: «...Я вам напела этот бред...». Это дополнительный ресурс размывания границ между художественной условностью и реальностью, как между поэтом и лирическим субъектом, временем изображения и временем изображенным. Причем указание на возраст («...двадцать семь мне было лет») совпадает с реальным возрастом Ю. Мориц, в каком ею были сочинены стихи «Когда мы были молодые...».

«Послание» Мориц сближают со стихами Бунина «“Опять холодные седые небеса...”» не только начальные строфы, в которых ранние строки цитируются как «наивные», «прелестно-бредовые» (ср. с «вот такими пошlostями» у Кибирова). Присущее молодости острое восприятие времени (ощущение повторяемости всего и вся у Бунина, быстротечности времени у Мориц) преодолевается в обоих стихотворениях усилившимся в зрелом возрасте чувством вневременности жизни. Бунинского героя, переживающего «молодую старость», ждет «счастливая осенняя дорога», т. е. встреча с инобытием, в других поздних стихах обозначенная и как «радость воскресения», и как восходящая к Баратынскому «несрочная весна». Героиня Мориц пребывает в семантически близком позднему Бунину метафизическом «возрасте рая, возрасте ада». Стихи «Хорошо – быть молодым!» отозвались и в детском стихотворении «Хорошо быть стариком!» (впервые в книге «Букет котов», 1997).

Стихами о своих стихах являются и такие произведения Ю. Мориц, как «И более того...» (2014), «Дышу глазами в телескоп» (2015), «И – глядь!» (1915).

О своих известных «Облаках» А. Галич вместе с лирическим «я» вспоминает в песне «После вечеринки»: «<...> Скажет хозяйка: – Хотите / Послушать старую запись? – / И мой глуховатый голос / Войдет в незнакомый дом <...> И будет брэнчать гитара, / И будет крутиться плёнка, / И в дальний путь к Абакану / Отправятся облака...» (Галич, 2006, с. 173). «Облака плывут, облака...» в стихотворении 1962 г. – рефрен и композиционное кольцо вместе с вариативными повторами «Не спеша плывут, как в кино», «Не спеша плывут облака», «Облака плывут в Абакан», «Облака плывут на восход» (Галич, 2006, с. 86–87).

В стихотворении Е. Евтушенко «Поклёпникам» (2013) процитированная строка из песни Э. Колмановского на стихи поэта «Бежит река» («Бежит река, в тумане тает...») сопровождается указанием на эту песню и рифмой «тает – хватает» (в тексте песни «тая – хватает»):

От России вы меня не оторвёте,
потому что весь я – плоть её от плоти,
потому что быть другим я не умею,
и останусь навсегда не кем-то –
ею
ну хоть песней, что летает и не тает:
«Ах, – кавалеров мне вполне хватает...»
(Евтушенко, 2013, с. 6).

К «Охоте на волков», как было отмечено, В. Высоцкий возвращается дважды. В стихотворении «Прошла пора вступлений и прелюдий» («Ответ на песню “Охота на волков”») автор напоминает о себе прежде всего заглавием знаменитого произведения, ставшего популярным у «больших людей». Неоднократное (точное и сокращенное) воспроизведение заглавия передает вызванное этой песней переживание времени и ожидание вполне прогнозируемого будущего в итоговом обобщении:

Ну всё, – теперь, конечно, что-то будет.
Уже три года в день по пять звонков.
Меня к себе зовут большие люди,
Чтоб я им пел «Охоту на волков»
(Высоцкий, 1988, с. 217).

Об этом будущем метафорически сказано в завершающих условный цикл стихах «Охота с вертолетов (Конец охоты на волков)». «Я» здесь, как и в раннем стихотворении, – волк, – возможно, тот, кто «из повиновения вышел» и теперь является вожаком расстреливаемой стаи. «Масочность» ролевой лирики снимается названием, выраженной в нем авторской позицией. Подчеркивающее самостоятельность этих стихов отсутствие кавычек во второй части заглавия не отменяет их аллюзивности по отношению к стихотворению десятилетней давности. К нему, к «началу», к первому в этом цикле стихотворению, его проблематике отсылает и слово «конец». Но «конец» означает и более изощренный способ охоты, не оставляющий волкам шансов на спасение. «Конец» – это и обострившееся авторское понимание трагизма жизни, ее беспощадности к сильному и независимому характеру.

Стихи Д. Сухарева «Осенний марафон» (2000) посвящены В. Берковскому как автору (вместе с С. Никитиным) и исполнителю песни «Ночная дорога» («Нет мудрее и прекрасней средства от тревог...») на стихи Ю. Визбора, «знакового классика». Стих же «Для того дорога и дана...» – автореминисценция начальной строки из «Дороги» (1965), также положенной на музыку В. Берковским; это ложно-ассоциативная отсылка к стихам Ю. Визбора. В «Осеннем марафоне» развивается та же тема, что и в названных стихотворениях-песнях:

Сколько ж нами спето врозь и вместе
С вешних наших, прежних наших дней!
Песенное дело – дело чести,
Это на дистанции видней.

<...>

И уже отчётливо на трассе
Финишная ленточка видна.
Правильно сказал знакомый классик:
Для того дорога и дана
(Сухарев, 2008, с. 358–359).

Б. Слуцкий (и его «я») в стихотворении «Про меня вспоминают и сразу же – про лошадей...» не просто сожалеет о непонимании глубокого смысла «Лошадей в океане» и об участии других произведений, отличной от знаменитых стихов («Ничего не осталось – ни строк, ни идей / только лошади, тонущие в океане»), но и осознаёт значение своего поэтического призвания, в этом произведении выраженного:

И куда плывут – вместе с ними и я на плаву:
для забвения нету причины,
но мгновения лишнего не проживу,
когда канут они в пучину
(Слуцкий, 1991, с. 446).

Полемичность «Лириков и физиков» по отношению к «Физикам и лирикам» заявлена уже в названии – перестановкой слов и приоритетов – и продолжена в основном тексте. В «Пользе невнимательности» (1978) Б. Слуцкого подчеркнута заведомое предпочтение лирики перед физикой – и «я» школьником, и «я» многоопытным поэтом. Это произведение продолжает и закрывает тему спора «физиков и лириков», но не является стихами поэта о своих стихах.

В заглавии стихотворения «Товарищу То Хыу, который перевёл “Жди меня”» («Я знаю, здесь мои стихи живут...») не только обозначены обращение поэта к его переводчику и диалог оригинала с переводом, но и угадывается перекличка двух произведений К. Симонова – известного и нового. Это предположение подтверждается и троекратным повтором строки «В прекрасном Вашем переводе», напоминающим о трёх стихах «Жди меня, и я вернусь», и другими повторами, в частности «ждут – ждя – не ждут», и побудительной частицей «пусть». Заключительное же четверостишие, не ограничиваясь отсылкой к тексту-источнику, развивает его тему:

Пусть в этот день, когда уже не ждут
С войны людей и – тишина в природе,
Мои стихи, легко вздохнув, умрут
В прекрасном вашем переводе
(Симонов, 1966, с. 296).

На двойном диалоге – «уважаемого писателя» (автора «Василия Тёркина») с «выскапательным читателем» («виды видевшим солдатом») и двух произведений поэта – построено и стихотворение А. Твардовского «Из писем» (1945). В пересказе «делового письмеца» «я» сообщает об отмеченной солдатом «нехватке» в описании одежды Тёркина – сапог. В ответе на вопрос, «не достойна ли» эта «святая обувь» «особой песни в книге про бойца», поэт (его представитель) объясняет:

До конца, должно быть, дней
Я всего того не вспомню,
Что забыл отметить в ней
(Твардовский, 1990, с. 306).

Кроме жанрового подзаголовка поэмы, на нее указывает и имя героя: «Летом ходит в гимнастёрке, / Тут, понятно, рифма: Тёркин», – и рифма «гимнастёрке – Тёркин», встречающаяся в главах «На привале» и «На Днепре». Строка «Тут, понятно, рифма: Тёркин» одновременно является и обнажением приема, прямо указывающего на «Василия Тёркина», и несобственно-прямой речью: она принадлежит то ли солдату, обратившемуся к поэту, то ли поэту, пересказывающему и оценивающему письмо (до этого он напомнил о себе модальной частицей «мол»), и тем самым усложняет субъектную организацию стихотворения.

Эти стихотворения Твардовского и Симонова свидетельствуют о расширении диалогических возможностей рассматриваемой субъектной формы: двуединство «я нынешний – я прежний» (новый текст – текст-прототип) усложняется адресацией к третьему участнику субъектной ситуации (читателю-критику, переводчику).

Рассуждения об этой форме лирической автокоммуникации – стихи поэта (его лирического «я») о своих стихах с их цитированием – имеют предварительный характер и требуют обращения к большему числу текстов. Но и рассмотренные случаи позволяют прийти к следующим выводам.

Как и другие формы высказывания, цитирование собственных стихов в новом произведении обогащает интенциональный спектр лирики, способствует выражению различных ценностных отношений к миру. Многовариантность этой субъектной формы свидетельствует о возрастании поэтических возможностей в соотношении субъектной и временной организации лирического стихотворения,

о расширении и усложнении диалогических возможностей двуединства «я нынешний – я прежний» (новый текст – текст-прототип). Оценочное отношение к своим прежним стихам, к выраженной в них жизненной или творческой позиции предполагает их переосмысление, создание нового произведения. «Меж первым и вторым стихотворением – целая жизнь! и какая жизнь!» – восклицает В. Астафьев, говоря о стихотворениях Я. Смелякова «Если я заболею...» и «Я на всю честную Русь...» [Астафьев, 1988, с. 175]. Поэтому известные стихи поэта, прямо или опосредованно воспроизведенные им в новом стихотворении, являются сюжетообразующими, а не просто автореминисценцией.

Список литературы

- Астафьев В. П.* Зрячий посох: Книга прозы. М.: Современник, 1988. 590 с.
- Аиукин Н. С., Аиукина М. Г.* Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. 4-е изд., доп. М.: Худож. лит., 1988. 528 с.
- Бройтман С. Н.* Историческая поэтика // Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Академия, 2004. Т. 2. 368 с.
- Владимиров О. Н.* Имя поэта в его стихотворении (на материале русской литературы XX–XXI веков) // Филология и человек. 2009. № 2. С. 64–77.
- Гаспаров М. Л.* «Соломинка»: генезис мандельштамовских «двойчаток» // Гаспаров М. Л. О русской поэзии. СПб., 2001. С. 296–315.
- Душенко К. В.* Словарь современных цитат. М.: Аграф, 1997. 632 с.
- Женетт Ж.* Фигуры: В 2 т. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1998. Т. 2. 469 с.
- Кушнер А. С.* Аполлон в снегу: Заметки на полях. Л.: Сов. писатель, 1991. 512 с.
- Лотман Ю. М.* О двух моделях коммуникации в системе культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. 479 с.
- Пумпянский Л. В.* Поэзия Ф. И. Тютчева // Урания. Тютчевский альманах. 1803–1928. Л.: Прибой, 1928. С. 9–57.
- Руднев В. П.* Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.
- Серов В. В.* Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2005. URL: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/15.pdf> (дата обращения 25.09.2024).
- Тименчик Р. Д.* Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим: Гешарим. М.: Мосты культуры, 2008. URL: <https://www.e-reading.biz/book.php?book=1085368> (дата обращения 25.09.2024).

Список источников

- Багрицкий Э. Г.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. Е. П. Любаревой, сост. Е. П. Любаревой и С. А. Коваленко, подгот. текста и примеч. С. А. Коваленко. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 570 с.
- Бунин И. А.* Собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. М.: Худож. лит., 1965–1967.
- Веневитинов Д. В.* Избранное. М.: ГИХЛ, 1956. 260 с.
- Высоцкий В. С.* Избранное. М.: Сов. писатель, 1988. 512 с.
- Галич А. А.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В. Бетаки. СПб.: Академический проект, Издательство ДНК, 2006. 384 с.
- Евтушенко Е. А.* Стихи 1913 года // Лит. газета. 2013. № 51–52. С. 6.
- Кибиров Т. Ю.* «Кто куда – а я в Россию...» М.: Время, 2001. 512 с.
- Маршак С. Я.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 5. 718 с.

- Мориц Ю. П. Не бывает напрасным прекрасное. М.: Эксмо, 2006. 352 с.
- Светлов М. А. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1982. 624 с.
- Симонов К. М. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1966. 496 с.
- Слуцкий Б. А. Собр. соч.: В 3 т. / Сост., подгот. текста и коммент. Ю. Болдырева. М.: Худож. лит., 1991. Т. 2: Стихотворения. 1961–1972. 574 с.
- Сумароков А. П. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1957. 607 с.
- Сухарев Д. А. Много чего. М.: Время, 2008. 432 с.
- Твардовский А. Т. Избранные произведения: В 3 т. / Сост. и подгот. текста М. Твардовской; вступ. ст. и примеч. А. Туркова. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1: Стихотворения. 495 с.

References

- Ashukin N. S., Ashukina M. G. *Krylatye slova: Literaturnye tsitaty; Obraznye vyrazheniya* [Winged words: Literary quotations; Figurative expressions]. Moscow, Khudozh. lit., 1988, 528 p.
- Astaŭev V. P. *Zryachiy posokh: Kniga prozy* [Sighted staff: A book of prose]. Moscow, Sovremennik, 1988, 590 p.
- Broytman S. N. Istoricheskaya poetika [Historical poetics]. In: *Teoriya literatury: Ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. ucheb. zavedeniy: V 2 t.* [Theory of literature: Textbook for students of philological faculties of educational institutions: In 2 vols.]. N. D. Tamarchenko (Ed.). Moscow, Akademiya, 2004, 368 p.
- Dushenko K. V. *Slovar' sovremennykh tsitat* [Dictionary of modern quotations]. Moscow, Agraf, 1997, 632 p.
- Gasparov M. L. “Solominka”: genezis mandel'shtamovskikh “dvoychatok” [“The straw”: the genesis of Mandelstam's “double gloves”]. In: Gasparov M. L. *O russkoy poezii* [About Russian poetry]. St. Petersburg, 2001, pp. 296–315.
- Genette Gerard. *Figury: V 2 t.* [Figures: In 2 vols.] Moscow, Izd. im. Sabashnikovykh, 1998, vol. 2, 469 p.).
- Kushner A. S. *Apollon v snegu: Zametki na polyakh* [Apollo in the snow: Notes in the margins]. Leningrad, Sov. pisatel', 1991, 512 p.
- Lotman Yu. M. O dvukh modelyakh kommunikatsii v sisteme kul'tury [About two models of communication in the cultural system]. In: Lotman Yu. M. *Izbrannye stat'i: V 3 t.* [Selected articles: In 3 vols.]. Tallinn, Aleksandra, 1992, vol. 1, 479 p.
- Pumpyanskiy L. V. Poeziya F. I. Tyutcheva [Poetry of F. I. Tyutchev]. In: *Uraniya. Tyutchevskiy al'manakh. 1803–1928* [Urania. Tyutchev's Almanac. 1803–1928]. Leningrad, Priboy, 1928, pp. 9–57.
- Rudnev V. P. *Slovar' kul'tury 20 veka* [Dictionary of 20th century culture]. Moscow, Agraf, 1997, 384 p.
- Serov V. V. *Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy* [Encyclopedic Dictionary of Catchphrases and Phrases]. Moscow, Lokid-Press, 2005. URL: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/15.pdf> (accessed 25.09.2024).
- Timenchik R. D. *Chto vdrug. Stat'i o russkoy literature proshlogo veka. Ierusalim: Gesharim* [What suddenly. Articles about Russian literature of the last century. Jerusalem: Gesharim]. Moscow, Mosty kul'tury, 2008. URL: <https://www.e-reading.biz/book.php?book=1085368> (accessed 25.09.2024).
- Vladimirov O. N. Imya poeta v ego stikhotvorenii (na materiale russkoy liriki 20–21 vekov) [The name of the poet in his poem (based on the material of Russian lyrics of the 20th–21st centuries)]. *Philology and Man*. 2009, no. 2, pp. 64–77.

List of sources

Bagritskiy E. G. *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems]. E. P. Lyubareva (Intr. art.), E. P. Lyubareva and S. A. Kovalenko (Comps.), S. A. Kovalenko (Text prep. and notes). Moscow, Leningrad, Sov. pisatel', 1964, 570 p.

Bunin I. A. *Sobr. soch.: V 9 t.* [Collected works: In 9 vols.]. A. S. Myasnikov, B. S. Ryurikov, A. T. Tvardovsky. Moscow, Khudozh. lit., 1965–1967.

Galich A. A. *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems]. V. Betaki (Intr. art., comp., text prep. and notes.). St. Petersburg, Akademicheskii proekt, Izd. DNK, 2006, 384 p.

Kibirov T. Yu. "Kto kuda – a ya v Rossiyu..." ["Wherever one may go, I go to Russia..."]. Moscow, Vremya, 2001, 512 p.

Marshak S. Ya. *Sobr. soch.: V 8 t.* [Collected works: In 8 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1970, vol. 5, 718 p.

Morits Yu. P. *Ne byvaet naprasnym prekrasnoe* [No beautiful thing is vain]. Moscow, Eksmo, 2006, 352 p.

Simonov K. M. *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems]. Leningrad, Sov. pisatel', 1966, 496 p.

Slutskiy B. A. *Sobr. soch.: V 3 t.* [Collected works: In 3 vols.]. Yu. Boldyrev (Comp., text prep. and notes). Moscow, Khudozh. lit., 1991, vol. 2: *Stikhotvoreniya* [Poems], 1961–1972, 574 p.

Sumarokov A. P. *Izbrannye proizvedeniya* [Poems]. Leningrad, Sov. pisatel', 1957, 607 p.

Sukharev D. A. *Mnogo chego* [A great deal of things]. Moscow, Vremya, 2008, 432 p.

Svetlov M. A. *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems]. Leningrad, Sov. pisatel', 1982, 624 p.

Tvardovskiy A. T. *Izbrannye proizvedeniya: V 3 t.* [Selected works]. M. Tvardovskaya (Comp. and text prep.), A. Turkov (Intr. art. and notes). Moscow, Khudozh. lit., 1990, vol. 1: *Stikhotvoreniya* [Poems], 495 p.

Venevitinov D. V. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, GIKhL, 1956, 260 p.

Vysotskiy V. S. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Sov. pisatel', 1988, 512 p.

Yevtushenko E. A. *Stikhi 1913 goda* [Poems of 1913]. *Lit. gazeta*. 2013, no. 51–52, p. 6.

Информация об авторе

Олег Николаевич Владимиров, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета (Новокузнецк, Россия)

Information about the author

Oleg N. Vladimirov, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute, Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 03.10.2024;

одобрена после рецензирования 14.11.2024; принята к публикации 14.11.2024

The article was submitted on 03.10.2024;

approved after reviewing on 14.11.2024; accepted for publication on 14.11.2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 2

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2

Научная статья

УДК 811.512.15'342

DOI 10.17223/18137083/91/11

Позиционно-комбинаторные условия квантитативного варьирования гласных в тюркских языках Алтая

Альбина Альбертовна Добрынина¹, Ираида Яковлевна Селютина²
Ксения Вячеславовна Шиндрова³, Алексей Владиславович Каратаев⁴

¹⁻⁴ Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ ekinur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5841-4714>

² siya_irina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9457-3237>

³ ksenia.shindrova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1459-5178>

⁴ karataevalexey@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-0940-6213>

Аннотация

Статья посвящена выявлению механизмов квантитативного варьирования вокальных составляющих бисиллабических словоформ в тюркских языках Алтая – алтайском, тубинском и кумандинском – в зависимости от фонетического контекста: позиционно-комбинаторных условий и качественной однородности / неоднородности вокалической оси лексемы. Сопоставительный анализ данных, полученных с использованием комплексной междисциплинарной методики, позволил установить общность регулярно реализующихся в языках закономерностей распределения длительности: фонологическая оппозиция единиц по краткости / долготе, изменение количественных параметров гласных в корреляции с открытостью / закрытостью слога, локализацией слога в слове, длиной словоформы, качественно-количественными характеристиками гласных и интервокальных согласных. Различные стадии развития процессов перераспределения квантитета, фиксируемые в идиомах и определяющие их специфику, обусловлены историей этносов и их языков.

Ключевые слова

тюркские языки Алтая, экспериментальная фонетика, электроглоттограф Lagyngograph EGG-D200, вокализм, квантитативные характеристики, позиционная длительность

Благодарности

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 24-78-10080 «Позиционная трансформация квантитативных признаков гласных в типологическом аспекте в языках Сибири (на материале тюркских и обско-угорских идиомов)», 2024–2027 гг., руководитель – Т. В. Тимкин; <https://rscf.ru/project/24-78-10080/>

Для цитирования

Добрынина А. А., Селютина И. Я., Шиндрова К. В., Каратаев А. В. Позиционно-комбинаторные условия квантитативного варьирования гласных в тюркских языках Алтая // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 128–144. DOI 10.17223/18137083/91/11

© Добрынина А. А., Селютина И. Я.,
Шиндрова К. В., Каратаев А. В., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 128–144

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 128–144

Positional-combinatorial conditions of quantitative vowel variation in the Turkic languages of Altai

Albina A. Dobrynina¹, Iraida Ya. Selyutina²
Ksenia V. Shindrova³, Alexey V. Karataev⁴

¹⁻⁴ Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ ekinur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5841-4714>

² siya_irina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9457-3237>

³ ksenia.shindrova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1459-5178>

⁴ karataevalexey@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-0940-6213>

Abstract

This paper examines the quantitative variation in vocal components of bisyllabic words within the Altai Turkic languages, specifically Altai, Tuba, and Kumandin. Vowel length transformations are determined by phonetic context, specifically positional and combinatorial conditions, and the qualitative uniformity or heterogeneity of the lexeme vocal axis, rather than morphological structure or lexical semantics. Through a comprehensive interdisciplinary methodology, our comparative analysis established commonalities in the distribution of duration laws observed across various languages. These include the phonological opposition of units in terms of brevity/longitude, changes in the quantitative parameters of vowels in correlation with the openness/closeness of a syllable, the localization of a syllable in a word, the length of a word form, and qualitative and quantitative characteristics of vowels and intervocalic consonants. In addition to the widespread global patterns of vowel quantum redistribution, the three Altai languages exhibit a Turkic-specific phenomenon: positional lengthening of open vowels in the initial open syllable of bisyllabic words preceding syllables containing close vowels. The positional length of vowels is particularly noticeable in the Tuba language, where a phonologically long vowel can align with a positionally elongated vowel. Among Kumandin and Altaic speakers, the impact of the observed phonetic pattern is mitigated by the concurrent presence of other phonetic tendencies. The specific stages of quantum redistribution processes, as codified in linguistic idioms, are shaped by the historical trajectories of ethnolinguistic communities.

Keywords

Turkic Languages of Altai, experimental phonetics, EGG-D200 Electroglottography System, vocalism, quantitative characteristics, positional duration

Acknowledgments

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation; project no. 24-78-10080 “Positional transformation of quantitative vowel features in the typological aspect in the languages of Siberia (based on the material of Turkic and Ob-Ugric idioms)” (2024–2027, lead by T. V. Timkin; <https://rscf.ru/project/24-78-10080/>)

For citation

Dobrynina A. A., Selyutina I. Ya., Shindrova K. V., Karataev A. V. Positional-combinatorial conditions of quantitative vowel variation in the Turkic languages of Altai. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 2, pp. 128–144. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/11

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 2

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2

Введение

В статье излагаются результаты анализа количественных характеристик гласных в тюркских языках Алтая в сопоставительном аспекте. Объект исследования – звучащая речь носителей алтайского, тубинского (тубаларского) и кумандинского языков.

Исследование фонетики языков коренных народов Сибири не только является актуальной проблемой ареального и типологического языкознания, но и представляет практическую необходимость. Без точных экспериментальных данных невозможно решение вопроса об оптимальной транскрипции, что, в свою очередь, связано с проблемами совершенствования орфографии, издания текстов и лексикографической фиксации [Тимкин, 2019, с. 356].

Дискуссия о лингвистическом статусе количественных параметров гласных ведется в тюркологии с середины XIX в., но до сих пор не утратила своей остроты. В большинстве тюркских языков оппозиция гласных по длительности является системообразующей. Кроме этимологической (первичной) и стяженной (вторичной) долготы, с 1940-х гг. обсуждается проблема «позиционной долготы» гласных. И хотя термин введен в научный оборот Л. А. Покровской в «Грамматике гагаузского языка» в 1964 г., впервые явление удлинения широких гласных в позиции перед слогом с узким гласным зафиксировал В. И. Филоненко еще в 1940 г. в «Грамматике балкарского языка» [Филоненко, 1940; Покровская, 1964]. Исследования М. Рясненна (языки Поволжья и др.), Н. К. Дмитриева (туркменский), Н. П. Дыренковой (шорский), Р. М. Бирюкович (чулымско-тюркский) позволили значительно расширить ареал распространения данной закономерности. Но во всех работах регулярное появление позиционной долготы гласных констатировалось лишь в препозиции к аффиксам личной принадлежности. Независимый от морфологической структуры слова характер позиционного удлинения гласных впервые был показан М. И. Боргояковым [1966] на материале хакасского языка.

В 1980-е гг. в информационное пространство был введен большой объективный материал по сибирским языкам различного генезиса и типологии, полученный с использованием разработанной В. М. Наделяевым [1980] комплексной экспериментально-фонетической методики. В ходе исследования были выявлены общие и специфические особенности единой закономерности регулярного позиционного удлинения (более) широких гласных перед (более) узкими независимо от морфологической структуры слова [Тюркские ареалы Сибири, 2022, с. 100–147].

Появление новейших высокоточных технологий позволяет интенсифицировать экспериментально-фонетические разработки, создавая репрезентативные базы данных и используя в анализе и интерпретации материалов инновационные междисциплинарные методики.

В 2024 г. в рамках выполнения проекта «Позиционная трансформация количественных признаков гласных в типологическом аспекте в языках Сибири (на материале тюркских и обско-угорских идиомов)», поддержанного Российским научным фондом, коллектив исследователей приступил к формированию корпуса данных, необходимых для более глубокого и систематического исследования фонетической проблематики и, в частности, осмысления сформировавшихся представлений о природе и функциях позиционной долготы гласных, решения нако-

пившихся теоретических вопросов, корректировки и, возможно, пересмотра сложившихся в науке концепций.

Исследование 25 языков различного генезиса, проведенное немецкими лингвистами, показало, что языки без оппозиции по длительности проявляют устойчивый эффект удлинения гласных в конечной позиции. Языки с оппозицией по долготе во всех позициях продемонстрировали три паттерна: последовательное удлинение всех гласных в последних и предпоследних слогах; удлинение только в предпоследних слогах; более сложные взаимодействия между долготой гласных и позицией в слове [Paschen et al., 2022, p. 101191].

Цель данной работы – выявить экспериментально-фонетическими методами механизмы количественного варьирования реализаций вокальных составляющих бисиллабических словоформ в зависимости от фонетического контекста: позиционно-комбинаторных условий и качественной однородности / неоднородности вокальной оси лексем. Использование методов корпусной фонетики и современных высокоточных технологий при решении поставленных задач составляет новизну исследования.

Материал и методы исследования

Материалом для анализа послужили аудиозаписи словоформ, полученные от носителей алтайского (алтай-кижи), кумандинского и тубинского языков во время экспедиции в Республику Алтай в ноябре 2024 г. Для каждого идиома была составлена анкета из 150–200 лексем, включающая все возможные сочетания широких гласных в позициях перед узкими (разнородная вокалическая ось) и широкими (однородная вокалическая ось) гласными.

Записан материал от 5 дикторов алтайцев, 5 тубинцев и 3 кумандинцев. В программе Praat аннотировано 1 300 звуковых файлов по алтайскому языку, 600 по тубинскому, 500 по кумандинскому. В статье проанализированы и обобщены данные от трех дикторов – по одному носителю от каждого языка.

Дикторы получали русскоязычный стимул, после чего трижды изолированно произносили эквивалент на родном языке.

Речь записывалась на петличный микрофон Røde SmartLav при помощи аудиоинтерфейса, встроенного в электроглоттограф Laryngograph EGG-200, с использованием программного обеспечения icSpeech Professional.

Фиксация звука сопровождалась контрольной записью глоттографии – неинвазивной экспертизы активности голосовых связок, которая в перспективе послужит для оценки распределения оттенков звонкости в словоформах.

Речь информантов сегментировалась и аннотировалась вручную в программе Praat на основании слухового, спектрографического и осциллографического анализа.

Подсчет абсолютных и относительных длительностей был осуществлен автоматически на основе аннотаций Praat при помощи статистических инструментов языка R и программы Microsoft Excel.

Полученные количественные данные – абсолютная длительность (АД) гласного в миллисекундах (мс, ms) – переводились в относительные (ОД), при этом за 100 % принималась средняя длительность звука (СДЗ) либо средняя длительность гласного (СДГ) в данной словоформе. Средняя абсолютная длительность (САД) и средняя относительная длительность (СОД) определялись как среднее арифметическое абсолютных или относительных длительностей звуков.

Эксперимент и обсуждение

Сопоставление результатов исследования количественных характеристик гласных в составе звуковых оболочек словоформ-бисиллабов позволяет выявить общие и специфические закономерности варьирования количественных характеристик в корреляции с позиционными и комбинаторными условиями функционирования вокалических единиц.

Тубинский язык

Взаимодействие факторов, обуславливающих количественные трансформации фонологически кратких и долгих гласных, рассматривается на фрагментах формообразовательных парадигм.

Парадигма с корнем *am* 'конь'

Ниже представлен график распределения длительностей компонентов звукового облика падежно-притяжательных форм тубинской сингармонически твердоядренной парадигмы с корнем *am* 'конь', имеющих различную слоговую структуру и реализующих качественно однородную (*a-a*) либо неоднородную (*a-ы*) вокальную ось: *am* 'конь (им. п. ед. ч.)', *ады* 'конь=его (притяжат. форма 3-го л. ед. ч.)', *адым* 'конь=мой (притяжат. форма 1-го л. ед. ч.)', *атка* 'коню (дат. п. ед. ч.)', *атты* 'коня (вин. п. ед. ч.)' (рис. 1).

Здесь и далее графики содержат следующую информацию:

- каждая строчка репрезентирует отдельное фонетическое слово, произнесенное диктором;
- слева от каждой схемы даются орфографическая запись слова и его семантика;
- каждый прямоугольный блок графика схематически представляет длительность звука: более долгие звуки выглядят на схеме пропорционально длиннее;
- в блоке вписаны при помощи транскрипционных знаков обозначения гласных и согласных звуков словоформы, их абсолютная длительность в миллисекундах, относительная длительность в процентах по отношению к средней длительности звука в словоформе;
- гласные звуки дополнительно отмечены цветовым выделением, одинаковый оттенок в пределах схемы обозначает одинаковый гласный;
- слева от каждой строчки схемы после орфограммы и семантики слова написана формула, отображающая соотношение длительностей гласных в словоформе: квантитет более длительного гласного к длительности более короткого гласного, например, соотношение гласного 1-го слога (V_1) и 2-го слога (V_2): $V_1 : V_2$.

Анализ распределения количественных характеристик звуков в представленных примерах свидетельствует о следующем.

В моносиллабической тубинской форме *am* 'конь' со слоговой структурой VC широкий гласный *a* в закрытом слоге имеет абсолютную длительность в пределах 167–191 мс при относительной длительности 72–80 % СДЗ; средняя абсолютная длительность равна 177 мс, средняя относительная длительность – 76,3 % СДЗ.

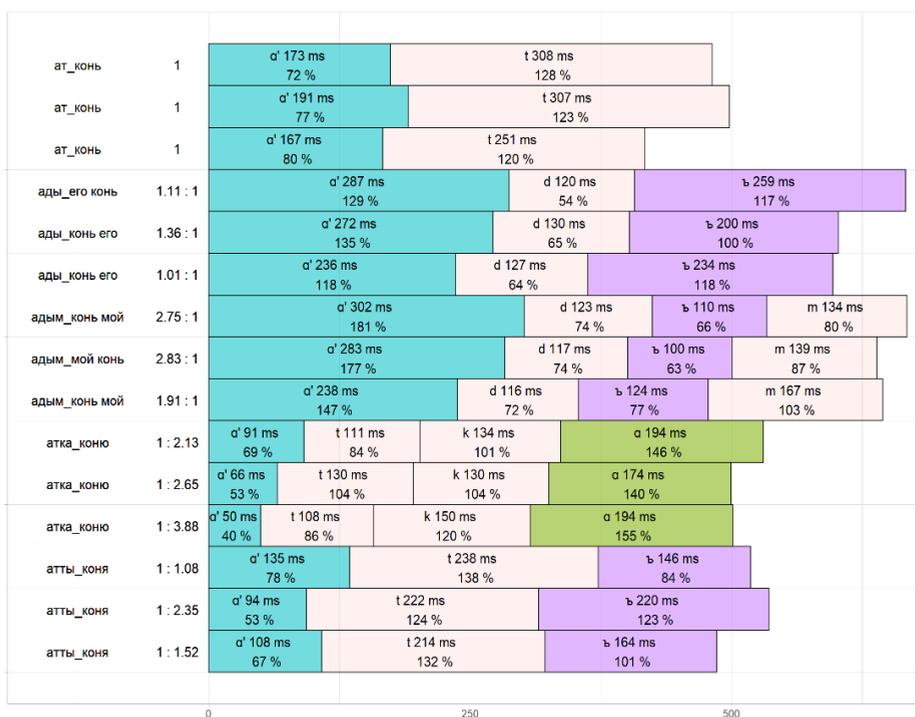

Рис. 1. Распределение длительностей звуков в падежно-притяжательных формах тубинской парадигмы *ат* 'конь' (АД, мс; ОД, % к СДЗ)

Fig. 1. The distribution of sound durations in the possessive case forms of the Tuba paradigm *at* 'horse' (absolute duration (AD), ms; relative duration (RD), % of the average sound duration (ASD))

В бисиллабе *ады* 'конь=его' с неоднородной вокальной осью *а-ы* (широкий *а* в 1-м слоге и узкий *ы* во 2-м) и со структурой V-CV, где оба слога открытые, диапазон разброса абсолютных длительностей гласного *а* 1-го слога в трех произнесениях составляет 236–287 мс, показатели относительной длительности распределены в диапазоне 118–135 % СДЗ; САД *а* = 265 мс, СОД *а* = 127,3 % СДЗ. Соотношение $V_1 : V_2$ составляет 1,01–1,36. В среднем гласный *а* 1-го открытого слога длительнее гласного *ы* 2-го открытого слога в 1,16 раза.

В бисиллабе *адым* 'конь=мой' с неоднородной вокальной осью *а-ы* и со структурой V-CVC, где 1-й слог открытый, а 2-й прикрыто-закрытый, показатели АД гласного *а* 1-го слога распределены в пределах 238–302 мс, параметры ОД *а* составляют 147–181 % СДЗ; САД *а* = 274,3 мс, СОД *а* = 168,3 % СДЗ. Соотношение $V_1 : V_2$ составляет 1,91–2,83. В среднем широкий гласный *а* 1-го открытого слога длительнее узкого гласного *ы* 2-го закрытого слога в 2,5 раза.

В двуслоговой тубинской словоформе *атка* 'коню' с однородной вокальной осью (с широкими гласными *а-а*) и со структурой VC-CV, где 1-й слог закрытый, а 2-й прикрыто-открытый, САД a_1 = 69 мс, СОД a_1 = 54 % СДЗ. САД гласного

2-го слога a_2 составляет 187,3 мс, СОД $a_2 = 147\%$ СДЗ. В среднем гласный a 2-го открытого слога длительнее гласного a 1-го закрытого слога в 2,9 раза.

В бисиллабе *атты* 'коня' со структурой VC-CV и с неоднородной вокальной осью a - y САД $a = 112,3$ мс, СОД $a = 66\%$ СДЗ. САД $y = 176,7$ мс, СОД $y = 102,7\%$ СДЗ. В среднем гласный y 2-го открытого слога длительнее гласного a 1-го закрытого слога в 1,65 раза.

Результаты анализа квантитативных характеристик звуков в рассмотренных примерах свидетельствуют о следующем.

1. Количественная реализация гласных в падежно-притяжательных формах тубинской парадигмы *ат* 'конь' коррелирует с длиной словоформы: с увеличением числа слогов происходит сокращение длительности корневого гласного a : если в моносиллабе *ат* 'конь' СОД a в закрытом слоге VC составляет 76,3 % СДЗ, то в бисиллабах *атка* 'коню' и *атты* 'коня' гласный a 1-го слога, реализуясь в аналогичных позиционно-комбинаторных условиях – в закрытом слоге, имеет меньшую длительность: в *атка* СОД $a_1 = 54\%$ СДЗ, в *атты* СОД $a = 66\%$ СДЗ.

2. В двуслоговых словоформах с неоднородной вокальной осью: широкий гласный a в 1-м открытом слоге и узкий y во 2-м типа a - y констатируется иная закономерность – значительное удлинение гласного a в 1-м слоге: если в форме *ат* 'конь' СОД $a = 76,3\%$ СДЗ, то в *ады* 'конь=его' СОД $a = 127,3\%$ СДЗ, в форме *адым* 'конь=мой' СОД $a = 168,3\%$ СДЗ. Широкий гласный a 1-го открытого слога длительнее узкого гласного y 2-го слога: в 1,16 раза в форме *ады* со 2-м открытым финальным слогом и в 2,5 раза в *адым* со 2-м закрытым слогом.

3. Выявленная в языке туба-кижи закономерность удлинения широких гласных в открытом слоге перед слогом с узким гласным обусловлена не только позиционно, но и комбинаторно. Описываемое перераспределение длительности происходит лишь в том случае, если за открытым слогом с широким гласным следует шумный звонкий или сонорный моноконсонант, о чем свидетельствуют приведенные выше примеры *ады* 'конь=его' (в среднем $V_1 : V_2 = 1,16 : 1$), и *адым* 'конь=мой' (в среднем $V_1 : V_2 = 2,5 : 1$). Биконсонантное сочетание или единственный шумный глухой согласный в интервокале между слогами блокируют возможность реализации принципа позиционного удлинения гласных: в словоформе *атты* 'коня' с геминатой *-тт-* в интервокале широкий гласный a 1-го закрытого слога не только не удлиняется, но и значительно короче узкого гласного y во 2-м открытом слоге; соотношение $V_1 : V_2$ в среднем $1 : 1,65$.

4. Длительность гласных взаимосвязана с типами слогов: открытость слога коррелирует с большей длительностью его вокального компонента: если в форме *ады* 'конь=его' СОД y 2-го открытого слога составляет 111,7 % СДЗ, то в форме *адым* 'конь=мой' СОД y 2-го закрытого слога равно 68,7 % СДЗ.

5. Выявленные закономерности, реализуясь в пределах фонетического слова одновременно, могут ослаблять или усиливать действие друг друга. Так, в бисиллабах *атка* 'коню' и *атты* 'коня' гласный a 1-го закрытого слога *ат-* в форме с неоднородной вокальной осью *атты* имеет несколько большую длительность (СОД $a = 66\%$ СДЗ) по сравнению с формой *атка* (54 % СДЗ), что можно было бы рассматривать как тенденцию к реализации удлинения широкого гласного перед узким и в позиции закрытого слога, нейтрализуемую действием закона удлинения гласного y в финальном открытом слоге. Но с большей вероятностью можно объяснить этот факт, принимая во внимание значения ингерентной длительности: у широкого гласного a_2 в форме *атка* она выше по сравнению с узким y в словоформе *атты*.

Парадигма с корнем *ана* ‘мама’

Ниже представлен график распределения квантитета гласных и согласных компонентов звукового оформления двух падежно-притяжательных двуслоговых форм тубинской твердорядной лексики *ана* ‘мама’, имеющих качественно однородную вокальную ось (*a*–*a*) и представляющих слоговые структуры V-CV: *ана* ‘мама’ и V-CVC: *анам* ‘мама=моя’ (рис. 2).

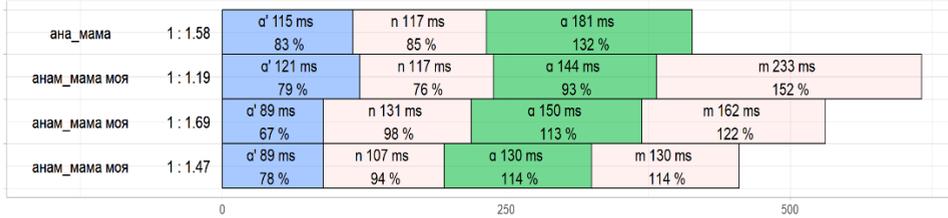

Рис. 2. График распределения длительностей звуков в формах тубинской парадигмы *ана* ‘мама’ (АД, мс; ОД, % к СДЗ)

Fig. 2. Graph of distribution of sound durations in forms of Tuba paradigm *ana* ‘mother’ (AD, ms; RD, % of the ASD)

В бисиллабе *ана* ‘мама’ со слоговой структурой V-CV, где оба слога открытые, абсолютная длительность гласного *a* 1-го слога составляет 115 мс, относительная длительность 83 % СДЗ. АД гласного *a* 2-го слога равна 181 мс, ОД = 132 % СДЗ. Соотношение $V_1 : V_2$ составляет 1 : 1,58, т. е. гласный a_2 финального открытого слога длительнее гласного a_1 1-го открытого слога в 1,58 раза.

В бисиллабе *анам* ‘мама=моя’ со структурой V-CVC, включающей открытый 1-й слог и закрытый 2-й, САД $a_1 = 99,7$ мс, САД $a_2 = 141,3$ мс. СОД $a_1 = 74,7$ % СДЗ, СОД $a_2 = 106,7$ % СДЗ. Соотношение $V_1 : V_2$ в среднем 1 : 1,45 – гласный a_2 финального закрытого слога длительнее гласного a_1 1-го открытого слога в среднем в 1,45 раза.

Представленный материал свидетельствует о большей длительности гласного a_1 в словоформе *ана* ‘мама’ (ОД $a_1 = 83$ % СДЗ) по сравнению с аналогичным гласным в форме *анам* ‘мама=моя’ (СОД $a_1 = 74,7$ % СДЗ). Это свидетельствует о сокращении квантитета компонентов словоформы при увеличении числа звуков, формирующих ее оболочку. Данная закономерность подчеркивается тем, что в форме *ана* гласный a_2 финального открытого слога подвергается существенному удлинению, способствующему сокращению ОД V_1 .

В бисиллабах с однородной вокальной осью длительность гласного 2-го – финального – слога облигаторно превышает длительность гласного 1-го слога, длительность нарастает от начала к концу конструкции. При этом в форме *ана* ‘мама’ с открытым конечным слогом увеличение квантитета гласного a_2 относительно a_1 выражено несколько ярче (1 : 1,58), чем в среднем в словоформе *анам* ‘мама=моя’ с закрытым 2-м слогом (1 : 1,45). Большой диапазон соотношения $V_1 : V_2$ свидетельствует о фоническом характере выявленной закономерности, не имеющей фонематической значимости.

Парадигма с корнем *ȳt* ‘дырка’

На рис. 3 представлено распределение длительностей компонентов звукового облика падежно-притяжательных форм тубинской сингармонически мягкорядной парадигмы *ȳt* ‘дырка’.

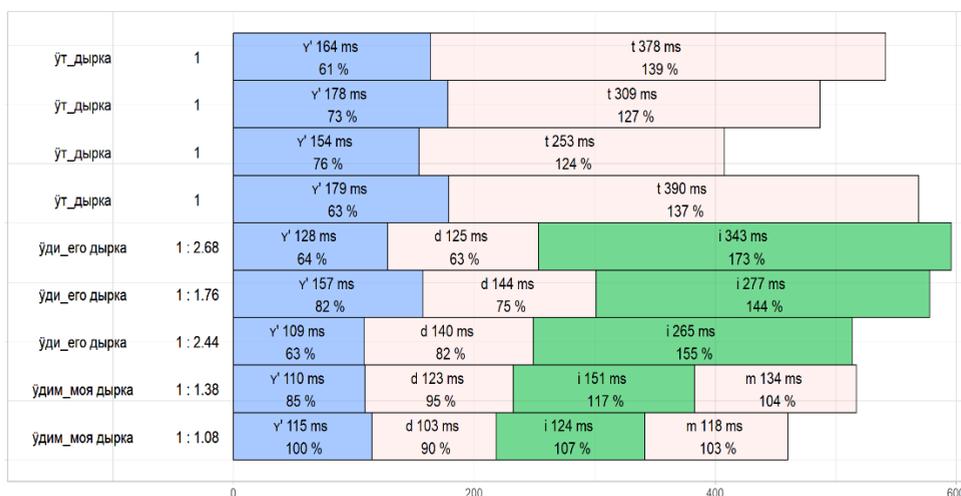

Рис. 3. График распределения длительностей звуков в формах тубинской парадигмы *ȳt* ‘дырка’ (АД, мс; ОД, % к СДЗ)

Fig. 3. Graph of the distribution of sound durations in forms of the Tuba paradigm *ȳt* ‘hole’ (AD, ms; RD, % of the ASD)

В начальной форме – моносиллабе *ȳt* узкий гласный *ȳ* реализуется в закрытом слоге VC. Бисиллабы *ȳdi* ‘дырка=его’ и *ȳdim* ‘дырка=моя’ имеют качественно неоднородную вокальную ось с узкими гласными в обоих слогах (*ȳ–i*) и различную слоговую структуру: в форме *ȳdi* оба слога открытые V-CV, в форме *ȳdim* 1-й слог открытый, 2-й закрытый V-CVC.

Анализ квантитативных характеристик гласных звуков в представленных примерах свидетельствует о следующем.

В моносиллабе *ȳt* ‘дырка’, повторенной 4 раза, САД *ȳ* = 168,75 мс, СОД *ȳ* = 68,25 % СДЗ.

В бисиллабе *ȳdi* ‘дырка=его’ со слоговой структурой V-CV, где оба слога открытые, САД *ȳ* = 131,3 мс, СОД *ȳ* = 69,7 % СДЗ. САД гласного *u* 2-го слога равна 295,0 мс, СОД *u* = 157,3 % СДЗ. Среднее соотношение $V_1 : V_2$ составляет 1 : 2,3, т. е. гласный *u* финального открытого слога длительнее гласного *ȳ* 1-го открытого слога в 2,3 раза.

В бисиллабе *ȳdim* ‘дырка=моя’ со слоговой структурой V-CVC, содержащей открытый 1-й слог и закрытый 2-й, САД *ȳ* = 110,3 мс, САД *u* = 129,3 мс. СОД *ȳ* = 93,7 % СДЗ, СОД *u* = 109,0 % СДЗ. Соотношение гласных $V_1 : V_2$ составляет в среднем 1 : 1,18, т. е. гласный *u* финального закрытого слога длительнее гласного *ȳ* 1-го открытого слога в среднем в 1,18 раза.

Таким образом, в тубинских бисиллабах с качественно неоднородной вокальной осью, представленной двумя узкими гласными (узкий огубленный *ȳ* – узкий

неогубленный *и*), длительность гласного 2-го слога превышает длительность гласного 1-го слога, т. е., как и в парадигме слова *ана* ‘мама’ (широкий – широкий), длительность гласных нарастает от начала к концу конструкции. При этом среднее соотношение $V_1 : V_2$ в форме с открытым конечным слогом *јди* значительно выше (1 : 2,3), чем в форме *јдим* с закрытым 2-м слогом (1 : 1,18). Сопоставление полученных данных с представленными выше результатами анализа количественных показателей гласных в словоформе *ады* ‘конь=его’ (среднее соотношение $V_1 : V_2 = 1 : 1,16$) указывает на более выраженный характер удлинения узкого мягкорядного гласного *и* в открытом финальном слоге (1 : 2,3) по сравнению с узким твердорядным гласным *ы*.

Парадигмы с корнями *эр* ‘мужчина’ и *ээр* ‘седло’

Ниже приведены данные, позволяющие рассмотреть специфику вариативности характеристик фонологически долгих и кратких гласных на материале слов с корнями *эр* ‘мужчина’ и *ээр* ‘седло’ (рис. 4).

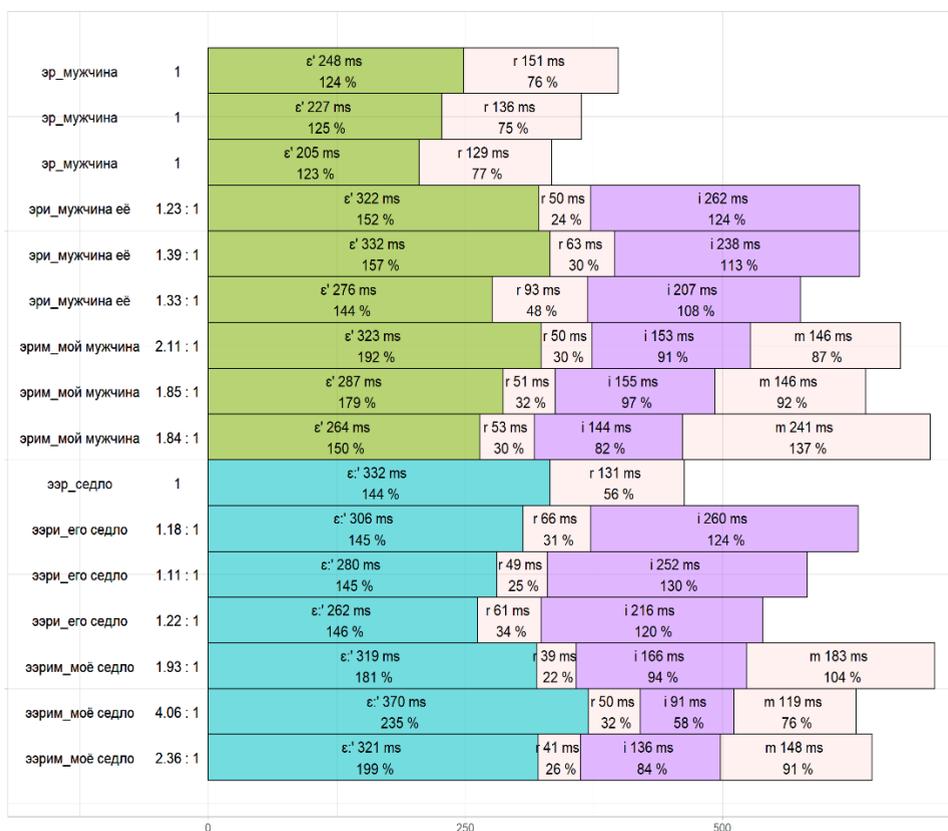

Рис. 4. График распределения длительностей звуков в формах тубинских парадигм *эр* ‘мужчина’ и *ээр* ‘седло’ (АД, мс; ОД, % к СДЗ)

Fig. 4. Graph of distribution of sound durations in the forms of Tuba paradigms *er* ‘man’ and *eer* ‘saddle’ (AD, ms; RD, % of the ASD)

САД короткого широкого мягкорядного гласного *э* в словоформе *эр* ‘мужчина’ составляет 226,7 мс, СОД равна 124 % СДЗ. АД соответствующего долгого гласного *ээ* в словоформе *ээр* ‘седло’ 332 мс, ОД = 144 % СДЗ.

Соотношение короткого *э* в *эр* и долгого *ээ* в *ээр* $V : V_2 = 226,7 : 332 = 1 : 1,46$. Долгий *ээ* превышает краткий *э* почти в полтора раза, что, в принципе, соответствует принятым в общей фонетике критериям для фонологической оппозиции единиц по краткости / долготе: долгий должен быть длительнее короткого более чем в 1,5 раза.

В словоформе *эри* ‘мужчина=её’ САД *э* = 310 мс, СОД *э* = 151 % СДЗ. САД *и* = 235,7 мс, СОД *и* = 115. Соотношение $V_1 : V_2 = 1,32 : 1$.

В словоформе *ээри* ‘седло=его’ САД долгого гласного *ээ* 282,7 мс, СОД *ээ* = 145,3 % СДЗ. САД *и* в форме *ээри* = 242,7 мс, СОД *и* = 124,7 %. Соотношение $V_1 : V_2 = 1,17 : 1$.

Соотношение короткого *э* в *эри* и долгого *ээ* в *ээрим* $V : V_2 = 310 : 282,7 = 1,1 : 1$.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что закон позиционного удлинения широкого гласного в открытом слоге перед узким гласным в словоформе *эри* ‘мужчина=её’ с кратким *э* реализуется значительно контрастнее ($V_1 : V_2 = 1,32 : 1$), чем в форме *ээри* ‘седло=его’ с долгим *ээ* ($V_1 : V_2 = 1,17 : 1$). Более того, длительность короткого *е* в 1-м слоге формы *эри* несколько превышает длительность долгого *ээ* в *ээри*: соотношение $V_1 : V_1_2 (\text{э} - \text{ээ}) = 1,1 : 1$.

Выявленная особенность в распределении квантитета кратких и долгих гласных может свидетельствовать о высокой продуктивности процессов позиционного удлинения широких гласных, но лишь в подсистеме кратких гласных. Рассматриваемые тенденции настолько активны, что в определенной степени нейтрализуют в речи фонематическую оппозицию гласных по длительности (краткий – долгий): если в парадигме (*эр* – *ээр*) соотношение $V : V_2 = 1 : 1,46$, то в синтагме, в составе словоформы *ээри*, соотношение долгого *ээ* и короткого *и* значительно ниже: $V_1 : V_2 = 1,17 : 1$. Очевидно, что в форме *ээри* долгота гласного *ээ* – как фонематическая, так и позиционная – в значительной мере нейтрализуется тенденцией к удлинению финального гласного открытого слога.

Данное наблюдение подтверждается результатами анализа количественных характеристик гласных в формах *эрим* ‘мужчина=мой’ и *ээрим* ‘седло=мое’, финальный слог которых закрытый. В *эрим* САД *э* = 291,3 мс, СОД *э* = 173,7 % СДЗ. САД *и* = 150,7 мс, СОД *и* = 90 %. Соотношение $V_1 : V_2 = 1,9 : 1$.

В словоформе *ээрим* ‘седло=мое’ САД долгого гласного *ээ* 336,7 мс, СОД *ээ* = 205 % СДЗ. САД *и* в форме *ээрим* = 131 мс, СОД *и* = 78,7 %. Соотношение $V_1 : V_2 = 2,78 : 1$.

Как видим, закономерность позиционного удлинения гласных находит яркое воплощение в форме с кратким корневым гласным (*э* > *и* в 1,9 раза) и еще более значительное – в форме с корневым долгим (*ээ* > *и* в 2,78 раза).

Соотношение короткого *э* в *эрим* и долгого *ээ* в *ээрим* $V : V_2 = 291,3 : 336,7 = 1 : 1,15$. Длительность долгого гласного превышает квантитет короткого в 1,15 раза, но это различие значительно менее контрастно, чем при их сопоставлении в моносиллабических корневых морфемах: $V : V_2 > V$ в 1,46 раза.

В приведенных формах фонематически краткий гласный *э* в *эрим* и долгий *ээ* в *ээрим*, подвергшиеся позиционному удлинению перед слогом с узким гласным, оказались фактически в одном диапазоне длительности и, в соответствии с требованием системного подхода к интерпретации данных, должны быть квалифицированы как долгие единицы.

Кумандинский язык

Парадигмы с корнями *аш* 'еда' и *ыш* 'дым'

Сопоставление длительности твердоядных неогубленных гласных в тождественных условиях в составе моносиллабов *аш* 'еда' и *ыш* 'дым' (рис. 5) свидетельствует о незначительном превышении длительности широкого *a* по сравнению с узким *y*: САД *a* = 230,3 мс, СОД *a* = 83 % СДЗ; в форме *ыш* 'дым' САД *y* = 214 мс, СОД *y* = 82,7 % СДЗ. Данный факт может косвенно свидетельствовать о малой степени расхождения артикуляции *a* и *y* по степени подъема.

В бисиллабе *ажым* 'еда=моя' с осью *a-y* и структурой V-CVC констатируется значительное увеличение длительности *a* 1-го открытого слога перед слогом с узким *y*: САД *a* = 251,3 мс, СОД *a* = 140 % СДЗ. САД *y* = 132 мс, СОД *y* = 72,7 %. Соотношение $V_1 : V_2 = 2,0 : 1$.

В бисиллабе *ыжы* 'дым=его' с однородной вокальной осью *y-y* и слоговой структурой V-CV констатируется увеличение длительности гласных *y* к концу словоформы с открытым финальным слогом: САД y_1 = 174,5 мс, СОД y_1 = 83,5 % СДЗ. САД y_2 = 231 мс, СОД y_2 = 108 %. Соотношение $V_1 : V_2 = 1 : 1,32$.

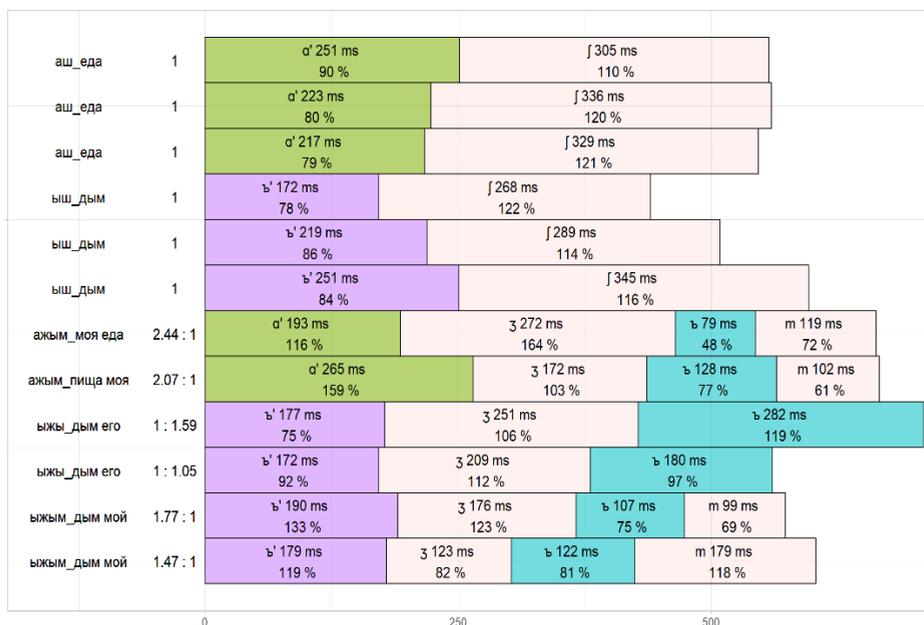

Рис. 5. График распределения длительностей звуков в формах кумандинских парадигм *аш* 'еда' и *ыш* 'дым' (АД, мс; ОД, % к СДЗ)

Fig. 5. Graph of distribution of sound durations in the forms of Kumandin paradigms *ash* 'food' and *ysh* 'smoke' (AD, ms; RD, % of the ASD)

В бисиллабе *ыжым* 'дым=мой' с однородной вокальной осью *y-y* и слоговой структурой V-CVC САД y_1 = 160 мс, СОД y_1 = 109 % СДЗ. САД y_2 = 115 мс, СОД y_2 = 78 %. В 1-м произнесении соотношение $V_1 : V_2 = 1 : 1,045$, во 2-м и 3-м в среднем $V_1 : V_2 = 1,61 : 1$.

Парадигмы с корнями *ун* ‘мука’ и *уул* ‘парень’

Сопоставление количественных показателей гласных в моносиллабах *ун* ‘мука’ и *уул* ‘парень’ (рис. 6) свидетельствует о фонологическом противопоставлении гласных *у* и *уу*. САД *у* в *ун* составляет 205 мс, СОД *у* = 115,3 % СДЗ. САД *уу* в *уул* = 307,5 мс, СОД *уу* = 119 % СДЗ. Соотношение параметров абсолютной длительности *уу* и *у* = 1,5, что подтверждает наличие оппозиции единиц по краткости / долготе.

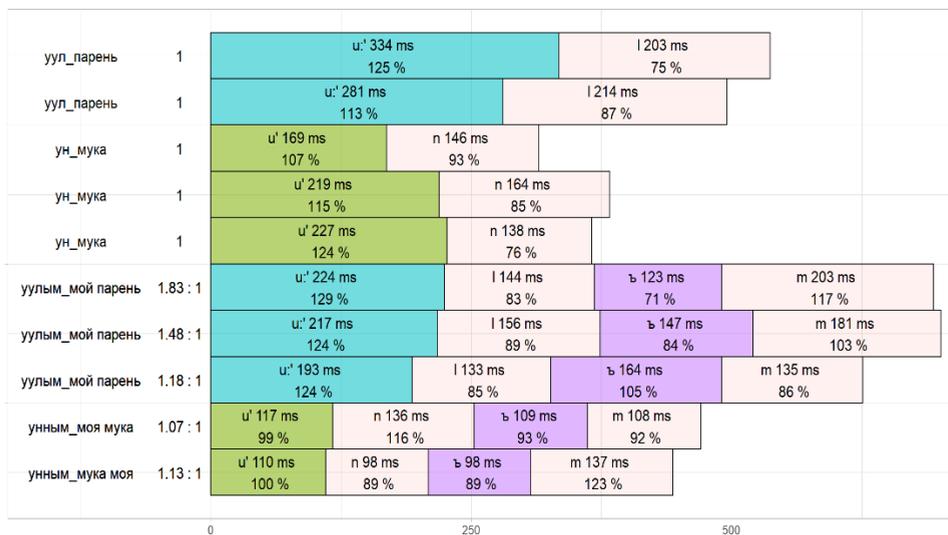

Рис. 6. График распределения длительностей звуков в формах кумандинских парадигм *ун* ‘мука’ и *уул* ‘парень’ (АД, мс; ОД, % к СДЗ)

Fig. 6. Graph of distribution of sound durations in the forms of Kumanda paradigms *un* ‘flour’ and *uul* ‘guy’ (AD, ms; RD, % of the ASD)

При наращении к корневой морфеме аффикса *-ым* как краткий *у*, так и долгий *уу*, оказавшись в открытом слоге перед слогом с узким *ы*, обнаруживают тенденцию к позиционному удлинению гласного. В форме *уным* ‘мука=моя’ САД краткого гласного *у* 128 мс, СОД *у* = 105 % СДЗ. САД гласного *ы* 2-го слога 102 мс, СОД *ы* = 84,5 % СДЗ. Соотношение $V_1 : V_2 = 1,3$. В форме *уулым* ‘парень=мой’ САД долгого *уу* 211,3 мс, СОД *уу* = 125,7 % СДЗ. САД гласного *ы* 2-го слога 144,7 мс, СОД *ы* = 86,7 % СДЗ. Соотношение $V_1 : V_2 = 1,5$.

Таким образом, отчетливо выраженная тенденция к реализации закономерности позиционного удлинения гласного в определенном фонетическом контексте более выпукло представлена в произнесениях долгого *уу* в словоформе *уулым*: если в форме *уным* ‘мука=моя’ $V_1 : V_2 = 1,3$, то в *уулым* ‘парень=мой’ $V_1 : V_2 = 1,5$.

Объяснение инновационному феномену распространения закономерности, свойственной широким открытым гласным, на вокальные единицы, квалифицируемые традиционно как узкие, следует искать в артикуляторной природе гласных типа *у*, *у́* в тюркских языках.

Алтайский язык

Рассмотрим принципы распределения количественных характеристик гласных на материале ритмических схем алтайских слов (рис. 7).

Парадигмы с корнями *эр* ‘мужчина’ и *ээр* ‘седло’

Сопоставление длительности широких неогубленных гласных в твердых моносиллабах *эр* ‘мужчина’ и *ээр* ‘седло’ свидетельствует о четком фонологическом противопоставлении краткого э и долгого ээ. Если САД э = 204,7 мс, СОД э = 77 % СДЗ, то САД ээ = 356,3 мс, СОД ээ = 106,3 % СДЗ. Соотношение долгого ээ в форме *ээр* ‘седло’ и краткого э в *эр* ‘мужчина’ (V : V) составляет 1,74.

При наращении к корневой морфеме *эр* притяжательного аффикса *-и* (3 л. ед. ч.) длительность широкого гласного э в 1-м открытом слоге бисиллабической формы *эри* ‘мужчина=ее’ возрастает по отношению к соответствующему гласному в моносиллабе: САД э = 242 мс, СОД э = 113 % СДЗ. При этом квантитет узкого гласного *и* 2-го финального открытого слога превосходит длительность гласного э: САД *и* = 300,5 мс, СОД *и* = 139,5 % СДЗ. Среднее соотношение $V_1 : V_2 = 1 : 1,24$. Таким образом, в структурах типа V-CV закономерность позиционного удлинения широких гласных 1-го слога в значительной степени нивелируется существенным удлинением гласных конечного открытого слога.

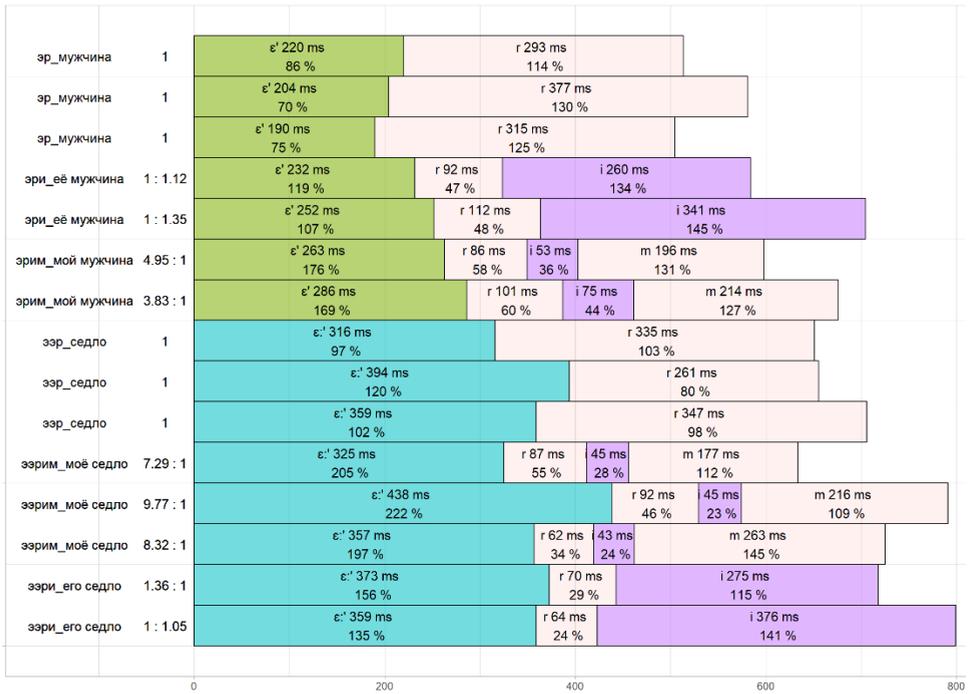

Рис. 7. График распределения длительностей звуков в формах алтайских парадигм *эр* ‘мужчина’ и *ээр* ‘седло’ (АД, мс; ОД, % к СДЗ)

Fig. 7. Graph of distribution of sound durations in the forms of Altaic paradigms *er* ‘man’ and *eer* ‘saddle’ (AD, ms; RD, % of the ASD)

В словоформе *эрим* ‘мужчина=мой’, имеющей слоговую структуру V-CVC, идеально соответствующую условиям реализации закона позиционного удлинения гласных, САД *э* = 274 мс, СОД *э* = 172,5 % СДЗ, в то время как САД *и* = 64 мс (при *э* = 274 мс), СОД *и* = 40 % СДЗ (при *э* 172,5 % СДЗ). Среднее соотношение $V_1 : V_2 = 4,39 : 1$.

Еще более ярко действие закона позиционного удлинения широкого гласного в открытом слоге перед узким вокальным компонентом проявляется в формах *эрим* ‘седло=мое’ с вторичным долгим гласным *ээ* в 1-м слоге и подвергающимся сильнейшей количественной редукции гласным *и* 2-го прикрыто-закрытого слога. САД *ээ* = 373,3 мс, СОД *ээ* = 208 % СДЗ, при этом САД *и* 2-го слога = 46 мс, СОД *и* = 25 % СДЗ. Среднее соотношение $V_1 : V_2 = 8,46 : 1$.

Таким образом, данный диктор, носитель алтайского языка (онгудайский говор), демонстрирует максимальные по всей выборке по трем языкам показатели позиционного удлинения широкого гласного – как краткого, так и долгого – в 1-м открытом слоге.

Заключение

Результаты анализа трансформаций в распределении количественных параметров гласных в бисиллабах трех языков – алтайского, тубинского и кумандинского – свидетельствуют о следующем.

1. Во всех языках фонологически краткие и долгие гласные четко противопоставлены по количественным характеристикам.

2. Длительность гласных в различных формах одной парадигмы коррелирует с длиной словоформы: с увеличением числа слогов происходит сокращение длительности корневого гласного.

3. В бисиллабах с неоднородной вокальной осью, например, типа *а-ы* (широкий гласный *а* в 1-м открытом слоге и узкий *ы* во 2-м) реализуется качественно иная закономерность: происходит значительное удлинение гласного *а* в 1-м слоге. Отмеченная тенденция свидетельствует о перераспределении длительности гласных в бисиллабах рассматриваемой слоговой структуры в пользу широкого гласного 1-го слога.

4. Закономерность позиционного удлинения широких гласных обусловлена не только позиционно (открытый слог перед слогом с узким гласным), но и комбинаторно: слоги должны быть разделены шумным звонким или сонорным согласным. Биконсонантное сочетание или единичный шумный глухой согласный между слогами блокируют действие закона позиционного удлинения гласных.

5. Количественные показатели гласных коррелируют с типами слогов: открытость слога обуславливает большую длительность его вокальной составляющей.

6. В пределах фонетического слова выявленные закономерности, реализуясь одновременно, могут ослаблять или усиливать действие друг друга.

7. В бисиллабах с неоднородной вокальной осью типа *адым* ‘конь=мой’, где 1-й слог открытый, а 2-й закрытый, и *ады* ‘конь=его’, где оба слога открытые, распределение относительных длительностей вокальных компонентов словоформы представлено как последовательность «удлиненный – краткий» в *адым* и «удлиненный – удлиненный» в *ады*.

8. Удлинение кратких (более) широких гласных в позиции перед (более) узкими в открытом слоге является проявлением закономерности, обозначаемой как «позиционная долгота гласных».

9. В соответствии с требованием системности анализа позиционно удлинённый гласный трактуется как долгий, и, следовательно, констатируется чередование кратких и долгих гласных фонем в составе морфемы в словоформах одной парадигмы.

10. Закономерности распределения количественных характеристик гласных, коррелирующие с такими составляющими фонетического контекста, как длина словоформы, т. е. количество ее слогов, положение гласного в словоформе относительно ее начала, слоговая структура, открытость или закрытость слога, относятся в принципе к языковым универсалиям.

Позиционная долгота гласных реализуется, как показывает собранный в рамках проекта материал, в большинстве алтае-саянских тюркских языков. Тюркологи отмечают также наличие позиционной долготы в ряде языков, территориально удалённых от сибирского региона (балкарский, гагаузский, языки Поволжья).

Можно высказать предположение, что рассматриваемая яркая фонетическая закономерность перераспределения длительности в слове в пользу широких гласных с одновременным сокращением – вплоть до полной редукции – количественных узких гласных при сохранении общей длительности словоформы сформировалась первоначально как явление локального характера и в процессе исторических контактов этносов и их языков получила широкое распространение.

Список литературы

Боргояков М. И. Об образовании и развитии некоторых долгих гласных в хакасском языке // Учен. зап. ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1966. Вып. 12. С. 81–98.

Наделяев В. М. Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980. С. 3–91.

Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964. 298 с.

Тимкин Т. В. Применение корпусного подхода при исследовании фонетики сургутского диалекта хантыйского языка // Корпусная лингвистика-2019: Тр. Междунар. конф. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. С. 356–365.

Тюркские ареалы Сибири / Отв. ред. И. А. Невская, Н. Б. Кошкарёва. Новосибирск: Академиздат, 2022. 440 с.

Филоненко В. И. Грамматика балкарского языка. Нальчик: Каббалгосиздат, 1940. 88 с.

Paschen L., Fuchs S., Seifart F. Final Lengthening and vowel length in 25 languages // Journal of Phonetics. 2022. No. 94. P. 101179–101202. DOI 10.1016/j.wocn.2022.101179

References

Borgoyakov M. I. Ob obrazovanii i razvitii nekotorykh dolgikh glasnykh v khakasskom yazyke [About the formation and development of some long vowels in the Khakass language]. *Scientific notes of KhRILLH*. Abakan, 1966, iss. 12, pp. 81–98.

Filonenko V. I. *Grammatika balkarskogo yazyka* [Grammar of the Balkar language]. Nalchik, Kabbalkgosizdat, 1940, 88 p.

Nadelyaev V. M. Artikulyatsionnaya klassifikatsiya glasnykh [Articulatory classification of vowels]. In: *Foneticheskie issledovaniya po sibirskim yazykam* [Phonetic studies in Siberian languages]. Novosibirsk, 1980, pp. 3–91.

Tyurkskie arealy Sibiri [Turkic areas of Siberia]. Nevskaya I. A., Koshkareva N. B. (Eds.). Novosibirsk, Akademizdat, 2022, 440 p.

Paschen L., Fuchs S., Seifart F. Final Lengthening and vowel length in 25 languages. *Journal of Phonetics*. 2022, no. 94, pp. 101179–101202. DOI 10.1016/j.wocn.2022.101179

Pokrovskaya L. A. *Grammatika gagauzskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Gagauz language. Phonetics and morphology]. Moscow, Nauka, 1964, 298 p.

Timkin T. V. Primenenie korpusnogo podkhoda pri issledovanii fonetiki surgut-skogo dialekta khantyyskogo yazyka [Application of the corpus approach in the study of the phonetics of the Surgut dialect of the Khanty language]. In: *Korpusnaya lingvistika-2019: Tr. Mezhdunar. konf.* [Proceedings of the international conference “Corpus linguistics-2019”]. St. Petersburg, SPbSU, 2019, pp. 356–365.

Информация об авторах

Альбина Альбертовна Добрынина, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Ираида Яковлевна Селютина, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Ксения Вячеславовна Шиндрова, младший научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Алексей Владиславович Каратаев, младший научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the authors

Albina A. Dobrynina, Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Iraida Ya. Selyutina, Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Ksenia V. Shindrova, Junior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Aleksey V. Karataev, Junior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 24.03.2025;

одобрена после рецензирования 07.04.2025; принята к публикации 07.04.2025

The article was submitted on 24.03.2025;

approved after reviewing on 07.04.2025; accepted for publication on 07.04.2025

Научная статья

УДК 811.161.1'06, 81'373.45

DOI 10.17223/18137083/91/12

Семантическая адаптация заимствований на примере испанизмов в русском языке

Мария Владимировна Бакурова

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

bakurova.m@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7571-3118>

Аннотация

Предметом исследования является процесс семантической адаптации испанизмов в современном русском языке, этим обусловлена новизна работы (ранее этот вопрос подробно не изучался). Автором проводится сопоставление семантических систем языка-источника и языка-реципиента, описываются случаи изменения семантики испанизмов. В процессе работы были использованы академические словари, толковые словари, словари иностранных слов и материалы Национального корпуса русского языка. В результате работы автор выделяет три тенденции в семантическом освоении испанизмов в процессе их функционирования в современном русском языке: 1) слова сохраняют статус экзотизмов, не происходит лексической адаптации и расширения семантики; 2) у слов развиваются метафорические значения; 3) значение слов становится шире, чем в языке-источнике.

Ключевые слова

заимствования, экзотизмы, испанизмы, семантическая адаптация, русский язык, испанский язык, метафорический перенос, метонимический перенос, расширение значения, язык-источник, язык-реципиент

Для цитирования

Бакурова М. В. Семантическая адаптация заимствований на примере испанизмов в русском языке // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 145–157. DOI 10.17223/18137083/91/12

Semantic adaptation of borrowings: a case study of Spanish loanwords in the Russian language

Maria V. Bakurova

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

bakurova.m@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7571-3118>

Abstract

The article examines the semantic adaptation of Spanish loanwords in modern Russian. The present subject exhibits unique scholarly merit owing to the previous lack of comprehensive

© Бакурова М. В., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 145–157
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 145–157

study. A comparative analysis of the semantic systems of the source and recipient languages is undertaken, with a focus on semantic shifts in Spanish borrowings, their causative factors, recurring patterns, as well as the integration into the lexicon of the recipient language. In the course of the research, a comprehensive array of lexicographical resources was utilized, encompassing academic dictionaries of the Russian language, explanatory dictionaries, and a substantial collection of dictionaries of foreign words from various publication years. Additionally, materials from the National Corpus of the Russian Language were employed. The complex dataset allowed the author to illustrate the presence and diachronic semantic assimilation of Spanish loanwords, influenced by multiple factors. The present study draws upon the methodologies of component and contextual analysis. Consequently, the author identifies three tendencies in the semantic development of Spanish borrowings in the process of their functioning in modern Russian. Firstly, words maintain their status of exoticisms, exhibiting no lexical adaptation or expansion of semantics. Secondly, words evolve metaphorical meanings, as evidenced by the lexeme “hurricane” being used to describe a person of explosive character. Thirdly, the meaning broadens beyond its original scope in the source language. For instance, the Spanish term “armada” in modern Russian can denote not only a set of ships but also airplanes, tanks, and even a group of people.

Keywords

borrowings, exoticisms, Spanish borrowings, semantic adaptation, Russian, Spanish, metaphorical transfer, metonymic transfer, extension of meaning, source language, recipient language

For citation

Bakurova M. V. Semantic adaptation of borrowings: a case study of Spanish loanwords in the Russian language. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 2, pp. 145–157. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/12

Язык – сложная динамическая система, которая постоянно развивается, а лексика – наиболее подвижный его уровень, который отражает воздействие экстралингвистических факторов. Языковые контакты – один из важных стимулов развития языка, одни лексические единицы сохраняют статус экзотизма долгие годы, а другие постепенно уходят из активного употребления. Иноязычная лексика всегда проникала в русский язык, и вопрос вхождения новых элементов в язык-реципиент имеет долгую историю изучения отечественными и зарубежными лингвистами [Аристова, 1978; Ахманова, 2004; Крысин, 2008; Маринова, 2003; 2012; Хауген, 1972]. Актуальными вопросами на сегодняшний день являются: семантическая адаптация заимствований; перспектива их закрепления в принимающем языке; их дальнейшая судьба, особенности функционирования.

Целью данной статьи является описание семантической адаптации заимствований на примере испанизмов в современном русском языке, выявление основных тенденций семантических изменений в процессе заимствования. Семантическое освоение заимствований можно рассматривать в двух направлениях: 1) сопоставить две семантические системы и проанализировать, какие именно значения востребованы языком-реципиентом; 2) исследовать отдельные испанизмы и отследить, как слово адаптируется, встраивается в лексическую систему языка-реципиента, появляются ли у него новые значения, как оно развивает свою семантическую структуру.

В данной работе мы будем учитывать оба названных направления. Материалом нашего исследования являются испанизмы – заимствования из испанского языка, выбранные из академических словарей (Словарь русского языка в четырех томах (МАС, 1981–1988), Словарь современного русского литературного языка (БАС, 1950–1965)); толковых словарей (БТСРЯ, 2000; Ефремова, 2001; Ожегов,

1961; ТСРЯ, 1935–1940) и специализированных словарей русского языка – словарей иностранных слов (Крысин, 1998; СИС, 1933; 1940; 1964; 1988; 1995; 2007; Яновский, 1803). Используя словарные данные и материалы Национального корпуса русского языка¹ (НКРЯ), мы рассматривали процесс семантической адаптации испанизмов. При изучении испанского языкового материала мы опирались на академический Словарь испанского языка Испанской королевской академии² (RAE). Сравнение семантической структуры слова в двух языках проводилось для того, чтобы выяснить, какие лексические значения вошли в язык-реципиент. В работе использовался компонентный анализ и контекстуальный анализ (на материале НКРЯ).

При вхождении в систему языка-реципиента заимствования могут в разной степени изменяться, этот процесс проходит по-разному на каждом уровне языковой системы и часто является сложным и долгим. Изучение семантической адаптации позволяет определить степень освоенности языком-реципиентом новых единиц. Лексические значения чаще всего не остаются статичными, а демонстрируют различные процессы изменения семантики, подчиняясь законам системы принимающего языка. Накопленный опыт изучения заимствований позволяет говорить о существенных изменениях семантики в процессе перехода слова из языка-источника в язык-реципиент [Смирницкий, 1998, с. 236–237]. Традиционно ассимиляция иноязычного слова подразделяется на семантическую и формальную. К семантической ассимиляции относится адаптация значения заимствованного слова в принимающем языке, а формальная ассимиляция – это графическое, фонетическое и грамматическое освоение слова. Е. В. Маринова указывает, что семантическая и формальная адаптация происходят не поочередно, а параллельно. Исследователь подробно описывает процесс и особенности семантической адаптации заимствованного слова, трансформации или преобразования его лексического значения, выделяет такие процессы, как сужение и расширение, изменение типа лексического значения (детерминологизация, дезэкзотизация) и развитие новых специальных или переносных значений [Маринова, 2012, с. 211]. В ходе адаптации семантика заимствования может сужаться и расширяться. По мнению Л. П. Крысина [2008], сужение – очень частое явление, расширение характерно для более длительного процесса адаптации. Изучив большой пласт испанизмов, мы можем говорить о том, что основным направлением процесса семантической адаптации является трансформация семантики, в частности развитие полисемии. В ходе трансформации происходят расширение значения, сужение, а также перенос наименования (метафора и метонимия).

Как правило, новые слова из английского, немецкого и французского языков появляются вместе с новыми предметами, для номинации которых они используются. Многие испанские заимствования приходят в русский язык как экзотизмы, но сами предметы или обычаи при этом не становятся частью российской действительности: *сиеста*, *бандерилья*, *коррида*, *матадор*, *мачете* и др. Анализ адаптационных процессов необходимо начать с экзотизмов, так как они подвержены приспособлению к системе языка в наименьшей степени. Это наименования явлений, которые не свойственны для действительности языка-реципиента. Заимствование слов для обозначения идей, понятий, предметов происходит в результате

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 20.12.2024).

² Diccionario de la lengua española. URL: <https://www.rae.es/> (дата обращения 20.12.2024).

языковых контактов и обмена информацией. Экзотизмы описывают быт, реалии материальной действительности, явления жизни испанского народа и не имеют аналогов в русском языке (являются когнитивными лакунами). Эти слова воспринимаются носителями как иноязычные, придают особый колорит речи, большую языковую выразительность тексту. Обозначая реалии чужой культуры, такие слова часто отличаются узкой сочетаемостью, низкой семантической активностью. Л. П. Крысин [1991] указывает на то, что далеко не каждое иноязычное слово с течением времени осваивается языком, поэтому в данной работе мы изучаем судьбу экзотизмов, пришедших из испанского языка в русский язык.

В работах лингвистов мы находим широкое и узкое понимание экзотизма. Например, Л. П. Крысин (широкий подход) определяет экзотизмы как «слова, называющие реалии “чужой” жизни, наименования вещей и понятий, свойственных жизни и культуре того или иного народа. Это могут быть названия объектов природы – деревьев, трав, пород диких и домашних животных, рыб, насекомых и т. п., национальных традиций, особенностей государственного устройства, семейного быта, национальных блюд и напитков, т. е. всего того, в чем так или иначе проявляется своеобразие жизни народа и населяемой им территории» [Крысин, 2007, с. 125]. В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой представлено более узкое понимание этого термина, которое сводится к одной функции: «Лексика экзотическая – слова и выражения, заимствованные из малоизвестных языков, обычно индоевропейских, и употребляемые для придания речи особого колорита» [Ахманова, 2004, с. 214]. Также более узкий подход мы встречаем у А. Е. Супруна, который относит экзотическую лексику к пассивному словарю, учитывая локальность ее употребления и «чуждость» для носителя языка-реципиента [Супрун, 1958]. По его мнению, такие слова относятся к периферии лексической системы языка, понимаются в тексте большинством носителей, но в активной речи не используются.

Среди основных признаков экзотизмов выделяются: непосредственное отношение к определенной национальности, стране, региону, отсутствие синонимов (безэквивалентная лексика) и книжная окраска. Е. В. Маринова выделяет следующие лингвистические особенности экзотической лексики, являющиеся отправной точкой для анализа процесса адаптации этих лексем в системе языка-реципиента и позволяющие делать выводы о намечающихся тенденциях ассимиляции: их узкая сфера употребления, слабая, практически нулевая словообразовательная продуктивность, стабильность и устойчивость семантической структуры [Маринова, 2003, с. 140]. Кроме лингвистических особенностей другие ученые, такие как И. А. Вотякова и С. О. Емельянова, выделяют и культурологический аспект, также являющийся важным при анализе трансформации семантической структуры и функционирования слова в языке-реципиенте: «...слова-экзотизмы способны называть реалии, являющиеся новыми, неизвестными носителям заимствующего языка. Экзотизмы отражают традиции определенного народа, а также способны указывать на особенности менталитета, являясь своеобразными трансляторами чужой культуры» [Вотякова, Емельянова, 2017, с. 22].

Наш материал частично подтверждает намеченные исследователями тенденции адаптации экзотизмов. Обычно процесс заимствования происходит следующим образом: иноязычное слово приходит в язык-реципиент как экзотизм, какое-то время остается на периферии лексической системы, но далее может произойти как сохранение статуса, признаков экзотизма, низкого уровня адаптации, так

и активизация, расширение семантики и случаев употребления, развитие значения, что позволяет иначе взглянуть на судьбу экзотизмов в языке-реципиенте.

Рассмотрим подробнее основные тенденции семантической адаптации испанских заимствований в русском языке. Начнем с первой тенденции, когда испанское заимствование приходит в русский язык лишь в одном значении и сохраняет статус экзотизма (*сомбреро*, *кастаньеты* и др.). Группа экзотизмов, пришедших из испанского языка, в основном складывается из терминов и слов, представляющих другую культуру, обычаи, большинство из них сохраняют свой статус, оставаясь экзотизмами.

Испанский академический словарь RAЕ фиксирует восемь значений слова *sombrero*. Это «головной убор, состоящий из верхней части и полей»³. Кроме того, слово имеет значения, образованные путем метафорического переноса: крыша, которая накрывает кафедру проповедника как шляпа (в академическом словаре RAЕ это значение 3); верхний слой сула, состоящий из шкурок и стеблей (4), который прикрывает его таким же образом. Это слово может обозначать привилегию не снимать головной убор перед королем (которой пользовались великие люди Испании, 4), а также являться ботаническим (шляпка гриба, 5), спортивным (поднятие мяча над головой, 6) и морским (верхняя часть лебедки, 7) термином. В русский язык оно заимствуется только в первом значении (головной убор).

В словарях русского языка мы обнаруживаем фиксацию значения «испанская шляпа» вплоть до второй половины XX в., когда в словарных статьях появляются указания на латиноамериканские страны. Например: **сомбреро** – исп. – испанская широкополая шляпа (Крысин, 1998; СИС, 1933; 1940; 1964; 1988; 1995; 2007); сомбреро – нескл., ср. Широкополая шляпа, распространенная в странах Латинской Америки [исп. *sombrero*] (МАС). Этот экзотизм продолжает использоваться лишь для определенного вида шляпы особой формы, зачастую данное слово выполняет функцию придания тексту или речи колорита.

В НКРЯ мы обнаруживаем 116 примеров, в которых анализируемый экзотизм используется для придания колорита и сохраняет статус чужого слова в русском языке: *Помню, как Сергей Михайлович, беседуя со мной о театральном костюме, набрасывал карандашиком, как носят мексиканцы свои сомбреро и пончо* (Б. Мессерер. Слово о родителях // «Октябрь», 2013). Русский язык заимствует это слово лишь в значении «головной убор», хотя в испанском наблюдаются различные виды развития семантической структуры слова: метонимический перенос, метафорический перенос, сужение значения (женский декоративный головной убор).

Многие экзотизмы часто так и остаются в статусе экзотизмов, но в результате нашей работы мы выделили второе направление семантической адаптации экзотизмов, которые начали изменять свой статус. Рассмотрим это направление на примере слов *сиеста* и *коррида*.

Необходимо отметить, что лексема *сиеста* пришло в русский язык как экзотизм, и мы можем наблюдать соответствующие маркеры и пометы в словарях: **СИЕСТА** -ы; ж. [исп. *siesta*] В Испании, Италии и странах Латинской Америки: полуденный, послеобеденный отдых; самое жаркое время дня (с 13 до 15 часов) (БТСРЯ, 2000). Испанский академический словарь RAЕ фиксирует следующие значения слова *siesta* – от латинского *sexta [hora]* '[hora] sexta', время, соответствующее полудню. 1. Сон после обеда. 2. Время, отведенное для сна или отдыха

³ Здесь и далее перевод наш. – М. Б.

после обеда. 3. Время после полудня, когда стоит самая сильная жара. 4. Музыка, которую пели или играли в церквях в послеобеденное время (RAE).

Большинство лексических значений этого слова в языке-источнике понятны и знакомы носителям русского языка, кроме последнего – «музыка, которую пели или играли в церквях в послеобеденное время», являющегося типичным для представителей католической испанской культуры и незнакомым, непривычным для носителя русского менталитета. В этом случае слово *сиеста* обозначает традиционное и характерное явление быта испанского народа, являющегося достаточно религиозным (католицизм), поэтому в русском языке оно не востребовано для описания русского быта и по большей части встречается в текстах об Испании. В остальном семантическая структура испанского слова, по данным RAE, представляет собой три связанных между собой значения: сон, время дня, которое отведено для сна, и время дня, когда стоит максимальная жара. В испанском быту эти три понятия связаны напрямую и являются яркой характеристикой стиля жизни: в наиболее жаркое время дня у испанцев принято спать в тени, дома за закрытыми ставнями, что является отражением влияния климатических условий страны на жизненный уклад. В словарях русского языка эти близкие значения (самое жаркое время и сон в это время) не дифференцируются и не фиксируются как самостоятельные. По сути, мы заимствуем оба этих значения, но в используемых в нашей работе словарях русского языка они не разделяются.

Мы наблюдаем незначительное количество вхождений в текстах НКРЯ XXI в. (72 примера) и отсутствие новых значений. Все примеры остаются в рамках первого значения (послеобеденный отдых) и второго (самое жаркое время дня). Ср.: *Хотя, скорее всего, у сотрудников афинского аэропорта просто закончилась сиеста* (Д. Викторов. Притесняют! // «Бизнес-журнал», 30.01.2004); *В такую погоду из всех испанских обычаев на ум может прийти только сиеста* (К. Гетманский. Московская коррида. «Идущие вместе» вступились за быков // «Известия», 29.07.2001).

Примеры НКРЯ демонстрируют употребление этого слова в контексте описания быта народов жарких стран, их традиций, описания их жизненного уклада. Но при этом мы наблюдаем использование этого слова и для рассказа о российской действительности, что свидетельствует о намечающейся тенденции развития семантики: – *Замечательно! Бывают же, Аркадий Михайлович, совпадения! Завтра утром я по делам мчусь в столицу, освобождаюсь к трем часам. Как раз сиеста* (А. Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019). В данном случае слово *сиеста*, с одной стороны, остается экзотизмом, обозначая непривычное для носителей русского языка понятие, продолжает употребляться для описания культуры и быта испаноязычных стран, а с другой – начинает двигаться в сторону хорошо семантически освоенной лексики, расширяя свое географическое применение, как в последнем контексте из корпуса.

Проиллюстрируем обозначенную тенденцию другими примерами. Рассмотрим лексему *коррида*. Испанский академический словарь RAE фиксирует полное название этого явления: **corrida de toros** (коррида быков): праздник, состоящий из боя определенного количества быков на закрытой арене. Само слово *коррида* имеет девять значений: кроме корриды быков (третье значение в словарной статье) это и просто бег, и термин из фламенко, и группа быков, и оргазм (с пометой *простонар.*). Кроме того, мы наблюдаем региональные значения: распускающиеся стежки ткани (Аргентина, Уругвай), путина – приток рыб (Куба), а также устаревшие значения: движение жидкости и набег, рейд (RAE). В текстах НКРЯ пер-

вый раз это слово встречается в «Письмах из Испании» В. П. Боткина: *Это называется полубегом (media corrida); в прежнее время полная corrida состояла из 16 быков* (В. П. Боткин. Письма об Испании, 1847). При этом мы не находим его в Словаре современного русского литературного языка, и в СИС первой половины XX в. это слово встречается не всегда, часто отсутствует или имеет указание на «доведённого до ярости быка»: **коррида** – в Испании и некоторых странах Лат. Америки – бой быков, т. е. сражение на большой арене пеших и конных бойцов с доведенными до ярости быками (СИС, 1988).

В толковых словарях *коррида* прочно фиксируется только во второй половине XX в.: **КОРРИДА**, ы, ж. Массовое зрелище в Испании и в некоторых других странах бой тореадора с быком (Ожегов, 1961). В семантической структуре испанского слова-источника *коррида* в словарной статье РАЕ мы наблюдаем и метонимический перенос (группа быков для корриды), и метафорический (простонародное – оргазм = бег, движение жидкости; распускающиеся стежки ткани = бегущие) и др. Обратимся к НКРЯ (334 контекста) в поисках примеров развития и переноса значения: *Он понимал: злые шуточки за спинами кончились – началась борьба... Не кафедра, а просто corrida какая-то!* (А. Житков. Кафедра, 2000); **Corrida в разгаре. Взмывают полотнища новых аргументов...** (В. Смехов. Театр моей памяти, 2001); *Это была corrida, как он орал на адвоката. Как он знал его из кабинета и родильного дома* (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений», 2010). В данных примерах мы обнаруживаем появление метафорического значения у слова *коррида* в русском языке: это и соперничество сотрудников кафедры, и жаркая дискуссия, и громкие агрессивные крики, что говорит о расширении сферы употребления этого экзотизма и тенденции к появлению новых значений.

В общем, слова, относящиеся к тематической группе **тавромахия** (*матадор, пикадор, тореадор, бандерилья, коррида, тореро, мулета* и др.), остаются экзотизмами, хотя некоторые из них употребляются значительно чаще других: наиболее частотны в современных (XX–XXI вв.) текстах НКРЯ: *коррида* – 329 примеров, *тореадор* – 263, *тореро* – 86, реже встречаются *мулета* – 31, *бандерилья* – 18 и *бандерильеро* – 4. Являясь важной частью испанской культуры, состязание человека с быком остается для носителя русского языка экзотическим обычаем далекой страны, хотя и имеет потенциал для развития ярких образных сравнений: *Для многих этот автомобиль – как красная мулета для быка* (С. Клочков. Пятый, пошел! // «За рулем», 15.04.2004); *Кинулся снова – тот, как тореадор, увернулся, я в бак вмазался* (В. Попов. Ужас победы, 2000). Некоторые предметы, явления приобрели «мировую известность», и слова, обозначающие их, перестали быть экзотизмами, но *коррида* (и все, что с ней связано) в большинстве случаев так и остается экзотикой, и все соответствующие лексемы также сохраняют статус экзотизмов.

Рассмотрим лексему *ураган*, которая иллюстрирует еще одну тенденцию семантической адаптации: экзотизм развивает семантику посредством метафорического переноса в языке-реципиенте. Лексема *ураган* первоначально фиксировалась как экзотизм, что мы можем обнаружить в словарных статьях, например, в толковом словаре Д. Н. Ушакова: **УРАГАН**, урагана, м. (исп. huracan от имени божества бури Huragan (у американских индейцев)). 1. Ветер необычайно разрушительной силы (**особенно частый в тропических странах**) (ТСРЯ, 1935). В дальнейшем мы уже не встречаем географического комментария, например: **ураган** – 1) ветер большой разрушительной силы, сильная буря; снежный, песча-

ный ураган и т. д. (БАС). Отсутствие указания на тропические страны в толковании слова говорит о том, что экзотизм перестал быть экзотизмом и стал обозначать очень сильный ветер в любом месте, не только в тропиках.

В данном случае изначально происходит заимствование слова для обозначения нового явления, которое не являлось типичным и характерным для географического положения, места проживания большинства носителей русского языка. В БАС имеются данные о первых фиксациях этого слова в словаре Н. М. Яновского 1806 г. (Новый словотолкователь) и Словаре Академии Российской 1822 г. (БАС). Это слово появилось в русском языке благодаря языковым и культурным контактам вместе с информацией о климатических особенностях испаноязычных стран. До начала XX в. еще сохраняются указания на «тропическую» природу этого явления – ветер, который не типичен для нас, затем эта характеристика в словарных статьях утрачивается. Сегодня это слово употребляется и по отношению к явлениям российской природы: *Несколько лет назад в Подмоскowie случился сильный ураган* (М. Дмитриевский. Ковчег размером в шесть соток // «Наука и жизнь», 2008).

Наблюдается сходство в развитии семантических структур лексем в двух языках в том, как появляются метафоры. В русском языке формируется несколько переносных значений, которые связаны с человеком, его эмоциями, эмоциональными переживаниями (*ураган страстей*), а также семантика интенсивности (*ураган звонков*). Переносные значения фиксируются в академических и толковых словарях довольно рано, в СИС только в последние годы. Мы обнаруживаем метафорический перенос: «стремительно несущееся множество чего-либо», «стремительность движения», «об огромной силе, стремительности движения, осуществления чего-либо». Уже в БАС встречаются употребления этого слова в следующих сочетаниях: *ураган бомб, ураган снарядов, ураган огня, ураган взрывов, ураган свинца, ураган стали, ураган звуков, ураган криков* и др. (БАС). Ср.: *Ураган эмоций. Обратная связь даёт возможность почувствовать автомобиль* (А. Сасиновский. Игровые инструменты // «Stuff», 2003.03.06); *«Распределяли» премию Есенина, вокруг которой всегда целый ураган страстей* (С. Н. Есин. Дневник, 2006); *Сказать, что публикация вызвала шквал писем – значит не сказать ничего: бурю писем, ураган писем, смерч!* (40 лет демографической секции Центрального Дома ученых РАН // «Вопросы статистики», 2004); *Вчера ураган телефонных звонков, один другого хлеще* (С. Гандлевский. НРЗБ // «Знамя», 2002).

Следует отметить тенденцию метафорического переноса наименования природного явления на человека. Уподобление человека природному явлению основывается на аналогии образа действия: человек представляется в качестве сильной, стремительной, разрушительной силы. Значение «очень импульсивный человек» есть в испанских толковых словарях, и в русском языке это значение появляется по той же модели (человек сравнивается с природным явлением).

При обращении к НКРЯ мы встречаем довольно большое количество примеров (960) в текстах XXI в. и легко находим случаи использования слова *ураган* для описания человека: – *Баба-ураган!.. Мастер показухи, на самом деле!..* (Б. Е. Клетинич. Моё частное бессмертие, 2016); *Калабаров хотел слово вставить, да куда там: Махрушкина – ураган.* (А. Волос. Из жизни одноглавого // «Октябрь», 2013); *Да он же ненормальный. Ураган. Кручение-верчение* (Т. Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть

о зарытом», 2009). Несмотря на большое количество таких примеров, словари это значение пока не фиксируют.

Кроме значения «очень импульсивный человек», в современных (XXI в.) текстах НКРЯ есть тенденция к использованию слова *ураган* для характеристики сексуальной активности человека, что является примером расширения объема обозначаемого понятия, метафорическим переносом по сходству: *Ты – класная, и в постели – ураган вообще!* (А. Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть, 2000); *Тем лучше. Говорят, рыжие в постели ураган. Вот сегодня и проверим...* (А. В. Кудрявцев. Час ведьм. Музей Достоевского, 2012).

В итоге в современном русском языке имеется полная семантическая структура испанского слова, что говорит о похожем процессе метафорического переноса в русском языке, семантическая структура достраивается по той же модели. Также необходимо отметить, что в русском языке у слова *ураган* развивается переносное значение (в отличие от испанизма *сиеста*), которое фиксируется в словарях.

Третья тенденция развития семантики испанизмов в современном русском языке – расширение значения.

Рассмотрим эту тенденцию подробнее на примере лексемы *армада*. В академическом испанском словаре RAE *armada* имеет 12 значений, в первых 4-х значениях слово относится к прилагательным: оснащенный оружием, вооруженный инструментом или утварью, то, что развивается с помощью оружия (вооруженное восстание), и сделанный из цемента или бетона: армированный металлическими прутьями. К военной сфере относятся следующие значения: 7. Военно-морские силы государства. 8. Эскадра (|| набор боевых кораблей). Также необходимо отметить термины из сферы охоты: шеренга охотников, преследующих на охоте загнанных или перегоняемых животных; толпа людей с собаками, которых пускают в ход для отпугивания животных, заставляя их выходить перед разъездами охотников; способ расположения лассо для его метания. Кроме этого, мы встречаем карточный термин – цветок, помета, которую шулер делает на картах; обозначение определенного человека в религиозном обряде (человек, одетый как древнеримские солдаты, который обычно сопровождает ход процессий и охраняет памятники во время Страстной недели); название животного (в этом значении слово употребляется в Аргентине, Боливии, Парагвае и Уругвае) – пресноводная рыба длиной до 70 см с очень крепкими спинным и грудным плавниками, темным телом, лишенным чешуи, и съедобным мясом) (RAE).

Из испанского языка в русский это слово приходит лишь в специальном терминологическом значении, связанном с морским флотом: военно-морские силы государства, эскадра (|| набор боевых кораблей). В испанском языке лексема используется и в других сферах, таких как охота, карточные игры, религия, зоология и т. д., но в русский язык эти значения, отражающие испанский быт и культуру, не переходят: **армада** – большое соединение кораблей, самолетов или танков, действующих согласованно [от исп. *armada* – флот] (МАС).

В границах современных текстов XXI в. в НКРЯ есть 134 примера, и при этом мы можем наблюдать расширение значения слова, оно обозначает не только собрание кораблей, но и самолетов, и танков. Ср.: об автомобилях: *Армада (ну, по молдавским меркам вполне) из двадцати машин останавливается резко* (В. В. Лорченков. Копи Царя Соломона // «Волга», 2011); о животных: *За год армада рачков (эпишура) способна трижды очистить верхний пятидесятиметровый слой воды* (Д. Шарко. Чья реальность более реальна? // «Пятое измерение»,

2003); о людях: *Потрясающая палками, авоськами и пенсионными удостоверениями на нас выходила целая армада старушек* (Б. Минаев. Детство Левы, 2001) и др. Такие примеры позволяют нам сделать вывод о том, что в русском языке эта лексема расширила свое значение: изначально она служила для описания военного флота, собрания самолетов и танков, в современных текстах (XXI в.) НКРЯ фиксируется ее употребление по отношению к другим классам объектов: автомобили, животные, люди, что говорит о расширении семантики в языке-реципиенте.

В данной работе мы отмечаем, что при семантической адаптации заимствованных слов происходят различные процессы: приспосабливается семантическая структура слова к системе языка-реципиента, изменяется объем понятия, обозначаемого словом в языке-источнике – этот объем сужается или расширяется, но семантическая ассимиляция иногда отсутствует, как в случаях с экзотизмами. Таким образом, это позволяет сделать вывод о том, что судьба испанизмов в русском языке очень различна, и в процессе функционирования иноязычного слова его семантика может изменяться.

Подводя итоги нашего исследования, мы выделяем три основные тенденции семантических изменений в процессе заимствования.

Первая тенденция демонстрирует, что некоторые экзотизмы так и остаются типичными экзотизмами, не проявляют активности, мало адаптируются лексически и не развивают семантику. Но стоит отметить, что даже у этого пласта лексики есть ядро и периферия. Со временем слово может начать употребляться в более разнообразных контекстах, например, *сиеста*, обозначающее явление, характерное для жарких стран, в контекстах корпуса используется для описания российской действительности, что говорит о постепенном перемещении слова от периферии к ядру лексического уровня языка-реципиента и о развитии значения.

Вторая тенденция показывает развитие значения через метафорический перенос. В случае со словом *ураган* происходит трансформация семантики в русском языке по той же метафорической модели, что и в испанском: перенос характеристики с явления природы на человека. Русский язык напрямую это значение не заимствовал, и до сих пор оно в словарях не фиксируется, но мы легко находим множество примеров в современных текстах НКРЯ (XXI в.), подтверждающих развитие семантики по той же модели, что и в языке-источнике. Метафорический перенос мы отмечаем и у лексемы *коррида*, которая встречается в НКРЯ, когда говорят о споре, соперничестве коллег и громких криках.

Третья тенденция показывает расширение значения слова: испанизм *армада* ранее в языке-источнике использовался в первую очередь для флота (кораблей), затем также и для самолетов. В русский язык это слово изначально приходит как экзотизм (только о флоте), но уже с середины XX в. мы наблюдаем фиксацию расширения значения на самолеты и танки, а в современных текстах НКРЯ (XXI в.) мы встречаем его использование и для обозначения большого количества автомобилей, животных и людей.

Исследуемый материал показал, что слова-экзотизмы не всегда остаются на периферии лексической системы языка и используются редко, лишь для придания яркости и колорита, но могут демонстрировать тенденцию к развитию и расширению значения. В результате данной работы на материале испанизмов мы встречаем и случаи семантического развития значения лексем в языке-реципиенте путем метафорического переноса или расширения значения, что говорит об их активности в современном русском языке.

Список литературы

- Аристова В. М.* Англо-русские языковые контакты. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 150 с.
- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
- Вотякова И. А., Емельянова С. О.* Испанские заимствования в русском языке // Изучение региональной картины мира в поликультурном образовательном пространстве: теория и практика / Под ред. Л. А. Мардиевой, Т. Ю. Щуклиной, Л. А. Усмановой. Казань: Школа, 2017. С. 21–26.
- Крысин Л. П.* Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. 320 с.
- Крысин Л. П.* Современный русский язык. М.: Академия, 2007. 240 с.
- Крысин Л. П.* Этапы освоения иноязычного слова // Русский язык в школе. 1991. № 2. С. 74–78.
- Маринова Е. В.* Экзотическая лексика как лингвистический феномен // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород, 2003. С. 138–142.
- Маринова Е. В.* Иноязычная лексика современного русского языка. М.: Флинта: Наука, 2012. 296 с.
- Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998. 260 с.
- Супрун А. Е.* «Экзотическая» лексика // Филологические науки. 1958. № 2. С. 50–54.
- Хауген Э.* Процесс заимствования // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1972. Вып. 6. С. 344–382.

Список источников и словарей

- БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., Л.: АН СССР, 1950–1965.
- БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка: В 2 т. М.: Рус. яз., 2001.
- Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. М.: Рус. яз., 1998. 847 с.
- МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., Л.: Русский язык, 1981–1988.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 20.12.2024).
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. 900 с.
- СИС – Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык / Сост. К. С. Кузьминский; под ред. Т. М. Капельзона. М.: Сов. энциклопедия, 1933. 1502 с.
- СИС – Словарь иностранных слов / Под ред. Ф. Н. Петрова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1940. 864 с.
- СИС – Словарь иностранных слов / Под ред. Ф. Н. Петрова. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 784 с.
- СИС – Словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1988. 608 с.
- СИС – Словарь иностранных слов в русском языке / Под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. М.: ЮНВЕС, 1995. 830 с.

СИС – Словарь иностранных слов / Под ред. В. В. Бурцевой, Н. М. Семеновй. М.: Русский язык – Медиа, 2007. 832 с.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. СПб.: Тип. Акад. наук, 1803. Ч. 1. 868 с.

RAE – Diccionario de la lengua española. URL: <https://www.rae.es/> (дата обращения 20.12.2024).

References

Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Editorial URSS, 2004, 576 p.

Aristova V. M. *Anglo-russkie yazykovye kontakty* [English-Russian language contacts]. Leningrad, Izd. LGU, 1978, 150 p.

Haugen E. *Protsess zaimstvovaniya* [The process of borrowing]. In: *Novoe v lingvistike* [New in linguistics.]. Moscow, Progress, 1972, iss. 6, pp. 344–382.

Krysin L. P. Etapy osvoeniya inoyazychnogo slova [Stages of foreign language word acquisition]. *Russian Language at School*. 1991, no. 2, pp. 74–78.

Krysin L. P. *Slovo v sovremennykh tekstakh i slovaryakh. Ocherki o russkoy leksike i leksikografii* [Word in modern texts and dictionaries. Essays on Russian lexicon and lexicography]. Moscow, Znakh, 2008, 320 p.

Krysin L. P. *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian language]. Moscow, Akademiya, 2007, 240 p.

Marinova E. V. Ekzoticheskaya leksika kak lingvisticheskiy fenomen [Exotic lexicon as a linguistic phenomenon]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2003, pp. 138–142.

Marinova E. V. *Inoyazychnaya leksika sovremennogo russkogo yazyka* [Foreign-language lexicon of the modern Russian language]. Moscow, Flinta, Nauka, 2012, 296 p.

Smirnitkii A. I. *Leksikologiya angliyskogo yazyka* [Lexicology of the English language]. Moscow, MSU, 1998, 260 p.

Suprun A. E. “Ekzoticheskaya” leksika [“Exotic” lexicon]. *Philological Sciences*. 1958, no. 2, pp. 50–54.

Votyakova I. A., Emel'yanova S. O. Ispanskije zaimstvovaniya v russkom yazyke [Spanish borrowings in Russian]. In: *Izuchenie regional'noy kartiny mira v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve: teoriya i praktika* [Study of the regional picture of the world in multicultural educational space: theory and practice]. L. A. Mardieva, T. Yu. Shchuklina, L. A. Usmanova (Eds.). Kazan, Shkola, 2017, pp. 21–26.

List of sources

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Big explanatory dictionary of the Russian language]. S. A. Kuznetsov (Comp., ed.). St. Petersburg, Norint, 2000, 1536 p.

Diccionario de la lengua española. URL: <https://www.rae.es/> (accessed 20.12.2024)

Efremova T. F. *Novyy slovar' russkogo yazyka: V 2 t.* [New dictionary of the Russian language: In 2 vols.]. Moscow, Rus. yaz., 2001.

Krysin L. P. *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory dictionary of foreign-language words]. Moscow, Rus. yaz., 1998, 847 p.

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed 20.12.2024).

Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarye, 1961, 900 p.

Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of foreign words]. F. N. Petrov (Ed.). Moscow, Gos. izd. inostr. i nats. slovarye, 1940, 864 p.

Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of foreign words]. F. N. Petrov (Ed.). Moscow, Sov. Entsikl., 1964, 784 p.

Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of foreign words]. Moscow, Rus. yaz., 1988, 608 p.

Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of foreign words]. V. V. Burtseva, N. M. Semanova (Eds.). Moscow, Russ. Yaz. – Media, 2007, 832 p.

Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v russkiy yazyk [Dictionary of foreign words that have entered the Russian language]. K. S. Kuz'minskiy (Comp); T. M. Kapel'zon (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1933, 1502 p.

Slovar' inostrannykh slov v russkom yazyke [Dictionary of foreign words in the Russian language]. I. V. Lekhin, F. N. Petrov (Eds.). Moscow, YuNVES, 1995, 830 p.

Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. [Dictionary of the Russian language: In 4 vols.]. A. P. Evgen'eva (Ed.). Moscow, Leningrad, Russ. yaz., 1981–1988.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t. [Dictionary of the modern Russian literary language: In 17 vols.]. Moscow, Leningrad, AN SSSP, 1950–1965.

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 4 t. [Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 vols.]. D. N. Ushakov (Ed.). Moscow, OGIZ, 1935–1940.

Yanovskiy N. M. *Novyy slovotolkovatel', raspolozhenny po alfavitu* [New word-talker, arranged alphabetically]. St. Petersburg, Tip. Akad. nauk, 1803, pt. 1, 868 p.

Информация об авторе

Мария Владимировна Бакурова, ассистент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Института филологии и медиакоммуникаций Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Maria V. Bakurova, Assistant of the Department of Theory of Language and Intercultural Communication, Institute of Philology and Media Communications, Federal State Educational Institution of Higher Education Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 10.02.2025;

одобрена после рецензирования 23.04.2025; принята к публикации 23.04.2025

The article was submitted on 10.02.2025;

approved after reviewing on 23.04.2025; accepted for publication on 23.04.2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 2
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2

Научная статья

УДК 811.512.211

DOI 10.17223/18137083/91/13

Видовые формы глагола в эвенском языке: к уточнению состава морфологических показателей

Сардана Ивановна Шарина

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
Якутск, Россия

sarshar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7536-2757>

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению не отмеченных ранее в грамматических описаниях эвенского языка видовых форм глагола: формы особо интенсивного однократного действия (-*нукан*- // -*нукэн*-); формы интенсивного многократного действия (-*нја*- // -*нјэ*-); формы длительного ослабленного действия (-*тна*- // -*тнэ*-); формы неопределенной кратности совершения действия (-*ман*- // -*мэн*-); формы длительности действия с дополнительным модальным оттенком жалости (-*йат*- / -*ч*- // -*йэт*- / -*ч*-); формы многократного действия (-*ру*-); формы неопределенной многоактности (-*й*-); формы приобщения объекта (-*м*-).

Впервые анализируются грамматические значения выявленных форм, их семантическая специфика на материале фольклора, художественной литературы и диалектных данных. Представлена сравнительная характеристика их употребительности, зависимости от контекста, от форм времени глагола. Вносятся существенные уточнения и дополнения в состав и номенклатуру показателей вида.

Ключевые слова

эвенский язык, глагол, видовые формы, грамматическое значение, семантическая специфика

Для цитирования

Шарина С. И. Видовые формы глагола в эвенском языке: к уточнению состава морфологических показателей // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 158–173. DOI 10.17223/18137083/91/13

© Шарина С. И., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 158–173

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 158–173

Aspectual forms of the Even language verb: further clarification regarding the composition of morphological indicators

Sardana I. Sharina

The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russian Federation
sarshar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7536-2757>

Abstract

Scholarly works on the Even language refer to verb forms indicating variations in the unfolding of an action as “aspectual forms”. These grammatical forms, when combined with the verb stem, alter its semantic properties, conveying multiplicity of processes, duration, intensity, and movement, as well as the imitation of actions. Comparative studies of Even language species forms reveal previously undocumented aspectual forms in certain dialects and colloquialisms. This article addresses novel indicators of verb inflection previously unnoted in Even grammatical descriptions. The following eight indicators are taken into account: (1) the form of a particularly intensive single action (-*nukan*-//*-nuken*-), (2) the form of intensive repeated action (-*нүа*-//*-нүэ*-), (3) the form of long-term attenuated action (-*тна*-//*-тне*-), (4) the form of indefinite multiplicity of the action (-*ман*-//*-мен*-), (5) the form of the duration of the action with an additional modal shade of pity (-*yat*-//*-ch*-//*-yet*-//*-ch*-), (6) the multiplication form (-*ru*-), (7) the form of indefinite multi-act (-*y*-), and (8) the form of initiation of the object (-*m*-). This study represents the first attempt to analyze the grammatical meanings of identified aspectual forms within the Even language, examining their semantic specificity using folklore, fiction, and dialectal data. A comparative analysis is provided, evaluating their utility, contextual dependence, and verb tense forms. The newly revealed forms substantially augment the composition and nomenclature of the species indicators.

Keywords

Even language, verb, aspectual forms, grammatical meaning, semantic specificity

For citation

Sharina S. I. Aspectual forms of the Even language verb: further clarification regarding the composition of morphological indicators. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 2, pp. 158–173. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/13

Эвенский глагол является наиболее интересной и сложной частью речи, которая неизменно привлекает внимание исследователей языка. Он характеризуется определенными грамматическими категориями: залога, времени, вида, наклонения, лица и числа.

Вслед за другими исследователями (см., например, [Роббек, 1982; 1992; 2007; Мальчуков, 2020]) мы придерживаемся той трактовки, которая рассматривает глагольный вид как часть аспектуальной системы эвенского языка, видовые показатели как грамматическое выражение функционально-семантической категории аспектуальности, морфосемантические операции с маркерами вида как аспектуальные деривации.

Глагольные формы, выражающие различные оттенки протекания действия, в научной литературе по эвенскому языку получили название видовых форм глагола. Это большая по численности и разнородная по составу группа деривационных аспектуальных форм. Показатели вида, присоединяясь к глагольной основе,

модифицируют его лексическое значение и выражают множественность процессов (счет отдельных разобобщенных процессов или частей одного процесса), его повторяемость (кратность), протяженность непрерывного во времени процесса (длительность) или меру его проявления (интенсивность), указывают на передвижение для совершения действия, намерение совершить действие и имитирование действия.

Видовые формы выделялись еще в первых грамматических работах по эвенскому языку. Впервые несколько видовых показателей (Inchoativa *-л*, Continuativa *-ват*, Desiderativa *-сти*, Frequentativa *-чи*) были выделены А. Шифнером в первом грамматическом очерке эвенского языка [Schiefner, 1859, p. 701–702]. Вид как отдельную морфологическую категорию эвенского глагола, включая в число показателей вида и маркеры залога, впервые вычленил В. Г. Богораз [1931, с. 29–31]. В грамматическом очерке И. Бенцинга данная группа форм также не отделяется от залоговых форм глагола, и все категориальные формы глагольного формообразования рассматриваются единым списком [Benzing, 1955, p. 41–49]. Наиболее полное описание вида глагола впервые представлено в работе В. И. Цинциус, где автор определяет вид как особую грамматическую категорию и подчеркивает, что «видовые формы... передают различные оттенки качества действия, различные градации в отношении форм его протекания» [Цинциус, 1947, с. 172]. Исследователь выделяет 19 показателей вида [Там же, с. 180–189]. В состав видовых форм автор включает не только формы с аспектуальным значением, показывающие характер протекания действия, но и формы, отражающие определенные модальные значения (форма желания совершить действие с суффиксом *-м-*; форма стремления совершить действие с показателем *-счи-*; форма отправления для совершения действия с суффиксом *-на- // -нэ-*; форма неоднократного отправления для совершения действия с *-ни*).

В последующем видовые формы рассматривались в грамматических очерках и диалектологических работах [Лебедев, 1978; 1982; Новикова, 1980; Роббек, 1989; Дуткин, 1995; Кузьмина, 2010; Шарина, Кузьмина, 2018; Кузьмина, Шарина, 2019; Бурькин, Шарина, 2021], глагольному виду посвящены и монографические исследования [Роббек, 1982; 2007].

При рассмотрении категории вида В. А. Роббеком предложено следующее определение: «...видом эвенского глагола мы называем такую категорию, которая выражается путем преимущественно суффиксального усложнения первичной глагольной основы, вследствие чего новая основа приобретает дополнительные оттенки значения, связанные с представлением о характере протекания действия» [Роббек, 1982, с. 16]. Далее он отмечает: «Наряду с видами мы выделяем видовые классы, которые отличаются от всех видов меньшим охватом глагольной лексики. Виды и видовые классы составляют глагольные формы аспектуальности» [Там же]. Выделенные видовые показатели (наиболее распространенные) и видовые классы (менее продуктивные) В. А. Роббек классифицирует и систематизирует в шесть аспектуальных групп по характеру протекания действия: фазы, кратность, направление, интенсивность, дезидеративность и имитация [Роббек, 2007, с. 362]. Аспектуальные формы, как правило, демонстрируют нейтральное взаимодействие с категорией времени, не отмечаются ограничения на их сочетание с категорией лица и залога [Роббек, 2007, с. 364–365; Мальчуков, 2020].

Однако, при относительной изученности категории вида и аспектуальных форм глагола, в отдельных эвенских диалектах и говорах и различных источниках можно обнаружить определенные формы, выражающие различные оттенки про-

текания действия, не отмеченные в известных работах. Более того, некоторые показатели не отражены в основных грамматических описаниях и документированы лишь единичными примерами, так что их семантику нельзя считать окончательно установленной. Поэтому важно решить задачу определенного пополнения инвентаря показателей способов глагольного действия эвенского языка, основываясь на новых наблюдениях.

Материалом статьи послужили полевые материалы автора по эвенским диалектам восточного и западного наречий, изученные письменные тексты, имеющие различную диалектную основу, а также опубликованные и неопубликованные фольклорные тексты на различных эвенских диалектах. В качестве иллюстративных примеров в статье используются образцы малых жанров эвенского фольклора, извлеченные из опубликованных источников, представляющих издания разных лет, начиная с 70-х гг. XIX в., и систематизированных А. А. Бурыкиным [2001].

Итак, исходя из результатов грамматических исследований и диалектных описаний, в эвенском языке выделяются следующие видовые формы глагола:

- 1) форма общего (совершенного) вида (с нулевым показателем): *дяв-дай* 'схватить';
- 2) форма конкретно-процессуального (несовершенного) вида (с суффиксом *-д- // -д'-*): *дява-д-дай* 'ловить';
- 3) форма неопределенного вида (*-т- // -ч-*): *дяву-т-тай* 'держат';
- 4) форма обычно совершаемого действия (*-ват- / -ч- // -вэт- / -ч-*): *дяв-вот-тай* 'ловить (обычно)';
- 5) форма длительно-многократного действия (*-с-*): *дяву-с-тай* 'ловить (много раз или многих)';
- 6) форма неоднократно совершаемого действия (*-гра- // -грэ- // -гара- // -гэрэ- // -ура- / -урэ-*): *дяв-гара-дай* 'ловить не раз';
- 7) форма многократного действия (*-кат- / -ч- // -кэт- / -ч-*): *дяв-кат-тай* 'ловить многих';
- 8) форма многообъектного действия (*-н-, -на- // -нэ-*): *тум-эн-дэй* 'поперемотать';
- 9) форма редко совершаемого действия (*-ван- / -ван'- // -вэн- / -вэн'- // -ин- / -ин'-*): *дяв-ван-дай* 'ловить изредка';
- 10) форма однократного действия (*-сан- // -сэн- // -сн-*): *тумэ-сн-эдэй* 'смотреть';
- 11) форма длительного ослабленного действия (*-дян- / -дян'- // -ден- / -ден'-*): *дява-дян-дай* 'ловить с перерывом, медленно';
- 12) форма ускоренного действия (*-малчи- // -мэлчи-*): *дява-малчи-дай* 'ловить быстро';
- 13) форма замедленного действия или стремления совершить действие (*-счи-*): *дява-счи-дай* 'пытаться ловить';
- 14) форма ослабленного действия (*-со- // -сө-*): *дяв-со-дай* 'ловить нехотя';
- 15) форма начинательности (*-л-*): *дява-л-дай* 'начать ловить';
- 16) форма желания совершить действие (*-м-*): *дява-м-дай* 'хотеть ловить';
- 17) форма отправления для совершения действия (*-на- // -нэ-*): *дява-на-дай* 'пойти ловить';
- 18) форма неоднократно отправления для совершения действия (*-ни-*): *тум-ни-дэй* 'ходить мотать';

19) форма противоположного действия (-лга- // -лгэ-): *илча-лга-дай* 'расплетсти то, что было сплетено';

20) форма противоположно направленного действия (-рга- // -ргэ-): *тумэ-ргэ-дэй* 'размотать то, что было смотано';

21) форма многократно-прерывного действия (-у-): *хэлк-у-дэй* 'хвататься' от *хэлкэндэй* 'схватиться';

22) форма, указывающая на неопределенную множественность действия (противопоставление узкого гласного *и* широкому *а / э*): *тэвл-и-дэй* 'собирать ягоды' от *тэвлэдэй* 'пойти за ягодами';

23) формы со значением множественности (-к-, -м-): *бута-к-тай* 'отламывать' от *бута-л-дай* 'отломить', *бута-м-дай* 'отламываться' от *бута-р-дай* 'отломиться';

24) форма со значением перемещения и возвращения (-нас- // -нэс-): *дява-нас-тай* 'сходить поймать';

25) форма имитации действия (конструкция: -сан- // -сэн- // -сон- + *бидэй* 'быть'): *дяв-сон бидэй* 'делать вид, что ловит'.

Данный перечень дополнительно может быть пополнен определенными формами, выражающими характер протекания действия, которые были обойдены вниманием исследователей в грамматических описаниях. Рассмотрим их.

Форма особо интенсивного действия (ультрамгновенный вид УМО) образуется при помощи суффикса *-нукан-* / *-нукэн-* от достаточно большого количества глаголов и могла бы быть включена в число глагольных видовых форм, например: *багактай* 'бить' – *баганукандай* 'ударить один раз сильно', *гөбэдэй* 'погрузиться, утонуть (скрыться из виду, опустившись вниз)' – *гөбэнукэндэй* 'нырнуть', *төмтэнукэндэй* 'выскочить (резко, быстро, ср. *төмтэс* 'насквозь')'. Ранее данная форма не выделялась, очевидно, вследствие значительного внешнего сходства с формами побудительного залога (каузатив *-укан-* // *-укэн-*). Семантика этой формы может быть определена как значение однократности и интенсивности действия.

(1) *Ибдири бэй тогу хяснин, хятануканни. Модги.* [Бурькин, 2001, с. 153]

ибдири бэй тог-у хясни-н
неизвестный человек огонь-ACC выщелкивать-3Sg

хята-нукан-ни модги

выбивать-УМО-3Sg огниво

'Неизвестный человек огонь выщелкивает, выбивает. (Огниво).'

(2) *Анүачидилдай гулум гулудилран, иттэн тар тог хутануканни.* (Сказки Эвенов, 2008, с. 262)

анүачи-д-и-л-да-й гулум
ночевать-PRG-VOW-INCH-PER.CV-REFL костер-ACC

гулу-д-и-л-ра-н ит-тэ-н
развести.костер-PRG-VOW-INCH-NFUT-3Sg видеть-NFUT-3Sg

тар тог **хута-нукан-ни**
тот огонь **сверкать-УМО-3Sg**

'Чтобы переночевать, хотела развести костер, вдруг видит – неподалеку вспыхнул огонь.'

- (3) *Нарга нам мөлэн гөбөнукэнни, нян-да хевэттэн оран дюлдэлэн.* (Сказки эвенов, 2008, с. 76)

нарга	нам	мө-лэ-н	гөбө-нукэн-ни
нерпа	море	вода-LOC-POSS.3Sg	нырять-УМО-3Sg,
нян-да	хе-вэт-тэ-н		оран
опять-PTL	показаться-HABIT-NFUT-3Sg		олень
дюлдэ-лэ-н			
перед-LOC-POSS.3Sg			

‘Нерпа нырнула в море, и опять показалась впереди оленя.’

- (4) *Учику ями-гал хилгэсэнэн, тадук нухунуканни.* (Кривошапкин, 2018, с. 189)

учик-у	ями-гал	хилгэ-сн-э-н
Верховой.олень-POSS.1Sg	почему-то	задрожать-MOM-VOW-3Sg
тадук	нуху-нукан-ни	
потом	фыркать-УМО-3Sg	

‘Мой верховой олень почему-то вздрогнул, потом фыркнул.’

Форма особой интенсивности действия (ультрагнновенный вид) обнаруживается как в восточных (примеры (1), (3)), так и в западных (2) говорах эвенского языка, хотя в западных диалектах употребляется более активно. Для фольклора ее употребление является обычным, особенно в экспрессивно окрашенных контекстах сказок. В письменном языке она прослеживается в художественных текстах, близких по языковой основе к западным диалектам эвенского языка (4). Форма со специальным показателем *-нукан- / -нукэн-* характеризуется моносемантической и охватом довольно большого количества глагольной лексики. Глаголы, принимающие данный суффикс, по предварительным наблюдениям, не образуют форм однократности с суффиксом *-сан- / -сэн- / -сн-*. Данная форма может быть отнесена к аспектуальной группе интенсивности действия.

Форма постоянно совершаемого действия, или форма интенсивной многократности (HABIT₂), обозначает многократное действие с интенсивным характером его совершения или обычно совершающееся действие. По значению данная форма соотносима с формой хабитатива – вида обычно совершаемого действия на *-ват- / -ч- // -вэт- / -ч-*, выражающей относительную регулярность совершаемого действия безотносительно к моменту речи. К семантическим признакам хабитатива 2 можно отнести многократность действия, интенсивность повторяемости, расщепленность временного плана. Образуется посредством суффикса *-нуа- / -нуэ-* (иногда наблюдаются формы с метатезой согласных *-уна- / -унэ-*, возможно, перед нами исторически два разных маркера с близкими значениями).

Примеры образования форм интенсивной многократности: *гөбэдэй* ‘погрузиться, утонуть (скрыться из виду, опустившись вниз)’ – *гөбэнүэдэй* ‘погружаться, тонуть’, *титидай* ‘пищать, верещать (о насекомых)’ – *титинүадай* ‘пищать (о мыши), шипеть (о змее)’; *чөчидай*, ‘садиться, подогнув под себя ноги, садиться на корточки, садиться на задние лапы (о животном)’ – *чочинүадай* ‘плясать вприсядку’, *иркадай* ‘дразнить’ – *ирканүадай* ‘шутить, дразнить’. Ср. также соотносительные пары производных форм: *дөрэлчидэй* ‘мелькать’ – *дөрэнүэдэй* ‘мелькать’, *дебэнтэдэй* ‘иметь что-л. в качестве еды, питаться чем-л.’ – *деплэнүэдэй* ‘питаться чем-л.’

Такие формы встречаются, и нередко, в письменных текстах, причем в разных источниках: *хэтэкэнүэрит* ‘мы бежали’, *гөнүэрин* ‘он говорил’, *дэунарап* ‘мы вспоминаем’, *мянүаритан* ‘они удивлялись’, *гөнүэр* ‘говорят (неоднократно)’.

В словоформе *гэмкэнүэритэн* ‘загадывали загадки’ этот показатель стоит после суффикса каузатива, который может признаваться эталонным в эвенском языке, так как не только не знает лексических ограничений на сочетаемость с глагольными основами, но и способен к удвоению в пределах одной словоформы [Шарина, 2023, с. 40]. Данное обстоятельство соответствует стандартному порядку следования категориальных показателей в глагольной словоформе: залог – аспект – время / наклонение – лицо / число [Мальчуков, 2020, с. 68].

(5) *Адалу тууэр-лэ илука-үна-р.* (Н-К)

адал-у тууэр-лэ илука-үна-р
 сеть-ACC озеро-LOC ставить-НАВИТ2-CONN
 ‘Рыболовную сеть на озере ставят.’

(6) *Һадун долбуни дулукандулан умни часла уриунэрэн.* (Н-К)

Һадун долбуни дулукан-дула-н умни
 иногда ночь середина-LOC-POSS.3Sg первый
 час-ла ури-үнэ-рэ-п
 час-LOC становится.стойбищем-НАВИТ2-NFUT-1PI
 ‘Иногда посреди ночи становимся стойбищем, в первом часу.’

(7) *Мину осколала эмэунэр, интернатлэ.* (В-К)

мин-у оскола-ла эмэ-үнэ-р интернат-лэ
 мой-ACC школа-LOC оставить-НАВИТ2-CONN интернат-LOC
 ‘Меня в школе оставляли, в интернате.’

Приведенные примеры иллюстрируют употребление формы в говорах западного (5), (6) и среднего (7) наречий. Форма *-нүа- / -нүэ-* характеризуется довольно высокой употребительностью, в западных говорах заменяет итеративную форму *-ват- / -ч- // -вэт- / -ч-*, охватывая сравнительно большое количество глагольной лексики. В любом контексте не теряет своего значения, не зависит от форм времени. Форма *-нүа- / -нүэ-* органично включается в аспектуальную группу кратности действия.

Форма длительного кратного действия (ITR5), значение которой еще предстоит уточнить, но предварительно оно определяется как значение длительного кратного действия иногда с дополнительным оттенком самопроизвольного совершения или ослабленного протекания процесса, образуется посредством суффикса *-тна- / -тнэ-*. Список значений этой формы можно определить как многократность, неоднородность интервалов между проявлениями многоактного действия, длительность, ослабленность действия.

В специальных работах и описательных грамматических очерках этот показатель не выделялся, возможно, в связи с тем, что исследователи рассматривали такие формы как содержащие два разных маркера – суффикс продолженного вида *-т- / -ч-* в сочетании с показателем перемещения *-на- / -нэ-*. Примеры, имеющиеся в нашем распоряжении, во-первых, исключают трактовку форманта *-тна- / -тнэ-* как сочетания этих показателей, во-вторых, свидетельствуют о наличии у него достаточно определенного значения. Суффикс *-тна- / -тнэ-* сочетается в основном с переходными, чаще всего неопределенными глаголами, например: *хаундай* ‘задохнуться’ – *хаунтнадай* ‘задыхаться’, *хамудай* ‘прийти в замешательство’ – *хамутнадай* ‘приходить в замешательство, пребывать в замешательстве’, *хэридэй* ‘заволноваться’ – *хэритнэдэй* ‘волноваться’, *апкадай* ‘удушить, удавиться, задох-

нуться’ – *апкутнадай* ‘задыхаться’, а также, вероятно, изолированное *бокутнадай* ‘беспокоиться, волноваться’.

- (8) *Мөлиддывурбу экич төкрэ, үал-да энсэн, мө өүкэлбэтнэн, нири-да энсэн.* (Сказки эвенов, 2008, с. 194)

мөлиддыву-р-бу э-кич төк-рэ үал-да
посу-да.для.воды-PI-ACC не-POTENT нести-CONN руки-PTL
эн-сэ-н мө **өүкэлбэ-тнэ-н** нири-да
болеть-NFUT-3Sg вода **политься-ITR5-3Sg** спина-PTL
эн-сэ-н
болеть-NFUT-3Sg
‘Ведро с водой нести нельзя – руки болят, вода разливается, спина болит.’

- (9) *Тйнип-тук хиэмкэллиди, нипкутнэри-в.* (Н-К)

тйнип-тук хиэмкэ-л-лиди **нипку-тнэ-ри-в**
вчера-ABL кашлять-INCH-ANT.CV.Sg **закупорить-ITR5-PST-1Sg**
‘Со вчерашнего дня, кашляя, все задыхаюсь.’

- (10) *Би-си кэндэл элгэлитэн мунруканду-да эникэн дабдар учутнарам.* (Шолохов, 1985, с. 28)

би-си кэндэ-л элгэли-тэн мунрукан-ду-да
я-PTL яма-PI между-POSS.3PI заяц-DAT-PTL
э-никэн дабда-р **учу-тна-ра-м**
не-SIM.CV.Sg победить-CONN **виться-ITR5-NFUT-1Sg**
‘Я-то между рытвинами не хуже зайца петляю.’

Примеры (8)–(10) демонстрируют очевидность семантической специфики форм на *-тна-* / *-тнэ-* – обозначение неоднократного действия с дополнительным оттенком самопроизвольного совершения. При сравнительном рассмотрении ареальных и диалектных различий обнаруживается, что данный показатель отмечается и в восточном (8), и в среднем (10), и в западном (9) наречиях эвенского языка. Форма длительного ослабленного действия с дополнительным оттенком самопроизвольного совершения (*-тна-* / *-тнэ-*) охватывает ограниченную часть глагольной лексики – переходные, в основном неопределенные глаголы. Приведенную форму предварительно можно отнести в состав аспектуальной группы интенсивности действия.

Форма неопределенной кратности совершения действия (ITR6) образуется посредством суффикса *-ман-* / *-мэн-*, при этом глагольные формы, содержащие данный показатель, спрягаются по тому же типу, что и глаголы с основой на согласный (а не на *-н*). К семантическим признакам данной формы относится неопределенная кратность и неоднородность интервалов между проявлениями многоактного действия.

Например: *дёмандай* ‘вспоминать время от времени’, *гөмэнрэн* ‘сказал’, *дяваманра* ‘сжимали’, *чукачан доманран* ‘птичка садится’, *гямандай* ‘иметь другом, дружить’.

- (11) *Мэр доли этэн хаманра, ок-та эчил көемэттэ.* [Бурыкин, 2001, с. 53]

мэр доли э-с-тэн **ха-ман-ра**
свои внутри не-NFUT-3PI **знать-ITR6-CONN**
ок-та э-чи-л көе-мэт-тэ.
никогда не-PST-3PI видеть-REC-CONN
‘Друг друга не знают, друг друга никогда не видели (они).’

(12) *Тарнюн даран төллэ исни игу долчиманрин.* (Кривошапкин, 2018, с. 14)

тар-нюн даран төл-лэ ис-ни
тот-COM рядом наружу-LOC слышать-PRS.PART
иг-у **долчи-ман-ри-н**
звук-ACC **слушать-ITR6-PST-3Sg**

‘Одновременно с этим каждый раз прислушивался он к шорохам снаружи.’

(13) *Нин-и һō були-ман-ра-н.* (Лам)

Нин-и һō **були-ман-ра-н**
собака-POSS.3Sg очень **тосковать-ITR6-NFUT-3Sg**

‘Сильно тосковал по своей собаке (он).’

Примеры (11)–(13) иллюстрируют кратные действия, длящиеся во времени. Глаголы с данным показателем встречаются в разных функциональных разновидностях эвенского языка – в фольклоре (11), художественной литературе (12), в разговорной речи (13). Форма неопределенной кратности совершения действия выражает свое основное значение вне контекста, зависимость форм времени глагола от данной формы не наблюдается, и *-ман- / -мэн-* является специальным носелематическим грамматическим показателем. Данная форма квалифицируется как компонент аспектуальной группы кратности действия.

Форма длительности (замедленности) действия с модальным оттенком жалости – аттенуатив 2 (ATTEN2), образующийся при помощи суффикса *-йат- / -ч- // -йэт- / -ч-*, встречается в отдельных текстах на эвенском языке и в диалектных материалах. В графике обозначается как *-ят- / -ет- // -ьят / -ьет*, хотя написание грамматических форм глагола с данным суффиксом до сих пор не нормализовано, и в текстах эти формы достаточно редки.

Форма длительного действия с модальным оттенком жалости обозначает, что действие или динамичный образ проявляется в замедленном темпе и характеризуется модальным оттенком определенной симпатии, ласки, жалости, сожаления по отношению к субъекту действия со стороны говорящего. В повседневной речи эвенов обычно эта форма используется при воспоминании об ушедших в мир иной родственниках, дорогих людях.

Целый ряд таких форм встречается в одном из стихотворений В. Г. Белолюбской-Аркук:

<i>Ачча одим өмнэкэн</i>	‘Когда-то однажды меня не станет,
<i>Хэбигчин дэгэльтчим,</i>	Как дым я, бедная, буду улетать,
<i>Танмаригчин уйетчим,</i>	Как туман, подниматься вверх буду,
<i>Иманрагчин ханарьятчим,</i>	Как снег, таять буду.
<i>Нёчэгчин качуньятчим</i>	Как трава, вянуть буду.’

(14) *Мөнтэлсэду хякита бучуйатчин, нян хэнут укал котийаттин.* (Бер)

мөнтэлсэ-ду хякита **бучу-йат-чи-н**
осень-DAT лиственница **увянуть-ATTEN2-FUT-3Sg**
нян хэнут укал **котий-йат-ти-н**
еще трава уже **сохнуть-ATTEN2-PST-3Sg**

‘Осенью лиственница, бедная, завянет, а сейчас уже трава (растущая в болотистых местах) засыхает.’

(15) *Энэе, ай бэй бунни гөникэн хиргэчэл гудэил, тарит һөрйатчал.* (В-К)

энэе	ай	бэй	б-н-а-нни
богатый	хороший	человек	статья-IMP-2Sg
гө-никэн		хиргэ-чэ-л	
говорить-SIM.CV.Sg		благословить-PRF.PART-PI	
гудэи-л	тарит	һөр-йат-ча-л	
бедный-PI	потом	уйти-ATTEN2- PRF.PART-PI	

‘Богатым, хорошим человеком будь, говоря, благ пожелали, бедные, потом ушли.’

(16) *Амму гудэике мунһавриди тар пэктурэми һэпкэниди, курамлий нукриди, улкуйатман.* (Н-К)

ам-му	гудэи-ке	мунһав-риди	тар
отец-POSS.1Sg	милый-PTL	сожалеть-ANT.CV.Sg	тот
пэктурэ-м-и		һэпкэ-ниди	
ружье-ACC-POSS.REFL.Sg		хватать- ANT.CV.Sg	
курамли-й	нук-риди	улку-йат-та-н	
шапка-POSS.REFL.Sg	снять-ANT.CV.Sg	махать-ATTEN2-NFUT-3Sg	

‘Отец мой милый с досады, схватив ружье, сняв шапку, размахивает, бедный.’

Примеры показывают, что форма длительного действия с модальным оттенком жалости употребительна и в восточном наречии (14), и в среднем (15), и в западных говорах (16). Рассматриваемая форма зачисляется в состав аспектуальной группы интенсивности действия.

Форма многократного действия с суффиксом *-ру-* (ITR7) в описаниях грамматики эвенского языка ранее не отмечалась, хотя данный показатель представлен в некоторых частотных отыменных глаголах, ср.: *чайрудай* ‘пить чай (длительное время или многократно)’. Нами отмечен глагол *ибдирирудэй* ‘загадывать загадки’ от *ибдири* ‘неизвестный’ (начальное слово загадок), в текстах встретилась отглагольная форма *очарудай* ‘делать что-то длительное время’. Функционируют также формы глаголов: *дөктэрудэй* ‘красить корой ольхи’ (*дөктэ* ‘ольха’), *банурудай* ‘упрямиться’, *хомрудай* ‘восторгаться’ (ср. *хокандай* ‘обрадоваться’). К семантическим признакам данной формы относятся повторяемость действия, некая протяженность во времени.

(17) *Бан бэй очаруми хонриунан, мяву бэй яв-да эми ор хонриунан.* [Бурыкин, 2001, с. 170]

бан	бэй	оча-ру-ми	хонриу-на-н
ленивый	человек	работа-ITR7-COND.CV	скучать-NFUT-3Sg
мяву	бэй	яв-да	э-ми
трудолюбивый	человек	ничего	не-COND.CV
о-р		хонриу-на-н.	
делать-CONN		скучать-NFUT-3Sg	

‘Ленивый человек, работая, скучает, трудолюбивый человек без работы скучает.’

- (18) *Нөчэнни чаюрудилран.* (Сказки эвенков, 2008, с. 240)

нө-чэн-ни

младшая.сестра-DIM-POSS.3Sg

чаю-ру-д-и-л-ра-н

пить.чай-ITR7-PRG-VOW-INCH-NFUT-3Sg

‘Сестричка младшая <его> начала пить чай.’

В предложении (17) приводится случай оформления формой многократности условного деепричастия, пример (18) иллюстрирует использование формы *-ру-* отыменным финитным глаголом. По семантическим признакам указанная форма включается в аспектуальную группу кратности действия.

Форма неопределенной многоактности (ITR8) также относится к не отмеченным в грамматических описаниях эвенского языка показателям. Имеет значение неопределенной многоактности действия, многократного или повторяющегося действия. Образуется посредством суффикса *-й-*, например: *арка-й-ра-н* ‘включает’, *омуайрам* ‘часто, постоянно забываю’.

- (19) *Яв этэр дюлэски хоуайра, хутур өмнивурэ-си?* (Сказки эвенков, 2008, с. 239)

я-в

э-тэ-р

дюлэски

хоу-а-й-ра

что-ACC

не-NFUT-CONN

в будущем

плакать-VOW-ITR8-CONN

хут-ур

өмни-вур-э-си

ребенок-POSS.REFL.PI

один-POSS.REFL.PI-VOW-PTL

‘Как же им постоянно не оплакивать своего единственного сына?’

- (20) *Тормита харакалби эч өлэкчир, дюмайрин нян хэбдекрин.* (Кривошапкин, 2018, с. 46)

Тормита харак-а-л-би

э-ч

өлэкчи-р

Тормита приятель-VOW-PL-ACC не-PST обмануть-CONN

дюма-й-ри-н

нян хэбдек-ри-н

гостить-ITR8-PST-3Sg

и веселиться-PST-3Sg

‘Тормита друзей не обманул: и погостил у них, и повеселился.’

- (21) *Хояв тугэнив эрэк мямси төрэлдули елтэйрэм-да, ями-да яв-ул анјамтав мэддөттэм.* (Кривошапкин, 2018, с. 50)

хоя-в

тугэни-в

эрэк

мямси

много-ACC

зима-ACC

этот

интересный

төр-э-л-дули

елтэ-й-рэм-да

ями-да

земля-VOW-PI-PROL

пройти-ITR8-NFUT-1Sg-PTL

почему-то

яв-ул анјамта-в мэддөт-тэ-м

что-то новый-ACC примечать-NFUT-1Sg

‘Много зим я проезжаю по этим интересным местам, но почему-то всегда здесь новое примечая.’

Предложения (19)–(21) иллюстрируют многократные и повторяющиеся действия. Судя по примерам, глаголы с суффиксом *-й-* встречаются в разных функциональных разновидностях языка – в фольклоре (19), художественной литературе (20), (21). Форма неопределенной многоактности *-й-* является специальным моносемантическим показателем и характеризуется меньшей употребительностью, чем другие итеративные формы. Данный показатель может быть квалифицирован как компонент аспектуальной группы кратности действия.

Форма приобщения объекта – оппозитив 3 (OPP3) – характерна для глаголов со значением давания и дарения и обозначает действие, противоположное по направлению действию, обозначенному исходной формой. Форма иллюстрирует неустойчивость отношения между действием и его субъектом, как и другие формы антонимичного действия. Образуется посредством суффикса *-м-*, например: *анидай* ‘подарить’ – *анимдай* ‘получить подарок’, *тõридай* ‘заплатить калым за невесту’ – *тõримдай* ‘получить калым за невесту’, *нãндай* ‘дать в долг (по инициативе дающего), дать аванс’ – *нãнамдай* ‘получить в долг, получить в аванс’, *коттай* ‘дать в долг (по просьбе берущего)’ – *котамдай* ‘взять в долг’. В грамматических описаниях рассматриваемая форма не выделялась.

- (22) *Этэ буюс-нэ-дэ-й иссэ-гэ-й харачак-ла кот-а-м-ри-н.* (Бер)
 этэ буюс-нэ-дэ-й иссэ-гэ-й
 дед охотиться-DIRECT-PER.CV-REFL еда-DES-POSS.REFL
 харачак-ла **кот-а-м-ри-н**
 магазин-LOC **дать.в.долг-VOW-OPP3-PST-3Sg**
 ‘Дед, чтобы пойти охотиться, взял в долг съестные припасы в магазине.’
- (23) *Дюв хараттай, би гядукий тугэниклэн мэнэм нãнамрам.* (Бер)
 дю-в хараттай, би гя-дук-и-й
 дом-ACC купить я друг-ABL-VOW-POSS.REFL
 тугэни-клэ-н мэнэ-м **нãн-а-м-ра-м**
 зима-DIR.LOC-3Sg деньги-ACC **дать.в.долг-VOW-OPP3-NFUT-3Sg**
 ‘Чтобы купить дом, я у друга до зимы взял деньги в долг.’
- (24) *Мут торим-а-тан эгден би-си-н.* (Ол)
 мут **торим-а-тан**
 мы **заплатить.калым.за.невесту-OPP3-PST-1PI**
 торим-а-тан эгден би-си-н.
 калым.за.невесту-VOW-3PI большой быть-PST-3Sg
 ‘Мы получили калым за невесту, их калым был большой.’

В примерах (22)–(24) приводится материал берёзовского и ольского говоров восточного наречия. По нашим данным, в западных говорах форма с оппозитивным формантом *-м* не отмечается.

Форма приобщения объекта характеризуется монозначностью, весьма ограниченным охватом глагольной лексики и воздействует на семантику первичной основы, внося дополнительное значение обратного или противоположного действия. Выявленная форма может быть отнесена в аспектуальную группу направления действия.

В описаниях эвенского языка отмечалась особая форма, названная формой вида готовности к действию, образованная при помощи суффикса *-мал- // -мэл-*. У исследователей существует два отдельных взгляда на его природу. Впервые как самостоятельный формант его выделяет В. Г. Богораз [1931, с. 29–31], этой же точки зрения придерживаются В. И. Цинциус [1947, с. 187–188] и В. И. Левин [1936, с. 197]. В. А. Роббек также относит его к отдельному видовому классу [Роббек, 2007, с. 426]. Как составной формант, состоящий из комбинации форм *-м-* (суффикс желательного вида) и *-л-* (суффикс начинательного вида), он рассматривается в работах И. Бенцинга [Benzing, 1955, р. 44–45] и К. А. Новиковой [1980, с. 38]. Нам представляется, что данный показатель является сочетанием двух суффиксов – показателя вида желания совершить действие *-м-* и суффикса начи-

нательного вида *-л-*. Основанием для такой трактовки является то, что форма на *-м-ал-* // *-м-эл-* не присоединяет к себе маркер начинательного вида (подобное ограничение для суффикса начинательности *-л-* само по себе является необычным), а также невозможность повторения суффикса начинательности *-л-* в смежных порядковых позициях в словоформе.

По мнению В. А. Роббека, «виды и видовые классы эвенского глагола представляют собой абстракцию двух типов: семантическую и грамматическую» [Роббек, 2007, с. 359]. Таким образом, семантические признаки способов глагольного действия эвенского языка могут быть перечислены в виде следующего списка значений: нейтральность / однократность / многократность; нейтральность / кратковременность / длительность; единство временного плана / расщепленность временного плана; однородность / неоднородность интервалов между проявлениями многоактного действия; частота / редкость проявлений многоактного действия; интенсивность / ослабленность действия; ускоренность / замедленность протекания действия; устойчивость / неустойчивость отношения между действующим и его субъектом (антонимичные действия); желательность / нежелательность действия; иная модальная оценочность действия (реальность / имитация действия и др.)

Как видно из вышеизложенного, все рассмотренные формы аспектуальности основываются на тех или иных приведенных семантических значениях. Соответствуют они и критериям категориальности: их грамматическая сущность характеризуется наличием специализированного морфологического показателя, определенным диапазоном охвата глагольной лексики, слабой зависимостью от контекста, отсутствием связи с формами времени глагола, наличием корреляции с семантикой глагольной основы.

Выявленные формы с показателями *-нукан-* / *-нукэн-*, *-нун-* / *-нунэ-*, *-тна-* / *-тнэ-*, *-ман-* / *-мэн-*, *-йат-* / *-ч-* // *-йэт-* / *-ч-*, *-ру-*, *-й-*, *-м-* вносят определенные уточнения и дополнения в описание морфологических категорий эвенского глагола.

Список условных обозначений

1 – первое лицо, 2 – второе лицо, 3 – третье лицо; ABL – отложительный падеж; ACC – винительный падеж; ANT.CV – одновременное деепричастие; ATTEN2 – аттенуатив 2 (форма длительности (замедленности) действия с модальным оттенком жалости); COM – совместный падеж; COND.CV – условное деепричастие; CONN – коннегатив (форма глагола на *-р*); DAT – дательный падеж; DES – назначительный падеж; DIM – диминутив; DIRECT – отправительный вид; DIR.LOC – направительно-местный падеж; FUT – будущее время; IMP – императив; INCH – инхоатив (начинательный вид); HABIT – хабиуал (вид обычного действия); HABIT2 – хабиуал 2 (форма интенсивной многократности или форма постоянно совершаемого действия); ITR5 – итератив 5 (форма длительного кратного действия); ITR6 – итератив 6 (форма неопределенной кратности совершения действия); ITR7 – итератив 7 (форма многократного действия); ITR8 – итератив 8 (форма неопределенной многоактности); LOC – местный падеж; MOM – моментатив (вид моментального действия); NFUT – аорист; OPP3 – оппозитив 3 (форма приобщения объекта); PER.CV – деепричастие цели; PI – множественное число; POSS – посессив, POSS.REFL – возвратное притяжание; POTENT – показатель возможного действия; PRF.PART – перфектное причастие; PRG – прогрессив; PROL – продольный падеж; PRS.PART – причастие настоящего времени;

PST – прошедшее время; PTL – частица; REC – реципрок; REFL – рефлексив; Sg – единственное число; SIM.CV – одновременное деепричастие; UMO – ультрамгновенный вид; VOW – соединительный гласный.

Список обозначений говоров эвенского языка

Бер – березовский говор восточного наречия
В-К – верхнеколымский говор среднего наречия
Лам – ламунхинский говор западного наречия
Н-К – нижнеколымский говор западного наречия
Ол – ольский говор восточного наречия

Список литературы

- Богораз В. Г.* Материалы по ламутскому языку // Тунгусский сборник. Л., 1931. Вып. 1. С. 1–108.
- Бурыкин А. А.* Малые жанры эвенского фольклора (исследование и тексты). СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 288 с.
- Бурыкин А. А., Шарина С. И.* Эвенский язык: Фонетика. Графика и орфография. Морфология. Новосибирск: Наука, 2021. 402 с.
- Дуткин Х. И.* Аллаиховский говор эвенского языка. СПб.: Наука, 1995. 144 с.
- Кузьмина Р. П.* Язык ламунхинских эвенов. Новосибирск: Наука, 2010. 112 с.
- Кузьмина Р. П., Шарина С. И.* Особенности языка верхнеколымских эвенов. Новосибирск: Наука, 2019. 116 с.
- Лебедев В. Д.* Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978. 207 с.
- Лебедев В. Д.* Охотский диалект эвенского языка. Л.: Наука, 1982. 241 с.
- Левин В. И.* Краткий эвенско-русский словарь: С приложением грамматического очерка. Л., 1936. 224 с.
- Мальчуков А. Л.* Взаимодействие глагольных категорий в эвенском языке // Иерархия и взаимодействие грамматических категорий глагола. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 67–96.
- Новикова К. А.* Очерки диалектов эвенского языка: ольский говор. Л., 1980. Ч. 2. 244 с.
- Роббек В. А.* Виды глагола в эвенском языке. Л.: Наука, 1982. 113 с.
- Роббек В. А.* Язык эвенов Березовки. Л.: Наука, 1989. 205 с.
- Роббек В. А.* Грамматические категории эвенского глагола. СПб.: Наука, 1992. 166 с.
- Роббек В. А.* Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте. Новосибирск: Наука, 2007. 726 с.
- Цинциус В. И.* Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947. 270 с.
- Шарина С. И., Кузьмина Р. П.* Нижнеколымский говор эвенского языка. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. 184 с. DOI 10.15372/Dialect2018SSI
- Шарина С. И.* Категория залога в эвенском языке: семантическая специфика, взаимодействие показателей в словоформе // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2023. № 1 (42). С. 34–43. DOI 10.25693/SVGV.2023.42.1.003
- Benzing I.* Lamutische Grammatik. Wiesbaden, 1955. 254 p.
- Schiefner A.* Beitrage zum Kentniss der Tungusischen Mundarten // Melanges Asiatiques. 1859. Vol. 3. P. 682–706.

Список источников

- Кривошапкин А. В. Тормита буюсэмнэ. Охотник Тормита. Якутск: Бичик, 2018. 208 с.
- Сказки эвенгов. Рукопись. Якутск: ИПМНС СО РАН, 2008. 338 с.
- Шолохов М. А. Бэй бинилэн битлэ. Судьба человека / Пер. Н. А. Зыбина. Магадан, 1985. 54 с.

References

- Benzing I. *Lamutian grammar*. Wiesbaden, 1955, 254 p.
- Bogoraz V. G. Materialy po lamutskomu yazyku [Materials on the Lamut language]. In: *Tungusskiy sbornik* [Tungus collection]. Leningrad, 1931, iss. 1, pp.1–108.
- Burykin A. A. *Malye zhanry evenskogo fol'klora (issledovanie i teksty)* [Small genres of Even folklore (research and texts)]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2001, 288 p.
- Burykin A. A., Sharina S. I. *Evenskiy yazyk: Fonetika. Grafika i orfografiya. Morfologiya* [Even language: Phonetics. Graphics and spelling. Morphology]. Novosibirsk, Nauka, 2021, 402 p.
- Dutkin Kh. I. *Allaikhovskiy govor evenskogo yazyka* [Allaikhovsky dialect of the Even language]. St. Petersburg, Nauka, 1995, 144 p.
- Kuz'mina R. P., Sharina S. I. *Osobennosti yazyka verkhnekolymskikh evenov* [Features of the language of the Upper Kolyma Evens]. Novosibirsk, Nauka, 2019, 116 p.
- Kuz'mina R. P. *Yazyk lamunkhinskikh evenov* [The language of the Lamunkha Evens]. Novosibirsk, Nauka, 2010, 112 p.
- Lebedev V. D. *Okhotskiy dialekt evenskogo yazyka* [Okhotsky dialect of the Even language]. Leningrad, Nauka, 1982, 241 p.
- Lebedev V. D. *Yazyk evenov Yakutii* [Even language of Yakutia]. Leningrad, Nauka, 1978, 207 p.
- Levin V. I. *Kratkiy evensko-russkiy slovar': S prilozheniem grammaticheskogo ocherka* [Brief Evensko-Russian dictionary: with an appendix of a grammatical essay]. Leningrad, 1936, 224 p.
- Mal'chukov A. L. Vzaimodeystvie glagol'nykh kategoriy v evenskom yazyke [Interaction of verbal categories in the Even language]. In: *Ierarkhiya i vzaimodeystvie grammaticheskikh kategoriy glagola* [Hierarchy and interaction of grammatical categories of the verb]. St. Petersburg, ILS RAs, 2020, pp. 67–96.
- Novikova K. A. *Ocherki dialektov evenskogo yazyka: ol'skiy govor* [Essays on dialects of the Even language: Olsky dialect]. Leningrad, 1980, pt. 2, 244 p.
- Robbek V. A. *Grammaticheskie kategorii evenskogo glagola* [Grammatical categories of the Even verb]. St. Petersburg, Nauka, 1992, 166 p.
- Robbek V. A. *Grammaticheskie kategorii evenskogo glagola v funktsional'no-semantichestvom aspekte* [Grammatical categories of the Even verb in the functional-semantic aspect]. Novosibirsk, Nauka, 2007, 726 p.
- Robbek V. A. *Vidy glagola v evenskom yazyke* [Types of the verb in the Even language]. Leningrad, Nauka, 1982, 113 p.
- Robbek V. A. *Yazyk evenov Berezovki* [The language of the Evens of Berezovka]. Leningrad, Nauka, 1989, 205 p.

Sharina S. I., Kuz'mina R. P. *Nizhnekolymskiy govor evenskogo yazyka* [Nizhnekolymsky dialect of the Even language]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2018, 184 p. DOI 10.15372/Dialect2018SSI

Sharina S. I. Kategoriya zaloga v evenskom yazyke: semanticheskaya spetsifika, vzaimodeystvie pokazateley v slovoforme [Voice category in the Even language: semantic specificity, interaction of indicators in the word form]. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2023, no. 1 (42), pp. 34–43. DOI 10.25693/SVGV.2023.42.1.003

Schiefner A. Beitrage zum Kentniss der Tungusischen Mundarten. *Melanges Asia-tiques*. 1859, vol. 3, pp. 682–706.

Tsintsius V. I. *Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [Essay on the grammar of the Even (Lamut) language]. Leningrad, Uchpedgiz, 1947, 270 p.

List of sources

Krivoshapkin A. V. *Tormita buyusem e. Okhotnik Tormita* [Hunter Tormita]. Yakutsk, Bichik, 2018, 208 p.

Sholokhov M. A. *Bey binilen bitle. Sud'ba cheloveka* [The Fate of Man]. N. A. Zybina (Transl.). Magadan, 1985, 54 p.

Skazki evenov. Rukopis' [Tales of the Evenes. Manuscript]. Yakutsk, IPMNS SO RAN, 2008, 338 p.

Информация об авторе

Сардана Ивановна Шарина, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия)

Scopus Author ID 57204811861

WoS Researcher ID J-8222-2018

Information about the author

Sardana I. Sharina, Candidate of Philology, Leading Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 57204811861

WoS Researcher ID J-8222-2018

Статья поступила в редакцию 15.05.2023;

одобрена после рецензирования 27.09.2023; принята к публикации 27.09.2023

The article was submitted on 15.05.2023;

approved after reviewing on 27.09.2023; accepted for publication on 27.09.2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 2

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2

Научная статья

УДК 81'36, 81'44

DOI 10.17223/18137083/91/14

Функциональная структура прилагательных в осетинском языке и проблема редуцированных предикативных конструкций

Вадим Викторович Дьячков

Институт языкознания Российской академии наук
Москва, Россия

hyppocentaurus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8798-2582>

Аннотация

Исследуются типологические особенности прилагательных в осетинском языке с точки зрения проблемы неуниверсальности адъективного класса. Мы показываем, что в осетинском языке прилагательные не могут присоединять ряд модификаторов, которые доступны для прилагательных в других языках. Кроме того, синтаксические структуры, производные от прилагательных, делятся на два класса в зависимости от того, какие адъективные зависимые могут быть в них употреблены: депиктивы и наречия сохраняют структуру исходного прилагательного, а сложные предикаты и некоторые классы прилагательных могут содержать только единичный корень. Мы рассматриваем также позицию прилагательных в структуре именной группы. Все эти факты, взятые вместе, позволяют выдвинуть гипотезу о статусе прилагательных как предикативных структур малого размера.

Ключевые слова

прилагательное, именная группа, вторичная предикация, сложные предикаты, осетинский язык

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 22-28-01639 «Создание двуязычной цифровой версии Историко-этимологического словаря осетинского языка В. И. Абаева»

Для цитирования

Дьячков В. В. Функциональная структура прилагательных в осетинском языке и проблема редуцированных предикативных конструкций // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 174–190. DOI 10.17223/18137083/91/14

© Дьячков В. В., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 174–190

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 174–190

Functional structure of Ossetic adjectives and the problem of reduced predicative constructions

Vadim V. Dyachkov

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

hyppocentaurus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8798-2582>

Abstract

The paper examines Ossetic adjectives from a typological perspective. Adjective categories are language-specific and may not be universal. This paper aims to highlight the specific features of the Ossetic adjectives compared to other languages. It focuses on the functional structures they authorize in diverse contexts. The analysis demonstrates that these elements cannot be modified by a set of modifiers that are commonly licensed by adjectives across languages. Notably, Ossetic adjectives used attributively are subject to constraints, prohibiting their combination with applicative experience-denoting noun phrases and negative markers, and often demonstrate a reduced structure in various contexts. All constructions involving adjectives can be subdivided into two categories: those that allow modifiers (degree adverbials, comparative markers, and arguments of adjectives) and those that do not. The first type, as exemplified by depictive constructions and deadjectival adverbs, exhibits a retention of the functional structure of their source elements. The latter type features complex predicates and some denominal adjectives, specifically those that denote material. The absence of licensing for dependent components necessitates the simplification of these applications to structures that only utilize the root level. Furthermore, the analysis highlights several noteworthy characteristics of attributive adjectives, namely their flexibility in terms of word order within noun phrases and their capacity to be separated from the head under specific circumstances. The findings indicate that Ossetic adjectives, despite their noun-like properties, are derived from predicative structures that have been simplified, and specific uses, such as in complex predicates, involve even fewer functional elements.

Keywords

adjectives, nominal phrase, secondary predication, complex predicates, Ossetic language

Acknowledgments

The research is supported by Russian Science Foundation, project no. 22-28-01639 “Developing a Bilingual Digital Version of the Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language by V. I. Abaev”

For citation

Dyachkov V. V. Functional structure of Ossetic adjectives and the problem of reduced predicative constructions. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 2, pp. 174–190. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/14

Введение

Настоящая статья посвящена описанию синтаксических свойств осетинских прилагательных с точки зрения современных представлений об устройстве группы прилагательного в языках мира. Необходимость подобного исследования, как представляется, обусловлена растущим пониманием неуниверсальности категории прилагательного. Известным в типологии фактом является то, что прилагательные во многих языках принадлежат либо к классу глаголов, либо к классу существительных, см., к примеру, обсуждение проблемы в [Wetzer, 1996; Dixon, Aikhenvald, 2004]. Иногда само существование самостоятельной категории прила-

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 2

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2

гательного в языках за пределами европейского ареала подвергается сомнению. Осетинский язык также относится к числу языков, в которых выделение прилагательных на семантических основаниях не оспаривается, но сопряжено с трудностями, поскольку прилагательные морфологически неотличимы от существительных [Ахвледиани, 1963, с. 126; Багаев, 1965, с. 181–182, 192].

По умолчанию мы понимаем под прилагательными единицы с квалитативной семантикой, т. е. единицы лексических классов «физическое свойство», «размер», «оценка» и некоторые другие [Dixon, 1982; Dixon, Aikhenvald, 2004]. Выделение их в отдельный класс не представляет описательной проблемы, поскольку в осетинском языке они четко дифференцируются как несогласуемые единицы, занимающие позицию перед именем. Однако вместе с этим они могут употребляться как существительные и наречия без дополнительных морфологических средств.

Данные о языках мира позволяют говорить о том, что свойства прилагательных неуниверсальны – в некоторых языках они не могут присоединять никаких зависимых, в других обладают существенными ограничениями на ветвление и т. д. В настоящей работе мы предпримем попытку исследовать своеобразие осетинских прилагательных сквозь призму этих представлений. Конечная цель исследования – формальное объяснение варьирования синтаксических свойств прилагательных. В первую очередь нас будут интересовать вопросы о том: 1) каков статус прилагательного и его зависимых в структуре именной группы (далее – ИГ); 2) какие зависимые прилагательных допустимы и что эти факты говорят об устройстве группы прилагательного в свете существующих теорий.

Работа структурирована следующим образом. В разделе 1 мы рассмотрим структуру группы прилагательного и исследуем, какие типы зависимых возможны при адъективных единицах. В разделе 2 мы кратко рассмотрим вопрос о том, как структура прилагательных сохраняется в производных синтаксических конструкциях (депиктивы, наречия и субстантивированные прилагательные). Раздел 3 посвящен позиции прилагательных в структуре именной группы и их трансформационным возможностям. В разделе 4 делаются некоторые эмпирические обобщения о структуре группы прилагательного. Данные были собраны в ходе работы с носителями осетинского языка во Владикавказе в 2022–2023 гг. и включают в себя примеры, полученные с помощью эликации; в силу необходимости понять в первую очередь ограничения (а не разрешения) на употребление составляющих корпусный анализ на данном этапе не проводился.

1. Размер структуры у прилагательных

В настоящем разделе мы опишем дистрибутивные свойства групп осетинских прилагательных. Раздел 1.1 посвящен вопросу о том, зависимые какого типа могут встречаться у прилагательных (в первую очередь в атрибутивной позиции). Раздел 1.2 кратко затрагивает вопрос о модификаторах, которые невозможны в группе прилагательного. Раздел 1.3 описывает случаи, когда группа прилагательного не может быть распространена. Раздел 1.4 посвящен обсуждению статуса зависимых прилагательных, которые проявляют нетривиальные свойства в вопросительных предложениях.

1.1. Зависимые прилагательные

Ветвление зависимых в осетинском левостороннее, т. е. зависимые прилагательных и причастий могут находиться только слева от своих вершин:

- (1) a. кард-æй карст цыхт
нож-ABL резать.PTCP сыр
b. *карст кард-æй цыхт
резать.PTCP нож-ABL сыр
'ножом нарезанный сыр'
- (2) a. æнæнидзинад-æн æвзæр хæринаг
здоровье-DAT плохой еда
b. *æвзæр æнæнидзинад-æн хæринаг
плохой здоровье-DAT еда
'вредная для здоровья еда'

Как представляется априори, в структуре группы прилагательного могут присутствовать зависимые различных семантических типов. Однако фактически в языках мира эти возможности неравнозначны: к примеру, в русском языке аргументные зависимые прилагательных (*известный всем певец*) лицензируются охотнее, чем адьюнктные составляющие. Например, появление в группе прилагательного темпоральных наречий (*Вася, злой вчера, сегодня уже отошел*) стилистически окрашено и при обычных условиях, по-видимому, неестественно (^{??}*злой сегодня мужчина*). Между тем причастия такие адьюнкты присоединяют. Пример (2) иллюстрирует присоединение адьюнкта со значением инструмента, а пример (3) – темпорального адьюнкта. Эти примеры свидетельствуют о том, что в конструкциях с причастиями мы имеем дело с сохранением глагольной структуры.

- (3) сапон-æй æхсад дзаумæ-ттæ
мыло-ABL стирать.PTCP вещь-PL
'мылом постиранные вещи'
- (4) знон æхсад дзаумæ-ттæ
вчера стирать.PTCP вещь-PL
'вчера постиранные вещи'

В осетинском есть аргументы прилагательных, которые не могут употребляться в атрибутивных конструкциях. К их числу относятся аппликативные аргументы, выражающие носителя состояния. Исходная структура представлена в (4), а (5) иллюстрирует невозможность употребления аргумента в атрибутивной позиции.

- (5) ацы пиджак мæнæн уæрæх у
этот пиджак 1SG.DAT узкий быть.PRES.3SG
'Этот пиджак мне узок'.
- (6) *æз мæнæн уæрæх пиджак мæ
1SG 1SG.DAT узкий пиджак 1SG.GEN
уæлæ с-кодт-он
над PV-делать.PRET.1SG
'*Я надел на себя узкий мне пиджак'.

1.2. Модификаторы прилагательных

Среди модификаторов, которые в осетинском языке однозначно недопустимы, выделяются отрицательные показатели:

- (7) *æз а-уыдт-он **наæ** **бæрзонд** /
1SG PV-видеть-PRET.1SG NEG высокий /
æнаæ-бæрзонд хæдзар
NEG-высокий дом
Ожид.: 'Я увидел невысокий дом'.

Данное ограничение может непосредственно следовать из структурных свойств отрицания. Если осетинский показатель *наæ* является оператором сентенциального уровня, то неспособность модифицировать прилагательные вытекает автоматически. Между тем в некоторых языках мира (к примеру, в русском) отрицание может присоединяться к прилагательным (*невысокий, неглубокий*) и (в ограниченной степени) к существительным, однако неясно, можно ли приписать разные структурные конфигурации этим случаям. В любом случае осетинские данные указывают на то, что группа прилагательного не является составляющей с клаузальной дистрибуцией.

1.3. Некоторые производные прилагательные

К прилагательным, которые не могут присоединять зависимые слова, относятся единицы со значением *материала*, которые в осетинском языке могут кодироваться единицами, морфологически тождественными существительным ('камень / каменный').

Особенность этих единиц состоит в том, что они не являются в полной мере структурно эквивалентными тем существительным, от которых образованы. Помимо того что очевидным отличием существительных типа 'золото' от прилагательных типа 'золотой' является синтаксическая позиция, составляющие второго типа в осетинском не присоединяют зависимых слов. Отметим, что единицы типа *материал* представлены как минимум двумя отличными друг от друга классами. Единицы первого класса являются падежными (аблативными) формами существительных, к которым многие из опрошенных нами носителей склонны добавлять пассивное причастие. Не маркированная аффиксами форма признается многими носителями недопустимой:

- (8) a. ?дур хæдзар
 камень дом
 b. дур-æй (амад) хæдзар
 камень-ABL строить.PTCP дом
 'каменный дом'

Единицы второго класса представлены прилагательными, которые сегментно идентичны соответствующим существительным:

- (9) сызгъæрин къухдарæн
 золото кольцо
 'золотое кольцо'

Стандартным тестом на «прилагательность» зависимых единиц класса *материал* является их способность выступать в предикативной позиции. Во многих

языках такая возможность доступна для большинства обычных прилагательных, но не для единиц класса *материал*:

- (10) **This wall is stone*.
Букв. ‘#Эта стена камень’.

В отличие от английских единиц класса *материал*, осетинские прилагательные допустимы в предикативной позиции:

- (11) ацы къухдарæн сызгъæрин у
этот кольцо золото быть.PRES.3SG
‘Это кольцо золотое’¹.

Этот факт говорит против анализа единиц, имеющих в качестве атрибута слова типа ‘золотой’ (11), как композитов, поскольку в таком случае мы должны были бы признать, что в (11) опускается вершина композита. Таким образом, единственное правдоподобное допущение – это признать, что существительное ‘золото’ подвергается скрытой адъективизации и ведет себя как любое другое прилагательное. Отметим, что составляющие с аблативным маркированием также могут употребляться предикативно:

- (12) ацы уидыг хъæд-æй у
этот ложка дерево-ABL быть.PRES.3SG
‘Эта ложка из дерева’.

Ограничение, которое, по-видимому, присуще прилагательным класса *материал*, состоит в том, что они не присоединяют зависимых. Так, недопустимы примеры типа (13, а); для выражения подобного смысла может быть использована конструкция с аблативным показателем (13, b).

- (13) а. *урс сызгъæрин къухдарæн
белый золото кольцо
б. урс сызгъæрин-æй къухдарæн
белый золото-ABL кольцо
‘кольцо из белого золота’

Таким образом, атрибутивные единицы, сегментно совпадающие с существительными (или как минимум их подкласс), действительно являются прилагательными, поскольку употребляются в контекстах типа (10). Эти употребления нельзя трактовать как композиты, поскольку эллипсис вершины в таком случае был бы недопустим. Вместе с тем такие прилагательные, по-видимому, обладают неполной синтаксической структурой: существительные, от которых они образуются, способны присоединять зависимые, но эта возможность теряется при адъективизации. Отметим, что последний факт нельзя приписать атрибутивной позиции, поскольку в общем случае в ней не запрещены зависимые от прилагательных единицы.

¹ Анонимный рецензент отмечает, что для примеров подобного типа теоретически возможна интерпретация ‘это кольцо есть золото’. Соглашаясь с этим, мы воздерживаемся от категоричных утверждений в пользу того или иного решения, поскольку на данный момент нам неизвестны тесты, которые могли бы выявить точную интерпретацию.

1.4. Вопросы к прилагательным и их зависимым

Рассмотрим статус компонентов, зависимых от прилагательных. Несмотря на то что по умолчанию мы считаем их составляющими группы прилагательного, они проявляют свойства, которые сближают их с клаузальными адъюнктами. Эти свойства проявляются в вопросительных предложениях.

Известным фактом осетинского языка, в отличие от многих известных языков, является то, что позиция для вопросительных слов грамматикализована в виде слота непосредственно перед глаголом, см. [Erschler, 2012; Беляев, 2014]:

- (14) a. [кæ-мæ рад-та] Сослан æхца?
кто-ALL дать-PST.3SG С. деньги
- b. *кæ-мæ Сослан æхца рад-та?
кто-ALL С. деньги дать-PRET.3SG
'Кому Сослан отдал деньги?'

Прилагательные в целом с трудом отрываются от имен, которые модифицируют. Разрыв двух составляющих не допускается опрошенными нами носителями:

- (15) a. **рæсугъд** **масинаæ** ды ба-лхæд-тай
красивый автомобиль 2SG PV-купить-PRET.2SG
- b. ***рæсугъд** ды ба-лхæд-тай **масинаæ**
красивый 2SG PV-купить-PRET.2SG автомобиль
'Красивую ты купил машину!'

Так же как обычные прилагательные, вопросительные адъективные элементы ('какой?') не отрываются от вершинного имени:

- (16) a. [цавæр тæбагъ-тæ] лæуу-ы стьол-ыл?
какой тарелка-PL стоять-PRES.3SG стол-SUPER
- b. ***тæбагъ-тæ** [цавæр лæуу-ы] стьол-ыл?
тарелка-PL какой стоять-PRES.3SG стол-SUPER
'Какие тарелки стоят на столе?'

Вопросительная замена составляющих, относящихся к группе прилагательного и причастия, приводит к интересным результатам. Хотя по умолчанию они считаются зависимыми имени, они способны отрываться от вершины и вставать в препозицию к глаголу. То же самое происходит с зависимыми имен или глаголов, ср. (17) и (18). Известным фактом является то, что в языках с выносом вопросительных слов типа славянского составляющие подобного типа легко подвергаются так называемому выносу левого зависимого (Left Branch Extraction). Это отличает славянские языки от языков типа английского (см. об этом, например: [Bošković, 2005]). Однако в случае осетинского языка, в котором, как представляется, нет передвижения зависимого влево, эти факты должны объясняться другим образом.

- (17) [цæй тыххæй ба-каст] Сослан **чыныг**?
что.GEN про PV-читать.PRET.3SG С. книга
'Про что Сослан прочитал книгу?'

- (18) ды [цæ-имæ ба-хорд-тай] **чыри**?
2SG что-COM PV-есть-PRET.2SG пирог
'С чем ты съел пирог?'

Зависимые причастий также свободно подвергаются замене на вопросительные составляющие, которые не должны вплотную прилегать к своим вершинным именам. Выше мы видели, что зависимые прилагательных и причастий располагаются слева от них. В вопросительной клаузе этот принцип не соблюдается. Ниже приведены примеры, где зависимое причастия появляется в предглагольной позиции, которая не включает вершину:

- (19) ацы хъуыст-гонд дохтыр [кæм у]?
 этот знание-делать.PTCP доктор где быть.PRES.3SG
 ‘Где этот доктор известен? / Это где известный доктор?’
- (20) а. уыцы хæдзар [цæм-æй конд у]?
 этот дом что-ABL делать.PTCP быть.PRES.3SG
 б. *уыцы [цæм-æй конд хæдзар у]?
 этот что-ABL делать.PTCP дом быть.PRES.3SG
 ‘Это дом, построенный из чего?’

Подобной свободой обладают и элементы функциональной структуры прилагательного. Следующий пример иллюстрирует употребление аблативного стандарта сравнения:

- (21) [цæйбæрц / цас даргъ-дæр] ды Сослан-æй?
 насколько сколько длинный-СМР 2SG С.-ABL
 ‘Настолько ты выше Сослана?’

Таким образом, существует асимметрия между прилагательными, которые не могут быть разорваны с вершинным именем, и зависимыми прилагательных (и причастий), которые свободно отрываются от вершин. На данный момент у нас нет объяснения этой асимметрии, для которого необходимо не только моделирование структуры группы прилагательного, но также понимание, какие именно процессы помещают в предглагольную позицию вопросительный элемент (базовое порождение вопросительного слова в предглагольной позиции vs передвижение² и копирование материала и т. д.).

2. Зависимые прилагательных в производных структурах

В предыдущем разделе мы установили, что прилагательное присоединяет левосторонние зависимые, не сочетается с показателями отрицания, а сами зависимые способны отрываться от группы прилагательного. Далее мы рассмотрим вопрос сохранения синтаксической структуры группы прилагательного в производных конструкциях – во вторичной предикации, наречиях, сложных предикатах, а также у субстантивированных прилагательных.

2.1. Вторичная предикация и наречия

Кратко рассмотрим вопрос сохранения элементов группы прилагательного в производных грамматических структурах. В осетинском языке к ним можно отнести депиктивные конструкции (‘делать V, будучи А-ым’). Такое значение

² Отметим, что господствующей точкой зрения в теориях передвижений является представление о том, что передвижение вправо универсально запрещено (см.: [Каупе, 1994]). Если этот постулат верен, осетинские данные не могут быть объяснены с применением понятия передвижения.

выражается специализированной конструкцией с аллативным показателем *-æй*. Некоторые примеры приведены ниже; депиктивная конструкция может быть ориентирована как на субъект предложения (22), так и на объект (23).

(22) хæдзар-мæ æрба-цыд-ис хъæлдзæг-æй
дом-ALL PV-прийти-PRET.2SG веселый-ABL
'Он пришел домой веселый'.

(23) гæды кæсаг ба-хордт-а хом-æй
кот рыба PV-есть-PRET.3SG сырой-ABL
'Кот съел рыбу сырой'.

Еще один вид вторичной предикации – это предикативные контексты, в которых прилагательные морфологически неотличимы от нулевой формы (24), причем в некоторых контекстах такие формы взаимозаменяемы с аблативными формами (25).

(24) æнкъард цау-ы
грустный ходить-PRES.3SG
'Он ходит грустный'.

(25) уынг-т-ы расыг(-æй) цау-ы
улица-PL-IN пьяный-ALL идти-PRES.3SG
'Он ходит по улице пьяный'.

Нерешенным остается вопрос, насколько такие контексты можно рассматривать как идентичные адвербиальным контекстам. Сам факт того, что в осетинском одна и та же морфологическая форма может выступать и как атрибутивная составляющая, и как наречие, безусловно, хорошо известен. Неизвестны, однако, точные ограничения на то, какие именно прилагательные и с какими значениями могут выступать как нулевые наречия. К этому списку относятся единицы различных классов: *размер* (*арф* 'глубокий / глубоко'), *физическое свойство* (*сывыр* 'ровный / ровно', *сабыр* 'тихий / тихо', *дард* 'далеко / далекий', *даст* 'лысый / налысо'), *оценка* (*хорз* 'хороший / хорошо', *æвзæр* 'плохой / плохо') и др. Примеры типа (26) свидетельствуют о том, что предикации с прилагательными, выражающими результат, а не способ действия, как минимум в некоторых случаях невозможны. Пример прилагательного в адвербиальной функции приведен в (27); часть носителей допускает такие единицы только в позиции к глаголу.

(26) къул с-ахорст-ой сырх-æй / *сырх
стена PV-красить-PRET.3PL красный-ALL красный
'Стену покрасили в красный'.

(27) дуар (сабыр) ба-хозт-ой (*сабыр)
дверь тихий PV-стучать-PRET.3PL тихий
'В дверь тихо постучали'.

Вопрос о том, можно ли свести предикативные контексты типа (23) и наречные употребления к одному синтаксическому инварианту, остается открытым для теоретического моделирования. Можно предположить, что все такие типы контекстов включают в себя предикативную функциональную вершину. Если подобный подход верен, то можно утверждать, что наречные / вторичные предикативные употребления сохраняют функциональную структуру исходных прила-

гательных. В депиктивных конструкциях, к примеру, допустимы базовые модификаторы прилагательных – наречия степени:

- (28) æз ба-хорд-тон чъири [тынг тæвд-æй]
 1SG PV-есть-PRET.1SG пирог очень горячий-AVL
 ‘Я съел пирог очень горячим’.

Наречные контексты также могут содержать элементы, образующие сравнительную степень (29). Запрещаются составляющие, обозначающие экспериенце-ра (30).

- (29) уыдон мах-æй дард-дæр а-цыд-ысты
 3PL 1PL-AVL далекий-CMP PV-уехать-PRET.3PL
 ‘Они уехали еще дальше, чем мы’.

- (30) (*мах-æн) дзæбæх арвыст-ам рæстæг
 1PL-DAT приятный проводить-PRET.1PL время
 ‘Мы приятно (*для нас) провели время’.

Таким образом, контексты (вторичной) предикации не демонстрируют существенных структурных отличий от прилагательных. В таких контекстах могут сохраняться базовые зависимые прилагательных, и единообразное оформление контекстов позволяет выдвинуть гипотезу об их структурном сходстве (мы кратко вернемся к этому вопросу при обсуждении результатов).

2.2. Субстантивация

Субстантивированные прилагательные, в отличие от вторичных предикаций и наречий, не сохраняют адъективную функциональную структуру. В случае конверсии существительные не присоединяют базовые модификаторы прилагательных – наречия степени:

- (31) дзидза-йæн=ма йæ=(*тынг) нæрд-тæ
 мясо-DAT=ещё 3SG.ENCL.GEN=очень жирный-PL
 ра-лыг кæн
 PV-отрезанный делать.IMP
 ‘Вырежь еще жир (*очень жирное) из мяса’.

Теоретически мы можем предположить, что субстантивация прилагательного в (31) является эллипсисом именной вершины (‘жирные X-ы’). Однако в таком случае прилагательное должно сохранять свою категориальную принадлежность, которая предопределяет возможность употребления наречий степени в составе именной группы. Этого не происходит, и, таким образом, в случаях типа (31) адъективная основа приобретает категориальные свойства существительных, что соответствует традиционным представлениям о субстантивации прилагательных в осетинском.

2.3. Сложные предикаты

Сложные предикаты, под которыми мы подразумеваем конструкции, состоящие из легкого глагола и именной / адъективной части, также могут включать в свой состав функциональную структуру прилагательного. Сами прилагательные могут быть перемещены в пределах предложения (см.: [Абаев, 1959, с. 89–90; Гращенко, 2018, с. 292–296]).

Интересным фактом является асимметрия между базовыми модификаторами прилагательных – наречиями степени. Они не могут быть оторваны от прилагательных в обычных атрибутивных конструкциях (32), однако не могут быть расположены непосредственно перед прилагательным в случае употребления преверба³ (33).

- (32) (*тынг) Зæринаæ (тынг) рæсугъд чызг у
очень З. очень красивый девушка быть.3SG
‘Зарина очень красивая девушка’.
- (33) а. Зæринаæ тынг с-рæсугъд ис
 З. очень PV-красивый EXST
- б. *Зæринаæ с-тынг рæсугъд ис
 З. PV-очень красивый EXST
‘Зарина стала очень красивой’.

Этот факт говорит о том, что функциональная структура прилагательного в рассматриваемых случаях имеет отличия. Сложные предикаты включают в себя основу, которая по некоторой причине не может соединяться с наречием степени; такое наречие должно модифицировать только предикат целиком. При этом некоторые другие именные модификаторы не запрещены в сложных предикатах. К ним относятся показатели числа. В наших данных есть также случаи употребления сравнительных адьюнктов, что иллюстрируется примером (34).

- (34) дур-т-ау а-хъæбæр-тæ сты
камень-PL-EQU PV-твёрдый-PL EXST
‘Они стали твёрдыми как камни’.

Отметим, что сравнительные формы, которые не являются частью сложного предиката, в позиции сказуемого сохраняют тот же порядок составляющих – зависимое прилагательное (аблативный стандарт сравнения) должно предшествовать превербу (35).

- (35) уый Сослан-æй фæ-нард-дæр ис
3SG С.-ABL PV-толстый-СМР EXST
‘Он стал толще, чем Сослан’.

Суммируя сказанное, мы заключаем, что при использовании прилагательных в депиктивных и наречных контекстах сохраняется адъективный синтаксис. Вместе с тем субстантивированные прилагательные и сложные предикаты представляют собой отдельные случаи, поскольку не проявляют способности присоединять типичные адъективные зависимые.

3. Прилагательные в структуре ИГ

В данном разделе мы кратко рассмотрим позицию прилагательных (и их зависимых) в структуре именной группы. В разделе 3.1 мы кратко рассмотрим данные о позиции прилагательных относительно других составляющих именной группы.

³ Под превербами в настоящей работе, в соответствии с традицией описания, подразумеваются префиксы, присоединяемые к именной или адъективной части сложного предиката.

Раздел 3.2 посвящен порядку прилагательных и атрибутивных составляющих относительно друг друга.

3.1. Позиция прилагательных в именной группе

Следует отметить, что большинство существующих теорий именной группы (вслед за [Alexiadou, Wilder, 1998]) исходят из универсального порядка составляющих в ИГ, который предопределяет появление прилагательных между существительным и числительным. Согласно имеющимся ограниченным данным, этот принцип в осетинском языке не соблюдается – возможны как порядок «числительное + прилагательное», так и обратный:

- (36) a. æртæ стыр хæдзар-ы
три большой дом-GEN
- b. стыр æртæ хæдзар-ы
большой три дом-GEN
'три больших дома'

Отметим также, что прилагательное в структуре именной группы занимает позицию после посессора. В случае (37, b), где порядок обратный, происходит реинтерпретация прилагательного как части группы посессора. Обобщение распространяется и на те случаи, где посессив нереферентный, как в примере (38).

- (37) a. губернатор-ы [ног хæдзар]
губернатор-GEN новый дом
'новая дача губернатора'
- b. [ног губернатор]-ы хæдзар
новый губернатор-GEN дом
'#дом нового губернатора'
- (38) a. с-арæзт-ой ног сывæллæ-тт-ы равдауæндон
PV-строить-PRET.3PL новый ребенок-PL-GEN ясли
'#Построили ясли для новых детей'.
- b. с-арæзт-ой сывæллæ-тт-ы ног равдауæндон
PV-строить-PRET.3PL ребенок-PL-GEN новый ясли
'Построили новые ясли (букв. детей новые ясли)'.

Таким образом, в осетинском языке возможно нарушение порядка, при котором прилагательное находится ближе к вершине, чем числительное. На данный момент неясно, можно ли объяснить этот факт передвижением прилагательного и сопровождается ли подобное чередование существенными изменениями значения. Этот вопрос нуждается в отдельном исследовании.

3.2. Позиция и порядок прилагательных

Относительно порядка прилагательных в структуре именной группы в лингвистической теории существуют определенные предсказания. В рамках так называемого картографического подхода к языковым структурам предполагается, что структура предложения может быть задана в виде фиксированной (возможно, универсальной) последовательности синтаксических узлов. В работе [Cinque, 2010] рассматривается гипотеза о том, что как минимум в некоторых языках (например, в русском) прилагательные являются функциональными проекциями и их порядок произволен. Теория Г. Чинкве предсказывает определенный порядок появления прилагательных в именной группе в зависимости от статуса прилага-

тельных в конкретном языке. Так, если прилагательные действительно являются функциональными проекциями, их порядок фиксирован. Если прилагательные имеют дистрибуцию существительных, они располагаются ближе к вершине, чем все остальные модификаторы. Если прилагательные являются свернутыми относительными клаузами, их порядок свободен.

Имеющиеся данные осетинского языка не позволяют принять однозначного решения в пользу одного из предсказаний. Однако, по-видимому, вариант функциональных проекций должен быть исключен. Следующие примеры иллюстрируют это. В (39) представлена последовательность прилагательных классов *национальность* и *качество*, которые могут быть употреблены в любом порядке.

- (39) а. ирон рæсугъд чыздж-ытæ
 осетинский красивый девушка-PL
 б. рæсугъд ирон чыздж-ытæ
 красивый осетинский девушка-PL
 ‘красивые осетинские девушки’

Следующие примеры иллюстрируют сочетаемость двух атрибутивных групп, одна из которых представляет собой имя с аблативным маркированием (см. раздел 1.3). Они также могут располагаться в любом порядке относительно друг друга.

- (40) а. рæсугъд дур-æй (конд) хæдзар
 красивый камень-ABL делать.PTCP дом
 б. дур-æй (конд) рæсугъд хæдзар
 камень-ABL делать.PTCP красивый дом
 ‘красивый каменный дом’

Есть, однако, случаи, когда один порядок предпочтительнее другого. К примеру, прилагательное не может следовать за бессуффиксальными единицами класса *материал* (40). Случаи типа (41) также говорят о некоторых предпочтениях в порядке прилагательных классов *оценка* и *цвет*.

- (41) а. ног агуыри хæдзар
 новый кирпич дом
 б. *агуыри ног хæдзар
 кирпич новый дом
 ‘новый кирпичный дом’
- (42) а. хорз цъæх свитер
 хороший синий свитер
 б. ?? цъæх хорз свитер
 синий хороший свитер
 ‘хороший синий свитер’

Из теории, развиваемой Г. Чинкве, в качестве следствия вытекает то, что функциональные проекции одного типа способны сочиняться, а функциональные проекции разных типов нет. Так, к примеру, в русском языке допустимо выражение *красивая и умная девушка*, но недопустимы **красивый и каменный дом*, **новый и итальянский шкаф*. В картографических теориях это объясняется тем, что прилагательные *красивый* и *умный* относятся к одному и тому же синтактико-семантическому классу (*человеческое свойство*), а, к примеру, *красивый* и *каменный*, будучи лексемами классов *человеческое свойство* и *материал*, – нет.

Данный тест применим к материалу осетинского языка, поскольку в нем существует сочинение. Элемент *æмæ*, выражающий конъюнкцию, является сочинительным элементом и образует сочинительный остров [Ross, 1967]. Согласно стандартным допущениям, из сочинительного острова нельзя вынести вопросительную составляющую. Хотя вопросительных выносов влево в осетинском нет, вопросительная составляющая не может находиться внутри сочиненной группы, см. (42). Применение теста к последовательностям прилагательных показывает, что их сочинение ограничено. К примеру, сочинение единиц класса *человеческое свойство* допустимо (43). Прилагательные и атрибутивные составляющие класса *материал* сочетаются хуже (44).

(43) [*цавар æмæ сау] тæбагъ-тæ сты стьол-ыл?
какой и черный тарелка-PL EXST стол-SUPER
'*Какие и черные тарелки стоят на столе?'

(44) рæсугъд (æмæ) зонд-джын чызг
красивый и ум-ADJ девушка
'красивая (и) умная девушка'

(45) ?рæсугъд æмæ хъæдын хæдзар
красивый и деревянный дом
'красивый деревянный дом'

Приведенные данные говорят скорее против анализа в терминах функциональных проекций. Прилагательные, которые в языках мира склонны занимать максимально близкие к вершине позиции (такие как *национальность*), в осетинском языке явно не подвергаются подобным ограничениям. Такие эффекты ожидаемы в случае, если прилагательные являются свернутыми предикативными структурами; в целом, однако, это должно быть подтверждено дополнительными данными.

4. Итоги: вопрос структуры и размера группы прилагательного и статуса прилагательных как части речи

Итак, мы видели, что осетинские прилагательные могут располагаться в относительно свободном порядке внутри именной группы. Несмотря на то что в теории Г. Чинкве считается, что в таком случае прилагательные должны являться свернутыми относительными клаузами, мы отвергаем такой анализ. Причина этого заключается в очевидных отличиях осетинских относительных конструкций (о которых подробно см. [Беляев, 2014]) от группы прилагательного, которые нельзя объяснить эллипсисом. По очевидным причинам также нельзя считать, что прилагательные являются причастиями. Другая возможность, которая доступна для прилагательных типологически, – это инкорпорация или компаундинг (слово-сложение). Такое предположение может иметь определенный вес, если учитывать просодические особенности прилагательных (см. [Багаев, 1965, с. 181] о едином ударении в ИГ, содержащей прилагательное). Однако мы также отвергаем такой анализ по причине того, что инкорпорация предполагает неинкорпорированный вариант (и неясно, что могло бы им считаться в осетинском), а компаундинг является в первую очередь лексическим, а не регулярным синтаксическим процессом.

Тем не менее мы можем предложить, что прилагательные все-таки являются предикативными структурами. Такие структуры, в отличие от полноценных относительных клауз, имеют малый размер и не содержат узлов выше TP. Это автоматически исключает сочетаемость с отрицанием и с аргументами-экспериментерами, которые расположены выше TP. Последнее наблюдение также согласуется с обобщением, сделанным в [Гращенков, 2018], о том, что такие составляющие почти универсально не сочетаются с прилагательными в атрибутивной позиции. Отметим, однако, что, как мы видели в разделе 1.1, атрибутивные составляющие (в частности, причастия) могут обладать структурой уровня TP – они сочетаются с временными наречиями, которые лицензируются TP. Вместе с тем постулирование малой предикативной структуры у прилагательных и причастий позволило бы найти единообразное объяснение таким морфологически сходным феноменам, как омонимичные прилагательным наречия, вторичные предикации и, возможно, сами атрибутивные прилагательные. Мы показали, что во всех этих случаях сохраняется исходная функциональная структура прилагательных, т. е. к ним могут быть присоединены наречия степени, стандарты сравнения и т. д. В качестве гипотезы мы можем сформулировать следующее обобщение.

Осетинские прилагательные являются предикативными структурами малого размера. Они не имеют уровня TP и не сочетаются с высокоуровневыми модификаторами вроде аппликативных аргументов (экспериментеров) и отрицания.

Некоторые другие структуры в осетинском языке не имеют базовых свойств прилагательных и не включают в себя типичные адъективные модификаторы. К ним относятся субстантивированные прилагательные, которые не присоединяют даже наречия степени (вроде ‘очень’) и, таким образом, не деривируются от группы прилагательного. Еще один случай подобного рода – это адъективные основы в сложных предикатах. Эти единицы, присоединяя провербы, тоже не могут сочетаться с адъективными модификаторами, из чего можно сделать вывод, что сложные предикаты также включают усеченную адъективную структуру. При этом другие модификаторы вроде множественного числа для таких структур доступны.

Выводы

Мы рассмотрели способность прилагательных и производных от них структур присоединять зависимые. Мы показали, что в этом отношении конструкции можно разделить на два класса. К первому из них относятся случаи, где вся структура группы прилагательного сохраняется (депиктивы и наречия). Мы предполагаем, что такие структуры являются редуцированными (усеченными) предикативными структурами, в которых не может быть высокоуровневных модификаторов. Другие конструкции, к числу которых относятся сложные предикаты, вообще лишены функциональной структуры прилагательного и не могут присоединять даже наречия степени. В таком случае можно говорить о еще более редуцированной структуре, к которой относится, по-видимому, только адъективный корень. Мы также установили, что порядок слов в ИГ обладает относительной гибкостью – относительный порядок прилагательных не фиксирован, они могут появляться и до, и после числительных, а зависимые прилагательных свободно отрываются от вершин в вопросительных конструкциях.

Список условных обозначений

1, 2, 3 – 1, 2, 3-е лицо, ABL – аблатив, ADJ – адъективизатор, ALL – аллатив, COM – комитатив, CMP – сравнительная степень, DAT – датив, ENCL – энклитическая форма, EQU – экватив, EXST – экзистенциальная форма (глагола ‘быть’), GEN – генитив, IMP – императив, IN – инэссив, NEG – отрицание, PL – множественное число, PRES – настоящее время, PRET – прошедшее время, PST – прошедшее время, PTCP – причастие, PV – преверб, SG – единственное число, SUPER – суперлатив, TP – функциональная проекция категории времени

Список литературы

Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1959. 168 с.

Ахвледиани Г. Грамматика осетинского языка: Фонетика и морфология. Научно-исследовательский Институт при совете Министров Северо-Осетинской АССР, 1963. 368 с.

Багаев Н. К. Современный осетинский язык: Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1965. 488 с.

Беляев О. И. Коррелятивная конструкция в осетинском языке в типологическом освещении: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 24 с.

Гращенков П. В. Грамматика прилагательного: типология адъективности и атрибутивности. М.: ЯСК, 2018. 429 с.

Alexiadou A., Wilder C. Adjectival modification and multiple determiners // *Possessors, Predicates and Movement in the DP*. 1998. P. 303–332.

Bošković Ž. On the locality of left branch extraction and the structure of NP // *Studia Linguistica*. 2005. № 59. P. 1–45.

Cinque G. The syntax of adjectives: A comparative study. MIT press, 2010. 220 p.

Dixon R. M. W. Where have all the adjectives gone? And other essays in semantics and syntax. Berlin: Mouton de Gruyter, 1982. 270 p. (*Janua Linguarum. Series Maior* 107)

Dixon R. M. W., Aikhenvald A. A. (eds.). Adjective classes: a cross-linguistic typology. *Explorations in Linguistic Typology* 1. Oxford: Oxford Uni. Press, 2004. xxii + 370 p.

Erschler D. From preverbal focus to preverbal “left periphery”: The Ossetic clause architecture in areal and diachronic perspective // *Lingua*. 2012. № 122. P. 673–699.

Kayne R. S. The antisymmetry of syntax. MIT Press, 1994. xv + 195 p.

Ross J. R. Constraints on variables in syntax. PhD Diss. MIT, 1967. 523 p.

Wetzer H. The typology of adjectival predication. Berlin: Walter de Gruyter, 1996. 398 p.

References

Abaev V. I. *Grammaticheskiy ocherk osetinskogo yazyka* [A grammar sketch of Ossetic]. Ordzhonikidze, Sev.-Oset. kn. izd., 1959, 168 p.

Akhvlediani G. *Grammatika osetinskogo yazyka: Fonetika i morfologiya* [A grammar of Ossetic: Phonetics and morphology]. Nauchno-issledovatel'skiy Institut pri sovete Ministrov Severo-Osetinskoy ASSR, 1963, 368 p.

Alexiadou A., Wilder C. Adjectival modification and multiple determiners. In: *Possessors, Predicates and Movement in the DP*. 1998, pp. 303–332.

Bagaev N. K. *Sovremennyy osetinskiy yazyk: Fonetika i morfologiya* [Modern Ossetic: Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze, Sev.-Oset. kn. izd., 1965, 488 p.

Belyaev O. I. *Korrelyativnaya konstruksiya v osetinskom yazyke v tipologicheskom osveshchenii* [Ossetic correlative construction from a typological perspective]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2014, 24 p.

Bošković Ž. On the locality of left branch extraction and the structure of NP. *Studia Linguistica*. 2005, vol. 59, pp. 1–45.

Cinque G. *The syntax of adjectives: A comparative study*. MIT press, 2010, 220 p.

Dixon R. M. W., Aikhenvald A. A. (Eds.). *Adjective classes: a cross-linguistic typology*. Explorations in Linguistic Typology 1. Oxford, Oxford Univ. Press, 2004, xxii + 370 p.

Dixon R. M. W. *Where have all the adjectives gone? And other essays in semantics and syntax*. Berlin, Mouton de Gruyter, 1982, 270 p. (Janua Linguarum. Series Maior 107)

Erschler D. From preverbal focus to preverbal “left periphery”: The Ossetic clause architecture in areal and diachronic perspective. *Lingua*. 2012, no. 122, pp. 673–699.

Grashchenkov P. V. *Grammatika prilagatel'nogo: tipologiya ad'ektivnosti i atributivnosti* [Grammar of the adjective: typology of adjectivity and attributivity]. Moscow, LRC Publishing House, 2018, 429 p.

Kayne R. S. *The antisymmetry of syntax*. MIT Press, 1994, xv + 195 p.

Ross J. R. *Constraints on variables in syntax*. PhD Diss. MIT, 1967, 523 p.

Wetzer H. *The typology of adjectival predication*. Berlin, Walter de Gruyter, 1996, 398 p.

Информация об авторе

Вадим Викторович Дьячков, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела африканских языков Института языкознания РАН (Москва, Россия)

Scopus Author ID 56938615000

Information about the author

Vadim I. Dyachkov, Candidate of Philology, Professor, Senior Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Scopus Author ID 56938615000

Статья поступила в редакцию 13.09.2023;

одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 18.01.2024

The article was submitted on 13.09.2023;

approved after reviewing on 18.01.2024; accepted for publication on 18.01.2024

Научная статья

УДК 81'371+81'42

DOI 10.17223/18137083/91/15

Референциальные статусы субъекта и временная нелокализованность в русских пословицах: особенности взаимодействия

Светлана Ивановна Первунина

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

pervuninas@mail.ru, <http://orcid.org/0009-0002-6664-8128>

Аннотация

Исследуются особенности взаимодействия референциальных статусов субъектов и ситуации временной нелокализованности в русских пословицах. Установлено соотношение универсального и родового статусов субъектов с типом временной нелокализованности (вневременностью), а также с некоторыми ее разновидностями (с ситуациями внеременно-потенциальными, облигаторной квалитативности, а также квалитативно-потенциальными и др.), имеющими свою специфику в пословицах. В пределах универсального и родового типа зафиксировано внутреннее ранжирование субъектов, реализующееся при участии разных способов выражения лица, а также взаимодействия / координации с типом временной нелокализованности. Выявлены переходные случаи в референциальном ранжировании субъектов, характеризующиеся расширением / сужением границ родового и универсального статусов.

Ключевые слова

референция, русские пословицы, референциальные статусы субъектов, временная нелокализованность, вневременность

Для цитирования

Первунина С. И. Референциальные статусы субъекта и временная нелокализованность в русских пословицах: особенности взаимодействия // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 191–204. DOI 10.17223/18137083/91/15

Referential statuses of a subject and temporal non-localization in Russian proverbs: peculiarities of interaction

Svetlana I. Pervunina

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

pervuninas@mail.ru, <http://orcid.org/0009-0002-6664-8128>

Abstract

The paper investigates the interaction between referential statuses among subjects within the temporally static contexts characteristic of proverbs. The objective is to delineate and eluci-

© Первунина С. И., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 191–204
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 191–204

date the particular characteristics of the relationship between a form of temporal non-localization known as supertemporality and referential ranking of subjects in Russian proverbial expressions. The source material for this study consists of proverbs drawn from the collection of Vladimir Dal. A categorically oriented situational analysis of proverbs reveals the interplay between their supertemporal aspect and the universal/generic status of their subjects. The characterization of typical situations within proverbs with the universal status of the subject is found to be achieved through distinct structural means: discrete constructions (two-part sentences with pronouns such as “everyone” or “nobody,” and others) and non-discrete constructions (single-part sentences and others). The cases of incomplete coverage of the subjects, classified as universal, within conditional constructions are noted. The attribution of generic status to subjects within the supertemporal aspect, together with the expansion of characteristics to specific groups of individuals (gender, age, social class, nationality, and others), is considered reasonable. The analysis not only examines the basic type but also investigated the adaptability of class boundaries, taking into account conditional indicators and the usage of pronouns, particles, and other relevant elements. A correlation is identified between the referential status of subjects and certain forms of supertemporality. The universal status correlates with the potential timelessness of intended actions, while the generic status correlates with situations of obligatory and potential qualitativity.

Keywords

reference, Russian proverbs, referential types of subjects, temporal non-localization, supertemporality

For citation

Pervunina S. I. Referential statuses of a subject and temporal non-localization in Russian proverbs: peculiarities of interaction. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 2, pp. 191–204. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/15

Введение

Статья посвящена изучению особенностей проявления референциальных статусов субъектов в ситуации временной нелокализации (вневременности) в русских пословицах, таких как: *Без шапки стоя, много не наговоришь; Захотят булавки, так будут у наших лавок; Гость гостит – не житья смотрит.*

Актуальность исследования обусловлена его включенностью в проблематику функциональной грамматики и теории референции, изучением взаимодействия временной нелокализации (далее – ВНЛ) и референциального статуса субъекта, которые находятся в сфере постоянного внимания современных лингвистов (А. В. Бондарко [2017], Т. В. Булыгина [1982], И. Н. Смирнов [2008] и др.). Однако в центре изучения в этих работах находится категория ВНЛ, а референциальные свойства субъекта выполняют вспомогательную функцию, конкретизируя ее типы / подтипы (узуальности, вневременности; полной / неполной обобщенности и пр.). Не менее существенным кажется выбор другого вектора исследования: влияние ВНЛ, типа текста на ранжирование референциального статуса субъекта. Такой подход важен при изучении референциальных механизмов в пословицах, так как пословичные тексты часто квалифицируют единообразно как обладающие не только вневременностью, но и универсальным рангом субъекта. Вместе с тем существуют работы, фиксирующие разную степень обобщенности субъекта в пословичных высказываниях (см., например, [Фролова, 2007; Кацюба, 2018]), но в них не учитывается взаимосвязь между рангами субъекта и типом ВНЛ действия.

Специфика референциальной характеристики пословичных текстов требует учета ряда факторов, помимо заложенного в самом тексте: характеристики осо-

бенностей номинации субъекта, восстановления его референциального статуса по типу предиката и его распространителей, а также взаимодействия с ВНЛ. Всё это позволяет говорить о необходимости рассмотреть сложную систему референциальных характеристик пословиц. Важным является установление переходных случаев в референциальном ранжировании субъектов, зависящих от уточнения разновидностей ситуации ВНЛ.

Цель исследования – выявить и охарактеризовать особенности взаимодействия одного из типов временной нелокализованности – вневременности – и референциального ранжирования субъектов в русских пословицах.

Исследование базируется на теории категориальных ситуаций, разработанной А. В. Бондарко [2011], теории референции (типологии референции имен / именных групп Н. Д. Арутюновой [1999], Е. В. Падучевой [2010], Т. В. Булыгиной [1982], А. Д. Шмелева [2002], L. Linsky [1967] и др.), на исследованиях, анализирующих пословицы как особый тип текста, Н. А. Дьячковой [2001], О. Е. Фроловой [2007], Л. Б. Кацюбы [2018] и др.

Языковым материалом послужили пословицы из сборника В. И. Даля (около 3 000 текстов).

В фокусе внимания находятся пословицы, характеризующие человека. Для настоящего исследования выбраны тексты с личными формами глаголов, обладающие разной структурной организацией (простые и сложные предложения). Рассматриваются высказывания, где в качестве семантического субъекта, или носителя предикативного признака (по А. В. Бондарко [1992]), выступает имеющий разные способы репрезентации: дискретный, представленный отдельной словоформой; недискретный, т. е. «совмещенный с формой предиката» [Там же, с. 55], реализующийся в обобщенно-личных и неопределенно-личных конструкциях. Кроме того, в пословицах недискретные субъекты характерны и для так называемых неполных предложений (*Рубль **наживает**, а два **проживает***).

Под ВНЛ вслед за А. В. Бондарко понимается семантическая категория, характеризующая «неопределенность местоположения действия и ситуации в целом на временной оси» [Бондарко, 2017, с. 163], в пределах которой выделяются: неограниченная повторяемость, обычность (узуальность) и временная обобщенность («вневременность», «всевременность»), при этом характеристика типов связана с определенным референциальным статусом субъекта и объекта, указывается, что для временной обобщенности типична «сочетаемость с обобщенностью (генерализацией) субъекта и объекта» [Там же, с. 210].

В данной работе сосредоточимся на одном из типов ВНЛ – временной обобщенности (вневременности, по И. Н. Смирнову [2008]). В ходе исследования учитываются подтипы вневременных ситуаций (облигаторной квалитативности, вневременно-потенциальных, а также их разновидностей), для которых, по мнению И. Н. Смирнова, характерен универсальный тип субъекта. Анализ пословичного материала показал, что в сфере вневременности могут встречаться субъекты, относящиеся не только к универсальному статусу, но и к родовому, а кроме того, можно проследить понижение / повышение ранга в пределах того или иного типа, обусловленное влиянием ВНЛ.

Итак, рассмотрим влияние ВНЛ на определение референциальных статусов субъектов: универсального и родового.

1. Универсальный референциальный статус субъектов и его взаимодействие с ситуациями вневременности в пословицах

Под универсальным типом референции Е. В. Падучева понимает соотнесение имени с открытым, неограниченным множеством лиц, а родовой тип референции предполагает соотнесенность с представителем класса, притом не с любым, а как бы с эталонным, типичным [Падучева, 2010, с. 95–98].

Субъекты с универсальным рангом, как отмечалось ранее, взаимодействуют с вневременностью, однако более детальный анализ позволяет выявить их неоднородность в пословичных текстах.

Было установлено, что в пределах универсального статуса субъекта можно наметить внутреннее ранжирование ситуаций, которое зависит от того, распространяется ли эта ситуация на всех без исключения или только на любого из тех, кто выполняет / не выполняет определенное условие.

1.1. Универсальный референциальный статус субъекта в ситуациях, не ограниченных какими-либо условиями реализации

Базовой, канонической ситуацией, передающей наивысшую степень обобщения субъектов в пословицах, для которых характерна вневременность, можно считать такую, в которой отсутствуют какие-либо условия ее реализации: **Всякий на свою ногу храмлет; Стой заодно, а беги врознь; Клин клином выколачивают** и др. В приведенных примерах действие, совершаемое субъектом, распространяется на всех (без исключения) членов класса всегда, независимо от каких-либо обстоятельств / условий.

Субъекты в данном типе ситуаций в целом обладают однородной референциальной характеристикой, однако выявлена некоторая специфика, связанная со способом их выражения: дискретным и недискретным.

В качестве **дискретных** субъектов в этом случае для номинации лица используются нарицательное существительное *человек*, кванторные местоимения *всякий / всяк, все, никто* в позиции подлежащего¹, реже – именная группа типа *всякий человек*², которые обладают идентичными референциальными возможностями.

Так, например, в текстах *Скорбит человек по человеку; Родится человек на смерть, а умрет на живот* субъект действия выражен именем *человек*, экстенционалом которого выступает предельно неограниченное множество лиц (т. е. все люди), а действия, которые они совершают, приписываются всем / любому без исключения.

В пословицах, где субъектами выступают кванторные местоимения (*любой, всяк, никто* и пр.), наблюдается такая же закономерность реализации референци-

¹ В пословицах с глагольными формами представлен не весь спектр кванторов: наиболее частотны *всякий / всяк, никто*; практически не встречаются *каждый, любой*; ограничено употребление у местоимения *все* – выявлены единичные случаи, где оно выступает как субстантиват, т. е. люди (*Все говорят, что по суду один будет виноват*), чаще выступает как квантор при местоимении *мы* (*Все мы под богом ходим*).

² Другой тип именной группы, одним из элементов которой выступает кванторный определитель / лексема *человек*: *всякая слепая, всяк хозяин, добрый человек, злой человек* и пр., передает родовой тип референции и не рассматривается в рамках универсального статуса.

ального статуса лица, в том числе и потому, что референтом данных кванторов выступает человек: *Всяк свое хвалит* → *Всякий* (человек) *свое хвалит*; *Никто с собой ночлега не возит* → *Никто* (ни один человек) *с собой ночлега не возит*, ср. с текстом, где субъектом является именная группа: *Всякий человек вперед смотрит* → *Всякий вперед смотрит*.

Рассмотренные примеры демонстрируют, что лексема *человек* и кванторы всеобщности *всяк / никто*, выступающие в роли субъектов, указывают на полноту охвата участников ситуации, а осуществляемое ими действие квалифицируется как всеобщее.

В случае с **недискретным** субъектом его референциальная характеристика опирается на семантический тип предиката и его взаимодействие с другими компонентами высказывания (объектом и другими распространителями) в синтагматическом ряду. Подробнее об этом говорится в нашей работе [Первунина, 2024a], а здесь отметим только некоторые моменты.

Наивысший уровень обобщения субъектов в пословицах фиксируется в следующих случаях: 1) подразумеваемый субъект выполняет действия, называемые широкозначными глаголами (*быть, делать* и пр.) или глаголами, действия которых представляют базовые потребности человека и выполняются каждым членом неограниченного класса (*есть, пить, дышать, смотреть* и пр.): *Делай дело не по конец пальцев!*; *И поят, и кормят, и спину порют*; 2) объектом при подобных предикатах может выступать квантор всеобщности (*всякий, никто*) или абстрактное существительное (*добро, счастье, любовь* и пр.): *Зарубай, сглаживай, да никому не сказывай!*; *Добро помни, а зло забывай*; 3) распространители (как правило, наречия) не влияют на степень обобщенности субъектов, уточняя параметры производимых ими действий (степень проявления признака: *добрее, больше*; место: *сзади, дома*; направлению *вперед, назад* и пр.): *Иди вперед, а оглядывайся назад*; *Служат соборно, а едят подворно*.

Итак, референциальный статус субъектов в рассматриваемых пословицах квалифицируется нами как наивысший (универсальный).

Если говорить о подтипе вневременности, выделяемом не по степени обобщенности субъекта, а по семантике, передаваемой ситуациями ВНЛ, то в данном разделе все высказывания соотносятся с внеременно-потенциальными ситуациями предназначенного действия, поскольку репрезентируют «...обязательное выполнение названных действий всеми субъектами, составляющими естественный класс (люди)» [Смирнов, 2008, с. 136]. В данный подтип включаются и прескриптивные конструкции / характеристика невозможности выполнения действия, эти же разновидности вневременности могут встречаться и в ситуациях обусловленности.

1.2. Универсальный референциальный статус субъекта в ситуациях, ограниченных какими-либо условиями реализации

Референциальной особенностью рассматриваемых здесь субъектов является то, что, с одной стороны, они сохраняют универсальный статус, а с другой – имеют определенные ограничения.

При сохранении универсального статуса субъекта, определяемого семантическим типом предиката, количество лиц, инициирующих называемое действие, сокращается, вследствие того что не все могут участвовать в подобной ситуации: *Съешь и ржаного, коли нет никакого* → Тот (любой), кто не обладает лучшим

(условие реализации ситуации), будет довольствоваться тем, что имеет; *Сзади идешь – больше найдешь* → Тот (любой), кто следует за первопроходцем (условие), получает больше пользы; *Не сняв коры, дерева не узнаешь* → Тот (любой), кто не произведет определенных манипуляций над объектом (условие), не узнает его сущности. Важной особенностью такого типа высказываний является то, что субъект, выбирая ту или иную ситуацию, совершает осознанные действия, которые представлены глаголами с семантикой контролируемости.

Необходимо отметить, что данный способ понижения ранга субъектов характерен главным образом для недискретных субъектов и гораздо реже встречается у дискретных, причем с некоторым отлечьем (см. далее).

В пословицах с **недискретными** субъектами условие реализации ситуации осуществляется с опорой на структурно-семантическую принадлежность данных текстов.

В пословицах, имеющих структуру сложного предложения, для ограничения класса субъектов используются конструкции обусловленности (сложноподчиненные и бессоюзные предложения), выражающие условные / условно-следственные и уступительные отношения, а также некоторые предложения с временным значением: (а) *Не ворони, коли палки не хороши; Больше дерутся, так смиреннее живут*; (б) *За недобрый пойдешь, на худо набредешь; Тише едешь – дальше будешь*; (в) *Как ни мойся, белее снега не будешь; Как ни мостись, а на небо (а к богу) не влезешь*; (г) *Не считай утят, пока не вылупились*.

Степень экспликации семантики условия в приведенной группе примеров имеет отличия. Так, высказывания (а, б) отчетливо демонстрируют снижение ранга обобщения субъектов (возможность / невозможность осуществления действия тем или иным субъектом зависит от определенных условий, в том числе и временного параметра). Что касается пословиц с отношениями уступки (б), ср. также: *Как себя не поведешь, от напраслины не уйдешь; Бойся не бойся, а без року нет смерти*, то в такую ситуацию попадают не все потенциальные субъекты, а те из них, которые, несмотря на сильный контраргумент (*как ни мойся, как ни вари и пр.*), продолжают выполнять это действие, остальные же остаются за пределами намеченной группы.

Из всех перечисленных способов экспликации семантики условия осуществления действия наиболее частотными являются условные конструкции, которые встречаются не только в сложных, но и в простых предложениях.

Условие в структурно простом предложении выражают конструкции, которые включают деепричастные обороты: *Не учась (условие реализации ситуации), и лаптя не сплетишь* → Если человек не учится, то не сможет сделать самое простое дело; *Назвавшись груздем (условие), полезай в кузов!*; предложно-падежные формы существительного: *Без труда (условие) не вынешь и рыбку из пруда; По первому зову (условие) в гости не ездят*; наречия: *Знамо (условие) не крадут; Умеючи (условие) и ведьму бьют*. Данные примеры показывают, что класс субъектов остается открытым, но включаются в него не все лица, а только те, кто намеренно совершает / не совершает определенные действия.

Особое место с точки зрения реализации условной семантики занимают сложные конструкции с **дискретными** субъектами, которые содержат отрицание и / или противопоставление, актуализирующие скрытое условие: *Не всякий умирает, кто хворает* (скрытое условие) → Даже если человек хворает, то не всякий (из тех, кто хворает) умирает; *Всякий водит* (скрытое условие), *да не всякий доводит* → Не всякий доводит, даже если водит. В данных примерах степень обоб-

ценности субъектов снижается, поскольку условие, выполняемое субъектами, автоматически сокращает количество деятелей до неопределенной группы лиц (*всякий* → *не всякий*).

Проведенный анализ позволяет установить, что выделенные И. Н. Смирновым [2008] разновидности гномичности (предназначенного действия, невозможности действия) встречаются и в рассмотренном типе ситуаций обусловленности. В этом случае при снижении ранга субъектов сохраняется их общий референциальный статус, а также их корреляция с вневременностью.

Таким образом, в пределах универсального (наивысшего) референциального статуса субъектов выявлена некоторая неоднородность: помимо субъектов с генерализованным уровнем обобщения (действия которых квалифицируются как всеобщие) выявлена область понижения обобщенности субъектов, в этом случае действие совершают не все люди, а любой / каждый, кто выполняет / не выполняет заданное в высказывании условие.

2. Родовой референциальный статус субъектов и его взаимодействие с ситуациями вневременности

Родовой референциальный тип субъектов, как было отмечено ранее, соотносится исследователями с узуальной зоной ВНЛ [Бондарко, 2017; Смирнов, 2008]. Однако такое утверждение представляется верным для обычных высказываний, в которых действия, совершаемые разными групповыми субъектами (определенно-групповым, общегрупповым и пр.), тем не менее поддерживают «соотнесенность действия с временной осью» [Смирнов, 2008, с. 138], что нехарактерно для пословичных текстов.

Исследование показало, что родовые субъекты в пословицах взаимодействуют со сферой вневременности и обладают разным референциальным потенциалом: типичным родовым обобщением, а также в пределах данного типа наблюдается сужение и расширение базового охвата референции субъектов.

2.1. Типичный родовой референциальный статус субъекта в ситуациях вневременности

Типичным родовым статусом, как уже было описано в работе [Первунина, 2024б], обладают субъекты как с дискретной, так и с недискретной формой представления: (а) *Богач друга не узнает; Сидит Елеся, ноги свеся*; (б) *Дома сидит, ни на кого не глядит; Говорит, как спит* – в данных пословицах субъекты передают родовой тип обобщения, поскольку являются типичными представителями определенной группы.

В пословицах типа (а) родовое обобщение субъектов представлено разными семантическими группами (по личностным и интеллектуальным качествам – *мудрый, знайка*; внешним данным – *красавица, худож*; социальному статусу – *царь, купец* и мн. др.), включающими не только нарицательные существительные (в том числе и субстантивы), но и имена собственные (*Елеся, Мария*), личные местоимения (*он, она*), близкие по своим референциальным свойствам номинации родового класса. Сюда же относятся сочетания, в состав которых входят: кванторное слово и родовая номинация (*всякий мастер, всяк подъячий* и пр.), а также определитель и лексема *человек* (*русский человек, добрый человек* и пр.).

Недискретно выраженные субъекты (б) также передают значение общеродовой семантики: *Чайничает да бражничает* (о лентяях); *Ходит франтом: сапоги с рантом* (о модниках) и др. Качественная характеристика субъектов в этих текстах осуществляется по семантическому типу предиката и его взаимодействию с другими компонентами текста, однако в отличие от идентичного механизма, используемого для актуализации универсального статуса, в данном случае предикаты передают не «всеобщие» действия, а характерные для ограниченной группы лиц (как правило, по личностным качествам – домоседы, недоброжелатели, жадные и мн. др.).

У ряда недискретных субъектов выявлена специфическая особенность, несколько меняющая ракурс рассмотрения вневременности, в которой, по мнению И. Н. Смирнова [2008, с. 121], отсутствуют пространственные ограничения. В данном случае экспликация родового статуса субъектов реализуется посредством локатива, формально выступающего пространственным ограничителем, а референциально указывающего на родовой тип субъекта: *Не плачут в Рязани по псковскому недороду* → Жители Рязани не плачут по псковскому недороду; *Во Ржеве и в горшке крестят* → Жители Ржева и в горшке крестят. В таких случаях локатив указывает на группу субъектов (жители Ржева, Рязани), а предикат передает типичное для людей этой местности поведение.

Все рассмотренные пословицы включаются в ситуации облигаторной качественности, поскольку в них актуализируется сема ВНЛ, а предикат выражает постоянные свойства субъекта (как представителя определенного класса). В эту разновидность ситуаций в пословицах также включаются предложения с глагольной формой 3 л. ед. ч., которые обычно квалифицируются как неполные (см. б).

2.2. Референциальное ранжирование родового статуса субъекта в ситуациях вневременности

Помимо рассмотренного обычного родового статуса, характерного как для дискретных, так и для недискретных субъектов, были выделены разновидности понижения и повышения ранга родового типа, которое касается только **дискретно выраженных субъектов**.

Сужение референциальной отнесенности имени, как и у субъектов с универсальным статусом, фиксируется в высказываниях, содержащих условие. Особенностью этого условия является то, что оно служит основанием квалификации некоторой части субъектов внутри общей родовой группы (по профессиональным, личностным качествам, гендерно-возрастным параметрам, национальной принадлежности и пр.).

Выражение условия может осуществляться при помощи как общеязыковых средств обусловленности, так и специфических, характерных для пословиц.

В качестве общеязыковых средств выступают сложноподчиненные и бессоюзные предложения, передающие условно-следственные и – реже – временные отношения: *Сын запоет – и отец не уйдет* → Если сын запоет (условие), то отец не уйдет; *Сосед не захочет, так и миру не будет* → Если сосед не захочет (условие), так и миру не будет. Субъектами в таких пословицах выступают главным образом представители реляционного класса (по А. Д. Шмелеву [2002]). В простом предложении также можно выделить средства выражения условия, например, предложно-падежными формами: *Немец без шутки с лавки не свалится* → Если не пошутит (условие), то немец не свалится с лавки.

Установлено, что в конструкциях обусловленности в зависимости от количества представленных в них субъектов ограничение охвата референции субъектов реализуется по-разному. На этом основании выделено два подтипа ситуаций: с одним / с двумя субъектами.

В пословицах *с одним субъектом* условие для реализации действия инициирует то же лицо, которое его выполняет: *Хозяин не заплачет – гостей не разжалобит* → Если хозяин не заплачет (условие), то гостей не разжалобит. В данном примере номинация *хозяин* относится к реляционному классу, снижение ранга происходит за счет того, что из всего класса вычлениются только те его представители, которые выполняют указанное условие. Субъекты данного подтипа, как и в ситуациях с универсальным статусом субъектов, совершают контролируемые действия, т. е. самостоятельно создают описанную в высказывании ситуацию.

В высказываниях *с двумя субъектами* принцип реализации условия несколько иной. В этом подтипе наблюдается взаимозависимость свойств / действий одного субъекта от другого: *Жена верховодит, так муж по соседям ходит* → Если жена верховодит, то муж по соседям ходит; *Дитя не заплачет – мать не разумеет*. Важной особенностью таких пословиц является то, что субъекты в них обладают разным уровнем контроля: под контролем одного субъекта, совершаются действия второго, т. е. создают ситуацию *жена / дитя*, а попадают в нее *муж / мать*, совершающие «подконтрольные» действия. Снижение референции субъектов выявляется именно у последних.

Особо следует выделить действующие в пословицах специфические средства выражения условия (функционирующие, как правило, в простых предложениях), в роли которых выступают присубъектные определители (*старый муж, умный детина* и пр.), которые выполняют функцию включенного предиката, по Н. А. Дьячковой (см. подробнее [Дьячкова, 2001, с. 131–177]): *Добрый (условие) портной с запасом шьет* → Если портной добрый (хороший), то он с запасом шьет.

В конструкциях, где субъект представлен именной группой (*добрая кума, старый муж* и пр.), условие осуществления действия передает определитель (или включенный предикат): *Злая жена сведет мужа с ума* → Если жена злая (условие), то она сведет мужа с ума; *Запасливый гость без ложки не ходит* → Если гость запасливый (условие), то без ложки не ходит. В данных примерах осуществляемое субъектом действие детерминировано его характеристикой, следовательно, субъект с другим качеством / свойством будет вести себя совершенно другим образом (если жена добрая, то ее действия по отношению к мужу будут другими). Отметим, что определитель с семантикой состояния (*сытый, пьяный* и пр.) еще больше сужает референциальный охват субъекта, поскольку актуализирует его не постоянные (как в случае со значением качества), а временные признаки: *Пуганый француз и от козы бежит* → Когда француз испуган, тогда он бежит даже от козы; *Голодный (человек) и в портках хлеба украдет* → Когда человек голодный, тогда он украдет. Действия субъектов в данных пословицах продиктованы их состоянием, что указывает на неустойчивую в аспекте времени характеристику лиц. Рассматриваемый механизм снижения родового обобщения субъектов отличается от функционирующего в пределах универсального статуса тем, что в данном случае субъект не управляет ситуацией, т. е. не совершает намеренные, контролируемые действия для выполнения / невыполнения условия (как субъекты с универсальным статусом), а обладает характеристикой качества / состояния, предопределяющей результат его действий.

Следующая разновидность родового статуса включает случаи *повышения* ранга субъектов. Так, повышение родового ранга субъекта фиксируется в пословицах с частицей *И*, например: *И дурак праздники знает, да будней не помнит*; *И пастух овцу бьет, что не туда идет* субъекты *дурак, пастух*; *И поп новину любит* и др. В данных пословицах в «первом приближении» референтный статус имен *дурак, поп, пастух* определяется как родовой: субъекты, выраженные нарицательными существительными в форме ед. ч., выступают как идеальные представители группы по интеллектуальным качествам / роду деятельности. Однако в presupпозиции этих высказываний посредством частицы *И*, являющейся показателем неопределенного множества входящих в этот класс субъектов, актуализируется расширение субъектной группы до предельно открытого класса: *и пастух, и дурак, и скomorox ...* → любой, в том числе и названное лицо, которому обычно это действие не свойственно.

Еще одним механизмом, участвующим в повышении родового статуса субъектов, выступает кванторное местоимение *иной*: *Иной тем подсидит, что ловко (кстати) смолчит*. Данное местоимение, несмотря на свою принадлежность к разряду кванторных (обобщающих) слов, передает не универсальный, а родовой референциальный статус субъекта. Это связано с тем, что лексема *иной* помимо указания на некоторое множество объектов (что характерно для всех кванторов) выражает также семантику «выделенности» объекта из актуального множества, которая «позволяет одновременно... подчеркнуть и особенность субъекта, и его типичность» [Шувалова, 2007, с. 75].

В пословицах *иной* обладает некоторой спецификой, поскольку представляет переходный случай между дискретной и недискретной референциальной идентификацией субъекта. Так, формально *иной* представляет дискретно выраженный субъект, а семантически его референциальный статус, как и в случае с недискретными субъектами, устанавливается главным образом с опорой на предикат, ср., например: (а) *Смотрит как волк на теля*; (б) *Иной стреляет редко, да попадает метко*. В данных примерах, несмотря на различия формы представления субъектов, их референциальный статус эксплицируются посредством предиката, называющего их типичные свойства / качества как представителя группы (недоброжелатели, счастливицы и пр.). Однако в пословицах (б) фиксируется бóльшая генерализация родового статуса субъекта, поскольку субъектная номинация *иной* сигнализирует об открытости данной группы, т. е. ее участником может стать любой член из неопределенного множества, для которого характерно такое поведение: *Иной пляшет, иной плачет* → Есть люди, которые иногда пляшут, иногда плачут (подобная трансформация представляется возможной на основании установленного семантического соотношения кванторных наречий с кванторными словами *всякий – всегда, иной – иногда* и пр., подробнее см. [Падучева, 1989, с. 26–35]).

Итак, характер родовой референции субъектов в пословицах неоднороден: выявлены субъекты с типичным родовым обобщением (соотносимые, как уже было сказано, с ситуациями облигаторной квалитативности), а также случаи повышения и понижения их ранга. Отмеченное ранжирование субъектов позволяет установить другую (отсутствующую в типологии И. Н. Смирнова) разновидность вневременности – квалитативно-потенциальную, совмещающую классификацию субъектов по их групповой принадлежности и условие осуществления действия субъектами.

Представляется важным отметить, что существуют и другие факторы, влияющие на ранжирование степени обобщения субъектов в пределах универсального и родового референциального типа (например, показатели кратности действия, некоторые фреквентативные наречия и др.), однако они остаются в качестве перспективы исследования.

Заключение

Пословица относится к жанрам, специфическим свойством которого является высокая степень обобщения. Это обобщение касается и семантической категории временной нелокализованности, и референции субъекта. Вследствие этой особенности подобные тексты дают возможность охарактеризовать взаимодействие вне-временности как средства темпоральной референции и субъектной референции, не только рассматривая влияние временной нелокализованности на тип субъекта, но и, напротив, поставив в центр внимания референциальный статус субъекта, уточнить оттенки вневременности, реализующиеся в каждом типе.

Существенным представляется выявление в пословицах и универсального, и родового референциального статуса субъекта, что свидетельствует об отсутствии жесткой закреплённости за вневременностью только одного из них.

Исследование также показало, что в пределах универсального и родового статусов существует внутреннее ранжирование субъектов. Их разграничение основывается как на характеристике субъектов (местоимений *всякий, все, никто*; существительного с обобщающим значением *человек* – для универсального ранга; существительных, называющих группы лиц по личным и интеллектуальным качествам, гендерно-возрастному признаку и др., – для родового), так и на их взаимодействии с различными семантическими типами предикатов, их распространителей.

Были установлены некоторые общие закономерности ранжирования в указанных типах: так, сужение границ референциального класса базируется на механизмах обусловленности.

При этом данные механизмы в универсальном и родовом типе работают по-разному, что связано с другими семантико-грамматическими факторами: дискретным / недискретным способом выражения лица, разными типами конструкций (простое / сложное предложение), односубъектностью / двусубъектностью, контролируемостью / неконтролируемостью действий субъектов. Кроме того, учитываются не только общеязыковые, но и специфические средства выражения условия (включенный предикат) и др.

Для родового статуса, в отличие от универсального, были выявлены случаи расширения границ референции субъекта, достигающиеся в том числе в высказываниях с субъектом, выраженным местоимением *иной*, и включением в высказывание частиц.

На основании перечисленных факторов можно констатировать, что в пословицах представлена многоуровневая иерархизированная система субкатегоризации референциальных статусов субъектов, позволяющая уточнить не только ранги субъектов, но и разновидности вневременности. Так, помимо вне-временно-потенциальных, облигаторно-квалитативных ситуаций, отмечены квалитативно-потенциальные ситуации, совмещающие качественную характеристику группового субъекта и условие реализации действия.

Итак, характеристика референциальных статусов субъектов в пословицах требует многофакторного подхода, учитывающего целый спектр параметров, в том числе и взаимодействие с семантической категорией временной нелокализованности.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Бондарко А. В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб.: Наука, 1992. С. 29–71.
- Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. М.: Ленанд, 2017. 352 с.
- Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М.: ЯСК, 2011. 488 с.
- Булдыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7–85.
- Дьячкова Н. А. Полипропозитивные структуры в сфере простого предложения. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. 259 с.
- Кацюба Л. Б. Лицо глагола в русских пословицах. Семантико-грамматические и лингвокультурологические аспекты. М.: Флинта, 2018. 213 с.
- Падучева Е. В. Наречие как кванторное слово // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1989. Т. 48, № 1. С. 26–37.
- Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: ЛКИ, 2010. 296 с.
- Первунина С. И. Способы референциального ранжирования субъектов в русских пословицах с формами второго лица единственного числа // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2024а. № 4. С. 50–58.
- Первунина С. И. Особенности референции субъектов в русских пословицах с формами третьего лица // Вестник Том. гос. ун-та. 2024б. № 499. С. 41–48.
- Смирнов И. Н. Выражение повторяемости и обобщенности действия в современном русском языке. СПб.: Наука, САГА, 2008. 160 с.
- Фролова О. Е. Мир, стоящий за текстом: референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста. М.: ЛКИ, 2007. 317 с.
- Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: ЯСК, 2002. 483 с.
- Шувалова И. Е. Семантика русских местоимений. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. 143 с.
- Linsky L. Referring. New York: Humanities Press, 1967. 139 p.

Список источников

- Даль В. И. Пословицы русского народа: Сб.: В 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. 433 с.; Т. 2. 449 с.

References

- Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, LRC Publishing House, 1999, 896 p.

Bondarko A. V. *Kategorizatsiya v sisteme grammatiki* [Categorization in the system of grammar]. Moscow, LRC Publishing House, 2011, 488 p.

Bondarko A. V. Sub"ektno-predikatno-ob"ektnye situatsii [Subject-predicate-object situations]. In: *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Sub"ektnost'. Ob"ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost' / neopredelennost'* [Functional grammar theory. Subjectivity. Objectivity. Communicative perspective of an utterance. Certainty. Uncertainty]. St. Petersburg, Nauka, 1992, pp. 29–71.

Bondarko A. V. *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis* [Functional grammar theory: Introduction, aspectuality, temporal localization, taxis]. Moscow, 2017, Lenand, 352 p.

Bulygina T. V. K postroeniyu tipologii predikatov v russkom yazyke [Toward the construction of predicate typology in Russian]. In: *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic types of predicates]. Moscow, Nauka, 1982, pp. 7–85.

D'yachkova N. A. *Polipropozitivnye struktury v sfere prostogo predlozhenii* [Polypropositional structures in simple sentences]. Ekaterinburg, UrSU, 2001, 259 p.

Frolova O. E. *Mir, stoyashchiy za tekstom: referentsial'nye mekhanizmy poslovitsy, anekdota, volshebnoy skazki i avtorskogo povestvovatel'nogo khudozhestvennogo teksta* [The world behind the text: referential mechanisms of a proverb, joke, fairy tale, and author's narrative literary text]. Moscow, LKI, 2007, 317 p.

Katsyuba L. B. *Litsa glagola v russkikh poslovitsakh. Semantiko-grammaticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty* [The person of the verb in Russian proverbs. Semantic grammatical and linguistic and cultural aspects]. Moscow, Flinta, 2018, 214 p.

Linsky L. *Referring*. New York, Humanities Press, 1967, 139 p.

Paducheva E. V. Narechie kak kvantornoe slovo [Adverb as a quantifier word]. *Izv. AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1989, vol. 48, no 1, pp. 26–37.

Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu: Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimeniy* [Expression and its correlation with reality: Referential aspects of the semantics of pronouns]. Moscow, LKI, 2010, 296 p.

Pervunina S. I. Osobennosti referentsii sub"ektov v russkikh poslovitsakh s formami tret'ego litsa [Peculiarities of Subject Reference in Russian Proverbs with Third Person Forms]. *Tomsk State University Journal*. 2024b, no. 499, pp. 41–48.

Pervunina S. I. Sposoby referentsial'nogo ranzhirovaniya sub"ektov v russkikh poslovitsakh s formami vtorogo litsa edinstvennogo chisla [Ways of Referential Ranking of Subjects in Russian Proverbs with Forms of the Second Person Singular]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2024a, no. 4, pp. 50–58.

Smirnov I. N. *Vyrazhenie povtoryaemosti i obobshchennosti deystviya v sovremennom russkom yazyke* [Expression of repetition and generalization of action in the modern Russian language]. St. Petersburg, Nauka, SAGA, 2008, 160 p.

Shmelev A. D. *Russkiy yazyk i vneyazykovaya deystvitel'nost'* [Russian language and extra-linguistic reality]. Moscow, LRC Publishing House, 2002, 483 p.

Shuvalova I. E. *Semantika russkikh mestoimeniy* [Semantics of Russian pronouns]. Kursk, Kursk State University Publ., 2007, 143 p.

List of sources

Dal' V. I. *Poslovitsy russkogo naroda: Sb.: V 2 t.* [Proverbs of the Russian people: Col.: In 2 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1989, vol. 1, 433 p., vol. 2, 449 p.

Информация об авторах

Светлана Ивановна Первунина, аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Svetlana I. Pervunina, Postgraduate Student, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 29.06.2024;
одобрена после рецензирования 16.09.2024; принята к публикации 16.09.2024
The article was submitted on 29.06.2024;
approved after reviewing on 16.09.2024; accepted for publication on 16.09.2024*

Научная статья

УДК 811.511.142 + 81'367.3
DOI 10.17223/18137083/91/16

Адъективные эквативные сравнительные конструкции в хантыйском языке

Наталья Борисовна Кошкарева¹
Валентина Николаевна Соловар²

¹ Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

² Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия

¹ koshkar_nb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4578-6591>

² solovarv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4894-0117>

Аннотация

Эквативные конструкции передают один из видов отношений эквивалентности (равенства), с их помощью устанавливается сходство компаратов на основе того или иного градуируемого признака. В казымском диалекте хантыйского языка представлены две структурные разновидности эквативных конструкций – параметрические и адъективные. В прототипических параметрических конструкциях компараты занимают позицию подлежащего, сказуемое называет основание параметра и выражается параметрическим существительным, показатель отношения – прилагательное со значением ‘одинаковый’. В адъективных конструкциях компараты выполняют разные синтаксические функции, прилагательное в позиции сказуемого обозначает аспект параметра, выразителем отношения выступает послелог, оформляющий позицию второго компарата (маркер стандарта сравнения). Послелogi, использующиеся в адъективных эквативных конструкциях, в составе других типов конструкций выражают отношения симилятивности и субъективной модальности. По структуре адъективные эквативные конструкции с негрупповым оформлением компаратов идентичны дифференциальным конструкциям и различаются только семантикой входящих в их состав послелогов.

Ключевые слова

хантыйский язык, казымский диалект, сравнение, эквивалентность, симилятивность, эквативность, эквативно-симилятивные конструкции, адъективные эквативные конструкции, параметрические эквативные конструкции

Для цитирования

Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н. Адъективные эквативные сравнительные конструкции в хантыйском языке // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 205–219. DOI 10.17223/18137083/91/16

© Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 205–219
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 205–219

Adjectival equative comparative constructions in the Khanty language

Natalia B. Koshkareva¹, Valentina N. Solovar²

¹ Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

² Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development
Khanty-Mansiysk, Russian Federation

¹ koshkar_nb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4578-6591>

² solovarv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4894-0117>

Abstract

Equative constructions illustrate one type of equivalence relation (equality), establishing the identity of comparatives based on a gradable feature. The Kazym dialect of the Khanty language exhibits two distinct structural types of equative constructions: parametric and adjectival. Parametric constructions feature comparatives in the subject position, with the predicate, a parametric noun, identifying the parameter base, and an adjective expressing “sameness” as the relational marker. In adjectival constructions, comparative structures exhibit distinct syntactic positioning. The adjective in the position of the predicate denotes the parameter aspect, with a relation expressed by a postposition that formalizes the position of the second comparative (marker of the standard of comparison). The use of postpositions to form adjectival constructions with equivocal meanings extends to the expression of similitive relations. In other types of constructions, postpositions convey the meaning of a subjective modality. Despite exhibiting structural equivalence, equivocal and differential constructions are semantically differentiated by their postpositional elements. Similitive constructions contrast with equative and differential constructions in lacking a comparison parameter position. Alternatively, these are combined with comparative expressions of equivalence, whereby postpositions such as ‘ity’ (‘how’) function in both equative and similitive comparisons. Functional-semantic comparison reveals three distinct semantic cores, each exhibiting relationships with other cores within the field and with external semantic fields (e.g., modality, approximativity) based on several parameters.

Keywords

Khanty language, Kazym dialect, comparison, equivalence, similitivity, equativity, equative-similitive constructions, adjectival equative constructions, parametric equative constructions

For citation

Koshkareva N. B., Solovar V. N. Adjectival equative comparative constructions in the Khanty language. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 2, pp. 205–219. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/16

Введение

План содержания сравнительных конструкций описывается, как правило, на основе противопоставления трех типов отношений: эквативности (EQU) и симилятивности (SIM), указывающих на разные степени сходства компаратов, и дифференциальности (DIFF), актуализирующей различия между компаратами.

Эквативным и симилятивным конструкциям посвящены специальные работы, в том числе типологические [Haspelmath, Buchholz, 1998; Henkelmann, 2006; Haspelmath, 2017; Treis, 2018]. В последние годы способы выражения отношений равенства активно изучаются как самостоятельный объект или в связи с другими

типами конструкций на материале языков разных семей (см. [Невская, 2022; Скрибник, Даржаева, 2024; Сеницына, 2019; 2023а; 2023б; 2023в; 2025; The Oxford Guide..., 2022; Винклер, 2024; Сеницына и др., 2024; Кошкарева, Соловар, 2024; Полякова, 2024] и мн. др.).

В ряде работ термин «эквативность» употребляется по отношению к собственно эквативным в узком смысле слова, а также и к симилятивным отношениям [Сеницына и др., 2024]. Чтобы подчеркнуть единство данного класса, вводятся также термины «эквиасимилятивные» [Полякова, 2024] или «эквативно-симилятивные» [Скрибник, Даржаева, 2024] конструкции. В настоящей статье в качестве родового, объединяющего эти два типа отношений, используется термин «эквивалентность». Его синонимом в других исследованиях выступают термины «равенство» и, соответственно, «конструкции равенства». Таким образом, эквативные конструкции в узком смысле понимаются нами как синтаксические построения, в которых передается один из видов отношений эквивалентности (равенства), а именно устанавливается сходство компаратов на основе того или иного градуируемого признака, и постулируется, что по данному параметру описываемые предметы равны, обладают максимальной степенью сходства.

В специальной литературе отмечаются следующие характерные признаки эквативных и симилятивных конструкций: скалярность; эксплицитность / имплицитность основания сравнения; единичность / совокупность признаков, на основании которых сравниваются предметы, и др. Эквативность подразумевает, что два референта обладают тем или иным градуируемым свойством в равной мере («two referents have a gradable property to the same degree» [Haspelmath, 2017, p. 10]) и определяется через признак «одинаковая степень» (*equal extent*) как простое одномерное понятие, а симилятивность как сложное многогранное понятие – через признак «одинаковый способ» (*equal manner*) [Haspelmath, Buchholz, 1998, p. 278]. В эквативных конструкциях выражается идентичность степени проявления признака того или иного объекта, в симилятивных – идентичность образа действия [Сеницына, 2019, с. 273]. В эквативных конструкциях предмет сравнения обладает свойством в той же мере, что и стандарт сравнения, в симилятивных предмет сравнения демонстрирует действие или свойство, подобное стандарту [Jenny, 2017, p. 293, 309].

Часто отмечаются трудности в разграничении эквативных и симилятивных смыслов, поскольку они лежат в одной семантической зоне «сходства», или «подобия». Поэтому мы рассматриваем это противопоставление на уровне плана выражения и основным признаком, на основе которого различаются эквативные и симилятивные конструкции, считаем эксплицитность / имплицитность параметра: в эквативных конструкциях основание параметра сравнения вербализовано тем или иным способом; в симилятивных параметр эксплицитного выражения не получает.

Поскольку одни и те же показатели могут использоваться в разных типах конструкций, их часто объединяют в единый класс со значением эквивалентности, противопоставленный дифференциальным конструкциям, где представление компаратов ранжировано по степени проявления признака. Другой тип классификации – противопоставление по принципу «диссимилятивность» vs «симилятивность», при котором на первый план выходит «наличие / отсутствие эксплицитно выраженного параметра сравнения»: в диссимилятивных конструкциях (эквативных и дифференциальных) он выражается эксплицитно, в симилятивных представлен имплицитно. Возможно также рассмотрение каждого из трех

типов конструкций как самостоятельного, вне объединения с другими разновидностями. Каждый из классификационных подходов возможен в зависимости от состава и функций формальных показателей сравнительных отношений в языках разных систем.

Применительно к хантыйскому языку мы покажем, что имеются структурные основания для объединения, с одной стороны, эквативных и симилятивных конструкций (по типу недифференцированного по семантике показателя отношения), а с другой – эквативных и дифференциальных в противопоставлении симилятивным (по наличию / отсутствию эксплицитно выраженного параметра сравнения), что формирует сложное по своему устройству функционально-семантическое поле сравнения с тремя смысловыми ядрами.

Структурные особенности хантыйских сравнительных конструкций рассматриваются в работах [Черемисина, Соловар, 1995; Соловар, Горяева, 2010; Садомина, 2015; 2016; Соловар, 2019; 2023]. Конструкции с параметрическими именами (типа *рост, высота, ширина, глубина*) в роли сказуемого в составе сравнительных конструкций оцениваются как ядерное средство выражения сравнения в обско-угорских [Садомина, 2016; Соловар, 2019, с. 289–290; Кошкарева, Соловар, 2024, с. 83–84] и самодийских [The Oxford Guide..., 2022, с. 992–993] языках.

Новизна данного исследования определяется тем, что на материале хантыйского языка эквативные конструкции впервые описываются как особый структурно-семантический класс сравнительных конструкций с учетом особенностей выражения обязательных для отношений сравнения семантических ролей.

Материалом для исследования послужили собственные полевые и анкетные материалы авторов, а также фольклорные произведения на казымском диалекте хантыйского языка.

1. Место хантыйских эквативных конструкций в типологической классификации

В работе [Haspelmath, 2017] предложена типологическая классификация эквативных конструкций, перечень которых приводится в левой колонке таблицы (см. ниже). В правой колонке мы приводим упрощенную в целях экономии места формализованную запись структурных типов в соответствии с условными обозначениями¹, предложенными в работе [Кошкарева, Плотников, 2023] и использующимися в трудах представителей Новосибирской синтаксической школы, посвященных структуре и семантике сравнительных конструкций в языках разных систем.

Перечисленные типы упорядочиваются как минимум по способу выражения компаратов, параметра сравнения и показателя отношения.

¹ Условные обозначения: ADJ – прилагательное; ASP – аспект параметра сравнения (*высокий, низкий, старый, новый, молодой* и т. п.); C₁ (CMPR1) – первый компарат (предмет сравнения); C₂ (CMPR2) – второй компарат (стандарт сравнения), CONJ – союз (показатель связи); EQU – эквативное отношение; EXP – экспонента; FUND – основание параметра сравнения (*величина, рост, высота, глубина, ширина* и т. п.); LEX – лексема; PRM – параметр сравнения; REL – показатель отношения.

Классификация эквативных конструкций
Classification of equative constructions

№	Тип конструкции	Характеристики конструкции
1	Kim is tall [like Pat].	C_1 ADJ ^{PRM.ASP} CONJ ^{REL.EQU} C_2
2	Kim is [equally tall] [as Pat].	C_1 LEX ^{EXP} ADJ ^{PRM.ASP} CONJ ^{REL.EQU} C_2
3	[Kim and Pat] are [equally tall].	$[C_1$ CONJ $C_2]$ LEX ^{REL.EQU+EXP} ADJ ^{PRM.ASP}
4	Kim [reaches/equals Pat] in height.	C_1 V ^{REL.EQU} C_2 N ^{PRM.FUND}
5	[Kim and Pat] are equal (to each other) in height.	$[C_1$ CONJ $C_2]$ ADJ ^{REL.EQU} N ^{PRM.FUND}
6	Kim is tall [reaching/equaling Pat].	C_1 ADJ ^{PRM.ASP} V ^{REL.EQU} C_2

По способу выражения компаратов типы (3) и (5) противопоставляются всем остальным на том основании, что в них наблюдается копозиционирование компаратов: они занимают одну и ту же синтаксическую позицию и выражаются либо именами в форме дв. или мн. ч., либо разного рода сочетаниями сочинительного типа (*дети, они, Вася и Машиа, брат-сестра* и т. п.); в остальных типах компараты выполняют разные синтаксические роли и могут получать разное оформление.

Параметр сравнения (PRM) – «свойство» компаратов, представляющее собой основание для их сопоставления, складывается из совокупности двух признаков: основание параметра (PRM.FUND) – «характеристика», на которую направлено внимание, например «рост», «цвет», «форма», «ширина», «глубина», «возраст», «внешний вид», «характер» и т. п., и аспект параметра (PRM.ASP) – конкретное «качество», проявление которого оценивается, например «высокий» / «низкий» / «обычный», «красный» / «синий» / «зеленый», «круглый» / «овальный» / «квадратный» и др. В типах (1), (2), (3) и (6) актуализируется аспект параметра, что выражается прилагательным; в типах (4) и (5) на первый план выдвигается основание параметра, которое в норме обозначается именами существительными.

Эквативность (REL.EQU) передается самыми разными способами: аналитическими и синтетическими показателями, оформляющими второй компарат – стандарт сравнения (падежными аффиксами, союзами, частицами, послелогоми и предлогами), а также глаголами и прилагательными разной степени специализации.

Обско-угорские эквативные конструкции в целом соответствуют типам (1) и (5) в классификации М. Хаспельмата.

Параметрические имена в собственно эквативных конструкциях являются средством вербализации основания параметра сравнения, см. тип (5) в классификации М. Хаспельмата:

[*Kim and Pat*] are equal (to each other) in height.

[*Ким и Пэт*] одинаковы (по отношению друг к другу) по высоте.

$[N^{CMPR1}$ CONJ $N^{CMPR2}]$ (cop) ADJ^{REL.EQU} N^{PRM.FUND}

Ср. хантыйское предложение, построенное по той же модели:

Ващайэн па Пэтяйэн и кърцатуэн.

Ващай=эн **па** Пэтяй=эн
Вася=POSS.2SG.SG **CONJ** Петя=POSS.2SG.SG

и **кърщ=ат=уэн**
одинаковый **высокий=SUBST=DU**

Букв.: Вася и Петя одинаковый рост.

‘Вася и Петя одинакового роста.’

В таких конструкциях компараты занимают одну и ту же синтаксическую позицию. В роли сказуемого допускается закрытый класс лексем качественной семантики – производных от соответствующих параметрических прилагательных: *лўват* ‘величина, размер; рост; возраст’, *кўжат* ‘толщина’, *пўжат* ‘высота, рост’, *вўтат* ‘ширина’, *мўжат* ‘глубина’, *хўват* ‘длина’, *кърцат* ‘высота’, *вонат* ‘величина’, *арат* ‘количество’. Показателем отношения является прилагательное с семантикой ‘одинаковый’. В хантыйском языке это полифункциональная лексема *и*, которая определяется как числительное ‘один’, прилагательное ‘одинаковый’ и усилительная частица. Способы выражения компаратов, варианты заполнения позиции подлежащего, особенности согласования сказуемого и подлежащего, а также другие структурные разновидности конструкций с параметрическими именами являются предметом отдельного исследования.

В данной статье рассматриваются адъективные эквативные конструкции, соответствующие разновидности (1) в классификации М. Хаспельмата: компараты в них занимают разные синтаксические позиции, аспект параметра выражен прилагательным, показателем отношения выступает послелог, оформляющий позицию второго компарата – стандарта сравнения.

2. Адъективные эквативные конструкции

Адъективные эквативные конструкции строятся на основе типовой синтаксической структуры с семантикой характеристики: **N ADJ (cop)** ‘Братишка послушный’ («кто есть каков»). Конструкция осложняется сравнительным оборотом, в состав которого входит сочетание имени, обозначающего стандарт сравнения, с показателем эквативности (‘Братишка, как его сестра, послушный’).

В классификации М. Хаспельмата этот тип представлен следующим образом:

Kim is tall [like Pat].

Ким высокий [как Пэт].

$N^{CMPR1} (cop) ADJ^{PRM.ASP} [CONJ^{REL.EQU} N^{CMPR2}]$

В хантыйском языке показателями эквативного отношения выступают полифункциональные лексемы, которые в подобных конструкциях выполняют роль послелогов: *иты* ‘как’, *лампа* ‘словно’, *хурти* ‘похожий’, *хурасэн* ‘похожий’. Они являются маркерами второго компарата, обозначающего стандарт сравнения:

Лўв ма итама кърэщ.

лўв	ма	ит=ам=а	кърэщ
он	я	как=POSS.1SG.SG=DAT	высокий
CMPR1	CMPR2	REL.EQU	PRM.ASP

‘Он высокий, как я.’

Љўв ацэж лампа апрэу.

Љўв ац=эж **лампа** апр=эж
он отец=POSS.3SG.SG **как** ловкость=ADJ
'Он ловкий, как его отец.'

Там эви аҟкэж хурасэп төс йошэп.

там эви аҟк=эж **хурасэп** төс йош=эп
этот девушка мать=POSS.3SG.SG **как** умелый рука=ADJ
'Эта девушка, как ее мама, с умелыми руками.'

Љўв щимэщ щи, лўк хурпи олман.

Љўв щимэщ щи лўк **хурпи** олм=аҟ
он такой так глухарь **как** сон=ADJ
'Он такой и есть, сонный, как глухарь.'

В метаязыковой репрезентации данного типа отношений в фигурных скобках показаны релянты (REL1 и REL2) в виде упорядоченного множества компонентов. Символ пустого множества «∅» обозначает невыраженность актуализационных категорий (ACT) – темпоральных, модальных, аспектуальных, пространственных. В квадратные скобки заключен обязательный для смысловой полноты, но регулярно редуцирующийся компонент:

$$\{\text{он, высокий, } \emptyset\}^{\text{REL1}} = \{\text{я, [высокий], } \emptyset\}^{\text{REL2}}$$

Модель данного типа конструкций с учетом специфики выражения грамматических категорий в обско-угорских языках модифицируется следующим образом:

$$N_{\text{NOM}}^{\text{CMPR1}} [N_{\text{NOM}}^{\text{CMPR2}} \text{POSTP}^{\text{REL.EQU}}] \text{ADJ}^{\text{PRM.ASP}} (\text{cop})$$

При выражении аспектуально-временных значений прилагательное принимает показатель дательно-направительного падежа, а в позиции связки появляются вспомогательные глаголы. Послелог оформляется лично-притяжательными суффиксами, если относится к личным местоимениям, например:

Мўн лыв итэжа тацэна йисэв.

мўн лыв ит=эж=а тац=эж=а
мы они как=POSS.3PL.PL=DAT богатство=ADJ=DAT
йи=с=эв
статья=PAST=SUBJ.1PL
'Мы стали такими же богатыми, как они.'

Сочетаемость рассмотренных лексем с разными типами параметров различна. Лексемы *хурпи* и *хурасэп* образованы от существительного *хур* 'шкура; образ, облик; картина, фотография, портрет, изображение; внешность, вид', и поэтому чаще всего используются, когда речь идет о внешнем сходстве одушевленных субъектов: в их семантике инкорпорировано представление о внешности как о совокупности отличительных черт.

Лексема *иты* имеет более свободную сочетаемость с параметрами и используется для характеристики разнообразных свойств и качеств: *Љўв аҟкэж иты төс*

йошэп / нутрэн / кэркам ‘Она, как мама, умелая / разговорчивая / шустрая’; *Лүв ащел иты ух вэлмаң* ‘Он умный, как его отец’; *Наврэм ай лаңки иты цомлы* ‘Ребенок слабый, как мышонок’.

Послелогои *лампа* ‘словно’ и *иты* ‘как’ различаются по степени достоверности сравнения, лексема *лампа* часто сочетается с частицами со значением контраста или высокой степени проявления признака, которые служат дополнительными средствами верификации: *Лүв ищи упэл лампа утишам* ‘Она **тоже**, как сестра, глупая’; *Ма и лүв лампэл пирэц* ‘Я, как **и** она, старая’; *Нур нитэт, нур лавэм лампа вүлэт* ‘**Совсем** черные, **совсем** как уголь олени’.

По структуре такие эквативные конструкции идентичны дифференциальным: и в тех, и в других сказуемое выражается прилагательным, обозначающим аспект параметра, а послелог выражает отношение – эквативное или дифференциальное.

Лүв упэл иты нумсэң.

лүв	упэ=л	иты	нумс=эң
она	старшая сестра=POSS.3SG.Sg	как	мысль=ADJ
CMPR1	CMPR2	REL.EQU	PRM.ASP
‘Она, как ее старшая сестра, умная.’			
N ^{CMPR1} [N ^{CMPR2} POSTP ^{REL.EQU}] ADJ ^{PRM.ASP}			

Хон ләңкэр хө хон киньша нумсэң.

хон	ләңкэр	хө	хон	киньша	нумс=эң
царь	плечо	человек	царь	по сравнению	мысль=ADJ
CMPR1			CMPR2	REL.DIFF	PRM.ASP
‘Помощник царя умнее царя.’					
N ^{CMPR1} [N ^{CMPR2} POSTP ^{REL.DIFF}] ADJ ^{PRM.ASP}					

Таким образом, в хантыйском языке наблюдается структурный параллелизм между эквативными и дифференциальными конструкциями, которые строятся на основе типовой синтаксической структуры характеристики **N ADJ (cop)** («кто есть каков») и различаются лишь по семантике послелогов, выражающих соответствующее отношение.

3. Другие значения послелогов, использующихся в эквативных конструкциях

Каждый из перечисленных послелогов имеет разные сферы употребления и систему переносных значений в других типах конструкций. Послелог *иты* чаще используется в эквативных конструкциях, тогда как лексемы *хурпи* и *хурасэн*, наоборот, в симилятивных. Это связано с их лексическим значением – обозначением внешних признаков субъекта. Поэтому в структуре высказываний с этими словами нет необходимости дополнительно выражать основание сравнения, по умолчанию подразумевается внешность:

Лүв аңкэл хурпи.

лүв	аңк=эл	хурпи
она	мать=POSS.3SG.SG	похожий
‘Она похожа на мать.’		

Холистичность параметра сравнения, его неопределенность приводит к развитию у лексемы *хурасэн* модального значения неуверенности в достоверности факта, неточности восприятия или субъективности интерпретации, которое реализуется в сочетаниях с причастиями в роли финитного сказуемого, например:

Төрмэв ййма йитал хурасэн.

төрм=эв ййм=а йи=т=ај хурасэн
 погода=POSS.1PL.SG хороший=DAT статья=PrP=3SG похожий
 ‘Похоже, погода становится хорошей.’

Послелог *иты* ‘как’ является недифференцированным средством выражения отношений эквивалентности как в предметной, так и в событийной сфере. В глагольных симилиативных предложениях сочетание «имя + послелог *иты*» занимает позицию обстоятельства образа действия, параметр сравнения эксплицитно не выражается, например:

Йайуэлан иты төп ај вөја.

йай=уэлан **иты** төп ај вөја=а
 старший брат=POSS.2SG.DU как только NEG.IMP жить=IMP.2SG
 ‘Только не живи, как твои старшие братья.’

Семантическая структура таких предложений включает позицию параметра («каким образом»), которая регулярно редуцируется:

$$\{ \text{ты живешь, [таким образом]}^{\text{PRM}}, \text{IMP} + \text{NEG} \}^{\text{REL1}}$$

$$\text{КАК}^{\text{REL.EQU}}$$

$$\{ \text{братья [живут]}, [\text{таким образом}]^{\text{PRM}}, \text{IND} + \text{AFF} \}^{\text{REL2}}$$

В полном виде высказывание имело бы вид: *Ты не живи так, как живут твои старшие братья*, но, поскольку изосемическое обстоятельство образа действия (например, *беспечно*) отсутствует, в его позицию перемещается стандарт сравнения вместе с показателем стандарта сравнения, происходит совмещение глубинных и поверхностных синтаксических ролей (ср. *Ты не живи беспечно, как беспечно живут твои старшие братья*). Ср. аналогичные примеры: *Амп иты, ьавэтэл* ‘Ругается, как собака’; *Ацэл иты, милэл дөмтыйэл* ‘Как отец, он шапку надевает’; *Лүв вениэл, нуви сүмэт иты, лотхэмтэс* ‘Его лицо, как белая береза, побелело’; *Васы иты ванкман, төп йухи лууэл* ‘Ползком (букв.: ползя), как утка, еле домой заходит’.

Структуру подобных высказываний можно формализовать следующим образом:

$$N_{\text{NOM}}^{\text{CMPR1}} [N_{\text{NOM}}^{\text{CMPR2}} \text{POSTP}^{\text{REL.EQU}}] V_f$$

Имплицитность параметра приводит к фразеологизации подобных конструкций, например: *Йасуэл лайэм мөүх иты мәнэл* ‘Он говорит убедительно’ (букв.: слово=его, как обух топора, идет); *Ухем хир иты йил* ‘Моя голова болит’ (букв.: голова=моя как мешок становится); *Йүр көккөк иты дөйлэн* ‘Ты грубишь, споришь’ (букв.: как кукушка поешь); *Лүв пелайэл лыкөм нүт иты каврэл* ‘Я его ненавижу’ (букв.: мое зло к нему, как котел, кипит); *Муи нохэрлетне иты*

вахисмэлэн ‘Что ты кричишь, как кедровка’ (о возбужденном состоянии человека, который резко реагирует на все); *Ши хөлэм эвсүэл и йош иты каремэлэт, и күр иты каремэлэт* ‘Эти три девушки поворачиваются одинаково’ (букв.: как одна рука, как одна нога); *Маттырэн, ханты хө, ханты не мулэм нүт иты каврэл* ‘Оказывается, мужчин и женщин [так много,] как будто котел кипит’; *Ин сот хө йүвтэм ньолэт иса шив иты, пөсэу иты жүвэла ши йилэт* ‘Стрелы, пущенные сотней мужчин, совсем как туман, как дым, летят к нему’; *Там ол ньамалт ар, пөсэу иты каврэл* ‘В этом году мошек много, кипят, как дым’.

Событийное сравнение выражается также полипредикативной конструкцией, в которой зависимая предикативная единица содержит причастный предикат в сочетании с послелогом *иты* ‘как’:

Мирэв вөлэм иты ши вөллэв.

мир=эв	вөл=эм	иты	ши	вөл=л=эв
народ=POSS.1PL.SG	жить=PP	как	так	жить=PR=SUBJ.1PL

‘Как жил наш народ, так и живем.’

В этом случае глагольное предложение осложняется причастно-послеложной конструкцией, обозначающей подобие двух явлений:

$$N_{\text{NOM}}^{\text{CMPR1}} [N_{\text{NOM}}^{\text{CMPR2}} \text{TV}=\text{PART POSTP}^{\text{REL.EQU}}] V_f$$

Таким образом, послелог *иты* ‘как’ является недифференцированным средством выражения отношений эквивалентности. В именных предложениях со сказуемым-прилагательным, обозначающим аспект параметра, он служит для выражения предметного эквативного сравнения, а в глагольных симилиативных конструкциях при отсутствующем параметре он репрезентирует сравнение двух событий.

Заключение

В хантыйском языке эквативность как обозначение равенства предметов по тому или иному параметру выражается двумя типами конструкций – адъективной и параметрической. В прототипических параметрических конструкциях компараты занимают позицию подлежащего, сказуемое, называющее основание параметра, выражено параметрическим существительным, а отношение – прилагательным со значением ‘одинаковый’. В адъективных конструкциях компараты находятся в разных синтаксических позициях, прилагательное в позиции сказуемого обозначает аспект параметра, выразителем отношения выступает послелог, оформляющий позицию второго компарата (маркер стандарта сравнения).

Несмотря на то, что оба типа конструкций передают близкие значения, между ними имеются существенные различия: в одном случае устанавливается идентичность предметов по основанию параметра (предметы обладают одинаковым «ростом», «шириной», «глубиной» и под.), а в другом случае актуализируется сходство на основе аспекта параметра, который выражен прилагательным (например, ‘высокий’, ‘широкий’, ‘глубокий’ и под.). В примерах с параметрическим именем речь идет о том, что рост двух человек одинаков, при этом рост не обязательно должен быть высоким: *Вацайэн па Пэтяйэн и кэрицатунэн* ‘Вася и Петя одинакового роста’. В адъективной эквативной конструкции типа *Лүв ма итама кэргэц*

‘Он, как я, высокий’ предполагается, что «я высокий, и он тоже высокий», при этом компараты могут быть высокими, но не одинакового роста; ср.: *Нурэм эвэлт киникайем ил вүйэ. – Муй иса ма? Вацайэн ма итама кърэц* ‘Сними с полки книгу. – Почему опять я? Вася, как я, высокий’.

Послелог, которые используются как показатели отношения в адъективных эквативных конструкциях, могут употребляться также в симилятивных глагольных конструкциях с невербализованным параметром сравнения. Наличие одного и того же недифференцированного показателя связи является объединяющим признаком эквативных и симилятивных структур, формальное различие касается наличия / отсутствия эксплицитно выраженного параметра.

Возможна при этом и другая группировка сравнительных конструкций в хантыйском языке, при которой в один структурный тип объединяются дифференциальные и эквативные адъективные конструкции: сказуемое-прилагательное обозначает аспект параметра, а послелог выражает отношение – эквативное или дифференциальное.

Таким образом, в функционально-семантическом поле сравнения в хантыйском языке можно выделить три смысловых ядра, каждое из которых по ряду параметров соотносится с другими ядрами того же самого поля, а также и с другими семантическими полями (модальности, аппроксимативности и др.).

Список условных обозначений

AFF – утверждение; **ACT** – актуализационные категории; **ADJ** – прилагательное; **ASP** – аспект параметра сравнения (*высокий, низкий, старый, новый, молодой* и т. п.); **C₁**, **CMPR1** – первый компарат (предмет сравнения); **C₂**, **CMPR2** – второй компарат (стандарт, эталон сравнения); **CONJ** – союз; (**cop**) – факультативная позиция вспомогательного глагола; **DAT** – дательно-направительный падеж; **DU** – двойственное число; **EQU** – эквативное отношение; **EXP** – экспонента (дополнительный компонент, который характеризует отношение относительно степени сходства или различия); **FUND** – основание параметра сравнения (*величина, рост, высота, глубина, ширина* и т. п.); **IMP** – императив; **IND** – индикатив; **LEX** – лексема; **PARAM** – параметрическое имя; **PRM** – параметр сравнения; **N** – имя существительное или его эквивалент; **NEG** – отрицание; **NOM** – именительный падеж; **PART** – причастие; **PAST** – прошедшее время; **POSS** – лично-притяжательный аффикс; **POSTP** – послелог; **PP** – причастие прошедшего времени; **PR** – настоящее время; **PRM** – параметр сравнения (свойства компаратов, являющиеся основанием для их сопоставления), который складывается из совокупности двух признаков: **PRM.ASP** – аспект параметра, **PRM.FUND** – основание параметра (свойство компарата, на которое направлено внимание, например «рост», «цвет», «форма» и т. п.); **PL** – множественное число; **PR** – настоящее время; **PrP** – причастие настоящего-будущего времени; **REL** – показатель отношения; **REL.EQU** – эквативное отношение, символически обозначается знаком равенства (=); **REL.SIM** – симилятивное отношение, символически обозначается знаком подобия (~); **REL1** – первый релянт; **REL2** – второй релянт; **SG** – единственное число; **SUBJ** – субъектное спряжение; **SUBST** – словообразовательный аффикс, при помощи которого от параметрического прилагательного образуется имя существительное; **V_f** – финитный глагол.

Список литературы

Винклер М. Э. А. Эквативно-аппроксимативные маркеры в финно-угорских языках: взаимодействие с количественными шкалами и развитие неоднозначности // Вопросы языкознания. 2024. № 4. С. 45–76.

Кошкарева Н. Б., Плотников И. М. Метаязык описания семантики сравнения как языкового знака // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 180–216.

Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н. Компаративные конструкции с семантикой эквивалентности в мансийском языке // Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 80–94.

Невская И. А. Типологические особенности шорских эквативных и симилятивных конструкций // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 286–299.

Полякова Е. Е. Такие же, как вокруг: эквасимилятивные конструкции в хваршинском языке // Рема. Rhema. 2024. № 1. С. 28–60.

Садомина Н. С. Сравнение в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 9: Филология. С. 221–227.

Садомина Н. С. Сравнительные конструкции в составе простого предложения (на материале шурышкарского и казымского диалектов) // Вестник угроведения. 2016. № 1 (24). С. 57–65.

Синицына Ю. В. Полисемия и морфологический статус горномарийского показателя *-la* // Acta Linguistica Petropolitana. 2019. Vol. 15.2. P. 265–297.

Синицына Ю. В. Конструкции с маркером *kad'jos* в татышлинском говоре удмуртского языка // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023а. № 4. С. 62–71.

Синицына Ю. В. Сравнительные конструкции в Новом Завете // Acta Linguistica Petropolitana. 2023б. Vol. 19.3. P. 150–196.

Синицына Ю. В. Сравнительные конструкции равенства в осетинском языке // Вопросы языкознания. 2023в. № 6. С. 49–66.

Синицына Ю. В. Семантические оппозиции в сравнительных конструкциях равенства в отдельных иранских языках // Индоиранские языки. 2025. 1 (1). С. 23–49.

Синицына Ю. В., Мордашова Д. Д., Винклер М. Э. А. Полисемия сравнительного маркера *kad'* в татышлинском говоре удмуртского языка // Урало-алтайские исследования. 2024. № 4 (55). С. 90–112.

Скрибник Е. К., Даржаева Н. Б. Бурятские эквативно-симилятивные конструкции со сказуемым *адли* 'похожий; такой же' // Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 63–79.

Соловар В. Н. Способы выражения сравнения в обско-угорских языках // Вопросы угроведения. 2019. Т. 9, № 2. С. 286–296.

Соловар В. Н. Способы выражения сравнительных отношений в обско-угорских языках // Сборник статей XXXII Международной научно-практической конференции, г. Пенза. 10.10.2023. Пенза, 2023. С. 71–73.

Соловар В. Н., Горяева Н. С. Сравнение в языковой картине мира хантыйского языка // Мировоззрение обских угров в контексте языка и культуры: Материалы Всерос. науч. конф. Ханты-Мансийск: ЮГУ, 2010. С. 167–177.

Черемисина М. И., Соловар В. Н. Выражение сравнения в хантыйском языке // Народы Северо-Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. С. 23–39.

Haspelmath M. Equative constructions in world-wide perspective // *Similative and Equative Constructions: A Cross-linguistic Perspective*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2017. P. 9–32.

Haspelmath M., Buchholz O. Equative and similative constructions in the languages of Europe // *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 277–334.

Henkelmann P. Constructions of equative comparison // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2006. No. 59, 4. P. 370–398.

Jenny M. Comparative, similative, and equative constructions in Mon: Form, function, and development // *Similative and Equative Constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 291–319.

The Oxford Guide to the Uralic languages / Eds. M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik. Oxford Uni. Press, 2022. 1184 p.

Treis Y. Comparative Constructions: An Introduction // *Linguistic Discovery*. On the expression of comparison: Contributions to the typology of comparative constructions from lesser-known languages (guest editors: Yvonne Treis & Katarzyna I. Wojtylak). 2018. No. 16 (1). P. I–XXVI.

References

Cheremisina M. I., Solovar V. N. Vyrazhenie sravneniya v khantyy-skoy yazyke [Expression of comparison in the Khanty language]. In: *Narody Severo-Zapadnoy Sibiri* [Peoples of Northwestern Siberia]. Tomsk, TSU, 1995, pp. 23–39.

Haspelmath M. Equative constructions in world-wide perspective. In: *Similative and Equative Constructions: A Cross-linguistic Perspective*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2017, pp. 9–32.

Haspelmath M., Buchholz O. Equative and similative constructions in the languages of Europe. In: *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Berlin, Mouton de Gruyter, 1998, pp. 277–334.

Henkelmann P. Constructions of equative comparison. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2006, no. 59, 4, pp. 370–398.

Jenny M. Comparative, similative, and equative constructions in Mon: Form, function, and development. In: *Similative and equative constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2017, pp. 291–319.

Koshkareva N. B., Plotnikov I. M. Metazyazyk opisaniya semantiki sravneniya kak yazykovogo znaka [Metalinguistic representation of the semantics of comparison as a linguistic sign]. *Kritika i Semiotika (Critique and Semiotics)*. 2023, no. 2, pp. 180–216.

Koshkareva N. B., Solovar V. N. Komparativnye konstruktsii s semantikoy ekvivalentnosti v mansiyskom yazyke [Comparative constructions with the semantics of equivalence in the Mansi language]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2024, no. 3, pp. 80–94.

Nevskaya I. A. Tipologicheskiye osobennosti shorskikh ekvativnykh i similyativnykh konstruktsiy. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2022, no. 4, pp. 286–299.

Polyakova E. Takie zhe, kak vokrug: ekvasimilyativnye konstruksii v khvarshinskom yazyke [Just like the ones around here: Equasimilative constructions in Khwarshi and beyond]. *Rhema*. 2024, no. 1, pp. 28–60.

Sadomina N. S. Sravnenie v khantyyskom yazyke (na materiale shuryshkarskogo dialekta) [Comparison in the Khanty language (based on the material of the Shuryshkar dialect)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2015, vol. 14, no. 9: Philology, pp. 221–227.

Sadomina N. S. Sravnitel'nye konstruksii v sostave prostogo predlozheniya (na materiale shuryshkarskogo i kazymskogo dialektov) [Comparative constructions as part of a simple sentence (based on the material of the Shuryshkar and Kazym dialects)]. *Bulletin of Ugric studies*. 2016, no. 1 (24), pp. 57–65.

Sinitsyna Yu. V. Konstruksii s markerom *kad'jos* v tatyshlinskom govore udmurtskogo yazyka [Constructions with Marker *kad'jos* in Tatyshly Udmurt]. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 2023, no. 4, pp. 62–71.

Sinitsyna Yu. V., Mordashova D. D., Winkler M. E. A. Polisemiya sravnitel'nogo markera *kad'* v tatyshlinskom govore udmurtskogo yazyka [Polysemy patterns of the equative marker *kad'* in Tatyshly Udmurt]. *Ural-Altai Studies*. 2024, no. 4 (55), pp. 90–112.

Sinitsyna Yu. V. Polysemy and morphological status of the Hill Mari indicator *-la* [Polysemy and morphological status of the Hill Mari marker *-la*]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2019, vol. 15.2, pp. 265–297.

Sinitsyna Yu. V. Semanticheskie oppozitsii v sravnitel'nykh konstruksiyakh ravenstva v ot del'nykh iranskikh yazykakh [Semantic oppositions in comparative constructions of equality in some Iranian languages]. *Indo-Iranian Languages*. 2025, no. 1 (1), pp. 23–49.

Sinitsyna Yu. V. Sravnitel'nyye konstruksii ravenstva v osetinskom yazyke [Comparative constructions of equality in Ossetic]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*. 2023, no. 6, pp. 49–66.

Sinitsyna Yu. V. Sravnitel'nye konstruksii v Novom Zavete [Comparative constructions in the New Testament]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2023, vol. 19.3, pp. 150–196.

Skribnik E. K., Darzhaeva N. B. Buryatskie ekvativno-similyativnye konstruksii so skazuemym *adli* 'pokhozhiy; takoy zhe' [Buryat equative-similative constructions with the predicate *adli* 'similar; the same as']. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*. 2024, no. 3, pp. 63–79.

Solovar V. N., Goryaeva N. S. Sravnenie v yazykovoy kartine mira khantyyskogo yazyka [Comparison in the linguistic picture of the world of the Khanty language]. In: *Mirovozzrenie obskikh ugrov v kontekste yazyka i kul'tury: Materialy Vseros. nauch. konf.* [Worldview of the Ob Ugrians in the context of language and culture: All-Russian materials. scientific conferences]. Khanty-Mansiysk, YuSU, 2010, pp. 167–177.

Solovar V. N. Sposoby vyrazheniya sravneniya v obsko-ugorskikh yazykakh [Ways of expressing comparison in Ob-Ugric languages]. *Bulletin of Ugric studies*. 2019, vol. 9, no. 2, pp. 286–296.

Solovar V. N. Sposoby vyrazheniya sravnitel'nykh otnosheniy v obsko-ugorskikh yazykakh [Ways of expressing comparative relations in Ob-Ugric languages]. In: *Sbornik statey 32 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Penza. 10.10.2023* [Collection of articles of the 32 International Scientific and Practical Conference, Penza. 10.10.2023]. Penza, 2023, pp. 71–73.

The Oxford Guide to the Uralic languages. M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (Eds.). Oxford University Press, 2022, 1184 p.

Treis Y. Comparative Constructions: An Introduction. In: *Linguistic Discovery. On the expression of comparison: Contributions to the typology of comparative constructions from lesser-known languages*. Yvonne Treis & Katarzyna I. Wojtylak (Eds.). 2018, no. 16 (1), pp. I–XXVI.

Winkler M. E. A. Ekvativno-approksimativnye markery v finno-ugorskich yazykakh: vzaimodeystvie s kolichestvennymi shkalami i razvitie neodnoznachnosti [Equative-approximative markers in the Finno-Ugric languages: interaction with quantitative scales and the development of ambiguity]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 2024, no. 4, pp. 45–76.

Информация об авторах

Наталья Борисовна Кошкарева, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Валентина Николаевна Соловар, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (Ханты-Мансийск, Россия)

Information about the authors

Natalia B. Koshkareva, Doctor of Philology, Professor, Head of the of the Siberian Languages Sector, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Valentina N. Solovar, Doctor of Philology, Docent, Principal Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 24.03.2025;
одобрена после рецензирования 07.04.2025; принята к публикации 07.04.2025
The article was submitted on 24.03.2025;
approved after reviewing on 07.04.2025; accepted for publication on 07.04.2025*

Научная статья

УДК 81'367

DOI 10.17223/18137083/91/17

Диалогическая концепция текстовой мотивации

Надежда Николаевна Шпильная

Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия

venata85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0709-4308>

Аннотация

Представлена диалогическая концепция текстовой мотивации. Основные положения концепции: 1) текстовая мотивированность проявляется в диалоге; 2) диалог является предтечей мотивационных отношений, наблюдаемых в речи; 3) в качестве суппозиции для образования ответной реплики в диалоге рассматривается внутренняя форма текста как совокупность синтагматико-парадигматических сцепок словоформ, определяющих парадигматико-синтагматическую эквивалентность инициальной и ответной реплик в составе диалогического единства.

Ключевые слова

диалог, мотивированный текст, внутренняя форма текста, мотивология текста, эквивалентность реплик, диалогическая концепция

Благодарности

Автор благодарит Н. Д. Голева за внимательное прочтение первоначального варианта рукописи и ценные замечания, которые смогли прояснить концепцию работы

Для цитирования

Шпильная Н. Н. Диалогическая концепция текстовой мотивации // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 220–232. DOI 10.17223/18137083/91/17

Dialogic concept of textual motivation

Nadezhda N. Shpilnaya

Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation

venata85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0709-4308>

Abstract

The present paper introduces the dialogical concept of textual motivation. The establishment of textual motivation as an independent academic discipline is predicated on epistemological and ontological foundations. Epistemological underpinnings facilitating the text motivology identification as a distinct scientific discipline are examined, focusing on the prerequisites for studying textual motivation as an independent phenomenon. The originality of our method for

© Шпильная Н. Н., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 220–232

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 220–232

analyzing textual motivation stems from our redefinition of its object and our argument that textual motivation is inherently dialogic, acquiring its ontological standing through the communicative function of language. The dialogical concept of the textual motivation is predicated on two regulating provisions: (1) the textual motivation is manifested through the medium of a dialogue; (2) a dialogue can be regarded as the precursor of the motivational relationships observed in speech. Textual motivation is defined as the syntagmatic-paradigmatic equivalence of the initial and response remarks in a dialogic unity. One hypothesis proposes that textual structure comprises a series of syntagmatic-paradigmatic relationships formed through reiterated syntagmatic chains or reiterated word forms and their derivational transformations. This hypothesis serves as a supposition for a response in a dialogue to be formed. The internal form of a text is pivotal in determining the paradigmatic-syntagmatic equivalence of the initial and response remarks, thereby establishing a dialogical unity. The existence of motivational relationships between dialogue lines is illustrated by the example of a virtual dialogue.

Keywords

dialogue, motivated text, internal form of the text, text motivology, equivalence of lines, dialogical concept

Acknowledgments

The author expresses gratitude to N. D. Golev for his meticulous review of the original manuscript and insightful commentary, which significantly enhanced the conceptual clarity of the paper

For citation

Shpilnaya N. N. Dialogic concept of textual motivation. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 2, pp. 220–232. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/17

Введение

В работе представлена диалогическая концепция текстовой мотивации, основанная на признании двух положений: 1) текстовая мотивированность проявляется в диалоге; 2) диалог является предтечей мотивационных отношений, наблюдаемых в речи. Диалектическая природа соотношения диалога и текстовой мотивации определяет характер их соотношения по линии формально-содержательной эквивалентности реплик, обеспечивающей коммуникативную динамику диалога.

Логика статьи выстраивается в направлении от анализа предпосылок выделения текстовой мотивации как самостоятельного объекта исследования мотивологии текста до обоснования авторской – диалогической – концепции мотивированного текста. Выделение текстовой мотивации как самостоятельного объекта исследования имеет гносеологические и онтологические основания. Гносеологические основания выделения мотивологии текста как особого научного направления мы видим в предпосылках изучения текстовой мотивации как самостоятельного явления. А онтологические основания – в наличии в речи межтекстовых речевых произведений, которые проявляются либо в вертикальном, либо в горизонтальном контексте функционирования текста. Вертикальный контекст проявляется в связи данного текста с другими текстами, функционирующими в текстовом пространстве культуры, а горизонтальный контекст – в связи текста адресанта и текста адресата. Нас интересует горизонтальный контекст текстового взаимодействия.

Гносеологические основания изучения текстовой мотивации

Как известно, в отечественной лингвистике мотивология традиционно рассматривается как учение о мотивированных словах и мотивационных отношениях

как объекте лексикологии [Блинова, 2003]. Традиции такого рассмотрения мотивологии восходят к докторской диссертации О. И. Блиновой «Проблемы диалектной лексикологии» (Томск, 1974).

В одной из статей О. И. Блинова отметила, что мотивология продолжает развиваться. Ее развитие связано с выделением нового объекта исследования – текстовой мотивации, являющейся объектом мотивологии текста.

Одним из первых к проблеме текстовой мотивации обратился Н. Д. Голев в работе «Динамический аспект лексической мотивации» [1989]. В ней автор продемонстрировал связь мотивации и деривации лексем (лекс), обнаруживаемую в непрерывном деривационно-мотивационном процессе, определяющем порождение текстов посредством актуализации лексико-деривационных рядов.

Идеи Н. Д. Голева были развиты Н. В. Мельник (Сайковой) и Ю. В. Трубниковой. Так, в диссертационном исследовании Н. В. Сайковой [2002] исследуется взаимодействие слова и текста в деривационном аспекте, автором выявлены условия субъективного и объективного отражения и неотражения лексико-деривационных рядов при переводе. В монографии Ю. В. Трубниковой [2008] представлена лексико-деривационная концепция текста, в которой лексико-деривационный ряд становится эквивалентом внутренней формы текста как деривационного феномена.

Выделение лексико-деривационных рядов, определяющих динамику текста, позволяет поставить вопрос об их мотивационных отношениях. Линия исследования при таком подходе смещается с правого компонента на левый.

К проблеме текстовой мотивации обращены работы, в которых исследуется природа подобия первичного и вторичного текстов, основным свойством которого является аппроксимация. В теории текста аппроксимация – определяющий принцип образования вторичного текста [Александрова, 2013; Ионова, 2006]. Под аппроксимацией понимается приблизительность вторичного текста относительно первичного, «реализуемая подобием их лексико-семантических, структурно-синтаксических и структурно-композиционных свойств» [Александрова, 2013, с. 27]. С. В. Ионова, исследуя аппроксимацию содержания вторичных текстов, описала две модели их построения: семасиологическую и ономасиологическую. «В соответствии с этими моделями образуются вторичные речевые произведения, основывающиеся на содержательных элементах первичного текста, и вторичные тексты, опирающиеся на форму прототипа» [Ионова, 2006, с. 5–6].

Близкой по объекту исследования является и работа И. В. Тубаловой «Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах» [Тубалова, 2016]. Так, И. В. Тубалова отмечает, что личностно ориентированные дискурсы могут включать в себя в качестве иноречевых форм дискурс документа, политический и фольклорный дискурсы [Там же, с. 6]. Иноречевые формы, встраиваемые в дискурсы носителя языка, таким образом, представляют собой отголоски текстов, с которыми они (дискурсы) находятся в мотивационных отношениях.

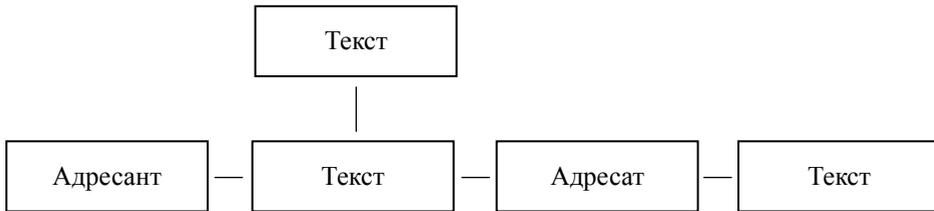
В начале XXI в. появились работы, использующие номинацию «текстовая мотивация» [Погудина, 2004; Блинова, 2007; Сидорова, 2010]. Так, Т. А. Сидорова анализирует текстовую мотивацию как фактор репрезентации художественной картины мира. Ученый полагает, что слово в пространстве художественного текста приобретает вторичную – эстетическую – мотивированность, формируемую его включенностью в это текстовое пространство [Сидорова, 2010]. В современной лингвистике к проблемам текстовой мотивации обращаются исследователи, занимающиеся вопросами эстетической мотивированности языкового знака

в тексте [Клейменова, 2023; Кулакович, 2019; Пастухов, 2020; Сидорова, 2015а; 2015б].

Как видим, в лингвистике назрела потребность создания целостной и непротиворечивой концепции текстовой мотивации как объекта мотивологии текста.

Онтологические основания изучения текстовой мотивации

Говоря об онтологических основаниях изучения текстовой мотивации, представим модель коммуникативной ситуации, основными компонентами которой являются адресант, адресат и текст. Учитывая два типа контекста – вертикальный и горизонтальный, схему межтекстовых отношений можно представить следующим образом:

Данная схема показывает, что проявления текстовой мотивации разнообразны. Во-первых, к сфере межтекстовых отношений можно отнести все виды речевых произведений в системе вертикального контекста «текст – текст». Наши рассуждения коррелируют с положением, сформулированным Ю. Кристевой, согласно которому каждый текст не только вписан в коммуникативную ситуацию, но и сопряжен с другими текстами (контекстом) по линии вертикального контекста: «слово в тексте ориентировано по отношению к совокупности других литературных (и шире – любых. – *Н. Ш.*) текстов – более ранних или современных» [Кристева, 2000]. Ср. также: «...любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста» [Там же]. «Впитывание» одного текста другим определяет, по сути, их мотивационные отношения. В этом случае такие явления, как аллюзия, реминисценция относятся к сфере текстовой мотивации.

Во-вторых, к сфере текстовых отношений относятся речевые произведения, созданные в системе «текст – адресат – текст». Многочисленные исследования в сфере лингвоперсонологического варьирования вторичного текста, обусловленного фактором языковой личности, присущей ей природной языковой способности, обосновывают наличие копиальной стратегии порождения вторичного текста. Наличие данной стратегии доказывает связь текста адресанта и адресата, наличие формально-содержательной преемственности между текстами коммуникантов.

Говоря о персонологических стратегиях порождения текста, отметим исследование С. Ж. Ергалиевой, которая выделяет такие тактики порождения интернет-комментариев, как тактика ключевых слов, тактика копиальности содержания, тактика копиальности формы и тактика цитирования. Ученый отмечает, что тактика ключевых слов «тяготеет к объективным факторам текстопорождения, так как автор использует ключевые слова исходного текста, интерпретирует, домысливая его по-своему, но не уходя от темы мотивирующего текста». Тактика копи-

альности содержания «осуществляется передачей интернет-комментаторами содержания исходного текста заменой ключевых слов синонимами или другими языковыми (вариативными) средствами, которые выбирает виртуальная языковая личность при комментировании политической проблемы». Что касается тактики копиальности формы, то она заключается в копировании отдельных фрагментов исходного сообщения. При цитировании автор без изменения копирует фрагмент исходного текста или же текста собеседника и использует его в ответном высказывании в качестве дополнительной вставки [Ергалиева, 2018].

Несмотря на то, что С. Ж. Ергалиева не занималась проблемой мотивированности текстов, можно говорить о том, что выделенные тактики, по сути, описывают мотивационные отношения между текстами, обусловленные объективными закономерностями порождения мотивированного текста. Выделенные тактики порождения текста обусловлены особенностями «вхождения» первичного текста в мотивированный текст [Там же].

В-третьих, к сфере межтекстовых отношений относятся явления в системе «текст адресанта – текст адресанта», связанные со сменой авторской интенции порождения текста. Наиболее последовательно данная линия текстовой мотивации представлена в работе С. В. Ионовой «Аппроксимация содержания вторичных текстов» [2006], в которой ученый выделяет разные типы вторичных текстов по доминирующей стратегии их порождения: репродуктивные, интерпретативные, адаптирующие и имитационные. Тексты репродуктивного типа представлены речевыми произведениями следующих жанров: тексты подробного изложения, конспекты, рефераты, тексты краткого изложения, аннотация. Жанровые разновидности текстов-интерпретаций: толкование, комментарий, переложения. Жанровые разновидности текстов-адаптаций: комментарий, толкование, научно-популярная статья, текстовые версии для детей. Жанры текстов-имитаций: подражания (включая стилизацию), переложения, пародии.

С. В. ИONOVA для выявления сходства вторичного и первичного текстов использует метод значимых несоответствий, основанный на анализе маркеров интертекстуальности и ключевых слов сопоставляемых текстов. Как следствие, аппроксимация «содержания вторичных текстов предстает в виде системы параметров, учитывающих степень приближенности содержательных структур сопоставляемых текстов. В качестве таких параметров выступают следующие данные: а) характер точных соответствий в текстах; б) виды неточных соответствий; в) типы несоответствий (элиминация, амплификация, субституция)» [Там же, с. 6].

В-четвертых, к сфере текстовой мотивации относятся явления в системе «текст адресанта – текст адресата». В данном случае речь идет о текстовой мотивации в диалоге. Линия исследования при этом смещается на изучение диалога и формально-содержательной преемственности реплик в диалоге. Данная линия исследования текстовой мотивации в лингвистической литературе не представлена.

Новизна нашего подхода к изучению текстовой мотивации заключается в выборе объекта текстовой мотивации и обоснованием того, что именно в диалоге текстовая мотивация получает свой онтологический статус, связанный с реализацией коммуникативной функции языка. Под текстовой мотивацией понимается синтагматико-парадигматическая эквивалентность инициальной и ответной реплик в диалогическом единстве.

Текстовая мотивация в диалоге

Предлагаемая в статье концепция текстовой мотивации основывается на признании суппозиционной основы синтагматической деятельности носителей языка. О суппозиционной основе речевой мотивации писал в свое время Н. Д. Голев [1989], изучавший роль речевой мотивации в деривации текста и отметивший суппозиционную функцию мотивации. Ср. также с высказыванием Б. Якушина, согласно которому, чтобы быть «понятым соплеменниками, надо использовать определенные “суппозиции”, т. е. опираться на то, что известно его адресатам» [Якушин, 1984, с. 120]. Н. Д. Голев, исходящий из коммуникативной функции мотивации, отмечает: «“Быть понятым адресатом”, “опираться на то, что ему известно” – сущность коммуникативной ориентации речи, “использовать речевые суппозиции” – основа синтагматической деятельности» [Голев, 1989, с. 14].

Актуальным для нас является тезис о реплицирующем характере синтагматической деятельности носителей языка, в силу чего в статье проблема мотивации текста рассматривается сквозь призму мотивационных отношений между репликами диалога. Нам представляется, что диалог априори предполагает наличие суппозиций, которые используются для создания ответных реплик; как следствие, в диалоге наблюдается формально-содержательная преемственность инициальной и ответной реплик. Сказанное согласуется с идеей Л. П. Якубинского [1986], рассуждавшего о специфике диалогической речи и отметившего наличие «тематизма ответа» как ее конститутивного признака. Н. Ю. Шведова отмечает, что диалог как языковая категория есть обмен такими высказываниями, которые естественно порождаются одно другим в процессе разговора [Шведова, 1960].

Говоря о мотивационных отношениях между текстами, отметим, что мы рассматриваем мотивацию как процесс, определяющий коммуникативное сочленение инициальной и ответной реплик. Коммуникативное сочленение реплик в диалоге обусловлено самой природой диалога как коммуникативно-языкового явления. В таком случае диалог – предтеча мотивационных отношений; ср. с мнением Э. Бенвениста: «... ситуация, неотъемлемая от использования языка, есть ситуация обмена и диалога» [Бенвенист, 1974, с. 27].

Рассматривая мотивацию как процесс, мы в качестве суппозиции для образования ответной реплики в диалоге рассматриваем внутреннюю форму текста как формально-содержательную сущность. Внутренняя форма текста предстает как совокупность *синтагматико-парадигматических сцепок*, образуемых повтором или цитацией синтагматических цепочек или отдельных словоформ и их деривационными преобразованиями, вариантами формоизменения и пр.

Таким образом, диалогическая концепция текстовой мотивации определяется положением, согласно которому «новое не может возникнуть “из ничего”, оно лишь новая интерпретация, новое отношение, новое использование, новая вариация уже известного данного» [Голев, 1986].

Внутренняя форма текста как синтагматико-парадигматическая сцепка словоформ

Мы полагаем, что диалог представляет собой актуализацию синтагматико-парадигматических сцепок словоформ, образующих внутреннюю форму диалогического единства и определяющих коммуникативную динамику диалога. Иными

словами, диалогическое единство обладает коммуникативной перспективой потому, что входящие в его состав реплики связаны по линии комбинации и селекции.

Порождение ответного высказывания в составе диалогического единства связано с направленностью сознания на инициальную реплику. Сосредоточенность носителя языка на сообщении актуализирует поэтическую функцию языка как разновидность коммуникативной функции. Р. О. Якобсон, рассуждавший о функциях языка, выделил поэтическую функцию как функцию, направленную на само сообщение «ради него самого» [Якобсон, 1975].

Направленность на само исходное сообщение – движущая сила диалога. При таком подходе диалогическое единство представляет собой «обмен двумя высказываниями, из которых второе зависит от первого, “порождено” им и в своей *языковой форме* (выделено нами. – *Н. Ш.*) непосредственно отражает эту зависимость» [Шведова, 1960, с. 281].

Рассмотрение внутренней формы текста как синтагматико-парадигматических сцепок словоформ соотносится с двумя базовыми языковыми операциями, определяющими порождение высказывания, – это селекция и комбинация. Приведем высказывание Р. О. Якобсона: «Если тема (topic) сообщения – “ребенок”, то говорящий выбирает одно из имеющихся в его распоряжении более или менее сходных существительных, таких, как ребенок, дитя, подросток, малыш и т. д., которые все в определенном отношении эквивалентны друг другу. Затем, чтобы высказаться об этой теме, говорящий может выбрать один из семантически родственных глаголов, например спать, дремать, клевать носом и т. д. Оба выбранных слова комбинируются в речевой цепи» [Якобсон, 1975]. В речевой синтагме, опосредуемой реплицированием, комбинация и селекция проявляются не только при порождении инициальной реплики, но и при порождении ответной реплики.

Значимым в плане настоящей работы является тезис Р. О. Якобсона, согласно которому селекция (выбор) производится на основе эквивалентности, подобия и различия, синонимии и антонимии; комбинация – построение предложения – основывается на смежности. Поэтическая функция проецирует принцип эквивалентности с оси селекции на ось комбинации. Как следствие, эквивалентность становится конституирующим моментом в последовательности [Там же]. В русле развиваемой в статье диалогической концепции текстовой мотивации внутренняя форма речевого произведения определяет эквивалентность двух реплик – инициальной и ответной – в составе синтагматико-парадигматической сетки, определяющей динамику диалога.

Таким образом, реконструкция внутренней формы высказывания в диалогическом единстве предполагает анализ синтагматической и парадигматической эквивалентности двух реплик – инициальной и ответной.

Пример анализа текстовой мотивации в диалоге

В качестве примера мотивологического анализа диалога обратимся к описанию виртуального диалога. Мотивологический анализ проводится в пределах диалогического единства. Он предполагает анализ парадигматических сцепок инициальной и ответной реплик в аспекте их эквивалентности, т. е. отношений синонимии, антонимии, деривационных отношений, формоизменения, и анализ синтагматических сцепок – последовательности словоформ в инициальной и ответной репликах в аспекте их эквивалентности. В последнем случае эквивалент-

ность обнаруживается в ключевых словах или цитации отдельных синтагматических цепочек исходной реплики.

Рассмотрим фрагмент виртуального диалога ¹.

Реплика-1

873 гость

В Турине и Пекине – может и так, а в Германии и Турции – иначе. Лично мне очень нравится возможность купить на перроне чашку кофе с сэндвичем.

Очень часто, не найдя что-то по мелочи в торговых центрах, специально спускаюсь в переход метро и, как правило, нахожу нужное. А теперь куда?

Реплика-2

серёжа

873, А никуда, хватит из города помойку делать.

Реплика-3

кузьма гость

серёжа, из города помойку делают не мелкие предприниматели, а сами жители! В Праге вот например тоже переходы оживленные – и газеты, и пицца, и киоск с русскими пряниками:)) но далеко не помойка)

Реплика-4

Кицуне

серёжа, да почему помойку то? Меня просто убивает логика: торговля=грязь, где вы видели киоски вокруг которых грязно?

Любой нормальный торговец наоборот стремится поддерживать чистоту вокруг своей торговой точки, так почему вы считаете, что там где торгуют непременно грязно?

Реплика-5

серёжа

Кицуне, А потому, что мусор везде на улицах.

Бумага, пакеты и пластиковые бутылки.

Реплика-6

мимо гость

серёжа, а кто бросает этот мусор то?

Реплика-7

серёжа

мимо, Бросают их покупатели.

В приведенном примере реплики диалога связаны между собой синтагматико-парадигматическими сцепками. Так, мы видим, что первая и вторая реплики связаны отношениями деривационно мотивированных слов *куда – никуда*; вторая и третья реплики – отношениями цитации ключевых словоформ с незначительным изменением формы одной из лексем: *из города помойку делать – из города помойку делают*; третья и четвертая – повтором ключевого слова (*помойку*): *из города помойку делают и помойку*; четвертая и пятая – ключевыми словами, между которыми устанавливаются причинно-следственные связи: *да почему – потому, что*; между пятой и шестой репликами мотивационная связь устанавли-

¹ Здесь и далее фрагменты виртуального диалога приведены с сайта <http://news.ngs.ru/more/1253828/>. Особенности орфографии и пунктуации источника сохранены.

вается за счет цитации ключевого слова *мусор*: *мусор везде на улицах – а кто бросает этот мусор то*; шестая и седьмая реплики связаны ключевыми словоформами с изменением формы лексемы *бросает – бросают*.

Таким образом, текстовая мотивация проявляется в использовании словообразовательных, формообразующих механизмов цитации, использовании ключевых слов, связанных прагматическими (причинно-следственными) отношениями. Все это определяет синтагматико-парадигматическую эквивалентность реплик в многочленном диалогическом единстве.

Приведем пример еще одного виртуального диалога.

Реплика 1

Леди X гость

10 июл 2013 17: 35

Мелкий бизнес – это когда люди что-то производят в мелких масштабах. Типа мини-пекарни. А в метро это не бизнес, а обычная спекуляция. Поэтому не надо тут слезу из людей выжимать как теперь они с протянутой то рукой пойдут. В другом месте спекулировать будут не пропадут.

Позор эти киоски родом из 90х. Правильное решение, но запоздалое конечно.

Реплика 2

Если бы гость

10 июл 2013 19: 33

Леди X,

а Крупный бизнес – это когда люди что-то производят в крупных масштабах. Типа хлебозавод.

А в БЦ это не бизнес, а крупная спекуляция.

я вас правильно понял?

Реплика 3

спейс гость

11 июл 2013 20: 57

Леди X, сами-то чего произвели?... вот доживете до зрелости, может помягче о других людях судить будете...

Как видим, реплика 1 и реплика 2 связаны парадигматическими сцепками: *мелкий бизнес – крупный бизнес* и *производят в мелких масштабах – производят в крупных масштабах*. Между ними устанавливаются антонимические отношения на оси селекции. Также в данном диалогическом единстве присутствует синтагматическая сцепка – *производят в масштабах*. Что касается реплики 3, то она образует диалогическое единство с репликой 1, так как адресована Леди X. Между этими репликами устанавливаются отношения парадигматической и синтагматической эквивалентности за счет актуализации словоформ *производят – произвели*.

Заключение

Таким образом, межтекстовые отношения, существующие в вертикальном и горизонтальном контекстах функционирования текста, позволяют говорить о выделении нового объекта исследования мотивологии – мотивированного тек-

ста. Мотивированный текст – это текст, который связан формально-содержательными отношениями с текстом-основой.

В работе рассмотрены особенности текстовой мотивации в диалоге. Диалогическая концепция текстовой мотивации основывается на признании двух положений: во-первых, положения, согласно которому текстовая мотивация проявляется в диалоге, а во-вторых, положения, согласно которому диалог является предтечей текстовой мотивации. Под текстовой мотивацией в статье понимается синтагматико-парадигматическая эквивалентность инициальной и ответной реплик в диалогическом единстве.

Анализируя текстовую мотивацию в диалоге, мы в качестве суппозиции для образования ответной реплики в диалоге рассматриваем внутреннюю форму текста как совокупность синтагматико-парадигматических сцепок словоформ, образуемых повтором или цитацией синтагматических цепочек или отдельных словоформ и их деривационными преобразованиями, вариантами формоизменения и пр.

В работе доказано, что внутренняя форма текста определяет парадигматико-синтагматическую эквивалентность инициальной и ответной реплик в составе диалогического единства. Формально-содержательная преемственность реплик в диалоге связана с их сочленением в процессе коммуникации, актуализацией темы и ремы.

Перспективы исследования связаны с дальнейшим изучением текстовой мотивации в разных видах диалога.

Список литературы

Александрова А. А. Категория аппроксимации в имитационных художественных текстах (на материале англоязычных текстов пародии и бурлеска): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 186 с.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты // Вестник Том. гос. ун-та. 2003. № 277. С. 29–32.

Блинова О. И. Текстовая и межтекстовая мотивация в поэзии С. Есенина // Текст и языковая личность: Материалы V Всерос. науч. конф. с международным участием. Томск: ТГПУ, 2007. С. 97–103.

Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск: Изд-во ТГУ, 1989. 252 с.

Голев Н. Д. Мотивация и словообразование // Проблемы лексической и словообразовательной мотивации в русском языке. Барнаул, 1986. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z15.html> (дата обращения 14.11.2023).

Ергалиева С. Ж. Лингвоперсонологические стратегии и тактики комментирования политических текстов в виртуальном пространстве // Мир науки, культуры, образования. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopersonologicheskie-strategii-i-taktiki-kommentirovaniya-politicheskikh-tekstov-v-virtualnom-prostranstve> (дата обращения 14.11.2023).

Ионова С. В. Аппроксимация содержания вторичных текстов. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 380 с.

Клейменова В. Ю. Текстовая мотивированность авторских лексических новообразований литературной сказки // Герценовские чтения. Иностранные языки: Материалы Всерос. межвуз. науч. конф. СПб., 2023. С. 69–72.

Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 427–457. URL: <http://www.philology.ru/literature1/kristeva-00.htm> (дата обращения 14.11.2023).

Кулакович М. С. Мотивированность английских фразеологических единиц в современных художественных произведениях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 3. С. 135–138.

Пастухов А. Г. Образная мотивация и прагматика в текстовой коммуникации (анализ немецкой медиаречи) // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. 2020. № 3. С. 282–292.

Погудина Е. Ю. Специфика функционирования текстовой мотивации в поэмах М. Цветаевой // Теоретические и прикладные аспекты филологии. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. С. 221–227.

Сайкова Н. В. Взаимодействие слова и текста в деривационном аспекте: на материале вторичных текстов разных типов: Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002. 163 с.

Сидорова Т. А. Текстовая мотивация как фактор репрезентации художественной картины мира (теоретический аспект) // Вестник Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4-2. С. 720–722.

Сидорова Т. А. Текстовая мотивация как когнитивный и коммуникативный процесс // Когнитивные исследования языка. 2015а. № 21. С. 658–663.

Сидорова Т. А. Текстовая мотивация как когнитивный процесс эстетической коммуникации (на материале рассказов Т. Толстой // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015б. № 1 (42). С. 97–103.

Трубникова Ю. В. Лексико-деривационные основания моделирования текста. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2008. 180 с.

Тубалова И. В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах. Томск: Изд-во ТГУ, 2016. 370 с.

Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960. 377 с.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. URL: <https://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm> (дата обращения 14.11.2023).

Якушин Б. В. Гипотезы о происхождении языка. М.: Наука, 1984. 136 с.

Якубинский Л. П. О диалогической речи // Якубинский Л. П. Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986. С. 17–58.

References

Aleksandrova A. A. *Kategoriya approksimatsii v imitatsionnykh khudozhestvennykh tekstakh (na materiale angloyazychnykh tekstov parodii i burleska)* [The category of approximation in imitation art texts (on the material of English-language texts of parody and burlesque)]. Cand. philol. sci. diss. St. Petersburg, 2013, 186 p.

Blinova O. I. Motivologiya i ee aspekty [Motivology and its aspects]. *Tomsk State University Journal*. 2003, no. 277, pp. 29–32.

Blinova O. I. Tekstovaya i mezhtekstovaya motivatsiya v poezii S. Esenina [Textual and intertextual motivation in the poetry of S. Esenin]. In: *Tekst i yazykovaya lichnost': Materialy V Vseros. nauch. konf. s mezhdunarodnym uchastiem* [Text and linguistic personality: Proceedings of the V All-Russian scientific conference with international participation]. Tomsk, TSPU, 2007, pp. 97–103.

Golev N. D. *Dinamicheskiy aspekt leksicheskoy motivatsii* [Dynamic aspect of lexical motivation]. Tomsk, TSU, 1989, 252 p.

Golev N. D. *Motivatsiya i slovoobrazovanie* [Motivation and word-formation]. In: *Problemy leksicheskoy i slovoobrazovatel'noy motivatsii v russkom yazyke* [Problems of lexical and word-formation motivation in the Russian language]. Barnaul, 1986. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopersonologicheskie-strategii-i-taktiki-kommentirovaniya-politicheskikh-tekstov-v-virtualnom-prostranstve> (accessed 14.11.2023)

Ergalieva S. Zh. *Lingvopersonologicheskie strategii i taktiki kommentirovaniya politicheskikh tekstov v virtual'nom prostranstve* [Linguopersonological strategies and tactics of commenting on political texts in virtual space]. *The world of science, culture and education*. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopersonologicheskie-strategii-i-taktiki-kommentirovaniya-politicheskikh-tekstov-v-virtualnom-prostranstve> (accessed 14.11.2023)

Ionova S. V. *Approksimatsiya sodержaniya vtorichnykh tekstov* [Approximation of the content of secondary texts]. Volgograd, VolSU, 2006, 380 p.

Kleyменова V. Yu. *Tekstovaya motivirovannost' avtorskikh leksicheskikh novo-obrazovaniy literaturnoy skazki* [Textual motivation of author's lexical novelties of literary fairy tale]. In: *Gertsenovskie chteniya. Inostrannye yazyki: Materialy Vseros. mezhvuz. nauch. konf.* [Herzen Readings. Foreign languages: Proceedings of the All-Russian Interuniversity sci. conf.]. St. Petersburg, 2023. pp. 69–72.

Kristeva Yu. *Bakhtin, slovo, dialog i roman* [Bakhtin, a word, a dialog, and a novel]. In: *Francuzskaja semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French semiotics: From structuralism to poststructuralism]. Moscow, 2000, pp. 427–457. URL: <http://www.philology.ru/literature1/kristeva-00.htm> (accessed 14.11.2023)

Kulakovich M. S. *Motivirovannost' angliyskikh frazeologicheskikh edinitov v sovremennykh khudozhestvennykh proizvedeniyakh* [Motivation of English phraseological units in artistic works of contemporary authors]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2019, vol. 12, no. 3, pp. 135–138.

Pastukhov A. G. *Obraznaya motivatsiya i pragmatika v tekstovoy kommunikatsii (analiz nemetskoj mediarechi)* [Figurative motivation and pragmatics in textual communication (analysis of German media speech)]. *Teoriya i praktika lingvisticheskogo opisaniya razgovornoj rechi*. 2020, vol. 3, pp. 282–292.

Pogudina E. Yu. *Spetsifika funktsionirovaniya tekstovoy motivatsii v poemakh M. Tsvetaevoy* [Specificity of textual motivation functioning in M. Tsvetaeva's poems]. In: *Teoreticheskie i prikladnye aspekty filologii* [Theoretical and applied aspects of philology]. Tomsk, TSU, 2004, pp. 221–227.

Saykova N. V. *Vzaimodeystvie slova i teksta v derivatsionnom aspekte: Na materiale vtorichnykh tekstov raznykh tipov* [Interaction of word and text in the derivational aspect: on the material of secondary texts of different types]. Cand. philol. sci. diss. Barnaul, 2002, 163 p.

Shvedova N. Yu. *Ocherki po sintaksisu russkoj razgovornoj rechi* [Essays on the syntax of Russian colloquial speech]. Moscow, 1950, 377 p.

Sidorova T. A. *Tekstovaya motivatsiya kak faktor reprezentatsii khudozhestvennoy kartiny mira (teoreticheskiy aspekt)* [Textual motivation as a factor of representation of the artistic picture of the world (theoretical aspect)]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2010, no. 4-2, pp. 720–722.

Sidorova T. A. *Tekstovaya motivatsiya kak kognitivnyy i kommunikativnyy protsess* [Textual motivation as a cognitive and communicative process]. *The scientific series "Cognitive Studies Of Language"*. 2015a, no. 21, pp. 658–663.

Sidorova T. A. Tekstovaya motivatsiya kak kognitivnyy protsess esteticheskoy kommunikatsii (na materiale rasskazov T. Tolstoy) [Textual motivation as a cognitive process of the aesthetic communication (based on the stories by T. Tolstaya)]. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2015b, no. 1 (42), pp. 97–103.

Trubnikova Yu. V. *Leksiko-derivatsionnye osnovaniya modelirovaniya teksta* [Lexical-derivational basis for text modeling]. Barnaul, AltSU, 2008, 180 p.

Tubalova I. V. *Polifonicheskiy tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh* [Polyphonic text in oral personality-oriented discourses]. Tomsk, TSU, 2016, 370 p.

Yakobson R. O. Lingvistika i poetika [Linguistics and Poetics]. In: *Strukturalizm: “za” i “protiv”* [Structuralism: “pros” and “cons”]. Moscow, 1975. URL: <https://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm> (accessed 14.11.2023)

Yakubinskiy L. P. O dialogicheskoy rechi [On dialogical speech]. In: *Yakubinskiy L. P. Izbrannye raboty: Yazyk i ego funktsionirovanie* [Selected works: Language and its functioning]. Moscow, 1986, pp. 17–58.

Yakushin B. V. *Gipotezy o proiskhozhdenii yazyka* [Hypotheses about the origin of language]. Moscow, Nauka, 1984, 136 p.

Информация об авторе

Надежда Николаевна Шпилная, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и русского языкознания и методики преподавания русского языка как иностранного Института филологии и межкультурной коммуникации Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия)

Scopus Author ID 56642714100

WoS Researcher ID AEL-8702-2022

Information about the author

Nadezda N. Shpilnaya, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of General and Russian Linguistics and Russian Linguistics and Methods of Teaching Russian as a Foreign Language, Institute of Philology and Intercultural Communication, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation)

Scopus Author ID 56642714100

WoS Researcher ID AEL-8702-2022

Статья поступила в редакцию 20.11.2023;

одобрена после рецензирования 18.02.2024; принята к публикации 18.02.2024

The article was submitted on 20.11.2023;

approved after reviewing on 18.02.2024; accepted for publication on 18.02.2024

Научная статья

УДК 81'23, 81'27, 81'33

DOI 10.17223/18137083/91/18

Движение значений в актуальной диахронии: к методам работы с большими корпусами ассоциативно-вербальных данных

Ирина Владимировна Шапошникова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

i.shaposhnickowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>

Аннотация

Статья посвящена приемам и методам изучения новых, недавно полученных в массовых экспериментах и введенных в научный оборот отечественными психолингвистами больших ассоциативно-вербальных баз данных, таких как РАС (1988–1997), ЕВРАС (2008–2011), СИБАС (2008–2022), ДОНАС (2018–2024) и др. Сам факт появления материалов такого масштаба открывает новые перспективы для развития не только ассоциативной лексикографии, но и общей теории языка, а также для междисциплинарного изучения ряда социально чувствительных проблем, имеющих прикладной выход в практику жизни. Особенность таких материалов, сам процесс организации экспериментальной работы, как и лежащий в его основе замысел, подразумевает, что эмпирические данные собираются и организуются под фундаментальные задачи изучения системогенеза *русской языковой личности, в целом языка как достояния человека*, что создает благоприятные условия для проверки ряда гипотез по поводу организации и функционирования внутреннего лексикона человека, высказывавшихся разными учеными на начальных этапах развития исследований ассоциативного материала, который тогда в силу своей ограниченной репрезентативности не позволял создавать динамические модели достаточной глубины в диахронии с учетом вариативности по возрасту, по регионам, различным показателям устойчивости (изменчивости) социокоммуникативной среды во времени.

Ключевые слова

движение значений в актуальной диахронии, динамические модели, системогенез языковой личности, функциональные пробы с АП АВС

Для цитирования

Шапошникова И. В. Движение значений в актуальной диахронии: к методам работы с большими корпусами ассоциативно-вербальных данных // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 233–246. DOI 10.17223/18137083/91/18

© Шапошникова И. В., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 233–246
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 233–246

Movement of meanings in a current diachrony: towards the methods of working with large associative-verbal databases

Irina V. Shaposhnikova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

i.shaposhnickowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>

Abstract

This paper is devoted to the techniques and methods for studying new large-scale associative-verbal databases, including but not limited to RAS (1988–1997), EVRAS (2008–2011), SIBAS (2008–2022), and DONAS (2018–2024). These databases were compiled by Russian psycholinguists and introduced into scientific circulation at the turn of the twenty-first century. The appearance of such a large body of material provides exciting possibilities not only for associative lexicography but also for linguistic theory, as well as for interdisciplinary work on socially important issues with practical applications. The unique nature of these materials, the very process of organizing the experimental work, and the core concept require the collection and organization of empirical data to investigate the systemogenesis of the Russian linguistic personality and language as a human resource. All aforementioned factors establish a propitious environment for investigating multiple hypotheses concerning the human mental lexicon organization and function, aligning with early cognitive research, particularly regarding associative data. Given its restricted representativeness, the material available at that time proved insufficient for constructing in-depth diachronic dynamic models that adequately considered age, region, and the fluctuating nature of the socio-communicative environment.

Keywords

movement of meanings in current diachrony, dynamic models, systemogenesis of linguistic personality, taking functional tests from Afs in the AVN

For citation

Shaposhnikova I. V. Movement of meanings in a current diachrony: towards the methods of working with large associative-verbal databases. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 2, pp. 233–246. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/18

Введение

Отечественные психолингвисты проделали огромную работу за последние десятилетия, позволившую существенно расширить эмпирическую базу для ассоциативно-вербальных исследований языка как достояния человека. По мере накопления ассоциативно-вербальных данных встает много вопросов, связанных как с проверкой ряда высказывавшихся на заре открытия и дальнейшего изучения феномена лексикона человека гипотез, так и с разработкой методики его анализа. А. А. Залевская совершенно справедливо считала, что работать с ассоциативно-вербальной сетью имеет смысл только междисциплинарно и при межязыковых сопоставлениях [Залевская, 2013, с. 295]. Несмотря на кажущееся обилие разных, ставших классическими, исследований внутреннего лексикона именно с задачами изучения языкового поведения человека и объяснения теоретических вопросов функционирования языка (см., например: [Aitchison, 1987; Murphy, 2003; The Oxford Handbook of Mental Lexicon, 2021] и мн. др.), А. А. Залевской принадлежит

особая роль в изучении внутреннего лексикона человека. См., например ее итоговые обзоры ранних и новейших подходов к изучению вопроса в самых разных аспектах [Залевская, 2005, с. 133–186; 2013, с. 238–296].

В данной статье мы сконцентрируемся на нескольких положениях, которые, как нам думается, были осознаны практически на самых ранних этапах работы с таким научным объектом, как внутренний лексикон, и которые особенно ярко были изложены и обоснованы на доступном в то время материале А. А. Залевской. Ключевым в ее концепции мы считаем положение о внутреннем лексиконе как *динамической функциональной системе*, «самоорганизующейся вследствие взаимодействия между процессом переработки и упорядочения постоянного речевого опыта и его продуктами, поскольку новое в речевом опыте, не вписывающееся в рамки системы, ведет к ее перестройке, а каждое очередное состояние системы служит основанием для сравнения при последующей переработке речевого опыта» [Залевская, 2013, с. 258]. В трактовке вопроса движения значений и в русле функционального подхода А. А. Залевская делала акцент на том, что при изучении внутреннего лексикона человека как сложноорганизованной гиперсетевой структуры исследователь сталкивается с проблемами, аналогичными тем, с которыми приходится иметь дело в квантовой физике [Там же, с. 282–283], когда у взаимодействующих единиц появляется новое качество, наведенное именно через процесс взаимодействия, а не вырастающее из соположения элементов. Наконец, проводя систематизацию смысловых связей в дискуссиях с коллегами по этому вопросу, А. А. Залевская подчеркивала, что деление связей (и таксономических группировок слов) на семантические и ассоциативные, особенно с противопоставлением синтагматических и ассоциативных, по Соссюру, и в связи с разработками в сфере искусственного интеллекта (ИИ), представляет собой «значительный шаг назад» в изучении природы слова. «Такое противопоставление не имеет под собой почвы, поскольку все группировки слов (как по семантическим, так и по формальным признакам) являются по своей природе ассоциативными» [Залевская, 2005, с. 82], что ни в коей мере не снимает трудностей при объяснении конкретных параметров связей слов. Все эти аспекты очень важны для современного состояния дел в этой сфере, поскольку закладывают фундамент для понимания системности и системогенеза языковой личности, оперирующей своим лексиконом. Включение в научный оборот новейших больших баз ассоциативно-вербальных данных открывает новый материал, подкрепляющий перечисленные здесь положения, и, как автор надеется, позволит со временем расширить круг общетеоретических проблем, подлежащих рассмотрению в новых реалиях жизни языка, способствуя обоснованию междисциплинарных решений новых прикладных задач.

К вопросу о системности в АВС и системогенезе языковой личности

Вопрос системности процессов, которые доступны для наблюдения на модели АВС, должен учитывать онтологию объекта, представленного этой моделью, его живую динамику и регуляцию на функционально-смысловой основе. Речь идет о *внутренней* регуляции под потребности *внутренней жизни* в определенных, также динамичных, *внешних условиях*.

Внутренний (ментальный, субъективный) лексикон человека, эксплицируемый в массовом эксперименте через генерацию ассоциативно-вербальной сети, не есть

простая совокупность лексонов. Это прежде всего сложно организованная функциональная система, субстрат речемыслительной деятельности человека. Как и всякая функциональная система, она гетерогенна: «Она всегда состоит из определенного количества узловых механизмов, каждый из которых занимает свое собственное место и является специфическим для всего процесса формирования функциональной системы» [Анохин, 1975, с. 45]. Единство внешнего и внутреннего проявляет себя в полезном результате, а динамичная системная целостность, с одной стороны, служит основой для выработки проекции полезного результата, с другой – формируется через процесс его достижения и коррекции сообразно потребному. «Внутренняя архитектура функциональной системы выражает собой дальнейшее развитие идеи *взаимосодействия* компонентов системы, она раскрывает ее тонкие механизмы, при помощи которых *компоненты системы освобождаются от избыточных степеней свободы*, чтобы установить *взаимосвязь с другими компонентами на основе императивного влияния результата на всю систему*» [Там же, с. 46] (курсив наш. – И. Ш.).

Вопросы устранения избыточности, на наш взгляд, должны изучаться отдельно, они особенно актуальны при анализе формирования активной грамматики и параметров ее участия в ситуативно обусловленном достижении полезного результата. Однако предметом исследования процессов системогенеза, с учетом сказанного выше, становится языковая личность как носитель субстрата языкового сознания, а именно: интенциональность и общая направленность языковой личности, ее социокоммуникативная, историко-культурная и психокогнитивно значимая актуальная доминантность, т. е. пульсирующие смысловые узлы ее образа мира, как функционального комплекса систем, регулирующих ее жизнедеятельность и взаимодействие с внешним миром. Направленность личности, как известно, имеет многообразные проявления в виде потребностей, интересов, тенденций, мотивов и установок, которые служат источниками разносторонней деятельности личности. «В процессе этой деятельности мотивы, из которых она исходит, изменяются, перестраиваются и обогащаются всё новым содержанием» [Рубинштейн, 2011, с. 522]. В отечественной психологии вопросы направленности личности традиционно рассматриваются в плане поиска не только индивида в обществе, но и общественного (социального) в индивиде, «каким образом социальное начало входит в деятельность индивида, каковы те конкретные пути, по которым осуществляется социальная детерминация этой деятельности» [Леонтьев, 2008, с. 241]. Этот поиск напрямую соотносится с понятием направленности личности, которая есть узел схождения процессов функционально-смысловой регуляции, ключ к пониманию причинности упорядочения и вариативности материала, ключ к «белому ящику», транзакции между индивидом и обществом, взаимодействием одного другому. Всё это находит свое непосредственное проявление в вербальной коммуникации и может анализироваться на макроуровне структуры ассоциативно-вербальной гиперсети через выявление так называемого ядра языкового сознания (внутреннего лексикона), речь идет об ассоциативных доминантах, маркерах узлов (лексонов) самых насыщенных связями и смыслами, квинтэссенцией компрессии смыслов, максимальным напряжением готовности к их развертыванию.

Выявление и последующее исследование ассоциативных доминант составляют макроуровень анализа и основываются на статистическом упорядочении лексики, репрезентирующей доминанты в экспериментально полученном материале ¹.

Ассоциативные доминанты, которые могут выводиться на больших базах данных, являются маркерами точек концентрации смыслов в образе мира русской языковой личности, слова, выросшие на этих смысловых узлах и из них, служат средством извлечения лексона в нужном ракурсе из смыслового интенционального репертуара личности. Рассмотрим одну из ассоциативных доминант четвертого уровня (**победа** 234) на материалах нескольких больших баз данных, будем исходить из предположения, что психологическое значение этого слова могло претерпеть определенные трансформации в актуальной диахронии (с 80-х гг. прошлого века до настоящего периода).

Акцентуации языковой личности и функциональные пробы с ассоциативного поля ПОБЕДА

На уровне конкретных ассоциативных полей (АП) становятся видимыми и доступными для экспликации все виды связей – прямые, не прямые, многоступенчатые (через цепь переходов), наблюдаются итоги компрессии смыслов, «агломинации» контекстов, которыми оперирует языковая личность во внутренней речи, структура ее импликаций. Анализ, который можно назвать снятием функциональной пробы с психологического значения вербальной единицы, в базе данных СИБАС может выполняться в полуавтоматическом режиме через экспертно-обучающее приложение с ручной сортировкой ассоциатов при зонировании АП, последующей автоматической обработкой результатов и выведением готовых психоглосс ². При работе с книжным форматом словарей обычно все этапы анализа осуществляются вручную. Снятие функциональной пробы со смысловой структуры психологического значения слова-стимула в прямом ассоциативном словаре дает актуальный *ассоциативный профиль* слова-стимула. Сравним основные параметры АП слова **победа** в прямых словарях РАС, СИБАС, ЕВРАС и ДОНАС. Наша задача проверить устойчивость и параметры изменчивости связи образа **победы** с местами памяти российского народа, в особенности с Великой Отечественной войной.

В разных толковых словарях слово **победа** трактуется сходным образом. В словаре Т. Ф. Ефремовой выделяется «Праздник, День Победы», а также легковой автомобиль марки «Победа», упоминается значение, которое связывается как с успехом в бою, в битве с полным поражением противника, так и с успехом в спортивном состязании с поражением соперника [Ефремова, 2006, с. 754]. Таким образом, выполняя анализ АП, необходимо учитывать потенциальную возможность актуализации всех перечисленных значений в АП. На первом этапе необходимо провести зонирование АП, т. е. распределение ассоциатов по разным

¹ Ср. с опубликованными нами ранее данными о макроструктуре СИБАС 1 и СИБАС 2 по отдельности, а также в сопоставлении с ЕВРАС и результатами разных этапов массового эксперимента РАС перестроечного периода [Шапошникова, 2022].

² *СИБАС 1* и *СИБАС 2* – Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток – 2008–2022 / Авт.-сост.: И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения 27.03.2025).

Таблица 1
Модели макроструктуры ABC РЯЛ по данным СИБАС 1 + СИБАС 2
(2008–2022)*

Table 1

The macro-level structure models of the AVN of the RLP
according to SIBAS 1 + SIBAS 2 (2008–2022)

Первый уровень (диапазон: 1 000 стимулов и выше)
Человек 1 480; жизнь 1 008. Итого: 2 слова
Второй уровень (диапазон 999–500 стимулов)
дом 876; плохо 728; деньги 713; я 671; друг 655; нет 651; работа 647; любовь 569; хорошо 549; мир 538; смерть 529; боль 505. Итого: 12 слов
Третий уровень (диапазон 499–300 стимулов)
люди 492; время 487; радость 485; сила 485; мужчина 480; страх 478; человека 463; парень 451; учёба 442; счастье 437; ребёнок 434; большой 426; машина 416; девушка 414; зло 386; еда 384; день 379; вода 379; есть 378; дорога 369; дело 359; хороший 354; много 349; книга 340; ум 339; жизни 335; фильм 328; характер 328; игра 318; лес 318; плохой 317; семья 314; всегда 307; война 306; путь 305; город 305; отдых 305; предмет 305; красный 304; свет 303; дома 301; труд 300. Итого: 42 слова
Четвертый уровень (диапазон 299–200 стимулов)
успех 298; мама 298; красота 297; умный 296; школа 293; ложь 292; власть 290; сон 290; кот 290; большая 289; свобода 287; жить 283; вещь 281; людей 281; белый 275; враг 275; дурак 274; Россия 274; ужас 273; чёрный 272; собака 270; красивый 270; взгляд 267; дерево 264; грязь 264; женщина 262; спорт 259; мальчик 259; чувство 259; стол 258; быстро 256; магазин 256; сильный 255; земля 254; студент 252; поступок 252; ответ 252; дети 252; цель 250; тепло 248; мой 248; ночь 247; одежда 247; лето 247; разговор 246; помощь 244; вид 242; грусть 242; море 239; телефон 239; история 238; слово 238; болезнь 237; друзья 236; голова 236; душа 234; победа 234 ; солнце 233; место 232; вопрос 229; глупость 229; урок 228; интерес 227; мужик 226; природа 222; долго 221; страна 219; мы 218; закон 216; улица 215; кровь 214; один 213; делать 213; веселье 213; моя 212; камень 212; молодец 211; музыка 211; да 210; злой 209; песня 208; народ 208; печаль 206; добрый 205; спать 205; небо 203; рука 202; всё 202; долг 201; огонь 201; деревня 200; качество 200. Итого: 148 единиц, 92 слова
Всего ассоциативных доминант (диапазон от 1 000 до 200 входящих связей) 148 единиц . Снижение порога до 100 входящих связей добавит еще 381 единицу, в итоге центральная часть ABC СИБАС 1 + СИБАС 2 будет содержать 529 единиц, точек концентрации смысла, обладающих максимальным напряжением готовности свернутых в них многообразных связей к их разворачиванию

* Вербальные единицы-маркеры лексонов (смысловых узлов максимального схождения ассоциативно-вербальных связей) в структуре языкового сознания РЯЛ отобраны и сгруппированы нами по уровням из всего массива реакций СИБАС 1 + СИБАС 2 в зависимости от количества входящих связей, полученных в экспериментах 2008–2022 гг. Для каждого уровня указан полный перечень единиц (слов-реакций), каждым из которых испытуемые отреагировали в пределах соответствующего диапазона. Количество стимулов, активировавших перечисленные единицы, приводится в числовом выражении после каждого слова.

смысловым нишам, что является наиболее распространенным (зачастую единственным) способом упорядочения ассоциатов внутри АП. В табл. 2 мы представили результаты проведенного нами зонирования. В целях экономии приводим сокращенные названия каждой зоны, в таблице показан общий вес каждой зоны в процентном выражении (количество реакций, соотношенных с данной зоной, по отношению к общему наполнению АП). Каждая зона имеет свое специфическое наполнение ассоциатами. Например, в Зоне 1, состоящей из оппозитивов **победе**³, в РАС ассоциат *поражение* имеет частоту 20; в Зоне 2, содержащей толкование смысла **победы** и отношения к ней, практически во всех базах находим высокочастотную реакцию *радость* (ЕВРАС – 32); ключевая для нас Зона 3 сгруппирована из реакций, имеющих прямое отношение к историческому событию Великой Отечественной войны, все реакции высокочастотны: *9 Мая* (53 в ЕВРАС); *1945 год* 4; *ВОВ* 8 и мн. др. Зона 4 показывает акторов победы: *наша, моя, над собой* и пр. Зона 5 характеризует победу в ее качестве (*громкая, желанная* и пр.). Зона 6 акцентирует индивидуальные достижения личности: *в любви, в жизни, на экзаменах* и пр. Зона 7 включает требуемые действия: *радует, пришла* 3 и т. п. Зона 8 показывает, где именно может иметь место **победа**, кроме войны: *на соревнованиях, в турнире, бал* и пр. Зона 9 включает реакции преимущественно эмоционально-междометного плана (*ура* 29 в СИБАС 1; *АУ! УРААААААА* и пр.), а Зона 10 – самая слабая во всех источниках – содержит ассоциаты с автомобилем (*машина, автомобиль*). В табл. 2 приведены результаты замеров интенсивности активации каждой зоны по сравнению с другими зонами в целостной структуре образа **победы**.

В данной статье в табл. 2 отражены замеры *интенсивности* (частоты) реагирования испытуемых тем или иным образом. Однако данные словарей позволяют также проводить и замеры экстенсивности (разветвленности связей), где вес каждой зоны рассчитывается, исходя из количества входящих в нее разных реакций и определения веса зоны в процентном отношении к общему количеству разных реакций в АП. Разветвленность связей требует учета не столько устойчивых, повторяющихся связей, сколько единичных реакций, которые в своей совокупности зачастую служат полем инноваций, внедрения новых смыслов, в котором начинают рождаться новые тенденции и акцентуации. Когда подсчеты произведены, можно приступить к построению *психоглосс, векторов акцентуации смыслов*. Зоны, которые наполнены больше других, имеют большую интенсивность или экстенсивность, они наиболее «разработаны» и весомы в смысловом плане, задают направленность векторам внутри АП. Их расположение отражает направленность смысловой структуры с пониманием того, какие смысловые акценты доминируют в психически актуальном значении, какие акцентуации наиболее значимы (табл. 3).

Выполнение психоглоссирования показывает, под какие именно смысловые задачи приоритетно извлекается из памяти соответствующий лексон. Функциональные пробы с АП вербальных единиц – ассоциативных доминант позволяют выявить социокоммуникативные установки, связанные с общей направленностью ЯЛ. Установки на оперирование вербальным материалом, выраженные в количественных показателях психоглоссирования, маркируют основные ее акцентуации.

³ Здесь и далее полужирным начертанием показано слово-стимул, курсивом – слова-реакции.

Зона	База данных			
	РАС 1988–1997 (621; 260; 4; 191) *	ЕВРАС 2008–2011 (539; 181; 6; 118)	СИБАС 1 2008–2013 (503; 182; 5; 114)	ДОНАС 2018–2024 (492; 201; 5; 132)
Зона 1 Антонимы, оппози- зиты	4,35	3,9	1,99	7,1
Зона 2 Номинации	13,53	18	20,5	22,97
Зона 3 Война, места памяти народа	39,13	45	46	40
Зона 4 <i>Акторы победы</i>	12,72	9,27	6,76	9,55
Зона 5 Какая	14,65	5,57	4,77	4,67
Зона 6 Индивидуальные достижения	4,99	2,6	2,58	4,47
Зона 7 Действия	4,35	4,27	1,79	2,85
Зона 8 <i>Где кроме войны</i>	6,6	9,46	7,55	8,3
Зона 9 Эмоции- междометия	3,54	4,64	6,36	2
Зона 10 Автомобиль	1,45	1,48	1,99	0,4

* Здесь и далее показана статистика АП в следующем порядке: первое число – общее количество реакций в АП; второе число – общее количество реакций разными вербальными единицами; третье – количество отказов; четвертое – количество единичных реакций, которые встретились только один раз. Как видим, все базы данных дают исследователю богато наполненный ассоциатами материал для изучения психологически актуального значения слова **победа** в разные периоды времени.

Здесь мы считаем уместным строить интерпретацию результатов функционального анализа в терминах *акцентуаций личности*, широко распространенных в психологических исследованиях, особенно там, где изучаются характерологические свойства личности, строится ее типология. Акцентуации личности это – «типологические черты характера, крайние варианты нормы, при которых отдельные черты характера чрезмерно усилены, вследствие чего обнаруживается *избирательная*

уязвимость в отношении определенного рода психогенных воздействий» [Левченко, 2000, с. 71–72] (курсив наш. – И. Ш.). Психологи строят такие классификации акцентуаций, как, например: *гипертимный* тип, *шизоидный*, *психастеник*, *возбудимый*, *эпилептоидный*, *циклоидный*, *сенситивный*, *астено-невротический*, *неустойчивый*, *истероидный*, *конформный* и разные *смешанные* типы акцентуации характера (по классификации А. Е. Личко [1983]). В нашем анализе АП такие классификации нерелевантны. Мы используем термин *акцентуации* как наиболее близко ассоциирующийся с «избирательной уязвимостью в отношении определенного рода психогенных воздействий», т. е. с механизмом формирования направленности психики в ходе коммуникативной деятельности человека. Смысловые акцентуации (векторы-маркеры смысловых доминант) показывают повышенную чувствительность ЯЛ к определенным типам психогенных воздействий, которые изменяют социокommunikативную активность, порождают внутренний план (речевых) действий (и когнитивный домен) для преодоления этих типов психогенных воздействий через вербально-коммуникативные практики (которые маркируются вербальными единицами в определенных конфигурациях, получающих предпочтение). В табл. 3 просматривается высокая степень сходства целостных структур психологических значений **победа** во всех источниках.

Таблица 3

Психоглоссы интенсивности в структуре АП **ПОБЕДА**

Table 3

Psychoglosses of intensity in the structure of the AF **POBEDA**

РАС 1988–1997
Зона 3 война (39,13 %) → зона 5 какая (14,65 %) → Зона 2 номинации (13,53 %) → Зона 4 акторы (12,72 %) → зона 8 где кроме войны (6,6 %) → зона 6 индивидуальные достижения (4,99 %) → зона 7 действия (4,35 %) = зона 1 оппозицы (4,35 %) → зона 9 эмоции-междометия (3,54 %) → зона 10 автомобили (1,45 %)
ЕВРАС 2008–2011
Зона 3 (45 %) → Зона 2 (18 %) → зона 8 (9,46 %) → Зона 4 (9,27 %) → зона 5 (5,57 %) → зона 9 (4,64 %) → зона 7 (4,27 %) → зона 1 (3,9 %) → зона 6 (2,6 %) → зона 10 (1,48 %)
СИБАС 1 2008–2013
Зона 3 (46 %) → Зона 2 (20,5 %) → зона 8 (7,55 %) → Зона 4 (6,76 %) → зона 9 (6,36 %) → зона 5 (4,77 %) → зона 6 (2,58 %) → зона 1 (1,99 %) = зона 10 (1,99 %) → зона 7 (1,79 %)
ДОНАС 2018–2024
Зона 3 (40 %) → Зона 2 (22,97 %) → Зона 4 (9,55 %) → зона 8 (8,3 %) → зона 1 (7,1 %) → зона 5 (4,67 %) → зона 6 (4,47 %) → зона 7 (2,85 %) → зона 9 (2 %) → зона 10 (0,4 %)

Определив смысловую структуру АП через зонирование и выделив доминантные векторы акцентуации смыслов, мы можем перейти к интерпретации полученных данных. Сравнительный анализ показывает, что во всех источниках без исключения доминирует Зона 3, которая наполнена прямыми ассоциатами с интересующими нас местами памяти народа. При этом конкретное наполнение ассо-

циатами этой зоны везде, включая ДОНАС, практически одинаковое, степень совпадений и по составу ассоциатов, и по весу этой зоны совсем не случайна. Вероятно, это свидетельствует о глубокой укорененности военных событий как мест памяти нашего народа в межпоколенческом плане. См. также сравнительные данные в табл. 4.

Таблица 4

Функциональные параметры Зоны 3 в структуре АП **ПОБЕДА**, %

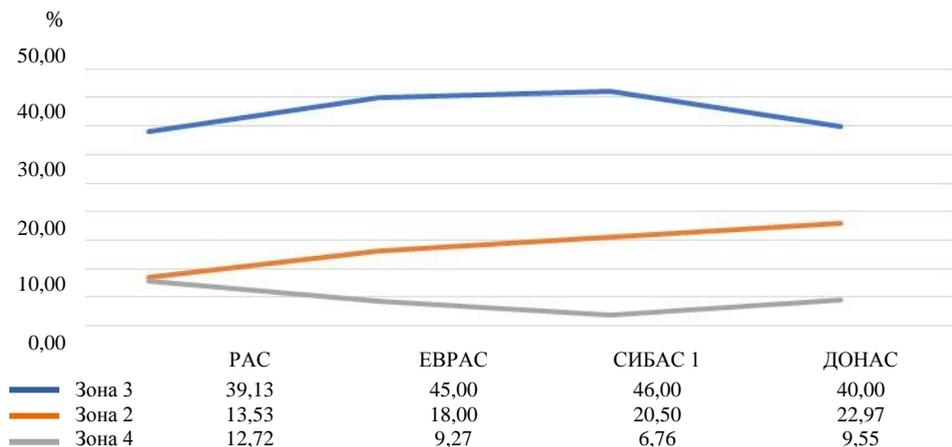
Table 4

Functional dimensions of zone 3 within the structure of the AF **POBEDA**, %

Параметр учета	База данных			
	РАС 1988–1997	ЕВРАС 2008–2011	СИБАС 1 2008–2013	ДОНАС 2018–2024
Общая интенсивность	39,13	45	46	40
Общая экстенсивность	29,23	28,7	35	36,3
Интенсивность в ядре АП	44,88	51,8	51,7	41,94
Интенсификация периферией	26,2	21,2	27,2	34,85

Таблица 4 показывает, что Зона 3 самая активная абсолютно по всем параметрам и во всех базах данных. Она наполнена и в устойчивой части, и на периферии прямыми ассоциатами с войной, прежде всего с войной Великой Отечественной. Более пристальное рассмотрение состава ассоциатов позволяет увидеть характер и источники смысловых акцентуаций в каждой базе. Так, в РАС на первый взгляд наблюдаются общие тенденции такого же порядка, как и во всех других базах XXI в. Однако враг, отраженный в АП РАС, отдаляется по времени, он однозначно локализуется в прошлом и при этом неизбежно абстрагируется, это не конкретная персона (фашист, нацист), а некое абстрактное явление *фашизма*, отчужденность во времени от события 9 мая 1945 г. проявляется и в ассоциатах – номинациях годовщин, названиях битв прошлого, исторических названиях конкретных вражеских объектов и т. п. Среди «актеров»-победителей и побежденных «объектов» были актуальны идеологемы и их носители в недавнем прошлом: *коммунизм, демократы, добра над злом, революции, над стихией*; качества – *лень, разум*; довольно высока актуальность побед любовных и спортивных.

В целом у молодежи прошлого века эпохи Перестройки очевидно отсутствие живого опыта контакта с военными реалиями при сохранении ярко выраженного исторически закрепленного места памяти победившего фашизм народа. Обращает на себя внимание тот факт, что во всех источниках, включая ДОНАС, активируются одни и те же прецедентные тексты, а не только одинаковые вербальные ассоциаты: *нам нужна одна победа, одна на всех, цена (ценой)*. В ДОНАС особенно жестко и в структуре нескольких зон сразу представлены оппозиции: **победа или смерть; победа или поражение**, здесь более четко идентифицируется враг, *над фашизмом, нацизмом, над нацистами, над фашистами, над страхом* и пр. В СИБАС и ЕВРАС, которые создавались до начала СВО, по всем параметрам ВОВ укоренена глубже, что может на первый взгляд показаться парадоксальным. Вероятно, так сказывается отличие контекста обучения молодых людей в России и на бывшей территории Украины в постсоветский период, в том числе и на Донбассе, где собирались материалы ДОНАС.

Хроногlossen активных зон **ПОБЕДЫ** в больших АВБД, %
Chronoglosses of the active zones in the AF **POBEDA** in the large Russian AVDB, %

В качестве актора-победителя все испытуемые во всех источниках видят себя самих, своих предков (*деда*), *Сталина*, основные маркеры внешних атрибутов праздника также объединяют все регионы и времена. Однако в ДОНАС отражен опыт СВО последних лет, он проникает уже в устойчивую часть (*в СВО 3*), заметно представлен на периферии зоны: *Киев возьмем, СВО, Донецк, Донбасс* и др.

В целом образ **победы** у РЯЛ молодых россиян сильный, насыщенный и яркий. Просматривается четкая *хроноглосса* (см. рисунок) сквозь время на сохранение и усиление места памяти народа, связанного с опытом победы в Великой Отечественной войне у молодежи РФ до начала СВО. Данные ДОНАС показывают новую активацию этого смыслового узла, его обрастание новым опытом с теми же общими параметрами, но менее сильными связями внутри образа с памятью прошлого, что, вероятно, может объясняться спецификой информационного и когнитивного пространства на Украине, навязыванием через систему образования и воспитания политики расчеловечивания, попыток лишения русских своей идентичности. Как можно увидеть на графике активных зон, показывающем пределы их флуктуации в актуальной диахронии, АП **победа** относится к числу очень устойчивых психологических образований в образе мира РЯЛ. Это проявляется не только в большом отрыве зоны, отсылающей к войне, от других активных зон, но и в сохранении содержательного состава и наполнения зоны в ее основных параметрах, несмотря на всю смыслоутратность в пределах российской цивилизации на рубеже веков.

Заключение

Образ **ПОБЕДЫ** является одним из ключевых, формирующих остов российской цивилизации образов. Соответствующий лексон обладает богатым спектром разноплановых и прочно укоренившихся связей во внутреннем лексиконе РЯЛ. **ПОБЕДА** выделяется на макроуровне анализа больших ассоциативно-вербальных корпусов в качестве одной из ядерных ассоциативных доминант (четвертого уровня, в диапазоне связей с примерным количеством активизирующих стимулов

от 200 до 300). Сравнительно-сопоставительный анализ результатов функциональных проб с АП, фиксирующих движение психологических значений **ПОБЕДА** в ряде баз данных в актуальной диахронии, показал высокую устойчивость образа (по структуре, направленности акцентуаций, составу ассоциатов и пр. показателям) независимо от региона, времени (в пределах последних 50 лет), при определенных условиях, как мы предполагаем, даже независимо от исходных информационные вбросов в систему образования и воспитания на фоне попыток анти-системного этнополитического конструирования «новой» реальности. Функциональный статус образа **ПОБЕДЫ** остается традиционно высоким, что подтверждается психоглоссированием АП и хроноглоссами в актуальной диахронии. Данные больших ассоциативно-вербальных баз имеют особую значимость как комплементарный материал, который позволяет осуществлять взаимную верификацию результатов этносоциологических и психолингвистических исследований. В случае с образом **ПОБЕДЫ** психолингвистические данные подтверждают на недоступном соцопросу материале некоторые выводы, к которым приходят этносоциологи в начале третьего десятилетия XXI в. «Великая Отечественная война с ее победами и трагедиями является на данный момент главным историческим консолидатором российской нации. В 2021 г. главными достижениями, которыми гордятся россияне разных национальностей, являются победа советского народа в Великой Отечественной войне и дальнейшее восстановление страны после нее. Память о войне – это глубоко личное переживание для абсолютного большинства россиян всех национальностей» [Российская идентичность..., 2022, с. 351–352]. См. также аналогичные выводы в [Мартынова и др., 2023, с. 112].

Список литературы

- Анохин П. К.* Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975. 448 с.
- Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка: В 3 т.: ок. 160 000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2006. Т. 2: М–П. 1160 с.
- Залевская А. А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
- Залевская А. А.* Введение в психолингвистику: Учебник. М.: Директ-Медиа, 2013. 561 с.
- Левченко И. Ю.* Патопсихология: Теория и практика: Учеб пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2000. 232 с.
- Леонтьев А. А.* Психология общения. М.: Смысл; Академия, 2008. 368 с.
- Личко А. Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л.: Медицина, 1983. 255 с.
- Мартынова М. Ю., Белова Н. А., Зыкина О. А., Кляус М. П.* Общегражданские и социокультурные ценности в восприятии российской молодежи // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 102–124.
- Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика: [монография] / Л. М. Дробижина, Е. М. Арутюнова, М. А. Евсеева [и др.]; отв. ред. И. М. Кузнецов, С. В. Рыжова; ФНИСЦ РАН. М., 2022. 434 с.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2011. 713 с. (Серия «Мастера психологии»)
- Шапошникова И. В.* Русская языковая личность в актуальной диахронии: новая база ассоциативно-вербальных данных (2014–2021) // Вестник Российского уни-

верситета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 3. С. 648–665. DOI 10.22363/2313-2299-2022-13-3-648-665

Aitchison J. *Words in the Mind (An Introduction to the Mental Lexicon)*. Basil Blackwell, 1987. 352 p.

Murphy M. L. *Semantic Relations and the Lexicon. Antonymy, Synonymy, and other Paradigms*. Cambridge Uni. Press, 2003. 304 p.

The Oxford Handbook of Mental Lexicon. Ed. by A. Papafragou, J. C. Trueswell, and L. R. Gleitman. Oxford Uni. Press, 2021. 781 p.

Список источников

ДОНАС – Ассоциативный словарь Донбасса: В 2 т. / А. Н. Стебунова, А. С. Бурляй, Е. Н. Станкус, А. О. Халабузарь; под ред. Н. В. Уфимцевой, В. И. Теркулова. Донецк: EDIT, 2024. Т. 1: От стимула к реакции. 492 с.

ЕВРАС – Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России): В 2 т. М.: Московская международная академия, 2018. Т. 2: От реакции к стимулу. 704 с.

РАС – Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Сост. Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. Астрель: АСТ, 2002. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения 23.03.2025).

СИБАС 1 и СИБАС 2 – Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток – 2008–2022 / Авт.-сост.: И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения 23.03.2025).

References

Aitchison J. *Words in the mind (An introduction to the mental lexicon)*. Basil Blackwell, 1987, 352 p.

Anokhin P. K. *Ocherki po fiziologii funktsional'nykh sistem* [Issues on physiology of functional systems]. Moscow, Medicina, 1975, 448 p.

Efremova T. F. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 3 t.: ok. 160 000 slov* [Modern explanatory dictionary of the Russian language: In 3 vols. About 160 000 words]. Moscow, AST, Astrel', 2006, vol. 2: М–Р, 1160 p.

Leont'ev A. A. *Psikhologiya obshcheniya* [Psychology of communication]. Moscow, Smysl, Akademiya, 2008, 368 p.

Levchenko I. Yu. *Patopsikhologiya: Teoriya i praktika: Ucheb posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedeniy* [Pathopsychology: Theory and practice: Textbook for students of higher pedagogical educational institutions]. Moscow, Akademiya, 2000, 232 p.

Lichko A. E. *Psikhopatii i aktsentuatsii kharaktera u podrostkov* [Psychopathology and accentuations of character of teenagers]. Leningrad, Meditsina, 1983, 255 p.

Martynova M. Yu., Belova N. A., Zykina O. A., Klyaus M. P. *Obshchegrazhdanskie i sotsiokul'turnye tsennosti v vospriyatii rossiyskoy molodezhi* [National and sociocultural values in the perception of Russian youth]. *Herald of Anthropology*. 2023, no. 1, pp. 102–124.

Murphy M. L. *Semantic relations and the lexicon. Antonymy, synonymy, and other paradigms*. Cambridge Uni. Press, 2003, 304 p.

Rossiyskaya identichnost' i mezhetnicheskie otnosheniya. Publichnyy diskurs i sotsial'naya praktika: monografiya [Russian identity and interethnic relations. Public discourse and social practice: monograph]. L. M. Drobizheva, E. M. Arutyunova, M. A. Evseeva et al. (Comps.); I. M. Kuznetsov, S. V. Ryzhova (Eds.). Moscow, FCTAS RAS, 2022, 434 p.

Rubinshteyn S. L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Foundations of general psychology]. St. Petersburg, Piter, 2011, 713 p. (Series “Mastera psikhologii” [Masters of psychology]).

Shaposhnikova I. V. Russkaya yazykovaya lichnost' v aktual'noy diakhronii: novaya baza assotsiativno-verbal'nykh dannykh (2014–2021) [Russian linguistic personality in actual diachrony: a new database of associative-verbal data (2014–2021)]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2022, vol. 13, no. 3, pp. 648–665. DOI 10.22363/2313-2299-2022-13-3-648-665

The Oxford Handbook of Mental Lexicon. A. Papafragou, J. C. Trueswell, L. R. Gleitman (Eds.). Oxford Uni. Press, 2021, 781 p.

Zalevskaya A. A. *Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst. Izbrannye trudy* [Psycholinguistic research. Word. Text: Selected works]. Moscow, Gnozis, 2005, 543 p.

Zalevskaya A. A. *Vvedenie v psikholingvistiku: Uchebnik* [An introduction into psycholinguistics: Textbook]. Moscow, Direkt-Media, 2013, 561 p.

List of sources

Assotsiativnyy slovar' Donbassa: V 2 t. [Associative dictionary of Donbas]. A. N. Stebunova, A. S. Burlyay, E. N. Stankus, A. O. Khalabuzar' (Comps.); N. V. Ufimtseva, V. I. Terkulov (Eds.). Donetsk, EDIT, 2024, vol. 1: Ot stimula k reaktsii [From stimulus to reaction]. 492 p.

Russkaya regional'naya assotsiativnaya baza dannykh. Sibir' i Dal'nii Vostok – 2008–2022 [Russian regional associative database Siberia and the Far East – 2008–2022]. I. V. Shaposhnikova, A. A. Romanenko (Comps.). URL: <http://adict.ru> (accessed 23.03.2025).

Russkiy assotsiativnyy slovar': V 2 t. [Associative thesaurus of the Russian Language: in 2 vols.]. Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov (Comps.). Astrel', AST, 2002. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (accessed 23.03.2025).

Ufimtseva N. V., Cherkasova G. A. *Russkiy regional'nyy assotsiativnyy slovar' (Evropeyskaya chast' Rossii): V 2 t.* [Russian regional associative dictionary (European part of Russia): In 2 vols.]. Moscow, Moskovskaya mezhdunarodnaya akademiya, 2018, vol. 2: Ot reaktsii k stimulu [From reaction to stimulus], 704 p.

Информация об авторе

Ирина Владимировна Шапошникова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher, Department of the Russian Language in Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 24.03.2025;

одобрена после рецензирования 07.04.2025; принята к публикации 07.04.2025

The article was submitted on 24.03.2025;

approved after reviewing on 07.04.2025; accepted for publication on 07.04.2025

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI 10.17223/18137083/91/19

Диагностика современных тенденций речевой деятельности в интерьере региональных портретов русской языковой личности

Лариса Олеговна Бутакова

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского
Омск, Россия

larisabut@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3210-2311>

Аннотация

Анализируются исследования, проведенные в разные годы омскими лингвистами, выявлены способы диагностики речевой деятельности жителей региона в ходе построения разных моделей языковой личности, определены направления моделирования и обусловленные ими проблемы. Автор полагает, что модель «усредненного» представителя региона связана с выбором речевой деятельности представителей возрастных и социальных групп для достижения репрезентативности; персонализированная модель требует установления круга «персон» и продуктов их речевой деятельности; дискурсивная модель заставляет выбирать способы достижения широты и глубины описания дискурсов жителей региона; этнокультурная модель должна отразить диагностику речевой деятельности в аспекте полиэтничности и этнической идентичности региона. Стратегии создания итоговой модели обусловлены сочетанием методов и методик лингвистики, социолингвистики, психолингвистики на основе применения принципа «многомодельности» в двух направлениях: построение модели одного и того же типа на основе разного материала и построение моделей разного типа на основе одного материала.

Ключевые слова

речевая деятельность, диагностика речевой деятельности, модель языковой личности, модель представителя региона, дискурсивная языковая личность

Для цитирования

Бутакова Л. О. Диагностика современных тенденций речевой деятельности в интерьере региональных портретов русской языковой личности // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 247–259. DOI 10.17223/18137083/91/19

© Бутакова Л. О., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 247–259
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 247–259

Diagnosics of modern trends of speech activity in the interior of regional portraits of Russian linguistic personality

Larisa O. Butakova

Omsk Dostoevsky State University
Omsk, Russian Federation

larisabut@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3210-2311>

Abstract

This paper presents the development of region-specific linguistic personality models, methods for analyzing speech patterns, and relevant modeling domains. Creating a representative model of the “average” regional resident requires carefully selecting the speech activity types within different age and social groups of a specified region. Consequently, a personalized model necessitates identifying a network of individuals and their associated speech products; a discursive model requires specifying regional discursive practices; and an ethnocultural model must represent diverse ethnic speech activities. The creation of a final model involves solving general and specific problems. The general tasks include (1) identifying the types of speech actions used in different communicative situations depending on the purpose and motive of the speaker/writer, as defined by speech act theory; (2) creating a three-dimensional picture by integrating linguistic, sociolinguistic, and psycholinguistic methodologies; (3) applying the “multi-model” principle both to create a model of the same type based on different materials and models of different types based on the same material. The specific tasks involve (1) implementing a trend line of experimental research for subsequently modeling the various components of the speech activity of the representatives of the region; (2) using modern regional data for discursive modeling, i.e., virtual correspondence of people of different ages and different social status; (3) analyzing the speech activity of the representatives of different ethnic groups in the region.

Keywords

speech activity, diagnostics of speech activity, model of linguistic personality, model of regional representative, discursive linguistic personality

For citation

Butakova L. O. Diagnosics of modern trends of speech activity in the interior of regional portraits of Russian linguistic personality. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 2, pp. 247–259. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/19

Введение

Проблемы диагностики речевой деятельности современных носителей русского языка актуальны в любой речевой ситуации, особенно в настоящее время, когда психологи, лингвисты, психолингвисты с тревогой отмечают нарастание негативных тенденций письменной и устной речи, ментальных и когнитивных изменений, присущих определенным поколениям, в первую очередь это касается школьников и студентов. Диагностика, основанная на теории речевой деятельности, позволяет выходить в параллельные исследовательские пространства, в частности в модели языковой личности (ЯЛ). Последние, как правило, реконструируются в виде нескольких вариантов лингвистических моделей: Ю. Н. Караулова [2002], Г. И. Богина [1984], К. Ф. Седова [2004]. Указанные модели неоднократно анализировались специалистами, которые отмечали общую «авторскую» направ-

ленность (модель В. В. Виноградова), психолингвистическую (модель Ю. Н. Караулова), рече-деятельностную (модель «готовностей» Г. И. Богина), коммуникативно-дискурсивную (модель К. Ф. Седова) (см. [Оленев, 2008; Власкова, 2012; Гуц, 2005; Карасик, 2004; Колесникова, 2001; Лемякина, 2004; Лингвоперсонология..., 2006; Ростова, 2000; Тарасенко, 2007; Шестак, 2003] и др.). Каждая из традиционных моделей – скорее инвариант, воссозданный в ряде вариантов с той или иной степенью целостности или фрагментарности, представляющий реального носителя языка и / или усредненного представителя поколения, возрастной, гендерной, территориальной и других групп, построенный на основе одного или нескольких типов речевой деятельности (письменной / устной, реальной / виртуальной и др.) (см. наши рассуждения об этом [Бутакова, 2021, с. 11–12]). Очевидно, что у каждой модели есть свои возможности и ограничения, связанные не только с выбранным основанием, но и с наличием речевых продуктов, по которым производится реконструкция ЯЛ.

Если говорить о речевой деятельности «среднего» носителя языка, то модели ЯЛ приобретают вполне определенные очертания. Когда внимание исследователя сосредоточено на конкретных людях, совокупность продуктов их речевой деятельности позволяет построить либо неполную модель в духе Ю. Н. Караулова (лексикон, тезаурус и далеко не всегда прагматикон), поскольку письменная речь, как правило, не дает возможности полно воссоздавать речевые жанры, стратегии, тактики индивида и пр., либо полную модель, если у исследователя есть возможность фиксировать устный и письменный речевой материал, особенно ценно, если подобная фиксация производится длительное время, охватывает разные жанровые проявления и т. п.

Коммуникативные или дискурсивные модели ЯЛ чаще всего выполняются на основе записей устной речи одного или нескольких носителей диалекта или городского просторечья (см. [Лютикова, 1999; Иванцова, 2002; Казакова, 2004] и др.). Эти модели имеют выраженный региональный характер, поскольку выполнены на основе речевой деятельности ограниченного круга лиц. Другой тип – дискурсивная модель К. Ф. Седова, в которой становление структуры дискурса взаимосвязано с особенностями эволюции коммуникативной компетенции личности, основана на записях устной и письменной речи носителей языка разного возраста вне указания на территориальную принадлежность [Седов, 2004].

Применение описанных моделей ЯЛ в области диагностики речевой деятельности носителей языка определенного региона (города) связано с рядом моментов.

1. Если мы хотим анализировать «усредненного» представителя региона на основе анализа совокупности его речевых продуктов, то должны решить, кто будет изначально принят за такую ЯЛ, как осуществить репрезентативную выборку представителей разных возрастных, социальных, гендерных групп (см. работы [Гуц, 1995; 2005]).

2. Для модели «иног» представителя региона актуально, какие типы продуктов речевой деятельности выступают в качестве материала для построения модели, каким образом их получить, как ограничить их объем и учесть жанровое разнообразие / однообразие, доминантные концепты и пр.

3. Для дискурсивной модели важно, в какой степени следует описывать дискурс и дискурсивные практики жителей региона (города и области), в частности так называемую «естественную письменную речь» в виртуальной среде, письмен-

ную речь институционального типа (порталы мэрии, областного правительства и пр.), медиадискурс.

4. Для учета в модели этнокультурного компонента нужно решить, каким образом отразить полиэтничность региона и города в ходе диагностики речевой деятельности.

В идеале всё указанное должно войти в комплексную региональную модель ЯЛ. При этом объем и состав таких компонентов неоднороден.

Результаты исследования

Отвечая последовательно на поставленные выше вопросы, отметим следующее. Логично реконструировать ряд моделей ЯЛ региона, создав по единой методике портреты возрастного («поколенческого»), территориального, этнического, «профессионального» плана.

Говоря о современной ситуации, следует отметить, что региональная лингвистическая модель «территориального» профиля разработана достаточно полно «вширь», но не во всех составляющих «вглубь». Воссоздание ЯЛ «усредненного» селского жителя Омской области производилось и производится омскими диалектологами в большей степени по линии реконструкции отдельных составляющих, частично – по линии создания «комплекса». Материал для таких построений – записи устной речи, интервью с носителями старожильческих говоров Омского Прииртышья, собранные в картотеке Словаря старожильческих говоров Омского Прииртышья, Хрестоматии говоров Среднего Прииртышья, Электронном корпусе народной речи [Харламова, Лавров, 2018; Харламова, 2014; 2018; Зинковская, 2019; ГСП, 2011]¹. Достаточно полно описаны лексикон, тематическое своеобразие диалектных текстов (в виде записей монологов диалектоносителей), доминантные концепты, «константы речемысли», ценностные, этические, эстетические составляющие. Вариант комплексной модели языкового сознания ЯС «усредненного» носителя говоров Среднего Прииртышья, сориентированный на концептуальный, семантический, смысловой анализ лексики, прагматический анализ высказывания и текста, представлен в работе [Штехман, 2007]. «Естественная письменная речь» жителей Омска и Омской области в жанре мемуаров отражена в серии «Народных мемуаров» под ред. Б. И. Осипова и частично описана омскими лингвистами в коммуникативном, дискурсивном, стилевом аспектах [Никитина, 2013; Николенко, 2022; Николенко и др., 2020]. Серия включает 12 книг, авторами которых являются жители региона – крестьянин, солдат, заводская работница, сельский учитель, юрист, врач. Книги данной серии – богатейший материал для воссоздания модели региональной ЯЛ по «естественной письменной речи» в «ближней» диахронии. «Полижанровость» мемуаров дает возможность воссоздать все слои модели ЯЛ определенной социальной группы.

Разные типы носителей городского просторечья Омска выделены и проанализированы А. А. Юнаковской [2010; 2011]. Записи их речи отражены в хрестоматии, содержащей систематизированные по сферам употребления коммуникативные фрагменты, для каждого из которых указаны возраст, пол коммуникантов [Юнаковская, 2007]. Лексика (преимущественно нелитературного пласта) жите-

¹ См. также: Региональный корпус народной речи Среднего Прииртышья. URL: http://it-acad.univer.omsk.su/makh_corpus/; Словарь констант народной речи Среднего Прииртышья. URL: <https://dict.univer.omsk.su/> (дата обращения 30.05.2022).

лей Омска содержится в Словаре современного русского города [2003], созданном лингвистами ОмГУ им. Ф. М. Достоевского по инициативе Б. И. Осипова. Иллюстративным материалом словарных статей являются высказывания жителей Омска, записанные составителями словаря. Указанные хрестоматия и словарь – объемные источники для построения дискурсивной модели ЯЛ горожанина.

В рамках региональной модели ЯЛ жителя Омска и Омской области частично описана полиэтничность региона на основе фиксации устной речи отдельных представителей других этнических групп (чехов, поляков, немцев), компактно проживающих в районах Омской области [Харламова, 2007; Зинковская, 2019]. В остальном этнонациональная составляющая лингвистической модели ЯЛ региона не реконструирована. По официальной справке регионального правительства и по данным омских этнологов, Омская область имеет более 140 центров традиционной народной культуры, 64 национально-культурных объединения, в том числе 3 региональные национально-культурные автономии (немецкая, татарская и казахская), 44 общеобразовательных учреждения, в которых преподают немецкий, татарский, казахский языки [Жигунова, 2016, с. 45–46].

Полиэтничность региона обозначена в институциональном дискурсе (виртуальном портале мэрии г. Омска, сайтах общественных организаций поляков, казахов, татар и пр.). В силу специфики типа дискурса ее описание – скорее, «взгляд снаружи», нацеленный на создание толерантных отношений «по форме» и «по содержанию»². Между тем, по данным омских этнологов, «не всегда совпадают языковая и этническая идентичности», люди, находящиеся в смешанных браках, выбирают преимущественно русский язык для семейного общения [Там же, с. 47]. Определение роли языка как этнически значимого / незначимого фактора в таком случае принципиально важно, как и создание этноориентированной модели ЯЛ или воссоздание речевой деятельности людей разной этнической принадлежности, живущих в регионе.

Наиболее подробно реконструированы «возрастные» модели ЯЛ жителей города и области. Воссоздание таких моделей производилось с опорой на анализ письменной и устной речи, психолингвистических экспериментов [Бутакова, 2021; Бутакова, Орлова, 2023; Гуц, 2005, Бутакова и др., 2018; Пожилой человек..., 2020]. Модель ЯЛ ребенка младшего, среднего и старшего школьного возраста содержит компоненты, типичные для представителей данных возрастных групп, живущих в большом городе (см. подробное описание в [Бутакова, 2021]): на дискурсивном уровне значимы общение в виртуальной среде, наличие интернета, русскоязычная традиция, школьные и семейные типы и жанры коммуникации; на лексическом уровне субъективная семантика ценностных, оценочных, актуальных, стилистически маркированных слов отражает возрастные, личностные, отчасти региональные особенности смыслового состава, подвержена «поколенческим» изменениям. Варианты «детской» модели ЯЛ обусловлены в большей степени социальными, социокультурными, ментальными параметрами самих детей и их семейного окружения. Диагностика письменной и устной речи младших школьников региона показывает важность универсальных тем – «выходной», «еда», «уборка», «похвала, одобрение, признание в любви», «животные», «приказание, просьбы», «компьютерные игры». Центральное положение в коммуникативной сфере занимают семейное общение и персональные коммуникации; особое положение – животные (приравнены к членам семьи, как и компьютер).

² См.: <https://admomsk.ru/web/guest/government/divisions/62/social-elations/nation#01/>.

Компьютер, интернет и деятельность, связанная с ними (преимущественно игровая), находятся в центре ментального лексикона школьника, поэтому неоднократно возникают в тематическом поле высказываний и текстов. Анализ письменной речи «усредненных» учащихся 5–7-х классов (сочинений на свободные темы, соответствующие актуальным ценностным смысловым областям) в аспекте выявления тенденций развития речевой компетенции показал соответствие нижнему показателю возрастной нормы, что проявляется в стремлении реализовать замысел в высказываниях и текстах с простой смысловой и формальной структурами. Тексты сочинений, написанных в формате «пробного ЕГЭ» в 2023 г., показывают дальнейшее упрощение смыслового, семантического устройства, компенсируемое медленным формированием аргументативных и рефлексивных стратегий, приводящих к усложнению синтаксиса высказывания. Требование рефлексировать на уроках выливается в нарастание рефлексии к 7-му и особенно 9-му классам, формирование риторического канона, соответствующего формату ЕГЭ, эгоцентрической направленности коммуникации [Бутова, Орлова, 2023]. Региональные особенности заметны в сочинениях о родном городе (аналогичную картину можно увидеть в реакциях на стимулы «дом», «город», «Омск» (см. подробно в [Бутова, 2023]).

Модель ЯЛ студентов в большей степени воссоздана психолингвистическими методами эксперимента в режиме трендовых исследований субъективной семантики актуальной лексики, оценочных, ценностных и социально значимых смысловых областей [Бутова и др., 2018, Бутова, 2023]. Для дальнейшей диагностики речевой деятельности представителей данной возрастной группы и достраивания модели ЯЛ требуется анализ письменной (например, переписки в социальных сетях и мессенджерах) и устной речи.

Модель региональной ЯЛ среднего возраста в части анализа письменной речевой деятельности разработана не в полной мере. Анализ результатов экспериментов, проведенных с участием респондентов данной возрастной группы, выявил определенные тенденции организации ментального лексикона в части ценностных фрагментов, например иные стратегии реагирования, чем у представителей младших поколений, а также связи стимулов абстрактной семантики с определенными классами слов и словоформ, приводимых в виде реакций. Письменная речь людей данной возрастной группы свидетельствует о более высоком уровне развития речевой компетенции, чем у современных школьников, в части структурирования текста и высказывания. Для данной возрастной категории доступный материал связной речи – переписка в виртуальной среде. В качестве перспективы диагностики речевой деятельности представителей этого поколения намечен анализ дискурсивных практик в пространстве социальных сетей Telegram, Instagram* (анализ был начат до запрета платформы, см. программу исследования в [Бутова, 2021]). Первоначальный анализ общения людей данного возраста в Instagram* выявил круг актуальных тем и средств их выражения, дифференцированных по гендерному параметру. Для мужчин и женщин общими являются темы: *город, наслаждение жизнью, путешествия, времена года* (эти же смысловые области зафиксированы в ходе экспериментов, в виртуальной переписке высказывается критическое отношение к родному городу).

* Социальная сеть *Instagram* запрещена в РФ. Решением суда от 21.03.2022 компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации.

Женщины среднего возраста обсуждают темы, связанные с сезоном: *отпуск, погода, купальный сезон*; темы, не связанные с сезоном, бытовые: *подарки, муж, дети, работа*; «вечные»: *жизненный опыт, новое поколение, собственное поколение, самопознание, религия*. Средствами выражения смыслов в данной гендерной группе являются: наиболее частотные – невербальные дополнения к тексту (смайлики-скобки и эмодзи), уточнения в скобках, хештеги под основным текстом; менее частотные – вопросы к читателю, переход клавиатуры в верхний регистр (Caps Lock), восклицательные предложения, слова или выражения на иностранном языке, звукоподражания, синтаксические конструкции «То..., когда...», «Когда...», просторечные и жаргонные слова, замена слов хештегами.

Для мужчин 30–40 лет актуальны темы: *критика жизни и людей, самопрезентация, кулинария, встреча выпускников, день рождения, политика, любовь, семья, друзья, подбор одежды, садоводство, спорт*. Средства выражения тематических областей у данной группы пишущих таковы: наиболее популярные – невербальные дополнения к тексту (смайлики-скобки и эмодзи), хештеги под основным текстом; менее популярные – метафорическое словоупотребление, жаргонные и просторечные единицы, структуры с однородными членами предложения, избыток знаков препинания. Индивидуальные лексические и синтаксические средства – парцелированные конструкции, уточнения в скобках, междометия, оксюморон, фразеологизмы. Количество индивидуальных способов выражения смыслов в рамках обсуждаемых тем превышает число общеупотребительных.

Очевидно, что тематическое наполнение виртуальных бесед, особенности средств выражения смысловых областей – показатель не только уровня развития языковой способности, речевой компетенции пишущих, но и набора знаков, типичных для данного способа коммуникации. Совпадающие смысловые области не зависят от территориального и гендерного параметров. Влияние последнего ощутимо в выборе знаковых средств, включая различия в выборе лексических, синтаксических, невербальных знаков (эмотикон, выбираемый мужчинами и женщинами, имеет области пересечения, но не совпадает).

Региональная ЯЛ пожилого человека описана нами достаточно полно в сельском» и «городском» вариантах [Пожилой человек..., 2020, Бутакова, 2021; Бутакова и др., 2021]. Было установлено, что данная модель имеет лишь частично инвариантный характер (язык и коммуникации людей пожилого возраста выявили факторы, определяющие вариативность лексикона, речевого поведения, аксиологии речи); в персональных дискурсах и экспериментах понятие «пожилой человек» размыто, измеряется в приблизительных формулировках «человек за столько-то / после столько-то (лет)», описывается тавтологическими выражениями «такого-то возраста», «человек в возрасте» и пр. Сфера субъекта антропоцентрична – реакции вариативно (с признаками возраста, статуса, здоровья, сил, опыта) передают смысл «человек». Заметны определенные следы сопротивления возрастной дискриминации. Эксперименты показали сформированность ментального лексикона лексикой общелитературного типа (реакции отражают именно этот слой). Анализ дискурсивных составляющих выявил в качестве типичных средств общелитературную и разговорно-просторечную лексику, частотные темы «здоровье, экономия / нехватка денежных средств, общие знакомые, покупки, животные, возраст / сопоставление по возрасту». У городских и сельских пожилых людей наблюдается полифония тем в коммуникации [Бутакова и др., 2021].

Записи монологической и диалогической речи людей старшего поколения, их передача в виде текстовых файлов в сочетании с психолингвистическими экспе-

риментами и опросами – наиболее приемлемый материал, показывающий речевую деятельность говорящих, актуальные смысловые области, лексикон, прагматикон и тезаурус.

Выводы

При значительной базе накопленного лингвистами Омска материала, полученного разными методами, включая экспериментальные, проанализированного с помощью лингвистических методик, остается не выполненной итоговая модель жителя региона, отражающая его речевую деятельность в ситуациях речевого общения.

Стратегия создания такой модели может быть следующей.

Общие задачи:

- 1) выделение на основе теории речевой деятельности типов речевых действий, применяемых в разных коммуникативных ситуациях в зависимости от цели и мотива говорящего / пишущего;
- 2) использование комплекса методов и методик лингвистики, социолингвистики, психолингвистики для получения объемной картины;
- 3) применение принципа «многомодельности» в двух направлениях: построение модели одного и того же типа на основе несходного материала и построение неодинаковых моделей типа на основе одного материала.

Частные задачи:

- 1) осуществление трендовой линии экспериментальных исследований для последующего моделирования компонентов речевой деятельности представителей региона;
- 2) привлечение для дискурсивного моделирования современного регионального материала – виртуальной переписки людей разного возраста и социального статуса;
- 3) диагностика речевой деятельности представителей разных этнических групп региона.

Список литературы

Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. 25 с.

Бутакова Л. О. Региональная языковая личность: проблемы построения современных лингвистических моделей разного уровня // Филологический вестник Сургут. гос. пед. ун-та. 2021. № 4 (8). С. 9–22.

Бутакова Л. О. Город как психолингвистический феномен: региональный аспект // Этнопсихолингвистика. 2023. № 3 (14). С. 7–31. DOI 10.31249/epl/2023.03.01

Бутакова Л. О., Гуц Е. Н., Козловская Е. А. Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный анализ ценностных фрагментов языкового сознания и институциональных коммуникаций. Омск: Наука, 2018. 446 с.

Бутакова Л. О., Гуц Е. Н., Орлова Н. В., Харламова М. А. Самоидентификация людей в возрасте поздней зрелости: комплексное лингвистическое исследование // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. С. 337–349. DOI 10.17223/18137083/74/25

Бутакова Л. О., Орлова Н. В. Трендовое исследование письменной речи школьников // Язык и культура: ценности и смыслы: Коллект. моногр. Тюмень: Экспресс, 2023. С. 220–240.

Власкова М. В. Языковая личность бывшего сельского жителя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Арзамас, 2012. 22 с.

ГСП – Говоры Среднего Прииртышья: Хрестоматия / Авт.-сост. М. А. Харламова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2011. 104 с.

Гуц Е. Н. Ненормативная лексика в речи современного городского подростка (в свете концепции языковой личности): Дис. ... канд. филол. наук / Алт. гос. ун-т, Алт. гос. пед. ун-т. Барнаул, 1995. 306 с.

Гуц Е. Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. Омск: Вариант-Омск, 2005. 260 с.

Жигунова М. А. Межэтнические отношения в современном Омске // Национальные приоритеты России. 2016. № 2 (20). С. 43–51.

Зинковская Л. С. Лингвистическая и лингвокультурологическая специфика текстов, отобранных в региональный корпус Среднего Прииртышья // Гуманитарные исследования. 2019. № 4 (25). С. 69–72. DOI 10.36809/2309-9380-2019-25-69-72

Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. 312 с.

Казакова О. А. Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 241 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 290 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 2-е изд., стереотип. М.: УРСС, 2002. 264 с.

Колесникова Л. Н. Языковая личность в аспекте диалога культур. Орел: ОГУ, 2001. 287 с.

Лемякина Н. А. Развитие языковой личности и ее коммуникативного сознания (на материале речевого поведения младшего школьника): Дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2004. 469 с.

Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение / Под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. 435 с.

Лютикова В. Д. Языковая личность и идиолект. Тюмень: ТюмГУ, 1999. 187 с.

Никитина Л. Б. «Народные мемуары»: продолжение следует // Вестник ОмГПУ. Гуманитарные исследования. 2013. № 1. С. 128.

Николенко О. Ю. Диалог поколений: трансляция языка и культуры в мемуарной коммуникативной практике // Вестник Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2022. № 3 (36). С. 114–118.

Николенко О. Ю., Федяева Н. Д., Варова Н. Л. Историческая память и бытие текста: дискурсивные практики актуализации военных писем // Вестник Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2020. № 4 (29). С. 74–79. DOI 10.36809/2309-9380-2020-29-74-78.

Оленев С. В. Моделирование динамики русской языковой личности. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 264 с.

Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах: комплексное лингвистическое исследование: Моногр. / Л. О. Бутакова, Е. Н. Гуц, Н. В. Орлова,

М. А. Харламова, Н. О. Худякова, Е. С. Шифрова, В. Г. Щербинина; под ред. Л. О. Бутаковой, Н. В. Орловой. Омск: Амфора, 2020. 372 с.

Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск: Изд-во ТГУ, 2000. 194 с.

Седов К. Ф. Дискурс и личность. Эволюция коммуникативной компетенции М.: Лабиринт, 2004. 320 с.

Словарь современного русского города / Сост. Н. А. Гайдамак, Н. А. Имедадзе, Б. И. Осипов, М. А. Харламова, А. А. Юнаковская, О. В. Якимук; под ред. Б. И. Осипова. М.: Русские словари: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2003. 565 с.

Тарасенко Т. П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 26 с.

Харламова М. А. Константы народной речемысли и их лексикографическая интерпретация: Моногр. Омск: Изд-во ОмГУ, 2014. 290 с.

Харламова М. А. Чехи на территории Среднего Прииртышья: результаты межъязыковой интерференции // Вопросы русистики / Под ред. Ежи Калишана. Poznan: Spolka Jawna, 2007. С. 77–86.

Харламова М. А. Электронный словарь констант Среднего Прииртышья как источник и эмпирическая база исследований традиционной культуры // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 332–338.

Харламова М. А., Лавров Д. Н. История полиэтнического региона в «зеркале» народной речи: о проекте регионального диалектного корпуса // Современные проблемы русистики. МКР-Барселона 2018: Сб. ст. Барселона: Trialba Ediciones, 2018. С. 1572–1581.

Шестак Л. А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса: Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2003. 514 с.

Штехман Е. А. Особенности языкового сознания диалектоносителей в аспекте лингвистического моделирования основных составляющих (на материале русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья): Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2007. 250 с.

Юнаковская А. А. Разговорная речь носителей массовой городской культуры (на материале г. Омска). М.: ЯСК, 2007. 168 с.

Юнаковская А. А. «Язык города»: основные компоненты и их функционирование (на материале г. Омска) // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология, 2010. № 3 (23). С. 116–121.

Юнаковская А. А. «Язык города» как лингвистическая проблема // Вестник Ом. гос. ун-та. 2011. № 3. С. 193–197.

References

Bogin G. I. *Model' yazykovoy lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam tekstov* [Model of linguistic personality in its relation to types of texts]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Leningrad, 1984, 25 p.

Butakova L. O., Guts E. N., Orlova N. V., Kharlamova M. A. Samoidentifikatsiya lyudey v vozraste pozdney vzroslosti: kompleksnoe lingvisticheskoe issledovanie [Self-identification of people at the age of late adulthood: a comprehensive linguistic study]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2021, no. 1, pp. 337–349. DOI 10.17223/18137083/74/25

Butakova L. O. Gorod kak psikholingvisticheskiy fenomen: regional'nyy aspekt [City as a psycholinguistic phenomenon: regional aspect]. *Ethnopsycholinguistics*. 2023, no. 3 (14), pp. 7–31. DOI 10.31249/epl/2023.03.01

Butakova L. O., Guts E. N., Kozlovskaya E. A. *Detstvo v diskursivnom prostranstve regiona: kompleksnyy analiz tsennostnykh fragmentov yazykovogo soznaniya i institutional'nykh kommunikatsiy* [Childhood in the discursive space of the region: a comprehensive analysis of value fragments of linguistic consciousness and institutional communications]. Omsk, Nauka, 2018, 446 p.

Butakova L. O., Orlova N. V. Trendovoe issledovanie pis'mennoy rechi shkol'nikov [Trend study of schoolchildren's written speech]. In: *Yazyk i kul'tura: tsennosti i smysly: Kollekt. monogr.* [Language and culture: values and meanings: coll. monograph]. Tyumen. Ekspress, 2023, pp. 220–240.

Butakova L. O. Regional'naya yazykovaya lichnost': problemy postroeniya sovremennykh lingvisticheskikh modeley raznogo urovnya [Regional linguistic personality: problems of constructing modern linguistic models at different levels]. *Philology Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2021, no. 4 (8), pp. 9–22.

Govory Srednego Priirtysh'ya: Khrestomatiya [Dialects of the Middle Irtysh region: A text book]. M. A. Kharlamova (Comp.). Omsk, OmSU, 2011, 104 p.

Guts E. N. *Nenormativnaya leksika v rechi sovremennogo gorodskogo podrostka (v svete kontseptsii yazykovoy lichnosti)* [Profanity in the speech of a modern urban teenager (in the light of the concept of linguistic personality)]. Cand. philol. sci. diss. Altai State University, Altai State Pedagogical University, Barnaul, 1995, 306 p.

Guts E. N. *Psikholingvisticheskoe issledovanie yazykovogo soznaniya podrostka* [Psycholinguistic study of the linguistic consciousness of a teenager]. Omsk, Variant-Omsk, 2005, 260 p.

Ivantsova E. V. *Fenomen dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The phenomenon of dialectal linguistic personality]. Tomsk, TSU, 2002, 312 p.

Kazakova O. A. *Yazykovaya lichnost' dialektonositelya v zhanrovom aspekte* [Linguistic personality of a dialect speaker in the genre aspect]: Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2004, 241 p.

Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnosis, 2004, 290 p.

Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. 2nd ed., stereot. Moscow, URSS, 2002, 264 p.

Kharlamova M. A. Chekhi na territorii Srednego Priirtysh'ya: rezul'taty mezh'yazykovoy interferentsii [Czechs in the Middle Irtysh region: results of interlingual interference]. In: *Voprosy rusistiki* [Issues in Russian Studies]. Jerzy Kaliszana (Ed.). Poznan, 2007, Spolka Jawna, pp. 77–86.

Kharlamova M. A. Elektronnyy slovar' konstant Srednego Priirtysh'ya kak istochnik i empiricheskaya baza issledovaniy traditsionnoy kul'tury [Electronic dictionary of constants of the Middle Irtysh region as a source and empirical basis for research on traditional culture]. In: *Rossiyskaya akademicheskaya leksikografiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy Razvitiya* [Russian academic lexicography: current state and development prospects]. St. Petersburg, ILS RAS, 2018, pp. 332–338.

Kharlamova M. A. *Konstanty narodnoy rechemysli i ikh leksikograficheskaya interpretatsiya: Monogr.* [Constants of folk speech and their lexicographic interpretation: Monograph.] Omsk, OmSU, 2014, 290 p.

Kharlamova M. A., Lavrov D. N. Istoriya polietnicheskogo regiona v “zerkale” narodnoy rechi: o proekte regional'nogo dialektного korpusa [History of a multiethnic

region in the “mirror” of folk speech: about the project of a regional dialect corpus]. In: *Sovremennye problemy rusistiki. MKR-Barcelona 2018: Sb. st.* [Modern problems of Russian studies. MKR- Barcelona 2018: Coll. of art.]. Barcelona, Trialba Ediciones, 2018, pp. 1572–1581.

Kolesnikova L. N. *Yazykovaya lichnost' v aspekte dialoga kul'tur* [Linguistic personality in the aspect of dialogue of cultures]. Orel, OSU, 2001, 287 p.

Lemyaskina N. A. *Razvitie yazykovoy lichnosti i ee kommunikativnogo soznaniya (na materiale rechevogo povedeniya mladshhego shkol'nika)* [Development of a linguistic personality and its communicative consciousness (based on the speech behavior of a primary school student)]. Dr. philol. sci. diss. Voronezh, 2004, 469 p.

Lingvopersonologiya: tipy yazykovykh lichnostey i lichnostno-oriyentirovannoye obucheniye [Lingvopersonology: types of linguistic personalities and personality-oriented learning]. N. D. Golev, N. V. Saikova, E. P. Khomich (Eds.). Barnaul, Kemerovo, BSPU, 2006, 435 p.

Lyutikova V. D. *Yazykovaya lichnost' i idiolekt* [Linguistic personality and idiolect]. Tyumen, TyumSU, 1999, 187 p.

Nikitina L. B. “Narodnye memuary”: prodolzhenie sleduet [“Folk memoirs”: to be continued]. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research.* 2013, no. 1, pp. 128.

Nikolenko O. Yu. Dialog pokoleniy: translyatsiya yazyka i kul'tury v memuarney kommunikativnoy praktike [Dialogue of generations: translation of language and culture in memoir communicative practice]. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research.* 2022, no. 3 (36), pp. 114–118.

Nikolenko O. Yu., Fedyaeva N. D., Varova N. L. Istoricheskaya pamyat' i bytie teksta: diskursivnye praktiki aktualizatsii voennykh pisem [Historical memory and the existence of the text: discursive practices of updating military letters]. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research.* 2020, no. 4 (29), pp. 74–79. DOI 10.36809/2309-9380-2020-29-74-78

Olenev S. V. *Modelirovanie dinamiki russkoy yazykovoy lichnosti* [Modeling the dynamics of the Russian linguistic personality]. Tomsk, TSU, 2008, 264 p.

Pozhiloy chelovek v sovremennykh russkoyazychnykh diskursakh: kompleksnoe lingvisticheskoe issledovanie: Monogr. [An elderly person in modern Russian-language discourses: a comprehensive linguistic study: monograph.]. L. O. Butakova, E. N. Guts, N. V. Orlova, M. A. Kharlamova, N. O. Khudyakova, E. S. Shifrova, V. G. Shcherbinin (Comps.), L. O. Butakova and N. V. Orlova (Eds.). Omsk, Amfora, 2020, 372 p.

Rostova A. N. *Metatekst kak forma eksplikatsii metayazykovogo soznaniya (na materiale russkikh govorov Sibiri)* [Metatext as a form of explication of metalinguistic consciousness (based on the material of Russian dialects of Siberia)]. Tomsk, TSU, 2000, 194 p.

Sedov K. F. *Diskurs i lichnost'. Evolyutsiya kommunikativnoy kompetentsii* [Discourse and personality. Evolution of communicative competence]. Moscow, Labirint, 2004, 320 p.

Slovar' sovremennogo russkogo goroda [Dictionary of constants of folk speech of the Middle Irtysh region]. N. A. Gaydamak, N. A. Imedadze, B. I. Osipov, M. A. Kharlamova, A. A. Yunakovskaya, O. V. Yakimuk (Comps.), B. I. Osipov (Ed). Moscow, Russkie slovari, Astrel', AST, Tranzitkniga, 2003, 565 p.

Tarasenko T. P. *Yazykovaya lichnost' starsheklassnika v aspekte ee rechevykh realizatsiy (na materiale dannykh assotsiativnogo eksperimenta i sotsiolekta shkol'nikov Krasnodara)* [Linguistic personality of a high school student in the aspect of its speech

realizations (based on data from an associative experiment and the sociolect of Krasnodar schoolchildren)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Krasnodar, 2007, 26 p.

Shestak L. A. *Russkaya yazykovaya lichnost': kody obraznoy verbalizatsii tezaurusa* [Russian linguistic personality: codes of figurative verbalization of thesaurus]. Dr. philol. sci. diss. Volgograd, 2003, 514 p.

Shtekhman E. A. *Osobennosti yazykovogo soznaniya dialektonositeley v aspekte lingvisticheskogo modelirovaniya osnovnykh sostavlyayushchikh (na materiale russkikh starozhil'cheskikh govorov Srednego Priirtysh'ya)* [Features of the linguistic consciousness of dialect speakers in the aspect of linguistic modeling of the main components (based on the material of Russian old-time dialects of the Middle Irtysh region)]. Cand. philol. sci. diss. Omsk, 2007, 250 p.

Vlaskova M. V. *Yazykovaya lichnost' byvshego sel'skogo zhitelya* [Linguistic personality of a former villager]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Arzamas, 2012, 22 p.

Yunakovskaya A. A. *Razgovornaya rech' nositeley massovoy gorodskoy kul'tury (na materiale g. Omska)* [Colloquial speech of carriers of mass urban culture (based on the material of Omsk)]. Moscow, LRC Publishing House, 2007, 168 p.

Yunakovskaya A. A. "Yazyk goroda" kak lingvisticheskaya problema ["The language of the city" as a linguistic problem]. *Herald of Omsk University*. 2011, no. 3, pp. 193–197.

Yunakovskaya A. A. "Yazyk goroda": osnovnye komponenty i ikh funktsionirovanie (na materiale g. Omska) ["The language of the city": main components and their functioning (based on the material of Omsk)]. *Humanitarian Vector. Series: Pedagogy and psychology*. 2010, no. 3 (23), pp. 116–121.

Zhigunova M. A. Mezhetnicheskie otnosheniya v sovremennom Omske [Interethnic relations in modern Omsk]. *Natsional'nye priority Rossii*. 2016, no. 2 (20), pp. 43–51.

Zinkovskaya L. S. Lingvisticheskaya i lingvokul'turologicheskaya spetsifika tekstov, otobrannykh v regional'nyy korpus Srednego Priirtysh'ya [Linguistic and linguo-cultural specificity of texts selected for the regional corpus of the Middle Irtysh region]. *Humanitarian Researches*. 2019, no. 4 (25), pp. 69–72. DOI 10.36809/2309-9380-2019-25-69-72

Информация об авторе

Лариса Олеговна Бутакова, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Information about the author

Larisa O. Butakova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Document Communications, Omsk Dostoevsky State University (Omsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 01.11.2023;
одобрена после рецензирования 14.11.2023; принята к публикации 14.11.2023
The article was submitted on 01.11.2023;
approved after reviewing on 14.11.2023; accepted for publication on 14.11.2023*

Научная жизнь

Краткое сообщение

УДК 82:801.6; 82-1/-9; 82-93
DOI 10.17223/18137083/91/20

III Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Детская и подростковая литература: подходы к анализу, практики чтения, региональный контекст изучения», приуроченная к 225-летию со дня рождения А. С. Пушкина

**Елена Александровна Полева¹
Марина Леонидовна Левченко²
Екатерина Анатольевна Сафонова³**

¹⁻³ Томский государственный педагогический университет
Томск, Россия

¹ polewaea@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4224-8456>

² marinalevchenko@tspu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4177-987X>

³ Safonova_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6601-4259>

Аннотация

Подводятся итоги работы III Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Детская и подростковая литература: подходы к анализу, практики чтения, региональный контекст изучения», приуроченной к 225-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Анонсируются доклады, представленные на пленарном и секционных заседаниях конференции. Отмечается широкая палитра научных интересов исследователей в области детско-юношеской литературы, методики ее преподавания, практик приобщения детей к чтению.

Ключевые слова

научная конференция, детская литература, подростковая литература, детство, поэтика детской литературы, методика преподавания литературы

Для цитирования

Полева Е. А., Левченко М. Л., Сафонова Е. А. III Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Детская и подростковая литература: подходы к анализу, практики чтения, региональный контекст изучения», приуроченная к 225-летию со дня рождения А. С. Пушкина // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 260–264. DOI 10.17223/18137083/91/20

© Полева Е. А., Левченко М. Л., Сафонова Е. А., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 260–264

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 260–264

**III All-Russian scientific and practical conference
with international participation
“Children’s and Adolescent Literature: Approaches to Analysis,
Reading Practices, Regional Context of Study,”
dedicated to the 225th anniversary of the birth of Alexander Pushkin**

Elena A. Poleva ¹, Marina L. Levchenko ², Ekaterina A. Safonova ³

¹⁻³ Tomsk State Pedagogical University
Tomsk, Russian Federation

¹ polewaea@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4224-8456>

² marinalevchenko@tspu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4177-987X>

³ Safonova_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6601-4259>

Abstract

The paper summarizes the results of the III All-Russian scientific and practical conference with international participation “Children’s and Adolescent Literature: Approaches to Analysis, Reading Practices, Regional Context of Study,” dedicated to the 225th anniversary of the birth of Alexander Pushkin. Consideration is given to the reports presented at the plenary and breakout sessions of the conference. Attention is given to the extensive scope of scholarly inquiry into the children’s and youth literature, including pedagogical approaches, and practices for fostering reading habits in children.

Keywords

scientific conference, children’s literature, adolescent literature, childhood, poetics of children’s literature, methods of teaching literature

For citation

Poleva E. A., Levchenko M. L., Safonova E. A. III All-Russian scientific and practical conference with international participation “Children’s and Adolescent Literature: Approaches to Analysis, Reading Practices, Regional Context of Study,” dedicated to the 225th anniversary of the birth of Alexander Pushkin. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 260–264. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/20

Кафедра русской литературы Томского государственного педагогического университета систематически ведет исследования детско-юношеской литературы с 2009 г. За это время было реализовано несколько грантовых проектов, проведено пять всероссийских научных конференций, посвященных этой тематике, создан и функционирует Сибирский научно-образовательный центр изучения детско-юношеской литературы и развития культуры чтения. Научное событие, состоявшееся в Томском государственном педагогическом университете 11–12 октября 2024 г., подтвердило, что Томск является одним из значимых центров исследования литературы для детей и юношества, работающих в сотрудничестве с крупнейшими исследователями в этой области из разных регионов России и зарубежья (география участников насчитывает 18 городов).

На пленарном заседании конференции были представлены доклады ведущих российских и белорусских ученых в области детской и подростковой литературы. **Е. А. Колосова** (Москва) познакомила участников и слушателей с выводами масштабного социологического исследования ВЦИОМ о роли родителей в детском и подростковом досуговом чтении.

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 2

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2

Доклад **И. Н. Арзамасцевой** (Москва) был посвящен обзорному анализу произведений дипломантов Литературного конкурса имени С. Михалкова в региональном аспекте. Тенденцию актуализации изучения региональной детской литературы фиксирует и доклад **О. Ю. Орловой** (Екатеринбург), сделанный на материале книг «Возвращение Пеликена» А. Керимовой и «Призрак в городке на Осетре» Ю. Брыковой. **Н. В. Барковская** (Екатеринбург) проанализировала своеобразие образа Чукотки в детской литературе.

Е. А. Асонова (Москва) представила итоги и результаты грантового исследования «Репрезентация творчества и самостоятельности в произведениях детской и подростковой литературы», продемонстрировала специфику восприятия феномена самостоятельности героев детской литературы современными читателями, отметив актуальность исследования читательской рецепции в обучении литературе и приобщении к чтению.

Т. Г. Галактионова (Санкт-Петербург) затронула методический аспект приобщения к чтению и на материалах Всероссийского образовательного проекта «Мастерские роста» показала, как создаются условия для раскрытия личностного потенциала школьников.

И. А. Сергиенко (Санкт-Петербург) выявила процесс обретения биографии героем-ребенком в русской детской литературе 1800-х – 1810-х гг., на многочисленных примерах продемонстрировав эволюцию специфики создания образа героя детской книги. Феномену интермедийности посвятила свой доклад **А. И. Жишкевич** (Минск), обратив внимание слушателей на функциональную значимость подобных включений в текст произведений для детей и подростков. **И. А. Коган** (Самара) предложила оригинальную интерпретацию подростковой поэзии. **Е. А. Полева** (Томск) рассказала о начатом совместно с Т. В. Галкиной изучении рукописи фрагментов пьесы А. М. Волкова «Полёт в Сказочную страну», хранящейся в мемориальной коллекции ТГПУ. В центре ее внимания был необычный образ Гудвина – «негра» «дядюшки Джо», сбежавшего от «эксплуататоров».

Таким образом, докладчики на пленарном заседании осветили вопросы изучения детской литературы и чтения с разных исследовательских позиций (социологической, литературоведческой, методической, рецептивной, текстологической).

Работу секции «Творчество А. С. Пушкина в контексте отечественной литературы XX–XXI веков» открыл доклад **В. Е. Головчинер** (Томск) о двух вариантах одного наводнения: в «Медном всаднике» А. С. Пушкина и «Рассказе старой балалайки» Е. Шварца. **Е. А. Сафонова** (Томск) рассказала о литературном проекте «Живые поэты», сопоставив творчество А. С. Пушкина и молодых поэтов XXI в. **Ю. Р. Гарбузинская** (Самара) посвятила доклад анализу рецепции сюжета и образов «Евгения Онегина» в книгах для современных подростков (К. Бове «Ужель та самая Татьяна?» и др.).

Работа секции «Поэтика детско-юношеской литературы» была посвящена рассмотрению художественных особенностей литературы для детей XX и XXI вв. **А. Н. Шакирова** (Елабуга) обратилась к анализу прозы Л. Чарской с точки зрения типологии жестово-мимических портретов. Доклады **Д. Р. Ахмедшиной** и **И. В. Никиенко** (Томск) посвящены анализу поэтики фантастического и способам интерпретации посредством рисунков (иллюстраций) прозы томского писателя-фантаста В. Колупаева. **И. Д. Пологова** (Самара) предложила нетривиальное прочтение повести Ю. Коваля «Недопесок Наполеон Третий» через прием

«остранения». **Ю. О. Чернявская** (Томск) выявила элементы сюжета инициации в повестях А. Алексина 1960–1970-х гг.

А. Н. Губайдуллина (Томск) проанализировала мотив пустоты в «тихой книге» К. Собрал «Пустой», подчеркнув важность совместной «читательской» рефлексии ребенка и родителя такого рода произведений.

Изучению особенностей репрезентации конфликта в современной литературе для подростков были посвящены доклады **Е. С. Кабиловой** (Самара), **М. Л. Левченко** (Томск). Оба докладчика отметили приоритет внутреннего конфликта в анализируемых текстах.

Анализ поэтики «школьных повестей» представили в докладах **М. И. Ломакина** (Томск) и **Е. В. Анисимова** (Москва). Предметом изучения М. И. Ломакиной стала особая разновидность «школьной повести» «о попаданцах в советское прошлое».

На секции «Проблематика детско-юношеской литературы» **М. В. Иванкина** (Санкт-Петербург) рассказала о месте двух детских текстов В. Вулф в лекционном курсе о литературе XX в. **Л. Х. Насрутдинова**, **Н. Г. Махинина** (Казань) посвятили доклад семантике дачного топоса в книге Т. Крюковой «Костя + Ника» и другой подростковой литературе. Большой интерес слушателей вызвал доклад **А. Ф. Давлетшиной** (Елабуга) на актуальную, но очень трудную тему скулштинга в книге Л. Романовской «Сиблинги» и др.

Доклады **В. А. Коптевой** и **В. А. Москвиной** (Омск) были посвящены сибирской литературе – рассказу омской писательницы А. Яковлевой «Дядя Ваня» и сборнику региональных сказок для детей.

В рамках секции также были заявлены доклады о теме человека и природы на страницах «степных» рассказов А. П. Чехова (**О. С. Перепятая**, Луганск); трансформации образа ничьей бабушки в подростковой литературе (**Ж. К. Гапонова**, **Е. В. Никкарева**, Ярославль); творчестве юкагирского писателя Н. Курилова о детях (**О. И. Шашкевич**, Якутск); репрезентации феномена постпамяти о Великой Отечественной войне в рассказах Ю. Я. Яковлева (**В. О. Липовка**, Томск); образу дома в романе М. Петросян «Дом, в котором...» (**А. В. Деева**, Кемерово); типам персонажей – «жертв буллинга» в повести Е. Бодровой «Дом, в котором живет Гром» (**А. И. Ситдикова**, Альметевск).

На секции «Формирование читательской грамотности, методические вопросы изучения детской литературы и приобщения к чтению» был представлен ряд докладов педагогов-практиков из Томска о приемах приобщения к чтению детей дошкольного и младшего школьного возраста (**К. Н. Егорова**, **О. А. Жила**, **Е. В. Вередыба**, **М. В. Трифонова**, **Г. Г. Сергейчик**, **Е. Ю. Сокологорская**, **М. Е. Прудникова**). Отдельная тематическая линия докладов – о библиотечной работе по приобщению к чтению, в том числе детей с особыми возможностями здоровья (**А. А. Братилова**, **А. А. Коваленко**, **Э. З. Степаненко**). Дидактическим аспектам детского чтения были посвящены доклады **В. В. Массон** (Омск) и **Е. В. Самофаловой**, вопросам формирования читательских и авторских компетенций, функциональной и читательской грамотности – сообщения **Н. В. Продажник** (Омск), **О. Н. Юрченковой** (Томск), **Э. И. Ахметзяновой**, **Р. М. Мухамедеевой**, **С. А. Софроновой** (Елабуга). Слушатели особо отметили концептуальную проработанность и глубину доклада **А. В. Петрова** (Томск) об обучении пятиклассников работе с позицией рассказчика.

Таким образом, внимание большинства исследователей направлено на современную литературу для детей и подростков. На конференции прозвучали сообще-

ния и о произведениях XIX–XX вв. Сделанный обзор позволяет судить о широте тем и направлений внутри одного исследовательского поля. Важно, что в научном событии приняли участие специалисты из разных научных областей и сфер практики, что обеспечило многостороннее рассмотрение детско-юношеской литературы и развития читательской культуры.

Информация об авторах

Елена Александровна Полева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия)
SPIN 2384-2459

Марина Леонидовна Левченко, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия)

Екатерина Анатольевна Сафонова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия)
SPIN 2501-0739

Information about the authors

Elena A. Poleva, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Literature, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)
SPIN 2384-2459

Marina L. Levchenko, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Literature, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Ekaterina A. Safonova, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Literature, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)
SPIN 2501-0739

*Статья поступила в редакцию 21.11.2024;
одобрена после рецензирования 26.11.2024; принята к публикации 26.11.2024
The article was submitted on 21.11.2024;
approved after reviewing on 26.11.2024; accepted for publication on 26.11.2024*

Сибирский филологический журнал

Научный журнал

2025. № 2

Учредители

Сибирское отделение РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия

Иркутский государственный университет
ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия

Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия

Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Виллойская, 28, Новосибирск, 630126, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Томский государственный педагогический университет
ул. Киевская, 60, Томск, 634061, Россия

Томский государственный университет
пр. Ленина, 66, Томск, 634050, Россия

Главный редактор
член-корреспондент РАН И. В. Силантьев

Адрес редакции, издателя
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-77938 от 04.03.2020

Ответственный за номер В. А. Горбунова
Редактор И. А. Похорукова
Корректор текста на английском языке Е. В. Давыдова

Сдано в набор 14.05.2025. Подписано в печать 03.06.2025
Дата выхода в свет 20.06.2025. Бумага офсетная № 1. Формат 70×108/16
Гарнитура Times New Roman. Печать цифровая
Подписная цена 1000 руб.
Уч.-изд. л. 33. Тираж 45 экз.
Заказ № 126

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре НГУ
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

ISSN 1813-7083

9 771813 708308 4

00002

